

Р. Киплинг

МАУГЛИ

Ф. Зальтен

БЕМБИ

Р. Киплинг
МАУГЛИ

РИККИ-ТИККИ-ТАВИ
БЕЛЫЙ КОТИК
КОШКА, ГУЛЯВШАЯ
САМА ПО СЕБЕ

Ф. Зальтен
БЕМБИ

Сказки

Архангельск
Северо-Западное книжное издательство
1992

Оформление и рисунки **Р. Климova**

Тексты печатаются по изданиям:

Р. Киплинг. Маугли. Баку: «Гянджлик», 1980; Редьярд Киплинг. Рикки-Тикки-Тави. Красноярское кн. изд-во, 1990; Редьярд Киплинг. Рассказы. Стихотворения/Перевод с английского.— Л.: Художественная литература, 1989; Р. Киплинг. Кошка, гулявшая сама по себе. М.: Малыш, 1983; Ф. Зальтен. Бемби. М.: Детская литература, 1984.

Киплинг Р.

К42 Маугли; Рикки-Тикки-Тави; Белый котик; Кошка, гулявшая сама по себе: [Сказки]/Р. Киплинг. Бемби: [Лесная сказка]/Ф. Зальтен.— Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1992.— 255, [1] с.: ил.

В книгу вошли сказки, которые придумали замечательные писатели: английский — Редьярд Киплинг (1865—1936) и австрийский — Феликс Зальтен (1867—1945).

Олененок Бемби и мальчик Маугли, пантера Багира, медведь Балу и отважный мангуст Рикки полюбились многим юным читателям разных стран. И не случайно. Эти сказки помогают понять мудрое устройство природы, ее силу и могущество ее законов не умом, а сердцем.

К $\frac{4804010100}{M157(03)-92}$ 11—92

84.4 Вл+84.4А

ISBN 5-85560-275-3

© Составление, художественное оформление. Северо-Западное книжное издательство, 1992

P. Runnin

МАУГЛИ

БРАТЬЯ МАУГЛИ

Было семь часов знойного вечера в Сионийских горах, когда Отец Волк проснулся после дневного отдыха, почесался, зевнул и расправил онемевшие лапы одну за другой, прогоняя сон. Мать Волчица дремала, положив свою крупную серую морду на четверых волчат, а те ворочались и повизгивали, и луна светила в устье пещеры, где жила вся семья.

— Уф! — сказал Отец Волк. — Пора опять на охоту.

Он уже собирался спуститься скачками с горы, как вдруг низенькая тень с косматым хвостом легла на порог и прохныкала:

— Желаю тебе удачи, о Глава Волков! Удачи и крепких белых зубов твоим благородным детям. Пусьг они никогда не забывают, что на свете есть голодные!

Это был шакал, Лизоблюд Табаки,— а волки Индии презируют Табаки за то, что он рыщет повсюду, сеет раздоры, разносит сплетни и не брезгует тряпками и обрывками кожи, роясь в деревенских мусорных кучах. И все-таки они боятся Табаки, потому что он чаще других зверей в джунглях болеет бешенством и тогда мечется по лесу и кусает всех, кто только попадется ему навстречу. Даже тигр бежит и прячется, когда бесится Маленький Табаки, ибо ничего хуже бешенства не может приключиться с диким зверем. У нас оно зовется водобоязнью, а звери называют его «дивани» — бешенство — и спасаются от него бегством.

— Что ж, войди и посмотри сам,— сухо сказал Отец Волк.— Только еды здесь нет.

— Для волка нет,— сказал Табаки,— но для такого ничтожества, как я, и голая кость — целый пир. Нам, шакалам, не к лицу привередничать.

Он прокрался в глубину пещеры, нашел оленью кость с остатками мяса и, очень довольный, уселся, с треском разгрызая эту кость.

— Благодарю за угощение,— сказал он, облизываясь.— Как красивы благородные дети! Какие у них большие глаза! А ведь они еще так малы! Правда, правда, мне бы следовало помнить, что царские дети с самых первых дней уже взрослые.

А ведь Табаки знал не хуже всякого другого, что нет ничего опаснее, как хвалить детей в глаза, и с удовольствием наблюдал, как смутились Мать и Отец Волки.

Табаки сидел молча, радуясь тому, что накликнул на других беду, потом сказал злобно:

— Шер-Хан, Большой Тигр, переменял место охоты. Он будет весь этот месяц охотиться здесь, в горах. Так он сам сказал.

Шер-Хан был тигр, который жил в двадцати милях от пещеры, у реки Вайнганги.

— Не имеет права!..— сердито начал Отец Волк.— По Закону Джунглей он не может менять место охоты, никого не предупредив. Он распугает всю дичь на десять миль кругом, а мне... мне теперь надо охотиться за двоих.

— Мать недаром прозвала его Лангри (Хромой),— спокойно сказала Мать Волчица.— Он с самого рождения хромает на одну ногу. Вот почему он охотится только за домашней скотиной. Жители селений по берегам Вайнганги злы на него, а теперь он явился сюда, и у нас начнется то же: люди будут рыскать за ним по лесу, поймать его не сумеют, а нам и нашим детям придется бегать куда глаза глядят, когда подожгут траву. Право, нам есть за что благодарить Шер-Хана!

— Не передать ли ему вашу благодарность? — спросил Табаки.

— Вон отсюда! — огрызнулся Отец Волк.— Вон! Ступай охотиться со своим господином! Довольно ты намутил сегодня.

— Я уйду,— спокойно ответил Табаки.— Вы и сами скоро услышите голос Шер-Хана внизу, в зарослях. Напрасно я трудился передавая вам эту новость.

Отец Волк насторожил уши: внизу в долине, сбегавшей к маленькой речке, послышался сухой, злобный, отрывистый, заунывный рев тигра, который ничего не поймал и нисколько не стыдился того, что всем джунглям это известно.

— Дурак! — сказал Отец Волк. — Начинать таким шумом ночную работу! Неужели он думает, что наши олени похожи на жирных буйволов с Вайнганги?

— Ш-ш! Он охотится нынче не за буйволом и не за оленем, — сказала Мать Волчица. — Он охотится за человеком.

Рев перешел в глухое ворчание, которое раздавалось как будто со всех сторон разом. Это был тот рев, который пугает лесорубов и цыган, ночующих под открытым небом, а иногда заставляет их бежать прямо в лапы тигра.

— За человеком! — сказал Отец Волк, оскалив белые зубы. — Разве мало жуков и лягушек в прудах, что ему понадобилось есть человечину, да еще на нашей земле?

Закон Джунглей, веления которого всегда на чем-нибудь основаны, позволяет зверям охотиться на человека только тогда, когда они учат своих детенышей убивать. Но и тогда зверю нельзя убивать человека в тех местах, где охотится его стая или племя. Вслед за убийством человека появляются рано или поздно белые люди на слонах, с ружьями и сотни смуглых людей с гонгами, ракетами и факелами. И тогда приходится худо всем жителям джунглей. А звери говорят, что человек — самое слабое и незащищенное из всех живых существ и трогать его недостойно охотника. Они говорят также — и это правда, — что людоеды со временем паршивеют и у них выпадают зубы.

Ворчание стало слышнее и закончилось громовым «А-а-а!» тигра, готового к прыжку.

Потом раздался вой, непохожий на тигриный, — вой Шер-Хана.

— Он промахнулся, — сказала Мать Волчица. — Почему?

Отец Волк отбежал на несколько шагов от пещеры и услышал раздраженное рычание Шер-Хана, ворочавшегося в кустах.

— Этот дурак обжег себе лапы. Хватило же ума прыгать в костер дровосека! — фыркнув, сказал Отец Волк. — И Табаки с ним.

— Кто-то взбирается на гору, — сказала Мать Волчица, шевельнув одним ухом. — Приготовься.

Кусты в чаще слегка зашуршали, и Отец Волк присел на задние лапы, готовясь к прыжку. И тут, если бы вы наблюдали за ним, то увидели бы самое удивительное на свете — как волк остановился на середине прыжка. Он бросился вперед, еще не видя, на что бросается, а потом круто остановился. Вышло так, что он подпрыгнул кверху на четыре или пять футов и сел на том же месте, где оторвался от земли.

— Человек! — огрызнулся он. — Человечий детеныш! Смотри!

Прямо перед ним, держась за низко растущую ветку, стоял голенький смуглый ребенок, едва научившийся ходить, — мягкий, весь в ямочках, крохотный живой комочек. Такой крохотный ребен-

нок еще ни разу не заглядывал в волчье логово ночью порой. Он посмотрел в глаза Отцу Волку и засмеялся.

— Это и есть человеческий детеныш? — спросила Мать Волчица. — Я их никогда не видела. Принеси его сюда.

Волк, привыкший носить своих волчат, может, если нужно, взять в зубы яйцо, не раздавив его, и хотя зубы Отца Волка стиснули спинку ребенка, на коже не осталось даже царапины, после того как он положил его между волчатами.

— Какой маленький! Совсем голый, а какой смелый! — ласково сказала Мать Волчица. (Ребенок проталкивался среди волчат поближе к теплему боку.) — Ой! Он сосет вместе с другими! Так вот он какой, человеческий детеныш! Ну когда же волчица могла похвастаться, что среди ее волчат есть человеческий детеныш!

— Я слышал, что это бывало и раньше, но только не в нашей Стае и не в мое время, — сказал Отец Волк. — Он совсем безвольный, и я мог бы убить его одним шлепком. Погляди, он смотрит и не боится.

Лунный свет померк в устье пещеры: большая квадратная голова и плечи Шер-Хана загрозили вход. Табаки визжал позади него:

— Господин, господин, он вошел сюда!

— Шер-Хан делает нам большую честь, — сказал Отец Волк, но глаза его злобно сверкнули. — Что нужно Шер-Хану?

— Мою добычу! Человечий детеныш вошел сюда, — сказал Шер-Хан. — Его родители убежали. Отдайте его мне.

Шер-Хан прыгнул в костер дровосека, как и говорил Отец Волк, обжег себе лапы и теперь бесился. Однако Отец Волк отлично знал, что вход в пещеру слишком узок для тигра. Даже там, где Шер-Хан стоял сейчас, он не мог пошевелинуть ни плечом, ни лапой. Ему было бы тесно, как человеку, который вздумал бы драться в бочке.

— Волки — свободный народ, — сказал Отец Волк. — Они слушаются только Вожака Стаи, а не всякого полосатого людоеда. Человечий детеныш наш. Захотим, так уьем его и сами.

— «Захотим, захотим!»! Какое мне дело? Клянусь буйволом, которого я убил, долго мне еще стоять, уткнувшись носом в ваше собачье логово, и ждать того, что мне полагается по праву? Это говорю я, Шер-Хан!

Рев тигра наполнил пещеру громовыми раскатами. Мать Волчица, стряхнув с себя волчат, прыгнула вперед, и ее глаза, похожие во мраке на две зеленые луны, встретились с горящими глазами Шер-Хана.

— А отвечаю я, Ракша (Демон): человеческий детеныш мой, Лангри, и останется у меня! Его никто не убьет. Он будет жить и охотиться вместе со Стаей и бегать вместе со Стаей! Берегись, охотник за голыми детенышами, рыбоед, убийца лягушек, — придет время, он поохотится за тобой! А теперь убирайся вон или, клянусь оленем, которого я убила (я не ем падали), ты отправишься на тот свет хромым на все четыре лапы, паленое чудовище джунглей! Вон отсюда!

Отец Волк смотрел на нее в изумлении. Он успел забыть то время, когда отвошивал Мать Волчицу в открытом бою с пятью волками, то время, когда она бегала вместе со Стаей и недаром носила прозвище «Демон». Шер-Хан не побоялся бы Отца Волка, но с Матерью Волчицей он не решался схватиться: он знал, что перевес на ее стороне и что она будет драться не на жизнь, а на смерть. Ворча, он попятился назад и, почувствовав себя на свободе, заревел:

— На своем дворе всякая собака лает! Посмотрим, что скажет Стая насчет приемыша из людского племени! Детеныш мой, и рано или поздно я его съем, о вы, длиннохвостые воры!

Мать Волчица, тяжело дыша, бросилась на землю около своих волчат, и Отец Волк сказал ей сурово:

— На этот раз Шер-Хан говорит правду: детеныша надо показать Стае. Ты все-таки хочешь оставить его себе, Мать?

— Оставить себе? — тяжело водя боками, сказала Волчица. — Он пришел к нам совсем голый, ночью, один, и все же он не боялся! Смотри, он уже оттолкнул одного из моих волчат! Этот хромой мясник убил бы его и убежал на Вайнгангу, а люди в отместку разорили бы наше логово. Оставить его? Да, я его оставлю. Лежи смирно, лягушонок! О Маугли — ибо Лягушонком Маугли я назову тебя, — придет время, когда ты станешь охотиться за Шер-Ханом, как он охотился за тобой.

— Но что скажет наша Стая? — спросил Отец Волк.

Закон Джунглей говорит очень ясно, что каждый волк, обзаведясь семьей, может покинуть свою Стаю. Но как только его волчата подрастут и станут на ноги, он должен привести их на Совет Стаи, который собирается обычно раз в месяц, во время полнолуния, и показать всем другим волкам. После этого волчата могут бегать, где им вздумается, и пока они не убили своего первого оленя, нет оправдания тому из взрослых волков, который убьет волчонка. Наказание за это — смерть, если только поймают убийцу. Подумай с минуту, и ты сам поймешь, что так и должно быть.

Отец Волк подождал, пока его волчата подросли и начали понемногу бегать, и в одну из тех ночей, когда собиралась Стая, повел всех волчат, Маугли и Мать Волчицу на Скалу Совета. Это была вершина холма, усеянная большими валунами, за которыми могла укрыться целая сотня волков. Акела, большой серый волк-одиночка, избранный вожаком всей Стаи за силу и ловкость, лежал на скале, растянувшись во весь рост. Под скалой сидело сорок с лишним волков всех возрастов и мастей — от седых, как барсуки, ветеранов, расправлявшихся в одиночку с буйволом, до молодых черных трехлеток, которые воображали, что им это тоже под силу. Волк-одиночка уже около года был их вожаком. В юности он два раза попадал в волчий капкан, однажды люди его избили и бросили, решив, что он издох, так что нравы и обычаи людей были ему знакомы. На Скале Совета почти никто не разговаривал. Волчата кувыркались посередине площадки, кругом сидели их отцы и матери. Время от времени один из взрослых волков поднимался не-

торопливо, подходил к какому-нибудь волчонку, пристально смотрел на него и возвращался на свое место, бесшумно ступая. Иногда мать выталкивала своего волчонка в полосу лунного света, боясь, что его не заметят. Акела взывал со своей скалы:

— Закон вам известен, Закон вам известен! Смотрите же, о волки!

И заботливые матери подхватывали:

— Смотрите же, смотрите хорошенько, о волки!

Наконец — и Мать Волчица вся ошетибилась, когда подошла их очередь, — Отец Волк вытолкнул на середину круга Лягушонка Маугли. Усевшись на землю, Маугли засмеялся и стал играть камешками, блестящими в лунном свете.

Акела ни разу не поднял головы, лежавшей на передних лапах, только время от времени все так же повторял:

— Смотрите, о волки!

Глухой рев донесся из-за скалы — голос Шер-Хана:

— Детеныш мой! Отдайте его мне! Зачем Свободному Народу человечий детеныш?

Но Акела даже ухом не повел. Он сказал только:

— Смотрите, о волки! Зачем Свободному Народу слушать чужих? Смотрите хорошенько!

Волки глухо зарычали хором, и один из молодых четырехлеток в ответ Акеле повторил вопрос Шер-Хана:

— Зачем Свободному Народу человечий детеныш?

А Закон Джунглей говорит, что если поднимется спор о том можно ли принять детеныша в Стаю, в его пользу должны высказаться по крайней мере два волка из Стаи, но не отец и не мать.

— Кто за этого детеныша? — спросил Акела. — Кто из Свободного Народа хочет говорить?

Ответа не было, и Мать Волчица приготовилась к бою, который, как она знала, будет для нее последним, если дело дойдет до драки.

Тут поднялся на задние лапы и заворчал единственный зверь другой породы, которого допускают на Совет Стаи, — Балу, ленивый бурый медведь, который обучает волчат Закону Джунглей, старик Балу, который может бродить, где ему вздумается, потому что он ест одни только орехи, мед и коренья.

— Человечий детеныш? Ну что же, — сказал он, — я за детеныша. Он никому не принесет вреда. Я не мастер говорить, но говорю правду. Пусть он бегаёт со Стаей. Давайте примем детеныша вместе с другими. Я сам буду учить его.

— Нам нужен еще кто-нибудь, — сказал Акела. — Балу сказал свое слово, а ведь он учитель наших волчат. Кто еще будет говорить, кроме Балу?

Черная тень легла посреди круга. Это была Багира, черная пантера, черная вся сплошь, как чернила, но с отметинами, которые, как у всех пантер, видны на свету точно легкий узор на муаре¹.

¹ *Муар* — шелковая ткань с волнообразным отливом различных оттенков.

Все в джунглях знали Багиру, и никто не захотел бы становиться ей поперек дороги, ибо она была хитра, как Табаки, отважна, как дикий буйвол, и бесстрашна, как раненый слон. Зато голос у нее был сладок, как дикий мед, капающий с дерева, а шкура мягче пуха.

— О Акела, и ты, Свободный Народ,— промурлыкала она,— в вашем собрании у меня нет никаких прав, но Закон Джунглей говорит, что если начинается спор из-за нового детеныша, жизнь этого детеныша можно выкупить. И в Законе не говорится, кому можно, а кому нельзя платить этот выкуп. Правда ли это?

— Так! Так! — закричали молодые волки, которые всегда голодны.— Слушайте Багиру! За детеныша можно взять выкуп. Таков Закон.

— Я знаю, что не имею права говорить здесь, и прошу у вас позволения.

— Так говори же! — закричало двадцать голосов разом.

— Стыдно убивать безволосого детеныша. Кроме того, он станет отличной забавой для вас, когда подрастет. Балу замолвил за него слово. А я к слову Балу прибавлю буйвола, жирного, только что убитого буйвола, всего в полумиле отсюда, если вы примете человечьего детеныша в Стаю, как полагается по Закону. Разве это так трудно?

Тут поднялся шум, и десятки голосов закричали разом:

— Что за беда? Он умрет во время зимних дождей. Его сожжет солнце. Что может нам сделать голый лягушонок? Пусть бежит со Стаей. А где буйвол, Багира? Давайте примем детеныша!

Маугли по-прежнему играл камешками и не видел, как волки один за другим подходили и осматривали его. Наконец все они ушли с холма за убитым буйволом, и остались только Акела, Багира, Балу и семья Лягушонка Маугли. Шер-Хан все еще ревел в темноте — он очень рассердился, что Маугли не отдал ему.

— Да, да, реви громче! — сказала Багира себе в усы.— Придет время, когда этот голышонок заставит тебя реветь на другой лад, или я ничего не смыслю в людях.

— Хорошо мы сделали! — сказал Акела.— Люди и их детеныши очень умны. Когда-нибудь он станет нам помощником.

— Да, помощником в трудное время, ибо никто не может быть вожаком Стаи вечно,— сказала Багира.

Акела ничего не ответил. Он думал о той поре, которая настает для каждого вожака Стаи, когда сила уходит от него мало-помалу. Волки убивают его, когда он совсем ослабевает, а на его место становится новый вождь, чтобы со временем тоже быть убитым.

— Возьми детеныша,— сказал он Отцу Волку,— и воспитай его, как подобает воспитывать сыновей Свободного Народа.

Так Лягушонок Маугли был принят в Сионийскую Стаю — за буйвола и доброе слово Балу.

Теперь вам придется пропустить целых десять или одиннадцать лет и разве только догадываться о том, какую удивительную

жизнь вел Маугли среди волков, потому что если о ней написать подробно, вышло бы много-много книг. Он рос вместе с волчатами, хотя они, конечно, стали взрослыми волками гораздо раньше, чем он вышел из младенческих лет, и Отец Волк учил его своему ремеслу и объяснял все, что происходит в джунглях. И потому каждый шорох в траве, каждое дуновение теплого ночного ветерка, каждый крик совы над головой, каждое движение летучей мыши, на лету зацепившейся коготками за ветку дерева, каждый всплеск маленькой рыбки в пруду очень много значили для Маугли. Когда он ничему не учился, он дремал, сидя на солнце, ел и опять засыпал. Когда ему бывало жарко и хотелось освежиться, он плавал в лесных озерах; а когда ему хотелось меда (от Балу он узнал, что мед и орехи так же вкусны, как и сырое мясо), он лез за ним на дерево — Багира показала ему, как это делается. Багира растягивалась на суку и звала:

— Иди сюда, Маленький Брат!

Сначала Маугли цеплялся за сучья, как зверек-ленивец, а потом научился прыгать с ветки на ветку почти так же смело, как серая обезьяна. На Скале Совета, когда собиралась Стая, у него тоже было свое место. Там он заметил, что ни один волк не может выдержать его пристальный взгляд и опускает глаза перед ним, и тогда, забавы ради, он стал пристально смотреть на волков. Случалось, он вытаскивал своим друзьям занозы из лап — волки очень страдают от колючек и репьев, которые впиваются в их шкуру. По ночам он спускался с холмов на возделанные поля и с любопытством следил за людьми в хижинах, но не чувствовал к ним доверия. Багира показала ему квадратный ящик со спусковой дверцей, так искусно спрятанный в чаще, что Маугли сам едва не попал в него, и сказала, что это ловушка. Больше всего он любил уходить с Багирой в темную, жаркую глубину леса, засыпать там на весь день, а ночью глядеть, как охотится Багира. Она убивала направо и налево, когда бывала голодна. Так же поступал и Маугли. Но когда мальчик подрос и стал все понимать, Багира сказала ему, чтобы он не смел трогать домашнюю скотину, потому что за него заплатили выкуп Стае, убив буйвола.

— Все джунгли твои, — говорила Багира. — Ты можешь охотиться за любой дичью, какая тебе по силам, но ради того буйвола, который выкупил тебя, ты не должен трогать никакую скотину, ни молодую, ни старую. Таков Закон Джунглей.

И Маугли повиновался беспрекословно.

Он рос и рос — сильным, каким и должен расти мальчик, который мимоходом учится всему, что нужно знать, даже не думая, что учится, и заботится только о том, чтобы добыть себе еду.

Мать Волчица сказала ему однажды, что Шер-Хану нельзя доверять и что когда-нибудь ему придется убить Шер-Хана. Волчок ни на минуту не забыл бы про этот совет, а Маугли забыл, потому что был всего-навсего мальчик, хоть и называл бы себя волком, если б умел говорить на человеческом языке.

В Джунглях Шер-Хан постоянно становился ему поперек дороги, потому что Акела все дряхлел и слабел, а хромой тигр за это время успел свести дружбу с молодыми волками Сионийской Стаи. Они ходили за ним по пятам, дожидаясь объедков, чего Акела не допустил бы, если бы по-старому пользовался властью. А Шер-Хан льстил волчатам: он удивлялся, как это такие смелые молодые охотники позволяют командовать собой издыхающему волку и человеческому детенышу. «Я слышал,— говаривал Шер-Хан,— будто на Совете вы не смеете посмотреть ему в глаза». И молодые волки злобно рычали и ошетинились.

Багире, которая все видела и все слышала, было известно кое-что на этот счет, и несколько раз она прямо говорила Маугли, что Шер-Хан убьет его когда-нибудь. Но Маугли только смеялся и отвечал:

— У меня есть Стая, и у меня есть ты. Да и Балу, как он ни ленив, может ради меня хватить кого-нибудь лапой. Чего же мне бояться?

Был очень жаркий день, когда новая мысль пришла в голову Багире,— должно быть, она услышала что-нибудь. Может быть, ей говорил об этом дикобраз Сахи, но как-то раз, когда они забрались вместе с Маугли глубоко в чащу леса и мальчик улегся, положив голову на красивую черную спину пантеры, она сказала ему:

— Маленький Брат, сколько раз я говорила тебе, что Шер-Хан твой враг?

— Столько раз, сколько орехов на этой пальме,— ответил Маугли, который, само собой разумеется, не умел считать.— Ну, и что из этого? Мне хочется спать, Багира, а Шер-Хан — это всего-навсего длинный хвост да громкий голос, вроде павлина Мора.

— Сейчас не время спать!.. Балу это знает, знаю я, знает вся Стая, знает даже глупый-глупый олень. И Табаки тебе это говорил тоже.

— Хо-хо! — сказал Маугли.— Табаки приходил ко мне недавно с какими-то дерзостями, говорил, что я безволосый щенок, не умею даже выкапывать земляные орехи, но я его поймал за хвост и стукнул разика два о пальму, чтобы он вел себя повежливее.

— Ты сделал глупость: Табаки хоть и смутян, но знает много такого, что прямо тебя касается. Открой глаза, Маленький Брат. Шер-Хан не смеет убить тебя в джунглях, но не забывай, что Акела очень стар. Скоро настанет день, когда он не сможет убить буйвола, и тогда уже не будет вожаком. Те волки, что видели тебя на Скале Совета, тоже состарились, а молодым хромой тигр внушил, что человечьему детенышу не место в Волчьей Стае. Пройдет немного времени, и ты станешь человеком.

— А что такое человек? Разве ему нельзя бегать со своими братьями? — спросил Маугли.— Я родился в джунглях, я слушался Закона Джунглей, и нет ни одного волка в Стае, у которого я не вытащил бы занозы. Все они — мои братья!

Багира вытянулась во весь рост и закрыла глаза.

— Маленький Братец,— сказала она,— пощупай у меня под челюстью.

Маугли протянул свою сильную смуглую руку и на шелковистой шее Багиры, там, где под блестящей шерстью перекачиваются громадные мускулы, нащупал маленькую лысинку.

— Никто в джунглях не знает, что я, Багира, ношу эту отметину — след ошейника. Однако я родилась среди людей, Маленький Брат, среди людей умерла моя мать — в зверинце королевского дворца в Удайпуре. Потому я и заплатила за тебя выкуп на Совете, когда ты был еще маленьким голым детенышем. Да, я тоже родилась среди людей. Смолоду я не видела Джунглей. Меня кормили за решеткой, из железной миски, но вот однажды ночью я почувствовала, что я — Багира, пантера, а не игрушка человека. Одним ударом лапы я сломала этот глупый замок и убежала. И оттого, что мне известны людские повадки, в джунглях меня боятся больше, чем Шер-Хана. Разве это неправда?

— Да,— сказал Маугли,— все джунгли боятся Багиры, все, кроме Маугли.

— О, ты — человеческий детеныш,— сказала черная пантера очень нежно.— И как я вернулась в свои джунгли, так и ты должен в конце концов вернуться к людям, к своим братьям, если только тебя не убьют на Совете.

— Но зачем кому-то убивать меня? — спросил Маугли.

— Взгляни на меня,— сказала Багира.

И Маугли пристально посмотрел ей в глаза.

Большая пантера не выдержала и отвернулась.

— Вот зачем,— сказала она, и листья зашуршали под ее лапой.— Даже я не могу смотреть тебе в глаза, а ведь я родилась среди людей и люблю тебя, Маленький Брат. Другие тебя ненавидят за то, что не могут выдержать твой взгляд, за то, что ты умен, за то, что ты вытаскиваешь им занозы из лап,— за то, что ты человек.

— Я ничего этого не знал,— угрюмо промолвил Маугли и нахмурил густые черные брови.

— Что говорит Закон Джунглей? Сначала ударь, потом подавай голос. По одной твоей беспечности они узнают в тебе человека. Будь же благоразумен. Сердце говорит мне, что если Акела промахнется на следующей охоте — а ему с каждым разом становится все труднее и труднее убивать,— волки перестанут слушать его и тебя. Они соберут на Скале Совета Народ Джунглей, и тогда... тогда... Я знаю, что делать! — крикнула Багира, вскакивая.— Ступай скорее вниз, в долину, в хижины людей, и достань у них Красный Цветок. У тебя будет тогда союзник сильнее меня, и Балу, и тех волков Стаи, которые любят тебя. Достань Красный Цветок!

Красным Цветком Багира называла огонь, потому что ни один зверь в джунглях не назовет огонь его настоящим именем. Все звери смертельно боятся огня и придумывают сотни имен, лишь бы не называть его прямо.

— Красный Цветок? — сказал Маугли. — Он растет перед хижинами в сумерки. Я его достану.

— Вот это говорит человеческий детеныш! — с гордостью сказала Багира. — Не забудь, что этот цветок растет в маленьких горшках. Добудь же его поскорее и держи при себе, пока он не понадобится.

— Хорошо! — сказал Маугли. — Я иду. Но уверена ли ты, о моя Багира, — он обвил рукой ее великолепную шею и заглянул глубоко в большие глаза, — уверена ли ты, что все это проделки Шер-Хана?

— Да, клянусь сломанным замком, который освободил меня, Маленький Брат!

— Тогда клянусь буйволом, выкупившим меня, я заплачу за это Шер-Хану сполна, а может быть, и с лихвой, — сказал Маугли и умчался прочь.

«Вот человек! В этом виден человек, — сказала самой себе Багира, укладываясь снова. — О Шер-Хан, не в добрый час вздумалось тебе поохотиться за Лягушонком десять лет назад!»

А Маугли был уже далеко-далеко в лесу. Он бежал со всех ног, и сердце в нем горело. Добежав до пещеры, когда уже ложился вечерний туман, он остановился перевести дыхание и посмотрел вниз, в долину. Волчат не было дома, но Мать Волчица по дыханию своего Лягушонка поняла, что он чем-то взволнован.

— Что случилось сынок? — спросила она.

— Шер-Хан разносит сплетни, как летучая мышь, — отозвался он. — Я охочусь нынче на вспаханных полях.

И он бросился вниз, через кусты, к реке на дне долины, но сразу остановился, услышав вой охотящейся Стаи. Он услышал и стон загнанного оленя и фыркание, когда олень повернулся для защиты. Потом раздалось злобное, ожесточенное тьяканье молодых волков:

— Акела! Акела! Пускай волк-одиночка покажет свою силу! Дорогу Вожаку Стаи! Прыгай, Акела!

Должно быть, волк-одиночка прыгнул и промахнулся, потому что Маугли услышал шелканье его зубов и короткий визг, когда олень сшиб Акелу с ног передним копытом.

Маугли не стал дожидаться, а бросился бегом вперед. Скоро начались засеянные поля, где жили люди, и вой позади него слышался все слабей и слабей, глуше и глуше.

— Багира говорила правду, — прошептал он, задыхаясь, и свернулся клубком на куче травы под окном хижины. — Завтра решительный день и для меня и для Акелы.

Потом, прижавшись лицом к окну, он стал смотреть на огонь в очаге. Он видел, как жена пахаря вставала ночью и подкладывала в огонь какие-то черные куски, а когда настало утро и над землей пополз холодный белый туман, он увидел, как ребенок взял оплетенный горшок, выложенный изнутри глиной, наполнил его углями и, накрыв одеялом, пошел кормить скотину в хлеву.

— Только и всего? — сказал Маугли. — Если даже детеныш это умеет, то бояться нечего.

И он повернул за угол, навстречу мальчику, выхватил горшок у него из рук и скрылся в тумане, а мальчик заплакал от испуга.

— Люди очень похожи на меня,— сказал Маугли, раздувая угли, как это делала женщина.— Если его не кормить, он умрет.— И Маугли набросал веток и сухой коры на красные угли.

На половине дороги в гору он встретил Багиру. Утренняя роса блестела на ее шкуре, как лунные камни.

— Акела промахнулся,— сказала ему пантера.— Они убили бы его вчера ночью, но им нужен еще и ты. Они искали тебя на холме.

— Я был на вспаханных полях. Я готов. Смотри! — Маугли поднял над головой горшок с углями.

— Хорошо! Вот что: я видела, как люди суют туда сухую ветку, и на ее конце расцветает Красный Цветок. Ты не боишься?

— Нет! Чего мне бояться? Теперь я припоминаю, если только это не сон: когда я еще не был волком, я часто лежал возле Красного Цветка, и мне было хорошо и тепло.

Весь этот день Маугли провел в пещере: он стерег горшок с огнем и совал в него сухие ветки, пробуя, что получится. Он нашел такую ветку, которой остался доволен, и вечером, когда Табаки подошел к пещере и очень грубо сказал, что Маугли требуют на Скалу Совета, он засмеялся и смеялся так долго, что Табаки убежал. Тогда Маугли отправился на Совет, все еще смеясь.

Акела, волк-одиночка, лежал возле своей скалы в знак того, что место Вожака Стаи свободно, а Шер-Хан со сворой своих прихвостней разгуливал взад и вперед, явно польщенный. Багира лежала рядом с Маугли, а Маугли держал между колен горшок с углями. Когда все собрались, Шер-Хан начал говорить, на что он никогда бы не отважился, будь Акела в расцвете сил.

— Он не имеет права! — шепнула Багира.— Так и скажи. Он собачий сын, он испугается.

Маугли вскочил на ноги.

— Свободный Народ! — крикнул он.— Разве Шер-Хан Вожак Стаи? Разве тигр может быть нашим вожаком?

— Ведь место вожака еще не занято, а меня просили говорить...— начал Шер-Хан.

— Кто тебя просил? — сказал Маугли.— Неужели мы все шакалы, чтобы пресмыкаться перед этим мясником? Стая сама берет вожака, это чужих не касается.

Раздались крики:

— Молчи, человеческий детеныш!

— Нет, пускай говорит! Он соблюдал наш Закон!

И наконец старики прорычали:

— Пускай говорит Мертвый Волк!

Когда Вожак Стаи упустит свою добычу, его называют Мертвым Волком до самой смерти, которой не приходится долго ждать.

Акела нехотя поднял седую голову:

— Свободный Народ и вы, шакалы Шер-Хана! Двенадцать лет я водил вас на охоту и с охоты, и за это время ни один из вас не

попал в капкан и не был искалечен. А теперь я промахнулся. Вы знаете, как это было подстроено. Вы знаете, что мне подвели свежего оленя, для того чтобы моя слабость стала явной. Это было ловко сделано. Вы вправе убить меня здесь, на Скале Совета. И потому я спрашиваю: кто из вас пойдет и прикончит волка-одиночку? По Закону Джунглей я имею право требовать, чтобы вы подружились по одному.

Наступило долгое молчание. Ни один волк не смел вступить в смертный бой с Акелой.

Потом Шер-Хан прорычал:

— На что нам этот беззубый глупец? Он и так умрет! А вот человеческий детеныш зажился на свете. Свободный Народ, он с самого начала был моей добычей. Отдайте его мне. Мне противно видеть, что все вы словно помешались на нем. Он десять лет мучил джунгли. Отдайте его мне, или я всегда буду охотиться здесь, а вам не оставлю даже голой кости. Он человек и дитя человека, и я всем сердцем ненавижу его!

Тогда больше половины Стаи завывало:

— Человек! Человек! На что нам человек? Пускай уходит к своим!

— И поднимет против нас всех людей по деревням?! — крикнул Шер-Хан. — Нет, отдайте его мне! Он человек, и никто из нас не смеет смотреть ему в глаза.

Акела снова поднял голову и сказал:

— Он ел вместе с нами. Он спал вместе с нами. Он загонял для нас дичь. Он ни разу не нарушил Закона Джунглей.

— Мало того: когда его принимали в Стаю, в уплату за него я отдала буйвола. Буйвол стоит немного, но честь Багиры, быть может, стоит того, чтобы за нее драться, — промурлыкала Багира самым мягким голосом.

— Буйвол, отданный десять лет назад! — огрызнулась Стая. — Какое нам дело до костей, которым уже десять лет?

— Или до того, чтобы держать свое слово? — сказала Багира, оскалив белые зубы. — Недаром вы зоветесь Свободным Народом!

— Ни один человеческий детеныш не может жить с Народом Джунглей! — провыл Шер-Хан. — Отдайте его мне!

— Он наш брат по всему, кроме крови, — продолжал Акела, — а вы хотите убить его здесь! Поистине я зажился на свете! Одни из вас нападают на домашний скот, а другие, наученные Шер-Ханом, как я слышал, бродят темной ночью по деревням и воруют детей с порогов хижин. Поэтому я знаю, что вы трусы, и к трусам обращаюсь теперь. Я скоро умру, и жизнь моя не имеет цены, не то я отдал бы ее за жизнь человеческого детеныша. Но ради чести Стаи, о которой вы успели забыть без вожака, я обещаю вам, что не укушу вас ни разу, когда придет мое время умереть, если только вы дадите человеческому детенышу спокойно уйти к своим. Я умру без боя. Это спасет для Стаи не меньше чем три жизни. Больше я ничего не могу сделать, но, если хотите, избавлю вас от позора —

убить брата, за которым нет вины, брата, принятого в Стаю по Закону Джунглей.

— Он человек!.. человек!.. человек!..— завывала Стая.

И больше половины Стаи перебежало к Шер-Хану, который начал постукивать о землю хвостом.

— Теперь всё в твоих руках,— сказала Багира Маугли.— Мы теперь можем только драться.

Маугли выпрямился во весь рост, с горшком в руках. Потом расправил плечи и зевнул прямо в лицо Совету, но в душе он был вне себя от злости и горя, ибо волки, по своей волчьей повадке, никогда не говорили Маугли, что ненавидят его.

— Слушайте, вы! — крикнул он.— Весь этот собачий лай ни к чему. Вы столько раз говорили мне сегодня, что я человек (а с вами я на всю жизнь остался бы волком), что я сам почувствовал правду ваших слов. Я стану звать вас не братьями, а собаками, как и следует человеку. Не вам говорить, чего вы хотите и чего не хотите,— это мое дело! А чтобы вам лучше было видно, я, человек, принес сюда Красный Цветок, которого вы, собаки, боитесь.

Он швырнул на землю горшок, горящие угли подожгли сухой мох, и он вспыхнул ярким пламенем. Весь Совет отпрянул назад перед языками пламени. Маугли сунул в огонь сухой сук, так что мелкие ветки вспыхнули и затрещали, потом завертел им над головой, разгоняя ошетилившихся от страха волков.

— Ты — господин,— сказала Багира шепотом.— Спаси Акелу от смерти. Он всегда был тебе другом.

Акела, угрюмый старый волк, никогда в жизни не просивший пощады, теперь бросил умоляющий взгляд на Маугли, а тот стоял, в свете горящей ветви, весь голый, с разметавшимися по плечам длинными черными волосами, и тени метались и прыгали вокруг него.

— Так! — сказал Маугли, медленно озираясь кругом.— Вижу, что вы собаки. Я ухожу от вас к своему народу — если это мой народ. Джунгли теперь закрыты для меня, я должен забыть ваш язык и вашу дружбу, но я буду милосерднее вас. Я был вашим братом во всем, кроме крови, и потому обещаю вам, что, когда стану человеком среди людей, я не предам вас людям, как вы предали меня.— Он толкнул костер ногой, и вверх полетели искры.— Между нами, волками одной Стаи, не будет войны. Однако нужно заплатить долг, прежде чем уйти.

Маугли подошел ближе к тому месту, где сидел Шер-Хан, бессмысленно моргая на огонь, и схватил его за кисточку на подбородке. Багира пошла за ним на всякий случай.

— Встань, собака! — крикнул Маугли.— Встань, когда говорит человек, не то я подпалю тебе шкуру!

Шер-Хан прижал уши к голове и закрыл глаза, потому что пылающий сук был очень близко.

— Этот скотоубийца говорил, что убьет меня на Совете, потому что не успел убить меня в детстве... Вот так и вот так мы бьем

собаку, когда становимся людьми. Шевельни только усом, Хромой, и я забью тебе в глотку Красный Цветок.

Он бил Шер-Хана по голове пылающей веткой, и тигр скулил и стонал в смертном страхе.

— Фу! Теперь ступай прочь, паленая кошка! Но помни, когда я в следующий раз приду на Скалу Совета, я приду со шкурой Шер-Хана на голове... Теперь вот что. Акела волен жить, как ему угодно. Вы его не убьете, потому что я этого не хочу. Не думаю также, что вы долго еще будете сидеть здесь, высунув язык, словно важные особы, а не собаки, которых я гоню прочь, вот так! Вон, вон!

Конец сука бешено пылал, Маугли раздавал удары направо и налево по кругу, а волки разбегались с воем, унося на своей шкуре горящие искры. Под конец на скале остались только Акела, Багира и, быть может, десяток волков, перешедших на сторону Маугли. И тут что-то начало жечь Маугли изнутри, как никогда в жизни не жгло. Дыхание у него перехватило, он зарыдал, и слезы потекли по его щекам.

— Что это такое? Что это? — говорил он. — Я не хочу уходить из джунглей, и я не знаю, что со мной делается. Я умираю, Багира?

— Нет, Маленький Брат, это только слезы, какие бывают у людей, — ответила Багира. — Теперь я знаю, что ты человек и уже не детеныш больше. Отныне джунгли закрыты для тебя... Пусть текут, Маугли. Это только слезы.

И Маугли сидел и плакал так, словно сердце его разрывалось, потому что он плакал первый раз в жизни.

— Теперь, — сказал он, — я уйду к людям. Но прежде я должен проститься с моей матерью.

И он пошел к пещере, где Мать Волчица жила с Отцом Волком, и плакал, уткнувшись в ее шкуру, а четверо волчат жалобно выли.

— Вы не забудете меня? — спросил Маугли.

— Никогда, пока можем идти по следу! — сказали волчата. — Приходи к подножию холма, когда станешь человеком, и мы будем говорить с тобой или придем в поля и станем играть с тобой по ночам.

— Приходи поскорей! — сказал Отец Волк. — О Мудрый Лягушонок, приходи поскорее, потому что мы с твоей матерью уже стары.

— Приходи скорей, мой голый сынок, — сказала Мать Волчица, — ибо знай, дитя человека, я любила тебя больше, чем собственных волчат.

— Приду непременно, — сказал Маугли. — Приду для того, чтобы положить шкуру Шер-Хана на Скалу Совета. Не забывайте меня! Скажите всем в джунглях, чтобы не забывали меня!

Начинал брезжить рассвет, когда Маугли спустился один с холма в долину, навстречу тем таинственным существам, которые зовутся людьми.

ОХОТА КАА

Все, о чем здесь рассказано, произошло задолго до того, как Маугли был изгнан из Сионийской Стаи и отомстил за себя тигру Шер-Хану. Это случилось в то время, когда медведь Балу обучал его Закону Джунглей. Большой и важный бурый медведь радовался способностям ученика, потому что волчата обычно выучивают из Закона Джунглей только то, что нужно их Стае и племени, и бегают от учителя, затвердив охотничий стих: «Ноги ступают без шума, глаза видят в темноте, уши слышат, как шевелится ветер в своей берлоге, зубы остры и белы — вот приметы наших братьев, кроме шакала Табаки и гиены, которых мы ненавидим». Но Маугли, как детенышу человека, нужно было знать гораздо больше.

Иногда черная пантера Багира, гуляя по джунглям, заходила посмотреть, какие успехи делает ее любимец. Мурлыкая, укладывалась она на отдых под деревом и слушала, как Маугли отвечает медведю свой урок. Мальчик лазил по деревьям так же хорошо, как плавал, а плавал так же хорошо, как бегал, и Балу, учитель Закона, обучал его всем законам лесов и вод: как отличить гнилой сук от крепкого, как вежливо заговорить с дикими пчелами, если повстречаешь рой на дереве; что сказать нетопырю Мангу, если потревожишь его сон в полдень среди ветвей; и как успокоить водяных змей, прежде чем окунуться в заводь. Народ джунглей не любит, чтобы его тревожили, и всякий готов броситься на незваного гостя. Маугли выучил и Охотничий Клич Чужака, который нужно повторять много раз, пока на него не ответят, если охотишься в чужих местах. Этот клич в переводе значит: «Позвольте мне поохотиться здесь, потому что я голоден», и на него отвечают: «Охоться ради пропитания, но не ради забавы».

Из этого видно, сколько Маугли приходилось заучивать наизусть, и он очень устал повторять по сотне раз одно и то же. Но Балу правильно сказал однажды Багире, после того как Маугли, получив шлепок, рассердился и убежал:

— Детеныш человека есть детеныш человека, и ему надо знать все Законы Джунглей.

— Но подумай, какой он маленький,— возразила Багира, которая избаловала бы Маугли, если бы дать ей волю.— Разве может такая маленькая головка вместить все твои речи?

— А разве в джунглях довольно быть маленьким, чтобы тебя не убили? Нет! Потому я и учу его всем законам, потому и бью его, совсем легонько, когда он забывает урок.

— «Легонько»! Что ты понимаешь в этом, Железная Лапа? — проворчала Багира.— Сегодня у него все лицо в синяках от твоего «легонько»!

— Лучше ему быть в синяках с ног до головы, чем погибнуть из-за своего невежества,— очень серьезно отвечал ей Балу.— Я теперь учу его Заветным Словам Джунглей, которые будут ему защитой против птиц и змей и против всех, кто бегает на четырех лапах, кроме его родной Стаи. Если он запомнит эти слова, он мо-

жет просить защиты у всех в джунглях. Разве это не стоит колотушек?

— Хорошо, только смотри не убей детеныша. Он не лесной пень, чтобы ты точил о него свои тупые когти. А какие же это Заветные Слова? Я лучше помогу сама, чем стану просить помощи, но все же мне хотелось бы знать.— И Багира, вытянув лапу, залюбовалась своими когтями, синими, как сталь, и острыми, как резцы.

— Я позову Маугли, и он скажет тебе... если захочет. Поди сюда, Маленький Брат!

— Голова у меня гудит, как пчелиное дупло,— послышался недовольный детский голос над их головами, и Маугли, соскользнув с дерева, прибавил сердито и негодуя: — Я пришел ради Багиры, а не ради тебя, жирный старый Балу!

— А мне это все равно,— ответил Балу, хотя был очень огорчен и обижен.— Так скажи Багире Заветные Слова Джунглей, которым я учил тебя сегодня.

— Заветные Слова какого народа? — спросил Маугли, очень довольный, что может похвастаться.— В джунглях много наречий. Я знаю их все.

— Кое-что ты знаешь, но очень немного. Полюбуйся, о Багира, вот их благодарность учителю. Ни один самый захудалый волчонок ни разу не пришел поблагодарить старика Балу за науку. Ну, так скажи Слово Охотничьего Народа, ты, великий ученый.

— «Мы с вами одной крови, вы и я»,— сказал Маугли, произнося по-медвежьи те слова, которые обычно говорит весь Охотничий Народ.

— Хорошо! Теперь Слово Птиц.

Маугли повторил те же слова, свистнув, как коршун.

— Теперь Слово Змеиного Народа,— сказала Багира.

В ответ послышалось непередаваемое никакими словами шипение, и Маугли забрыкал ногами и захлопал в ладоши, потом вскочил на спину Багиры и сел боком, барабанил пятками по блестящей черной шкуре и строя медведю самые страшные рожи.

— Вот-вот! Это стоит каких-то синяков,— ласково сказал бурый медведь.— Когда-нибудь ты вспомнишь меня.

И, повернувшись к Багире, он рассказал ей, как просил дикого слона Хатхи, который все на свете знает, сказать ему Заветные Слова Змеиного Народа, как Хатхи водил Маугли к пруду узнавать Змеины Слова от водяной змеи, потому что сам Балу не мог их выговорить, и что теперь Маугли не грозит никакая опасность в джунглях: ни змея, ни птица, ни зверь не станут вредить ему.

— И, значит, ему некого бояться! — Балу вытянулся во весь рост, с гордостью похлопывая себя по толстому мохнатому животу.

— Кроме своего племени,— шепнула Багира, а потом громко сказала Маугли: — Пожалей мои ребра, Маленький Брат! Что это за прыжки то вниз, то вверх?

Маугли, добиваясь, чтобы его выслушали, давно уже теребил

Багиру за мягкую шерсть на плече и толкал ее пятками. Оба прислушались и разобрали, что он кричит во весь голос:

— Теперь у меня будет свое собственное племя, и я буду целый день водить его по деревьям!

— Что за новая глупость, маленький выдумщик? — спросила Багира.

— Да, и бросать ветками и грязью в старого Балугу, — продолжал Маугли. — Они мне это обещали... Ай!

— Вот! — Большая лапа Балугу смахнула Маугли со спины пантеры, и, лежа между передними лапами медведя, Маугли понял, что тот сердится. — Маугли, — сказал Балуга, — ты разговаривал с Бандар-Логоми, Обезьяньим Народом?

Маугли взглянул на Багиру — не сердится ли и она тоже — и увидел, что глаза пантеры стали жестки, как два изумруда.

— Ты водишься с Обезьяньим Народом — с серыми обезьянами, с народом, не знающим Закона, с народом, который ест все без разбора? Как тебе не стыдно!

— Балуга ударил меня по голове, — сказал Маугли (он все еще лежал на спине), — и я убежал, а серые обезьяны спустились с дерева и пожалели меня. А другим было все равно. — Он слегка всхлипнул.

— Жалость Обезьяньего Народа! — фыркнул Балуга. — Спокойствие горного потока! Прохлада летнего зноя! А что было потом, детеныш человека?

— А потом... потом они дали мне орехов и всякой вкусной еды, а потом взяли меня на руки и унесли на вершины деревьев и говорили, что я им кровный брат, только что бесхвостый, и когда-нибудь стану их вожаком.

— У них не бывает вожака, — сказала Багира. — Они лгут. И всегда лгали.

— Они были очень ласковы со мной и просили приходить еще. Почему вы меня никогда не водили к Обезьяньему Народу? Они ходят на двух ногах, как и я. Они не дерутся жесткими лапами. Они играют целый день... Пустите меня, скверный Балуга, пустите меня! Я опять пойду играть с ними.

— Слушай, детеныш! — сказал медведь, и голос его прогремел, как гром в жаркую ночь. — Я научил тебя Закону Джунглей — общему для всех народов джунглей, кроме Обезьяньего Народа, который живет на деревьях. У них нет Закона. У них нет своего языка, одни только краденые слова, которые они перенимают у других, когда подслушивают, подсматривают и подстерегают, сидя на деревьях. Их обычаи — не наши обычаи. Они живут без вожака. Они ни о чем не помнят. Они болтают и хвастают, будто они великий народ и задумали великие дела в джунглях, но вот упадет орех, и они уже смеются и все позабыли. Никто в джунглях не водится с ними. Мы не пьем там, где пьют обезьяны, не ходим туда, куда ходят обезьяны, не охотимся там, где они охотятся, не умираем там, где они умирают. Разве ты слышал от меня хотя бы слово о Бандар-Логох?

— Нет,— ответил Маугли шепотом, потому что лес притих, после того как Балу кончил свою речь.

— Народ Джунглей не хочет их знать и никогда про них не говорит. Их очень много, они злые, грязные, бесстыдные и хотят только того, чтобы Народ Джунглей обратил на них внимание. Но мы не замечаем их, даже когда они бросают орехи и сыпят грязь нам на голову.

Не успел он договорить, как целый дождь орехов и сучьев посыпался на них с деревьев; послышался кашель, визг и сердитые скачки высоко над ними, среди тонких ветвей.

— С Обезьяньим Народом запрещено водиться,— сказал Балу,— запрещено Законом. Не забывай этого!

— Да, запрещено,— сказала Багира.— Но я все-таки думаю, что Балу должен был предупредить тебя.

— Я?.. Я? Как могло мне прийти в голову, что он станет водиться с такой дрянью? Обезьяний Народ! Тьфу!

Снова орехи дождем посыпались им на головы, и медведь с пантерой убежали, захватив с собой Маугли. Балу говорил про обезьян сущую правду. Они жили на вершинах деревьев, а так как звери редко смотрят вверх, то обезьянам и Народу Джунглей не приходилось встречаться. Но если обезьянам попадался в руки больной волк, или раненый тигр, или медведь, они мучили слабых и забавы ради бросали в зверей палками и орехами, надеясь, что их заметят. Они поднимали вой, выкрикивая бессмысленные песни, звали Народ Джунглей к себе на деревья драться, заводили из-за пустяков ссоры между собой и бросали мертвых обезьян где попало, напоказ всему Народу Джунглей. Они постоянно собирались завести и своего вожака и свои законы и обычаи, но так и не завели, потому что память у них была короткая, не дальше вчерашнего дня. В конце концов они помирились на том, что придумали поговорку: «Все джунгли будут думать завтра так, как обезьяны думают сегодня», и очень этим утешались. Никто из зверей не мог до них добраться, и никто не обращал на них внимания — вот почему они так обрадовались, когда Маугли стал играть с ними, а Балу на него рассердился.

Никакой другой цели у них не было — у обезьян никогда не бывает цели,— но одна из них придумала, как ей показалось, забавную штуку и объявила всем другим, что Маугли может быть полезен всему их племени, потому что он умеет сплетать ветви для защиты от ветра, и если его поймать, то он научит этому и обезьян. Разумеется, Маугли, как сын лесоруба многое знал, сам не помня откуда, и умел строить шалаши из хвороста, сам не зная, как это у него получается. А Обезьяний Народ, подглядывая за ним с деревьев, решил, что это занятная игра. На этот раз, говорили обезьяны, у них и вправду будет вожак и они станут самым мудрым народом в джунглях, таким мудрым, что все их заметят и позавидуют им. И потому они тихонько крались за Балу и Багирой, пока не наступило время полуденного отдыха и Маугли, которому было очень стыдно, не улегся спать между пантерой и мед-

ведем, решив, что больше не станет водиться с Обезьяньим Народом.

И тут сквозь сон он почувствовал чьи-то руки на своих плечах и ногах — жесткие, сильные маленькие руки, — потом хлестанье веток по лицу, а потом он в изумлении увидел сквозь качающиеся вершины землю внизу и Балу, который глухо ревел, будя джунгли, а Багира прыжками поднималась вверх по стволу дерева, оскалив сплошные белые зубы. Обезьяны торжествующе взвыли и перескочили вверх на тонкие ветви, куда Багира побоялась лезть за ними.

— Она нас заметила! Багира нас заметила! Все джунгли восхищаются нашей ловкостью и нашим умом! — кричали обезьяны.

Потом они пустились бегом, а бег обезьян по верхушкам деревьев — это нечто такое, чего нельзя описать. У них есть там свои дороги и перекрестки, свои подъемы и спуски, пролегающие в пятидесяти, семидесяти, а то и ста футах над землей, и по этим дорогам они путешествуют даже ночью, если надо. Две самые сильные обезьяны подхватили Маугли под мышки и понеслись вместе с ним по вершинам деревьев скачками в двадцать футов длиной. Без него они могли бы двигаться вдвое скорее, но мальчик своей тяжестью задерживал их. Как ни кружилась у Маугли голова, он все же наслаждался бешеной скачкой, хотя мелькавшая далеко внизу земля пугала его и сердце замирало от каждого страшного рывка и толчка при перелете над провалом с одного дерева на другое. Двое стражей взлетали вместе с ним на вершину дерева так высоко, что тонкие ветви трещали и гнулись под ними, а потом с кашлем и уханьем бросались в воздух, вперед и вниз, и повисали на соседнем дереве, цепляясь за нижние сучья руками и ногами. Иногда Маугли видел перед собой целое море зеленых джунглей, как человек на мачте видит перед собой океанский простор, потом ветви и листья снова начинали хлестать его по лицу, и он со своими двумя стражами спускался почти к самой земле. Так, скачками и прыжками, с треском и уханьем, все обезьянье племя мчалось по древесным дорогам вместе со своим пленником Маугли.

Первое время он боялся, что его уронят, потом обозлился, но понял, что бороться нельзя, потом начал думать. Прежде всего нужно было послать о себе весточку Багире и Балу. Обезьяны двигались с такой быстротой, что его друзья не могли их догнать и сильно отставали. Вниз нечего было смотреть — ему видна была только верхняя сторона сучьев, — поэтому он стал смотреть вверх и увидел высоко в синеве коршуна Чилия, который парил над джунглями, описывая круги, в ожидании чьей-нибудь смерти. Чиль видел, что обезьяны что-то несут, и спустился ниже разведать, не годится ли их ноша для еды. Он свистнул от изумления, когда увидел, что обезьяны волокут по верхушкам деревьев Маугли, и услышал от него Заветное Слово Коршуна: «Мы с тобой одной крови, ты и я!» Волнующиеся вершины закрыли от него мальчика, но Чиль успел вовремя скользнуть к ближайшему дереву, и перед ним опять вынырнуло маленькое смуглое лицо.

— Замечай мой путь! — крикнул Маугли. — Дай знать Балу из Сионийской Стаи и Багире со Скалы Совета!

— От кого, Брат? — Чиль еще ни разу до сих пор не видел Маугли, хотя, разумеется, слышал о нем.

— От Лягушонка Маугли. Меня зовут Человечий Детеныш! Замечай мой пу-уть!

Последние слова он выкрикнул, бросаясь в воздух, но Чиль кивнул ему и поднялся так высоко, что казался не больше пылинки, и, паря в вышине, следил своими зоркими глазами за качавшимися верхушками деревьев, по которым вихрем неслась стража Маугли.

— Им не уйти далеко, — сказал он посмеиваясь. — Обезьяны никогда не доделывают того, что задумали. Всегда они хватаются за что-нибудь новое, эти Бандар-Логи. На этот раз, если я не слеп, они наживут себе беду: ведь Балу не птенчик, да и Багира, сколько мне известно, умеет убивать не одних коз.

И, паря в воздухе, он покачивался на крыльях, подобрав под себя ноги, и ждал.

А в это время Балу и Багира были вне себя от ярости и горя. Багира взобралась на дерево так высоко, как не забиралась никогда, но тонкие ветки ломались под ее тяжестью, и она соскользнула вниз, набрав полные когти коры.

— Почему ты не предостерег Маугли? — заворчала она на бедного Балу, который припустился неуклюжей рысью в надежде догнать обезьян. — Что пользы бить детеныша до полусмерти, если ты не предостерег его?

-- Скорей! О, скорей! Мы... мы еще догоним их, быть может! — задыхался Балу.

— Таким шагом? От него не устала бы и раненая корова. Учитель Закона, истязатель малышей, если ты будешь так переваливаться с боку на бок, ты лопнешь, не пройдя и мили. Сядь спокойно и подумай! Нужно что-то решить. Сейчас не время для погони. Они могут бросить Маугли, если мы подойдем слишком близко.

— Арала! Вау! Они, может, уже бросили мальчика, если им надоело его нести! Разве можно верить Бандар-Логам! Летучую мышь мне на голову! Кормите меня одними гнилыми костями! Спустите меня в дупло к диким пчелам, чтобы меня закусали до смерти, и похороните меня вместе с гиеной! Я самый несчастный из зверей! Ара-лала! Ва-у-у! О Маугли, Маугли, зачем я не остерег тебя против Обезьяньего Народа, зачем я бил тебя по голове? Я, может, выбил сегодняшний урок из его головы, и мальчик теперь один в джунглях и забыл Заветные Слова!

Балу обхватил голову лапами и со стоном закачался взад и вперед.

— Не так давно он сказал мне правильно все слова, — сердито заметила Багира. — Балу, ты ничего не помнишь и не уважаешь себя. Что подумали бы джунгли, если бы я, черная пантера, каталась и выла, свернувшись клубком, как дикобраз Сахи?

— Какое мне дело до того, что подумают джунгли! Мальчик, может быть, уже умер!

— Если только они не бросят его с дерева забавы ради и не убьют от скуки, я не боюсь за детеныша. Он умен и всему обучен, а главное, у него такие глаза, которых боятся все джунгли. Но все же (и это очень худо) он во власти Бандар-Логов, а они не боятся никого в джунглях, потому что живут высоко на деревьях.— Багира задумчиво облизала переднюю лапу.

— И глуп же я! О толстый бурый глупец, пожиратель кореньев! — простонал Балу, вдруг выпрямляясь и отряхиваясь.— Правду говорит дикий слон Хатхи: «У каждого свой страх», а они, Бандар-Логи, боятся Каа, горного удава. Он умеет лазить по деревьям не хуже обезьян. По ночам он крадет у них детенышей. От одного звука его имени дрожат их гадкие хвосты. Идем к нему.

— Чем может Каа помочь нам? Он не нашего племени, потому что безногий, и глаза у него презлые,— сказала Багира.

— Он очень стар и очень хитер. Кроме того, он всегда голоден,— с надеждой сказал Балу.— Пообещаем ему много коз.

— Он спит целый месяц, после того как наестся. Может быть, спит и теперь, а если не спит, то, может, и не захочет принять от нас коз в подарок.

Багира плохо знала Каа и потому относилась к нему подозрительно.

— Тогда мы с тобой вместе могли бы уговорить его, старая охотница.

Тут Балу потерялся о Багиру выцветшим бурым плечом, и они вдвоем отправились на поиски горного удава Каа.

Удав лежал, растянувшись во всю длину на выступе скалы, нагретом солнцем, любуясь своей красивой новой кожей: последние десять дней он провел в уединении, меняя кожу, и теперь был во всем своем великолепии. Его большая тупоносая голова металась по земле, тридцатифутовое тело свивалось в причудливые узлы и фигуры, язык облизывал губы, предвкушая будущий обед.

— Он еще ничего не ел,— сказал Балу со вздохом облегчения, как только увидел красивый пестрый узор на его спине, коричневый с желтым.— Осторожно, Багира! Он плохо видит, после того как переменит кожу, и бросается сразу.

У Каа не было ядовитых зубов — он даже презирал ядовитых змей за их трусость,— вся его сила заключалась в хватке, и если он обвинял кого-нибудь своими огромными кольцами, то это был конец.

— Доброй охоты! — крикнул Балу, садясь на задние лапы.

Как все змеи его породы, Каа был глуховат и не сразу слышал окрик. Он свернулся кольцом и нагнул голову, на всякий случай приготовившись броситься.

— Доброй охоты всем нам! — ответил он.— Ого, Балу! Что ты здесь делаешь? Доброй охоты, Багира. Одному из нас не мешало бы пообедать. Нет ли поблизости вспугнутой дичи? Лани или хотя бы козленка? У меня внутри пусто, как в пересохшем колодце.

— Мы сейчас охотимся,— небрежно сказал Балугу, зная, что Каа нельзя торопить: он слишком грузен.

— А можно мне пойти с вами? — спросил Каа.— Одним ударом больше или меньше, для вас это ничего не значит, Багира и Балугу, а я... мне приходится целыми днями стеречь на лесных тропинках или полночи лазить по деревьям, ожидая, не попадется ли молодая обезьяна. Пс-с-шоу! Лес нынче уже не тот, что был в моей молодости. Одно гнилье да сухие сучья!

— Может быть, это оттого, что ты стал слишком тяжел? — сказал Балугу.

— Да, я довольно-таки велик... довольно велик,— ответил Каа не без гордости.— Но все-таки молодые деревья никуда не годятся. Прошлый раз на охоте я чуть-чуть не упал — чуть-чуть не упал! — нашумел, соскользнув с дерева, оттого что плохо зацепился хвостом. Этот шум разбудил Бандар-Логов, и они бранили меня самыми скверными словами.

— Безногий желтый земляной червяк! — шепнула Багира себе в усы, словно припоминая.

— Ссссс! Разве они так меня называют? — спросил Каа.

— Что-то в этом роде они кричали нам в прошлый раз. Но мы ведь никогда не обращаем на них внимания. Чего только они не говорят! Будто бы у тебя выпали все зубы, и будто бы ты никогда не нападаешь на дичь крупнее козленка, потому будто бы (такие бесстыдные вралы эти обезьяны!), что боишься козлиных рогов,— вкрадчиво продолжала Багира.

Змея, особенно хитрый старый удав вроде Каа, никогда не покажет, что она сердится, но Балугу и Багира заметили, как вздуваются и перекачиваются крупные мускулы под челюстью Каа.

— Бандар-Логои переменили место охоты,— сказал он спокойно.— Я грелся сегодня на солнце и слышал, как они вопили в вершинах деревьев.

— Мы... мы гонимся сейчас за Бандар-Логамии,— сказал Балугу и поперхнулся, потому что впервые на его памяти обитателю джунглей приходилось признаваться в том, что ему есть дело до обезьян.

— И, конечно, не какой-нибудь пустяк ведет двух таких охотников — вожakov у себя в джунглях — по следам Бандар-Логов,— учтиво ответил Каа, хотя его распирало от любопытства.

— Право,— начал Балугу,— я всего-навсего старый и подчас неразумный учитель Закона у Сионийских Волчат, а Багира...

— ...есть Багира,— сказала черная пантера и закрыла пасть, лязгнув зубами: она не признавала смирения.— Вот в чем беда, Каа: эти воры орехов и истребители пальмовых листьев украли у нас человеческого детеныша, о котором ты, может быть, слышал.

— Я слышал что-то от Сахи (иглы придают ему нахальство) про детеныша, которого приняли в Волчью Стаю, но не поверил. Сахи слушает одним ухом, а потом перевирает все, что слышал.

— Нет, это правда. Такого детеныша еще не бывало на свете,— сказал Балугу.— Самый лучший, самый умный и самый

смелый человеческий детеныш, мой ученик, который прославит имя Балу на все джунгли, от края и до края. А кроме того, я... мы... любим его, Каа.

— Тс! Тс! — отвечал Каа, ворочая головой направо и налево. — Я тоже знал, что такое любовь. Я мог бы рассказать вам не одну историю...

— Это лучше потом, как-нибудь в ясную ночь, когда мы все будем сыты и сможем оценить рассказ по достоинству, — живо ответила Багира. — Наш детеныш теперь в руках у Бандар-Логов, а мы знаем, что из всего Народа Джунглей они боятся одного Каа.

— Они боятся одного меня! И недаром, — сказал Каа. — Болтуньи, глупые и хвастливые, хвастливые, глупые болтуньи — вот каковы эти обезьяны! Однако вашему детенышу нечего ждать от них добра. Они рвут орехи, а когда надоест, бросают их вниз. Целый день они носятся с веткой, будто обойтись без нее не могут, а потом ломают ее пополам. Вашему детенышу не позавидуешь. Кроме того, они называли меня... желтой рыбой, кажется?

— Червяком, червяком. Земляным червяком, — сказала Багира, — и еще разными кличками. Мне стыдно даже повторять.

— Надо их проучить, чтобы не забывались, когда говорят о своем господине! Ааа-сс! Чтобы помнили получше! Так куда же они побежали с детенышем?

— Одни только джунгли знают. На запад, я думаю, — сказал Балу. — А ведь мы полагали, что тебе это известно, Каа.

— Мне? Откуда же? Я хватаю их, когда они попадают мне на дороге, но не охочусь ни за обезьянами, ни за лягушками, ни за зеленой тиной в пруду. Хссс!

— Вверх, вверх! Вверх, вверх! Хилло! Илло! Илло, посмотри вверх, Балу из Сионийской Стаи!

Балу взглянул вверх, чтобы узнать, откуда слышится голос, и увидел коршуна Чилия, который плавно спускался вниз, и солнце светило на приподнятые края его крыльев. Чилию давно пора было спать, но он все кружил над джунглями, разыскивая медведя, и все не мог рассмотреть его сквозь густую листву.

— Что случилось? — спросил его Балу.

— Я видел Маугли у Бандар-Логов. Он просил передать это тебе. Я проследил за ними. Они понесли его за реку, в обезьяний город — в Холодные Берлоги. Быть может, они останутся там на ночь, быть может — на десять ночей, а быть может — на час. Я велел летучим мышам последить за ними ночью. Вот что мне было поручено. Доброй охоты всем вам внизу!

— Полного зоба и крепкого сна тебе, Чиль! — крикнула Багира. — Я не забуду тебя, когда выйду на добычу, и отложу целую голову тебе одному, о лучший из коршунов!

— Пустяки! Пустяки! Мальчик сказал Заветное Слово. Нельзя было не помочь ему! — И Чиль, сделав круг над лесом, полетел на ночлег.

— Он не забыл, что нужно сказать! — радовался Балу. — По-

думать только: такой маленький, а вспомнил Заветное Слово Птиц, да еще когда обезьяны тащили его по деревьям!

— Оно было крепко вколочено в него, это слово! — сказала Багира.— Я тоже горжусь детенышем, но теперь нам надо спешить к Холодным Берлогам.

Все в джунглях знали, где находится это место, но редко кто бывал там, ибо Холодными Берлогами называли старый, заброшенный город, затерявшийся и похороненный в чаще леса; а звери не станут селиться там, где прежде жили люди. Разве дикий кабан поселится в таком месте, но не охотничье племя. Кроме того, обезьяны бывали там не чаще, чем во всяком другом месте, и ни один уважающий себя зверь не подходил близко к городу, разве только во время засухи, когда в полуразрушенных водоемах и бассейнах оставалась еще вода.

— Туда полночи пути полным ходом,— сказала Багира.

И Балу сразу приуныл.

— Я буду спешить изо всех сил,— сказал он с тревогой.

— Мы не можем тебя ждать. Следуй за нами, Балу. Нам надо спешить — мне и Каа.

— Хоть ты и на четырех лапах, а я от тебя не отстану,— коротко сказал Каа.

Балу порывался бежать за ними, но должен был сперва сесть и перевести дух, так что они оставили медведя догонять их, и Багира помчалась вперед быстрыми скачками. Каа молчал, но как ни спешила Багира, огромный удав не отставал от нее. Когда они добрались до горной речки, Багира оказалась впереди, потому что перепрыгнула поток, а Каа переплыл его, держа голову и шею над водой. Но на ровной земле удав опять нагнал Багиру.

— Клянусь сломанным замком, освободившим меня, ты неплохой ходок! — сказала Багира, когда спустились сумерки.

— Я проголодался,— ответил Каа.— Кроме того, они называли меня пятнистой лягушкой.

— Червяком, земляным червяком, да еще желтым!

— Все равно. Давай двигаться дальше.— И Каа словно лился по земле, зорким глазом отыскивая самую краткую дорогу и двигаясь по ней.

Обезьяний Народ в Холодных Берлогах вовсе не думал о друзьях Маугли. Они притащили мальчика в заброшенный город и теперь были очень довольны собой. Маугли никогда еще не видел индийского города, и хотя этот город лежал весь в развалинах, он показался мальчику великолепным и полным чудес. Один владетельный князь построил его давным-давно на невысоком холме. Еще видны были остатки мощенных камнем дорог, ведущих к разрушенным воротам, где последние обломки гнилого дерева еще висели на изъеденных ржавчиной петлях. Деревья вросли корнями в стены и высились над ними; зубы на стенах рухнули и рас-

сыпались в прах; ползучие растения выбились из бойниц и раскинулись по стенам башен висячими косматыми плетями.

Большой дворец без крыши стоял на вершине холма. Мрамор его фонтанов и дворов был весь покрыт трещинами и бурыми пятнами лишайников, сами плиты двора, где прежде стояли княжеские слоны, были приподняты и раздвинуты травами и молодыми деревьями. За дворцом были видны ряд за рядом дома без кровель и весь город, похожий на пустые соты, заполненные только тьмой; бесформенная каменная колода, которая была прежде идолом, валялась теперь на площади, где перекрещивались четыре дороги; только ямы и выбоины остались на углах улиц, где когда-то стояли колодцы да обветшалые купола храмов, по бокам которых проросли дикие смоковницы. Обезьяны называли это место своим городом и делали вид, будто презирают Народ Джунглей за то, что он живет в лесу. И все-таки они не знали, для чего построены все эти здания и как ими пользоваться. Они усаживались в кружок на помосте в княжеской зале совета, искали друг у дружки блох и играли в людей: вбегали в дома и опять выбегали из них, натаскивали куски штуртурки и всякого старья в угол и забывали, куда они все это спрятали; дрались и кричали, нападая друг на друга, потом разбегались играть по террасам княжеского сада, трясли там апельсиновые деревья и кусты роз для того только, чтобы посмотреть, как посыплются лепестки и плоды. Они обегали все переходы и темные коридоры во дворце и сотни небольших темных покоев, но не могли запомнить, что они уже видели, а чего еще не видали, и шатались везде поодиночке, попарно или кучками, хвастаясь друг перед другом, что ведут себя совсем как люди. Они пили из водоемов и мутили в них воду, потом дрались из-за воды, потом собирались толпой и бегали по всему городу, крича:

— Нет в джунглях народа более мудрого, доброго, ловкого, сильного и кроткого, чем Бандар-Логи!

Потом все начиналось снова, до тех пор, пока им не надоедал город, и тогда они убегали на вершины деревьев, все еще не теряя надежды, что когда-нибудь Народ Джунглей заметит их.

Маугли, воспитанный в Законе Джунглей, не понимал такой жизни, и она не нравилась ему. Обезьяны притащили его в Холодные Берлоги уже к вечеру, и, вместо того чтобы лечь спать, как сделал бы сам Маугли после долгого пути, они схватились за руки и начали плясать и распевать свои глупые песни. Одна из обезьян произнесла речь перед своими друзьями и сказала им, что захват Маугли в плен отмечает начало перемены в истории Бандар-Логов, потому что теперь Маугли покажет им, как надо сплестать ветви и тростники для защиты от холода и дождя.

Маугли набрал лиан и начал их сплестать, а обезьяны попробовали подражать ему, но через несколько минут им это наскучило, и они стали дергать своих друзей за хвосты и, кашляя, скакать на четвереньках.

— Мне хочется есть,— сказал Маугли.— Я чужой в этих местах — принесите мне поесть или позвольте здесь поохотиться.

Двадцать или тридцать обезьян бросились за орехами и дикими плодами для Маугли, но по дороге они подрались, а возвращаясь с тем, что у них осталось, не стоило труда. Маугли обиделся и рассердился, не говоря уже о том, что был голоден, и долго блуждал по пустынным улицам, время от времени испуская Охотничий Клич Чужака, но никто ему не ответил, и Маугли понял, что он попал в очень дурное место.

«Правда все то, что Балу говорил о Бандар-Логах,— подумал он про себя.— У них нет ни Закона, ни Охотничьего Клича, ни вожаков — ничего, кроме глупых слов и цепких воровских лап. Так что если меня тут убьют или я умру голодной смертью, ту буду сам виноват. Однако надо что-нибудь придумать и вернуться в мои родные джунгли. Балу, конечно, побьет меня, но это лучше, чем ловить дурацкие розовые лепестки вместе с Бандар-Логами».

Как только он подошел к городской стене, обезьяны сейчас же оттащили его обратно, говоря, что он сам не понимает, как ему повезло, и стали щипать его, чтобы он почувствовал к ним благодарность. Он стиснул зубы и промолчал, но все-таки пошел с громко вопившими обезьянами на террасу, где были водоемы из красного песчаника, наполовину полные дождевой водой. Там посередине террасы стояла разрушенная беседка из белого мрамора, построенная для княжеских жен, которых давно уже не было на свете. Купол беседки провалился и засыпал подземный ход из дворца, по которому женщины приходили сюда, но стены из мрамора ажурной работы остались целы. Чудесную резьбу молочной белизны, легкую как кружево, украшали агаты, сердолики, яшма и лазурит, а когда над холмом взошла луна, ее лучи проникли сквозь резьбу, и густые тени легли на землю узором черного бархата. Обиженный, сонный и голодный Маугли все же не мог не смеяться, когда обезьяны начинали в двадцать голосов твердить ему, как они мудры, сильны и добры и как он неразумен, что хочет с ними расстаться.

— Мы велики! Мы свободны! Мы достойны восхищения! Достойны восхищения, как ни один народ в джунглях! Мы все так говорим — значит, это правда! — кричали они.— Сейчас мы тебе расскажем про себя, какие мы замечательные, раз ты нас слушаешь и можешь передать наши слова Народу Джунглей, чтобы в будущем он обращал на нас внимание.

Маугли с ними не спорил, и сотни обезьян собрались на террасе послушать, как их говоруны будут петь хвалы Бандар-Логам, и когда болтуни-обезьяны останавливались, чтобы перевести дух, остальные подхватывали хором:

— Это правда, мы все так говорим!

Маугли кивал головой, моргал глазами и поддакивал, когда его спрашивали о чем-нибудь, и голова у него кружилась от шума.

«Шакал Табаки, должно быть, перекусал их всех,— думал он про себя,— и они теперь взбесились. Это у них бешенство, «дивани». Неужели они никогда не спят? Вот сейчас это облако закроет луну. Если оно большое, я бы успел, убежать в темноте. Но я устал».

За этим самым облаком следили два верных друга в полузасыпанном рву под городской стеной. Багира и Каа, зная, как опасны обезьяны, когда их много, выжидали, чтобы не рисковать понапрасну. Обезьяны ни за что не станут драться, если их меньше сотни против одного, а в джунглях мало кому нравится такой перевес.

— Я поползу к западной стене,— шепнул Каа,— и быстро скачусь по склону вниз, там мне будет легче. Они, конечно, не бросятся мне на спину всем скопом, но все же...

— Я знаю,— сказала Багира.— Если бы Балу был здесь! Но все-таки мы сделаем что можем. Когда это облако закроет луну, я выйду на террасу. Они там о чем-то совещаются между собой.

— Доброй охоты,— мрачно сказал Каа и скользнул к западной стене.

Она оказалась разрушенной меньше других, и большой удав замешкался, пробираясь между камнями. Облако закрыло луну, и как раз в то время, когда Маугли раздумывал, что будет дальше, он услышал легкие шаги Багиры на террасе. Черная пантера взбежала по склону почти без шума и, не тратя времени на то, чтобы кусаться, раздавала удары направо и налево обезьянам, сидевшим вокруг Маугли в пятьдесят-шестьдесят рядов. Раздался общий вопль испуга и ярости, и, в то время как Багира шагала по катящимся и барахтающимся телам, одна обезьяна крикнула:

— Она тут одна! Убьем ее! Убьем!

Клубок дерущихся обезьян, кусаясь, царапаясь, дергая и терзая Багиру, сомкнулся над ней, а пять или шесть обезьян крепко ухватили Маугли, подтащили его к стене беседки и впихнули в пролом купола. Мальчик, воспитанный людьми, был бы весь в синяках, потому что падать ему пришлось с высоты добрых пятнадцати футов, но Маугли упал так, как Балу учил его падать, и сразу стал на ноги.

— Посиди тут,— кричали обезьяны,— пока мы не убьем твоих приятелей! А потом мы поиграем с тобой, если Ядовитый Народ оставит тебя в живых!

— Мы с вами одной крови, я и вы! — быстро шепнул Маугли Змеиное Слово.

Он слышал шорох и шипение вокруг в кучах щебня и для верности еще раз повторил Змеиное Слово.

— Ссслышим! Уберите клубуки! — сказала несколько тихих голосов (все развалины в Индии рано или поздно становятся обиталищем змей, и ветхая беседка кишела кобрами). — Стой смирно, Маленький Брат, иначе ты раздавишь нас!

Маугли стоял спокойно, глядя в отверстия ажурной резьбы и прислушиваясь к шуму драки вокруг черной пантеры, к воплям, бормотанию и шлепкам и к густому, хриплому кашлю Багиры, которая рвалась и металась взад и вперед, задыхаясь под кучей навалившихся на нее обезьян.

Впервые со дня своего рождения Багира дралась не на жизнь, а на смерть.

«Балу должен быть близко: Багира не пришла бы одна», — подумал Маугли и крикнул громко:

— К водоему, Багира! Скатись к водоему! Скатись и нырни! Бросайся в воду!

Багира его услышала, и этот крик, сказавший ей, что Маугли жив, придал ей силы. Она дралась отчаянно, шаг за шагом прокладывая себе дорогу к водоему. И вот у подножия разрушенной стены, ближе к джунглям, раздался, как гром, боевой клич Балу. Как ни спешил старый медведь, он не мог поспеть раньше.

— Багира, — кричал он, — я здесь! Я лезу вверх! Я спешу! Камни скользят у меня из-под ног! Дайте только до вас добраться, о вы, подлые Бандар-Логи!

Медведь, пытаясь, взобрался на террасу и исчез под волной обезьян, но тут же, присев на корточки, расставил передние лапы и загреб ими столько обезьян, сколько мог удержать. Потом посыпались равномерные удары — хлоп-хлоп-хлоп! — с чмоканьем, словно гребное колесо било по воде. Шум падения и всплеск сказали Маугли, что Багира пробиравась к водоему, куда обезьяны не могли полезть за ней. Пантера лежала в воде, выставив только голову, и жадно ловила ртом воздух, а обезьяны, стоя в три ряда на красных ступенях, приплясывали от злобы на месте, готовые наброситься на нее со всех сторон разом, если она выйдет из воды на помощь Балу. Вот тогда-то Багира подняла мокрый подбородок и в отчаянии крикнула, зовя на помощь Змеинный Народ:

— Мы с вами одной крови, я и вы!

Она думала, что Каа струсил в последнюю минуту. Даже Балу на краю террасы, едва дыша под навалившимися на него обезьянами, не мог не засмеяться, услышав, что черная пантера просит помощи.

Каа только что перевалился через западную стену и с такой силой рухнул на землю, что большой камень свалился в ров. Он не намерен был отступать и раза два свернулся и развернулся, проверяя, насколько каждый фут его длинного тела готов к бою. Тем временем Балу продолжал бой, и обезьяны вопили над водоемом вокруг Багиры, и нетопырь Манг, летая взад и вперед, разносил по джунглям вести о великой битве, так что затрубил даже дикий слон Хатхи. Далеко в лесу проснулись отдельные стайки обезьян и помчались по верхушкам деревьев к Холодным Берлогам, на помощь своим родичам, и шум битвы разбудил дневных птиц на много миль вокруг. Тогда Каа двинулся быстро, напрямик, горя жаждой убийства. Вся сила удава — в тяжком ударе головой, удвоенном силой и тяжестью всего тела. Если вы можете себе представить копье, или таран, или молот весом почти в полтонны, направляемый спокойным, хладнокровным умом, вы можете себе представить, каков был Каа в бою. Удав длиной в четыре или пять футов может сбить с ног человека, если ударит его головой в грудь, а в Каа было целых тридцать футов, как вам известно. Первый удар, направленный прямо в гущу обезьян, окружавших Балу,

был нанесен молча, с закрытым ртом, а второго удара не понадобилось. Обезьяны бросились врассыпную с криком.

— Каа! Это Каа! Бегите! Бегите!

Не одно поколение обезьян воспитывалось в страхе и вело себя примерно, наслушавшись от старших рассказов про Каа, ночного вора, который умел проскользнуть среди ветвей так же бесшумно, как растет мох, и утащить самую сильную обезьяну; про старого Каа, который умел прикидываться сухим суком или гнилым пнем, так что самые мудрые ничего не подозревали до тех пор, пока этот сук не хватал их. Обезьяны боялись Каа больше всего на свете, ибо ни одна из них не знала пределов его силы, ни одна не смела взглянуть ему в глаза и ни одна не вышла живой из его объятий. И потому, дрожа от страха, они бросились на стены и на крыши домов, а Балу глубоко вздохнул от облегчения. Шерсть у него была гораздо гуще, чем у Багиры, но и он сильно пострадал в бою. И тут Каа, впервые раскрыв пасть, прошипел одно долгое, свистящее слово, и обезьяны, далеко в лесу спешившие на помощь к Холодным Берлогам, замерли на месте, дрожа так сильно, что ветви под их тяжестью согнулись и затрещали. Обезьяны на стенах и на крышах домов перестали кричать, в городе стало тихо, и Маугли услышал, как Багира отряхивает мокрые бока, выйдя из водоема. Потом снова поднялся шум. Обезьяны полезли выше на стены, уцепились за шеи больших каменных идолов и визжали, прыгая по зубчатым стенам, а Маугли, приплясывая на месте, приложился глазом к ажурной резьбе и начал ухатъ по-совиному, выражая этим презрение и насмешку.

— Достанем детеныша из западни, я больше не могу! — тяжело дыша, сказала Багира. — Возьмем детеныша и бежим. Как бы они опять не напали!

— Они не двинутся, пока я не прикажу им. Сстойте на мессте, — прошипел Каа, и кругом опять стало тихо. — Я не мог прийти раньше, Сестра, но мне показалось, что я слышу твой зов, — сказал он Багире.

— Я... я, может быть, и звала тебя в разгаре боя, — ответила Багира. — Балу, ты ранен?

— Не знаю, как это они не разорвали меня на сотню маленьких медведей, — сказал Балу, степенно отряхивая одну лапу за другой. — Ооу! Мне больно! Каа, мы тебе обязаны жизнью, мы с Багирой...

— Это пустяки. А где же человек?

— Здесь, в западне! Я не могу выбраться! — крикнул Маугли.

Над его головой закруглялся купол, провалившийся по самой середине.

— Возьмите его отсюда! Он танцует, как павлин Мор! Он передавиг ногами наших детей! — сказали кобры снизу.

— Ха! — засмеялся Каа. — У него везде друзья, у этого человека. Отойди подальше, человек, а вы спрячьтесь, о Ядовитый Народ! Сейчас я пробью стену.

Каа хорошенько осмотрелся и нашел почерневшую трещину

в мраморной резьбе, там, где стена была сильнее всего разрушена, раза два-три слегка оттолкнулся головой, примериваясь, потом поднялся на шесть футов над землей и ударил изо всей силы десять раз подряд. Мраморное кружево треснуло и рассыпалось облаком пыли и мусора, и Маугли выскочил в пробоину и бросился на землю между Багирой и Балу, обняв обоих за шею.

— Ты не ранен? — спросил Балу, ласково обнимая Маугли.

— Меня обидели, я голоден и весь в синяках. Но как жестоко они вас потрепали, братья мои! Вы все в крови!

— Не одни мы,— сказала Багира, облизываясь и глядя на трупы обезьян на террасе и вокруг водоема.

— Это пустяки, всё пустяки, если ты жив и здоров, о моя гордость, лучший из лягушат! — прохныкал Балу.

— Об этом мы поговорим после,— сказала Багира сухо, что вовсе не понравилось Маугли.— Однако здесь Каа, которому мы с Балу обязаны победой, а ты — жизнью. Поблаговари его, как полагается по нашим обычаям, Маугли.

Маугли обернулся и увидел, что над ним раскачивается голова большого удава.

— Так это и есть человек? — сказал Каа.— Кожа у него очень гладкая, и он похож на Бандар-Логов. Смотри, чтоб я не принял тебя за обезьяну как-нибудь в сумерках, после того как я сменю свою кожу.

— Мы с тобой одной крови, ты и я,— отвечал Маугли.— Сегодня ты возвратил мне жизнь. Моя добыча будет твоей добычей, когда ты проголодаешься, о Каа!

— Спасибо, Маленький Брат,— сказал Каа, хотя глаза его смеялись.— А что может убить такой храбрый охотник? Я прошу позволения следовать за ним, когда он выйдет на ловлю.

— Сам я не убиваю, я еще мал, но я загоняю коз для тех, кому они нужны. Когда захочешь есть, приходи ко мне и увидишь, правда это или нет. У меня ловкие руки,— он вытянул их вперед,— и если ты попадешься в западню, я смогу уплатить долг и тебе, и Багире, и Балу. Доброй охоты вам всем, учителя мои!

— Хорошо сказано! — проворчал Балу, ибо Маугли благодарил как полагается.

Удав положил на минуту свою голову на плечо Маугли.

— Храброе сердце и учтивая речь,— сказал он.— С ними ты далеко пойдешь в джунглях. А теперь уходи отсюда скорей вместе с твоими друзьями. Ступай спать потому, что скоро зайдет луна, а тебе не годится видеть то, что будет.

Луна садилась за холмами, и ряды дрожащих обезьян, которые жались по стенам и башням, походили на рваную, колеблющуюся бахрому. Балу сошел к водоему напиться, а Багира начала вылизывать свой мех. И тут Каа выполз на середину террасы, сомкнул пасть, звучно щелкнув челюстями, и все обезьяны устремили глаза на него.

— Луна заходит,— сказал он.— Довольно ли света, хорошо ли вам видно?

По стенам пронесся стон, словно вздох ветра в вершинах деревьев:

— Мы видим, о Каа!

— Хорошо! Начнем же пляску Каа — Пляску Голода. Сидите смирно и смотрите!

Он дважды или трижды свернулся в большое двойное и тройное кольцо, покачивая головой справа налево. Потом начал выделять петли и восьмерки и мягкие, расплывчатые треугольники, переходящие в квадраты и пятиугольники, не останавливаясь, не спеша и не прекращая ни на минуту негромкого гудения. Становилось все темнее и темнее, и напоследок уже не видно было, как извивается и свивается Каа, слышно было только, как шуршит его чешуя.

Балу и Багира словно обратились в камень, ошетинившись и глухо ворча, а Маугли смотрел и дивился.

— Бандар-Логи,— наконец послышался голос Каа,— можете вы шевельнуть рукой или ногой без моего приказа? Говорите.

— Без твоего слова мы не можем шевельнуть ни рукой, ни ногой, о Каа!

— Хорош! Подойдите на один шаг ближе ко мне!

Ряды обезьян беспомощно качнулись вперед, и Балу с Багирой невольно сделали шаг вперед вместе с ними.

— Ближе! — прошептал Каа.

И обезьяны шагнули еще раз.

Маугли положил руки на плечи Багиры и Балу, чтобы увести их прочь, и оба зверя вздрогнули, словно проснувшись.

— Не снимай руки с моего плеча,— шепнула Багира,— не снимай, иначе я пойду... пойду к Каа. А-ах!

— Это всего только старый Каа выделяет круги в пыли,— сказал Маугли.— Идем отсюда.

И все трое выскользнули в пролом стены и ушли в джунгли.

— Уу-ф! — вздохнул Балу, снова очутившись среди неподвижных деревьев.— Никогда больше не стану просить помощи у Каа! — И он весь содрогнулся с головы до ног.

— Каа знает больше нас,— вся дрожа, сказала Багира.— Еще немного, и я бы отправилась прямо к нему в пасть.

— Многие отправятся туда же, прежде чем луна взойдет еще раз,— ответил Балу.— Он хорошо поохотится — на свой лад.

— Но что же все это значит? — спросил Маугли, который не знал ничего о притягательной силе змеи.— Я видел только большую змею, которая выписывала зачем-то круги по земле, пока не стемнело. И нос у Каа был весь разбит. Ха-ха!

— Маугли,— сердито сказала Багира,— нос он разбил ради тебя, так же как мои уши, бока и лапы, плечи и шея Балу искушены ради тебя. И Балу и Багире трудно будет охотиться в течение многих дней.

— Это пустяки,— сказал Балу.— Зато детеныш опять с нами!

— Правда, но он нам дорого обошелся: ради него мы были изранены, пожертвовали временем, удачной охотой, собственной

шкурой — у меня выщипана вся спина — и даже нашей честью. Ибо, не забывая этого, мне, черной пантере, пришлось просить помощи у Каа, и мы с Балу потеряли разум, как малые птенцы, увидев Пляску Голода. А все оттого, что ты играл с Бандар-Логами!

— Правда, все это правда,— сказал Маугли, опечалившись.— Я плохой детеныш, и в животе у меня горько.

— Мф! Что говорит Закон Джунглей, Балу?

Балу вовсе не желал новой беды для Маугли, но с Законом не шутят, и потому он проворчал:

— Горе не мешает наказанию. Только не забудь, Багира, что он еще мал!

— Не забуду. Но он натворил беды, и теперь надо его побить. Маугли, что ты на это скажешь?

— Ничего! Я виноват. А вы оба ранены. Это только справедливо.

Багира дала ему десяток шлепков, легких, на взгляд пантеры (они даже не разбудили бы ее собственного детеныша), но для семилетнего мальчика это были суровые побои, от которых всякий рад был бы избавиться. Когда все кончилось, Маугли чихнул и без единого слова поднялся на ноги.

— А теперь,— сказала Багира,— прыгай ко мне на спину, Маленький Брат, и мы отправимся домой.

Одна из прелестей Закона Джунглей состоит в том, что с наказанием кончаются все счеты. После него не бывает никаких придиорок.

Маугли опустил голову на спину Багиры и заснул так крепко, что даже не проснулся, когда его положили на землю в родной берлоге.

«ТИГР, ТИГР!»

После драки на Скале Совета Маугли ушел из волчьего логова и спустился вниз, к пашням, где жили люди, но не остался там — джунгли были слишком близко, а он знал, что нажил себе не одного лютого врага. И потому он побежал дальше, держась дороги по дну долины, и отмахал около двадцати миль ровной рысью, пока не добрался до мест, которых еще не знал. Тут начиналась широкая равнина, усеянная скалами и изрезанная оврагами. На одном краю равнины стояла маленькая деревушка, с другого края густые джунгли дугой подступали к самому выгону и сразу обрывались, словно срезанные мотыгой. По всей равнине паслись коровы и буйволы, и мальчики, сторожившие стадо, завидев Маугли, убежали с криком, а бездомные желтые псы, которых много возле каждой индийской деревни, подняли лай. Маугли пошел дальше, потому что был голоден, и, дойдя до деревенской околицы увидел, что большой терновый куст, которым в сумерки загораживают ворота, отодвинут в сторону.

— Гм! — сказал Маугли (он не в первый раз натыкался на такие заграждения во время своих ночных вылазок за едой).— Значит, люди и здесь боятся Народа Джунглей!

Он сел у ворот и, как только за ворота вышел человек, вскочил на ноги, раскрыл рот и показал на него пальцем в знак того, что хочет есть. Человек посмотрел на него, побежал обратно по единственной деревенской улице и позвал жреца — высокого и толстого человека, одетого во все белое, с красным и желтым знаком на лбу. Жрец подошел к воротам, а за ним прибежало не меньше сотни жителей деревушки: они глазели, болтали, кричали и показывали на Маугли пальцами.

«Какие они невежи, эти люди! — сказал про себя Маугли.— Только серые обезьяны так себя ведут». И, отбросив назад свои длинные волосы, он хмуро посмотрел на толпу.

— Чего же тут бояться? — сказал жрец.— Видите знаки у него на руках и ногах? Это волчьи укусы. Он волчий приемыш и прибежал к нам из джунглей.

Играя с Маугли, волчата нередко кусали его сильнее, чем хотели, и руки и ноги мальчика были сплошь покрыты белыми рубцами. Но Маугли никогда в жизни не назвал бы рубцы укусами: он хорошо знал, какие бывают настоящие укусы.

— Ой! Ой! — сказали в один голос две-три женщины.— Весь искусан волками, бедняжка! Красивый мальчик. Глаза у него как огоньки. Право, Мессуа, он очень похож на твоего сына, которого унес тигр.

— Дайте мне взглянуть,— сказала женщина с тяжелыми медными браслетами на запястьях и шиколотках и, прикрыв глаза ладонью, посмотрела на Маугли.— Да, очень похож! Он худее, зато лицом он точь-в-точь мой сын.

Жрец был человек ловкий и знал, что муж Мессуи — один из первых деревенских богачей. И потому он возвел глаза к небу и произнес торжественно:

— Что джунгли взяли, то джунгли и отдали. Возьми мальчика к себе в дом, сестра моя, и не забывай оказывать почет жрецу, которому открыто все будущее человека.

«Клянусь буйволом, выкупившим меня,— подумал Маугли,— все это очень похоже на то, как меня осматривала Стая! Что же, если я человек, то и буду человеком».

Толпа расступилась, и женщина сделала Маугли знак, чтобы он шел за ней в хижину, где стояла красная лакированная кровать. А еще там было много вещей: большой глиняный сосуд для зерна, покрытый забавным выпуклым узором, с полдюжины медных котелков для стряпни, божок в маленькой нише и на стене — настоящее зеркало, какое можно купить на деревенской ярмарке за восемь центов.

Она дала Маугли вволю молока и кусочек хлеба, потом положила руку ему на голову и заглянула в глаза; ей все-таки думалось, что, может быть, это и в самом деле ее родной сын вернулся из джунглей, куда его унес тигр. И она позвала:

— Натху! О Натху!

Маугли ничем не показал, что это имя ему знакомо.

— Разве ты забыл тот день, когда я подарила тебе башмаки? — Она дотронулась до его ступни, твердой почти как рог. — Нет, — сказала она с грустью, — эти ноги никогда не знали башмаков. Но ты очень похож на моего Натху и будешь моим сыном.

Маугли стало не по себе, оттого что он до сих пор никогда еще не бывал под крышей. Но, взглянув на соломенную кровлю, он увидел, что сможет ее разобрать, если захочет выбраться на волю, и что окно не запирается.

«Что толку быть человеком, если не понимаешь человеческой речи? — сказал он себе. — Здесь я так же глуп и нем, как человек у нас в джунглях. Надо научиться их языку».

Недаром, живя с волками, он выучился подражать боевому кличу оленей в джунглях и хрюканью диких свиней. Как только Мессуа произносила какое-нибудь слово, Маугли очень похоже повторял его за ней и еще до темноты заучил названия многих предметов в хижине. Пришло время спать, но Маугли ни за что не хотел ложиться в хижину, похожей на ловушку для пантеры, и когда заперли дверь, он выскочил в окно.

— Оставь его, — сказал муж Мессуи. — Не забывай, что он никогда еще не спал на кровати. Если он вправду послан нам вместо сына, он никуда не убежит.

И Маугли растянулся среди высокой чистой травы на краю поля. Но не успел он закрыть глаза, как чей-то мягкий серый нос ткнул его в шею.

— Фу! — сказал Серый Брат (это был старший из детенышей Матери Волчицы). — Стоило ради этого бежать за тобой двадцать миль! От тебя пахнет дымом и хлебом — совсем как от человека. Проснись, Маленький Брат, я принес тебе новости.

— Все ли здоровы в джунглях? — спросил Маугли, обнимая его.

— Все, кроме волков, которые обожглись Красным Цветком. Теперь слушай. Шер-Хан ушел охотиться в дальние леса, пока не заживет его шкура, — он весь в ожогах. Он поклялся, что побросает твои кости в реку, когда вернется.

— Ну, это мы еще посмотрим. Я тоже кое в чем поклялся. Однако новости всегда приятно слышать. Я устал сегодня, очень устал от всего нового. Серый Брат, но ты мне всегда рассказывай, что знаешь нового.

— Ты не забудешь, что ты волк? Люди не заставят тебя забыть нас? — тревожно спросил Серый Брат.

— Никогда! Я никогда не забуду, что люблю тебя и всех в нашей пещере. Но не забуду и того, что меня прогнали из Стаи...

— ...и что тебя могут прогнать из другой стаи, Маленький Брат. Люди есть люди, и речь их похожа на речь лягушек в пруду. Когда я приду сюда снова, я буду ждать тебя в бамбуках на краю выгона.

В течение трех месяцев после этой ночи Маугли почти не выходил за деревенские ворота, так он был занят, изучая повадки и обычаи людей. Прежде всего ему пришлось надеть повязку вокруг бедер, что очень его стесняло, потом выучиться считать деньги, непонятно зачем, потом пахать землю, в чем он не видел пользы. Деревенские дети постоянно дразнили его. К счастью, Закон Джунглей научил Маугли сдерживаться, ибо в джунглях от этого зависят жизнь и пропитание. Но когда дети дразнили его за то, что он не хотел играть с ними или пускать змея, или за то, что он не так выговаривал какое-нибудь слово, одна только мысль, что недостойно охотника убивать маленьких, беззащитных детенышей, не позволяла ему схватить и разорвать их пополам.

Маугли сам не знал своей силы. В джунглях он чувствовал себя гораздо слабее зверей, а в деревне люди говорили, что он силен, как бык. Он не понимал, что такое страх, и когда деревенский жрец сказал ему, что бог в храме разгневался на Маугли, если он будет красть у жреца сладкие плоды манго, Маугли схватил статую божка, притащил ее к жрецу в дом и попросил сделать так, чтобы бог разгневался и Маугли можно было бы подраться с ним. Сблaзн был большой, но жрец замыал дело, а мужу Мессуи пришлось заплатить немало серебра, чтобы успокоить бога.

Кроме того, Маугли не имел никакого понятия о тех различиях между людьми, которые создает каста. Когда осел гончара свалился в яму, Маугли вытащил его за хвост и помог уложить горшки для отправки на рынок в Канхивару. Это было уже из рук вон плохо, потому что гончар принадлежал к низшей касте, а про осла и говорить нечего. Когда жрец стал бранить Маугли, тот угрозил посадить и его на осла, и жрец сказал мужу Мессуи, что самое лучшее — поскорее приставить Маугли к какому-нибудь делу. После этого деревенский староста велел Маугли отправляться завтра утром на пастбище стеречь буйволов. Больше всех был доволен этим Маугли. В тот же вечер, считая себя уже на службе у деревни, он присоединился к кружку, который собирался каждый вечер на каменной площадке под большой смоковницей. Это был деревенский клуб, куда сходились курить и староста, и цирюльник, и сторож, знавшие наперечет все деревенские сплетни, и старик Балдео, деревенский охотник, у которого имелся английский мушкет. Обезьяны сидели и болтали на верхних ветвях смоковницы, а в норе под площадкой жила кобра, которой каждый вечер ставили блюдечко молока, потому что она считалась священной. Старики рассаживались вокруг дерева, болтали до поздней ночи и курили табак из больших кальянов. Они рассказывали удивительные истории о людях, богах и привидениях, а Балдео рассказывал еще более удивительные истории о повадках зверей в джунглях, так что у мальчиков, сидевших вне круга, дух захватывало. Больше всего рассказов было про зверей, потому что джунгли подходили вплотную к деревне. Олени и дикие свиньи подкапывали посевы, и время от времени в сумерках тигр уносил человека на глазах у всех, чуть ли не от самых деревенских ворот.

Маугли, который, разумеется, хорошо знал то, о чем здесь рассказывали, закрывал лицо руками, чтобы никто не видел, как он смеется. Балдео, положив мушкет на колени, переходил от одной удивительной истории к другой, а у Маугли тряслись плечи от смеха.

Балдео толковал о том, что тигр, который унес сына Мессуи, был оборотень и что в него вселилась душа злого старого ростовщика, который умер несколько лет назад.

— И это верно, я знаю,— говорил он,— потому что Пуран Дас всегда хромал. Ему зашибли ногу во время бунта, когда сожгли все его счетные книги, а тот тигр, о котором я говорю, тоже хромает, его лапы оставляют неровные следы.

— Верно, верно, так оно и есть! — подтвердили седые бороды, дружно кивая головами.

— Неужели все ваши рассказы такая старая труха? — сказал Маугли.— Этот тигр хромает потому, что родился хромым, как всем известно. Болтать, будто душа ростовщика живет в звере, который всегда был трусливее шакала, могут только малые дети.

Балдео на минуту онемел от изумления, а староста вытаращил глаза.

— Ого! Это ведь мальчишка из джунглей! — сказал Балдео.— Если уж ты так умен, тогда лучше отнеси шкуру этого тигра в Канхивару — правительство назначило сто рупий за его голову. А еще лучше помолчи, когда говорят старшие.

Маугли встал, собираясь уходить.

— Весь вечер я лежал тут и слушал,— отозвался он, оглянувшись через плечо,— и за все это время, кроме одного или двух раз Балдео не сказал ни слова правды о джунглях, а ведь они у него за порогом. Как же я могу поверить сказкам о богах, привидениях и злых духах, которых он будто бы видел?

— Этому мальчику давно пора к стаду,— сказал староста.

А Балдео пыхтел и фыркал, возмущаясь дерзостью Маугли.

Во многих индийских деревнях мальчики с раннего утра выгоняют коров и буйволов на пастбище, а вечером пригоняют их обратно, и те самые буйволы, которые затоптали бы белого человека насмерть, позволяют колотить и гонять себя детям, которые едва достают им до морды. Пока мальчики держатся возле буйволов, им не грозит никакая опасность — даже тигр не посмеет напасть на целое стадо. Но если они отойдут собирать цветы или ловить ящериц, их может унести тигр.

Ранним утром Маугли проехал по деревенской улице, сидя на спине Рамы, самого большого буйвола в стаде. Сине-серые буйволы с длинными, загнутыми назад рогами и диковатым взглядом один за другим выбирались из хлевов и шли за вожакom Рамой, и Маугли дал понять остальным мальчикам, что хозяин здесь он. Он колотил буйволов длинной отполированной бамбуковой палкой и сказал одному из мальчиков по имени Камия, что проедет

дальше с буйволами, а мальчики пусть пасут коров без него и ни в коем случае не отходят от стада.

Индийское пастбище — это сплошные камни, кусты, пучки жесткой травы и неглубокие овраги, по которым разбредается и прячется стадо. Буйволы обычно держатся вблизи болот, где много ила, и целыми часами лежат и греются в горячей от солнца грязи. Маугли пригнал стадо на тот край равнины, где Вайнганга выходит из джунглей, соскочил с шеи Рамы, подбежал к бамбуковой рощице и нашел там Серого Брата.

— Ага,— сказал Серый Брат,— я уже много дней жду тебя здесь. Для чего эта возня со стадом?

— Так мне приказано,— сказал Маугли.— Пока что я деревенский пастух. А где Шер-Хан?

— Он вернулся в эти места и долго подстерегал тебя здесь. Теперь он опять ушел, потому что дичи мало. Он хочет убить тебя.

— Отлично! — сказал Маугли.— Пока его здесь нет, ты или кто-нибудь из четырех братьев должен сидеть на этой скале, чтобы я тебя видел, когда выхожу из деревни. Когда он вернется, ждите меня в овраге посреди равнины, под деревом дхак. Незачем лезть в самую пасть Шер-Хану.

После этого Маугли выбрал тенистое место и уснул, а буйволы паслись вокруг него. Пастись скот в Индии — занятие для лентяев. Коровы передвигаются с места на место и жуют, потом ложатся, потом опять двигаются дальше и даже не мычат. Они только фыркают, а буйволы очень редко говорят что-нибудь. Они входят в илистые заводи один за другим и забираются в грязь по самую морду, так что видны только нос да синие, словно фарфоровые глаза, и лежат там, как колоды. Нагретые солнцем скалы словно струятся от зноя, и пастушата слышат, как коршун (всегда только один) незримо посвистывает у них над головой, и знают, что, если кто-нибудь из них умрет или издохнет корова, этот коршун слетит вниз и соседний коршун за много миль отсюда увидит, как тот спустился, и тоже полетит за ним, а потом еще один, и еще, так что едва успеет кто-нибудь умереть, как двадцать голодных коршунов являются неизвестно откуда. Мальчики дремлют, просыпаются и снова засыпают, плетут маленькие корзиночки из сухой травы и сажают в них кузнечиков, а то поймают двух богомолков и заставляют их драться, а то нижут бусы из красных и черных лесных орехов, или смотрят, как ящерица греется на солнце, или как змея возле лужи охотится за лягушкой. Потом они поют длинные, протяжные песни со странными переливами в конце, и день кажется им длиннее, чем вся жизнь другим людям. А иногда вылепят дворец или храм из глины с фигурками людей, лошадей и буйволов, вложат тростинки людям в руки, будто бы это владетельные князья, а остальные фигурки — их войско, или будто бы это боги, а остальные им молятся. Потом наступает вечер, дети сзывают стадо, и буйволы один за другим поднимаются из густой грязи с шумом пушечного выстрела, и все стадо тянется вереницей через серую равнину обратно, к мерцающим огонькам деревни.

День за днем водил Маугли буйволов к илистым заводям, день за днем видел Серого Брата на равнине (и потому знал, что Шер-Хан еще не вернулся), день за днем он лежал в траве, прислушиваясь к звукам вокруг него, и думал о прежней жизни в джунглях. Если бы Шер-Хан оступился своей хромой лапой где-нибудь в зарослях на берегу Вайнганги, Маугли услышал бы его в эти долгие тихие утра.

Настал наконец день, когда Маугли не увидел Серого Брата на условленном месте, и, засмеявшись, он погнал буйволов к оврагу под деревом дхак, сплошь покрытым золотисто-красными цветами. Там сидел Серый Брат, и каждый волосок на его спине поднялся дыбом.

— Он прятался целый месяц, чтобы сбить тебя со следа. Вчера ночью он перешел горы вместе с Табаки и теперь идет по горячим следам за тобой,— сказал волк, тяжело дыша.

Маугли нахмурился:

— Я не боюсь Шер-Хана, но Табаки очень хитер.

— Не бойся,— сказал Серый Брат, слегка облизнув губы.— Я повстречал Табаки на рассвете. Теперь он рассказывает все свои хитрости коршунам. Но, прежде чем я сломал ему хребет, он все рассказал мне. Шер-Хан намерен ждать тебя сегодня вечером у деревенских ворот, только тебя и никого другого. А теперь он залег в большом пересохшем овраге у реки.

— Ел он сегодня или охотится на пустой желудок? — спросил Маугли, потому что от ответа зависела его жизнь или смерть.

— Он зарезал свинью на рассвете, а теперь еще и напился вволю. Не забудь, что Шер-Хан не может пробыть и одного дня без еды даже ради мести.

— О глупец, глупец! Щенок из щенков! Наелся да еще и напился и думает, что я стану ждать, пока он выспится! Так где же он залег? Если бы нас было хоть десятеро, мы сбили бы с него спесь. Эти буйволы не захотят нападать, если не почуют тигра, а я не умею говорить на их языке. Нельзя ли нам пойти по его следу, чтобы буйволы его почуяли?

— Он проплыл далеко вниз по Вайнганге, чтобы след потерялся,— ответил Серый Брат.

— Это Табаки его надомил, я знаю. Сам он никогда не догадался бы.— Маугли стоял, положив палец в рот, и раздумывал.— Большой овраг у Вайнганги — он выходит на равнину почти за полмили отсюда. Я могу повести стадо кругом, через джунгли, к верху оврага, а потом спуститься вниз, но тогда он уйдет от нас по дну оврага. Надо загородить тот конец. Серый Волк, можешь ты разделить стадо пополам?

— Не знаю, может быть и не сумею, но я привел тебе умного помощника.

Серый Брат отбежал в сторону и соскочил в яму. Оттуда поднялась большая серая голова, хорошо знакомая Маугли, и знойный воздух наполнился самым тоскливым воем, какой только можно услышать в джунглях,— то был охотничий клич волка в полуденное время.

— Акела! Акела! — крикнул Маугли, хлопая в ладоши.— Я так и знал, что ты меня не забудешь! Нам предстоит большая работа. Раздели стадо надвое, Акела. Собери коров с телятами, а быков и рабочих буйволов — отдельно.

Оба волка, делая петли, забегали в стаде среди буйволов и коров, которые фыркали и закидывали вверх головы, и разделили его на две группы. В одной стояли коровы, окружив телят кольцом, и, злобно глядя, рыли копытами землю, готовые броситься на волка и растоптать его насмерть, если только он остановится. В другой группе фыркали и рыли землю быки и молодые бычки, которые казались страшнее, но были далеко не так опасны, потому что не защищали своих телят. Люди и шестером не сумели бы разделить стадо так ловко.

— Что прикажешь еще? — спросил Акела, задыхаясь.— Они хотят опять сойтись вместе.

Маугли вскочил на спину Рамы:

— Отгони быков подальше налево, Акела. Серый Брат, когда мы уйдем, не давай коровам разбежаться и загоняй их в устье оврага.

— Далеко ли? — спросил Серый Брат, тяжело дыша и щелкая зубами.

— До того места, где склоны всего круче, чтобы Шер-Хан не мог выскочить! — крикнул Маугли.— Задержи их там, пока мы не подойдем.

Быки рванулись вперед, услышав голос Акелы, а Серый Брат вышел и встал перед коровами. Те бросились на него, и он побежал перед самым стадом к устью оврага, а в это время Акела отогнал быков далеко влево.

— Хорошо сделано! Еще раз — и они дружно двинутся вперед. Осторожней теперь, осторожней, Акела! Стоит только щелкнуть зубами, и они бросятся на тебя! Ого! Бешеная работа, хуже, чем гонять черных оленей! Думал ли ты, что эти твари могут так быстро двигаться? — спросил Маугли.

— Я... я охотился и на них в свое время, — задыхаясь от пыли, отозвался Акела.— Повернуть их в джунгли?

— Да, поверни. Поверни их скорее! Рама бесится от злости. О, если б я только мог сказать ему, что мне от него нужно!

Быки повернули на этот раз направо, и с шумом бросились в чашу. Мальчишки-пастухи, сторожившие стадо полумилей дальше, со всех ног бросились в деревню, крича, что буйволы взбесились и убежали.

План Маугли был довольно прост. Он хотел сделать большой круг по холмам и дойти до верха оврага, а потом согнать быков вниз, чтобы Шер-Хан попал между быками и коровами. Он знал, что, наевшись и напившись вволю, Шер-Хан не сможет драться и не вскарабкается по склонам оврага. Теперь Маугли успокаивал буйволов голосом, а Акела бежал позади, подвывая изредка, чтобы подогнать отстающих. Пришлось делать большой-большой круг, потому что они не хотели подходить слишком близко к оврагу, чтобы не вспугнуть Шер-Хана. Наконец Маугли повернул стадо

на поросший травой обрыв, круто спускавшийся к оврагу. С обрыва, из-за вершин деревьев была видна равнина внизу, но Маугли смотрел только на склоны оврага и с немалым удовольствием видел, что они очень круты, почти отвесны, и что плющ и лианы, которые их заплели, не удержат тигра, если он захочет выбраться наверх.

— Дай им вздохнуть, Акела,— сказал он, поднимая руку.— Они еще не почуяли тигра. Дай им вздохнуть. Надо же сказать Шер-Хану, кто идет. Мы поймали его в западню.

Он приложил руки ко рту и крикнул в овраг — это было все равно, что кричать в туннель,— и эхо покатилося от скалы к скале.

Очень не скоро в ответ послышалось протяжное сонное ворчанье сытого тигра, который только что проснулся.

— Кто зовет? — рявкнул Шер-Хан, и великолепный павлин с резким криком выпорхнул из оврага.

— Я, Маугли! Пора тебе явиться на Скалу Совета, коровий вор! Вниз! Гони их вниз, Акела! Вниз, Рама, вниз!

На миг стадо замерло на краю обрыва, но Акела провыл во весь голос охотничий клич, и буйволы один за другим нырнули в овраг, как пароходы ныряют через пороги. Песок и камни полетели фонтаном во все стороны.

Раз двинувшись, стадо уже не могло остановиться, и не успело оно спуститься на дно оврага, как Рама замычал, почуяв Шер-Хана.

— Ага! — сказал Маугли, сидевший на его спине.— Теперь ты понял!

И поток черных рогов, морд, покрытых пеной, и выпученных глаз покатился по оврагу, точно так, как катятся валуны в половодье: буйволы послабее оттеснили к бокам оврага, где они с трудом продирались сквозь лианы. Буйволы поняли, что им предстоит: напасть всем стадом и со всех сил, чего не выдержит ни один тигр. Шер-Хан, заслышав топот копыт, вскочил и неуклюже затрусил вниз по оврагу, озираясь по сторонам в поисках выхода. Но откосы поднимались почти отвесно, и он бежал дальше и дальше, отяжелев от еды и питья, готовый на все, лишь бы не драться. Стадо уже расплескивало лужу, по которой он только что прошел, и мычало так, что стон стоял в узком проходе. Маугли услышал ответное мычание в конце оврага и увидел, как повернул Шер-Хан (тигр понимал, что лучше встретиться с быками, чем с коровами и телятами). Потом Рама оступился, споткнулся и прошел по чему-то мягкому и, подгоняемый остальными быками, на всем ходу врезался в другую половину стада. Буйволов послабее это столкновение просто сбilo с ног. И оба стада вынеслись на равнину, бодаясь, фыркая и топоча копытами.

Маугли выждал сколько надо и соскользнул со спины Рамы, колотя направо и налево своей палкой.

— Живо, Акела, разводи стадо! Разгоняй их, не то они начнут бодать друг друга! Отгони их подальше, Акела. Эй, Рама! Эй, эй, эй, дети мои! Тихонько теперь, тихонько! Все уже кончено.

Акела и Серый Брат бегали взад и вперед, кусая буйволов за ноги, и хотя стадо опять направилось было в овраг, Маугли сумел повернуть Раму, а остальные буйволы побрели за ним к болотам.

Шер-Хана не нужно было больше топтать. Он был мертв, и коршуны уже слетались к нему.

— Братья, вот это была собачья смерть! — сказал Маугли, нащупывая нож, который всегда носил в ножнах на шее, с тех пор как стал жить с людьми. — Но он все равно был трус и не стал бы драться. Да! Его шкура будет очень хороша на Скале Совета. Надо скорей приниматься за работу.

Мальчику, выросшему среди людей, никогда не пришло бы в голову одному свежевать десятифутового тигра, но Маугли лучше всякого другого знал, как приложена шкура животного и как ее надо снимать. Однако работа была трудная, и Маугли старался целый час, отдирая и полосуюя шкуру ножом, а волки смотрели, высунув язык, или подходили и тянули шкуру, когда он прика- зывал им.

Вдруг чья-то рука легла на плечо Маугли, и, подняв глаза, мальчик увидел Балдео с английским мушкетом. Пастухи рассказали в деревне о том, что буйволы взбесились и убежали, и Балдео вышел сердитый, заранее приготовившись наказать Маугли за то, что он плохо смотрел за стадом. Волки скрылись из виду, как только заметили человека.

— Что это еще за глупости? — сердито спросил Балдео. — Да разве тебе ободрать тигра! Где буйволы его убили? К тому же это хромой тигр, и за его голову назначено сто рупий. Ну-ну, мы не взыщем с тебя за то, что ты упустил стадо, и, может быть, я дам тебе одну рупию, после того, как отвезу шкуру в Канхивару.

Он нащупал за поясом кремь и огниво и нагнулся, чтобы опалить Шер-Хану усы. Почти все охотники в Индии подпаливают усы, чтобы его призрак не тревожил их.

— Гм! — сказал Маугли вполголоса, снимая кожу с передней лапы. — Так ты отвезешь шкуру в Канхивару, получишь награду, и, может быть, дашь мне одну рупию? А я так думаю, что шкура понадобится мне самому. Эй, старик, убирайся с огнем подальше!

— Как ты смеешь так разговаривать с первым охотником деревни? Твое счастье и глупость буйволов помогли тебе заполучить такую добычу. Тигр только что наелся, иначе он был бы сейчас в двадцати милях отсюда. Ты даже ободрать его не сумеешь как следует, нищий мальчишка, да еще смеешь говорить мне, Балдео, чтобы я не подпаливал тигру усы! Нет, Маугли, я не дам тебе из награды ни одного медяка, зато поколочу тебя как следует. Отойти от туши!

— Клянусь буйволом, который выкупил меня, — сказал Маугли, снимая шкуру с лопатки, — неужели я потрачу весь полдень на болтовню с этой старой обезьяной? Сюда, Акела, этот человек надоед мне.

Балдео, который все еще стоял, нагнувшись над головой Шер-Хана, вдруг растянулся на траве, а когда пришел в себя, то увидел, что над ним стоит серый волк, а Маугли по-прежнему снимает шкуру, как будто он один во всей Индии.

— Да-а,— сказал Маугли сквозь зубы,— ты прав, Балдео: ты не дашь мне ни одного медяка из награды. Я давно воюю с этим хромым тигром, очень давно, и верх теперь мой!

Надо отдать Балдео справедливость — будь он лет на десять помоложе, он бы не побоялся схватиться с Акелой, повстречав его в лесу, но волк, повинующийся слову мальчика, у которого есть личные счеты с тигром-людоедом,— не простой зверь. Тут колдовство, самые опасные чары, думал Балдео и уже не надеялся, что амулет на шее защитит его. Он лежал, едва дыша и ждал, что Маугли вот-вот превратится в тигра.

— Махараджа! Владыка! — произнес он наконец хриплым шепотом.

— Да? — ответил Маугли, не поворачивая головы и слегка поспеваясь.

— Я уже старик. Откуда я знал, что ты не простой пастушок? Можно ли мне встать и уйти отсюда или твой слуга разорвет меня в клочки?

— Ступай, да будет мир с тобой. Только в другой раз не мешайся в мои дела. Пусти его, Акела!

Балдео заковылял в деревню, спеша и поминутно оглядываясь через плечо, не превратится ли Маугли во что-нибудь страшное. Добравшись до деревни, он рассказал такую историю о напущенных на него чарах, волшебстве и колдовстве, что жрец не на шутку испугался.

Маугли работал не отдыхая, однако надвигались уже сумерки, когда он вместе с волками снял с туши большую пеструю шкуру.

— Теперь надо спрятать шкуру и гнать буйволов домой. Помоги мне собрать их, Акела!

Стадо собрали в сумеречной мгле, и, когда оно приближалось к деревне, Маугли увидел огни и услышал, как в храме звонят в колокола и трубят в раковины. Казалось, полдеревни собралось к воротам встречать Маугли.

«Это потому, что я убил Шер-Хана»,— подумал он.

Но целый дождь камней просвистел мимо него, и люди закричали:

— Колдун! Оборотень! Волчий выкормыш! Ступай прочь! Да поживее, не то жрец опять превратит тебя в волка! Стреляй, Балдео, стреляй!

Старый английский мушкет громко хлопнул, и в ответ замычал от боли раненый буйвол.

— Опять колдовство! — закричали люди.— Он умеет отводить пули! Балдео, ведь это твой буйвол!

— Это еще что такое? — спросил растерянно Маугли, когда камни полетели гуще.

— А ведь они похожи на Стаю, эти твои братья,— сказал Акела, спокойно усаживаясь на земле.— Если пули что-нибудь значат, они как будто собираются прогнать тебя.

— Волк! Волчий выкормыш! Ступай прочь! — кричал жрец, размахивая веткой священного растения тулси.

— Опять? Прошлый раз меня гнали за то, что я человек. На этот раз за то, что я волк. Пойдем, Акела!

Женщина — это была Мессуа — перебежала через дорогу к стаду и крикнула:

— О сын мой, сын мой! Они говорят, что ты колдун и можешь, когда захочешь, превращаться в волка! Я им не верю, но все-таки уходи, а то они убьют тебя. Балдео говорит, что ты чародей, но я знаю, что ты отомстил за смерть моего Натху.

— Вернись, Мессуа! — кричала толпа.— Вернись, не то побьем тебя камнями!

Маугли засмеялся коротким, злым смехом — камень ударил его по губам.

— Беги назад, Мессуа. Это глупая сказка из тех, какие рассказывают под большим деревом в сумерки. Я все-таки отомстил за твоего сына. Прощай и беги скорее, потому что я сейчас пошлю на них стадо, а оно движется быстрее, чем камни. Я не колдун, Мессуа. Прощай!.. Ну, еще раз, Акела! — крикнул он.— Гони стадо в ворота!

Буйволы и сами рвались в деревню. Они не нуждались в том, чтобы их подгонял вой Акелы, и вихрем влетели в ворота, расшвыряв толпу направо и налево.

— Считайте! — презрительно крикнул Маугли.— Может быть, я украл у вас буйвола? Считайте, потому что больше я не стану пасти для вас стадо. Прощайте, люди, и скажите спасибо Мессуе, что я не позвал своих волков и не стал гонять вас взад и вперед по деревенской улице.

Он повернулся и пошел прочь вместе с волком-одиночкой и, глядя вверх на звезды, чувствовал себя счастливым.

— Больше я уже не стану спать в ловушках, Акела. Давай возьмем шкуру Шер-Хана и пойдем отсюда. Нет, деревню мы не тронем, потому что Мессуа была добра ко мне.

Когда луна взошла над равниной, залив ее словно молоком, напуганные крестьяне увидели, как Маугли с двумя волками позади и с узлом на голове бежал к лесу волчьей рысью, пожирающей милою за милей, как огонь. Тогда они зазвонили в колокола и затрубили в раковины пуще прежнего. Мессуа плакала. Балдео все больше привирал, рассказывая о своих приключениях в джунглях, и кончил тем, что рассказал, будто Акела стоял на задних лапах и разговаривал, как человек.

Луна уже садилась, когда Маугли и оба волка подошли к холму, где была Скала Совета, и остановились перед логовом Матери Волчицы.

— Они прогнали меня из человечесьей стаи, мать! — крикнул ей Маугли.— Но я сдержал свое слово и вернулся со шкурой Шер-Хана.

Мать Волчица не спеша вышла из пещеры со своими волчатами, и глаза ее загорелись, когда она увидела шкуру.

— В тот день, когда он втиснул голову и плечи в наше логово, охотясь за тобой, Лягушонок, я сказала ему, что из охотника он станет добычей. Ты сделал как надо.

— Хорошо сделал, Маленький Брат,— слышался чей-то низкий голос в зарослях.— Мы скучали в джунглях без тебя.— И Багира подбежала и потерлась о босые ноги Маугли.

Они вместе поднялись на Скалу Совета, и на том плоском камне, где сиживал прежде Акела, Маугли растянул тигровую шкуру, прикрепив ее четырьмя бамбуковыми колышками. Акела улегся на шкуру и по-старому стал сзывать волков на Совет: «Смотрите, смотрите, о волки!» — совсем как в ту ночь, когда Маугли впервые привели сюда.

С тех пор как сместили Акелу, Стая оставалась без вожака, и волки охотились или дрались как кому вздумается. Однако волки по привычке пришли на зов. Одни из них охромели, попавшись в капкан, другие едва ковыляли, раненые дробью, третьи запаршивели, питаясь всякой дрянью, многих недосчитались совсем. Но все, кто остался в живых, пришли на Скалу Совета и увидели полосатую шкуру Шер-Хана на скале и громадные когти, болтающиеся на концах пустых лап.

— Смотрите хорошенько, о волки! Разве я не сдержал слова?— сказал Маугли.

И волки пролаяли: «Да!», а один, самый захудалый, провыл:

— Будь снова нашим вожаком, о Акела! Будь нашим вожаком, о детеныш! Нам опротивело беззаконие, и мы хотим снова стать Свободным Народом!

— Нет,— промурлыкала Багира,— этого нельзя. Если вы будете сыты, вы можете опять взбеситься. Недаром вы зоветесь Свободным Народом. Вы дрались за Свободу, и она ваша. Ешьте ее, о волки!

— Человечья стая и волчья стая прогнали меня,— сказал Маугли.— Теперь я буду охотиться в джунглях один.

— И мы станем охотиться вместе с тобой,— сказали четверо волчат.

И Маугли ушел и с этого дня стал охотиться в джунглях вместе с четырьмя волчатами.

Но он не всегда оставался один: спустя много лет он стал взрослым и женился.

Но это уже рассказ для больших!

КАК СТРАХ ПРИШЕЛ В ДЖУНГЛИ

Закон Джунглей, который много старше всех других законов на земле, предвидел почти все случайности, какие могут выпасть на долю Народа Джунглей, и теперь в этом Законе есть все, что могли дать время и обычай. Если вы читали другие рассказы

про Маугли, то помните, что он провел большую часть своей жизни в Сионийской Волчьей Стае, обучаясь Закону у бурого медведя Балу. Это Балу сказал мальчику, когда тому наскучило выполнять его приказания, что Закон подобен цепкой лиане: он хватает всякого и никому от него не уйти.

— Когда ты проживешь с мое, Маленький Брат, то увидишь, что все джунгли повинуются одному Закону. И это будет не очень приятно видеть,— сказал Балу.

Его слова вошли в одно ухо Маугли и вышли в другое: мальчик, у которого вся жизнь уходит на еду и сон, не станет особенно тревожиться, пока беда не подойдет к нему вплотную. Но настал год, когда слова Балу подтвердились, и Маугли увидел, что все джунгли повинуются одному Закону.

Это началось после того, как зимних дождей не выпало почти совсем и дикобраз Сахи, повстречав Маугли в бамбуковых зарослях, рассказал ему, что дикий ямс подсыхает. А всем известно, что Сахи привередлив до смешного и ест только самое вкусное и самое спелое. Маугли засмеялся и сказал:

— А мне какое дело?

— Сейчас — почти никакого,— сухо и неприветливо ответил Сахи, гремя иглами,— а там будет видно. Можно ли еще нырять в глубоком омуте под Пчелиной Скалой, Маленький Брат?

— Нет. Глупая вода вся ушла куда-то, а я не хочу разбить себе голову,— сказал Маугли, который был уверен, что знает не меньше пяти дикобразов вместе взятых.

— Тебе же хуже: в маленькую трещину могло бы войти сколько-нибудь ума.

Сахи быстро увернулся, чтобы Маугли не дернул его за щетинки на носу. Когда Маугли передал Балу слова Сахи, медведь на минуту задумался и проворчал:

— Будь я один, я переменял бы место охоты, прежде чем другие об этом догадаются. Но только охота среди чужих всегда кончается дракой — как бы они не повредили детенышу. Подождем, посмотрим, как будет цвести махуа.

Этой весной дерево махуа, плоды которого очень любил Балу, так и не зацвело. Сливочного цвета восковые лепестки были сожжены зноем прежде, чем успели развернуться, и лишь несколько дурно пахнущих бутонов упало на землю, когда медведь стал на задние лапы и потряс дерево. Потом шаг за шагом безмерный зной пробрался в самое сердце джунглей, и они пожелтели, побурели и наконец почернели. Зеленая поросль по склонам оврагов выгорела, помертвела и свернулась кусками черной проволоки; потаенные озера высохли до дна, покрылись коркой, и даже самые легкие следы по их берегам сохранялись долго, словно вылитые из чугуна; сочные стебли плюща, обвинявшего деревья, упали к их подножию и увяли; бамбук засох и тревожно шелестел на знойном ветру; мох сошел со скал в глубине джунглей, и они стали такими же голыми и горячими, как синие валуны в русле потока.

Птицы и обезьяны ушли на север в самом начале года, понимая, что им грозит беда, а олени и дикие свиньи забирались далеко в сохнувшие на корню поля вокруг деревень и нередко умирали на глазах у людей, которые слишком ослабели, чтобы убивать их. Коршун Чиль остался в джунглях и разжирел, потому что падали было очень много. Каждый вечер он твердил зверям, у которых уже не хватало сил уйти на новые места, что солнце убило джунгли на три дня полета во все стороны.

Маугли, до сих пор не знавший настоящего голода, принялся за старый мед, трехлетней давности; он выгребал из опустелых ульев среди скал мед, черный, как терновые ягоды, и покрытый налетом застывшего сахара. А еще он доставал личинок, забравшихся глубоко под кору деревьев, и таскал у ос их детву. От дичи в джунглях остались кости да кожа, и Багира убивала трижды в ночь и все не могла наесться досыта. Но хуже всего было то, что не хватало воды, ибо Народ джунглей пьет хоть и редко, но вволю.

А зной все держался и держался и выпил всю влагу, и в конце концов из всех потоков оставалось только главное русло Вайнганги, по которому струился тоненький ручеек воды между мертвыми берегами; и когда дикий слон Хатхи, который живет сто лет и даже больше, увидел длинный синий каменный хребет, выступивший из-под воды посередине потока, он узнал Скалу Мира и тут же поднял хобот и затрубил, объявляя Водяное Перемирие, как пятьдесят лет назад объявил это Перемирие его отец. Олени, дикие свиньи и буйволы хрипло подхватили его призыв, а коршун Чиль, летая над землей большими кругами, свистом и криком извещал джунгли о Перемирии.

По Закону Джунглей за убийство у водопоя полагается смерть, если Перемирие уже объявлено. Это потому, что питье важнее еды. Каждый зверь в джунглях сможет как-нибудь перебиться, если мало дичи, но вода есть вода, и если остался только один источник, всякая охота прекращается, пока Народ Джунглей ходит к нему на водопой. В хорошие времена, когда воды бывало много, зверям, ходившим на водопой к Вайнганге или в другое место, грозила смерть, и эта опасность много прибавляла к прелестям ночной жизни. Спуститься к реке так ловко, чтобы не зашелестел ни один листок; бродить по колено в грохочущей воде порогов, которая глушит всякий шум; пить, оглядываясь через плечо, в страхе напрягая все мускулы для первого отчаянного прыжка, а потом покататься по песчаному берегу и вернуться с мокрой мордой и полным животом к восхищенному стаду,— все это с восторгом проделывали молодые олени с блестящими гладкими рожками именно потому, что в любую минуту Багира или Шер-Хан могли броситься на них и унести. Но теперь эта игра в жизнь и смерть была кончена, и Народ Джунглей подходил голодный и измученный к обмелевшей реке — тигр и медведь вместе с оленями, буйволами и кабанами,— пил загрязненную воду и долго стоял над рекой, не в силах двинуться с места.

Олени и кабаны напрасно искали целыми днями чего-нибудь получше сухой коры и завядших листьев. Буйволы не находили больше ни прохлады в илестых заводях, ни зеленых всходов на полях. Змеи ушли из джунглей и приползли к реке в надежде поймать чудом уцелевшую лягушку. Они обвинялись вокруг мокрых камней и даже не шевелились, когда дикая свинья в поисках корней задевала их рылом. Речных черепах давным-давно переловила Багира, самая ловкая из зверей-охотников, а рыба спряталась глубоко в потрескавшийся ил. Одна только Скала Мира длинной змеей выступала над мелями, и вялые волны едва слышно шипели, касаясь ее горячих боков.

Сюда-то и приходил Маугли каждый вечер, ища прохлады и общества. Самые голодные из его врагов теперь едва ли польстились бы на мальчика. Из-за гладкой безволосой кожи он казался еще более худым и жалким, чем его товарищи. Волосы у него выгорели на солнце, как пенька; ребра выступали, словно прутья на плетеной корзине; высохшие ноги и руки стали похожи на узловатые стебли трав — ползая на четвереньках, он натер себе шишки на коленях и локтях. Зато глаза смотрели из-под спутанных волос спокойно и ясно, потому что Багира, его друг и советчик, в это трудное время велела ему двигаться спокойно, охотиться не спеша и никогда ни в коем случае не раздражаться.

— Времена сейчас плохие, — сказала черная пантера в один раскаленный, как печка, вечер, — но они пройдут, если мы сумеем продержаться до конца. Полон ли твой желудок, детеныш?

— В желудке у меня не пусто, но пользы от этого мало. Как ты думаешь, Багира, дожди совсем забыли нас и никогда не вернутся?

— Не думаю. Мы еще увидим махуа в цвету и оленят, разжиревших на молодой травке. Пойдем на Скалу Мира, послушаем новости. Садись ко мне на спину, Маленький Брат.

— Сейчас не время носить тяжести. Я еще могу держаться на ногах, хотя, правда, мы с тобой не похожи на жирных волов.

Багира искоса посмотрела на свой взъерошенный, пыльный бок и проворчала:

— Вчера ночью я убила вола под ярмом. Я так ослабела, что не посмела бы броситься на него, если б он был на свободе. Вау!

Маугли засмеялся:

— Да, мы теперь смелые охотники. У меня хватает храбрости ловить и есть личинок.

И они вдвоем с Багирой спустились сухим и ломким кустарником на берег реки, к кружевным отмелям, которые разбегались во всех направлениях.

— Эта вода не проживет долго, — сказал Балу, подходя к ним. — Посмотрите на тот берег!

На ровной низине дальнего берега жесткая трава джунглей засохла на корню и стояла мертвая. Протоптаные оленями и кабанами тропы, ведущие к реке, исполосовали рыжую низину пыльными ущельями, проложенными в высокой траве, и хотя было

еще рано, все тропы были полны зверьем, спешившим к воде. Слышно было, как лани и их детеныши кашляют от пыли, мелкой, как нюхательный табак.

Выше по реке, у тихой заводи, огибавшей Скалу Мира, хранильницу Водяного Перемирия, стоял дикий слон Хатхи со своими сыновьями. Худые и серые в лунном свете, они покачивались взад и вперед, покачивались не переставая. Немного ниже стояли рядами олени, еще ниже — кабаны и дикие буйволы, а на том берегу, где высокие деревья подступали к самой воде, было место, отведенное для хищников: тигров, волков, пантер, медведей и всех прочих.

— Правда, что мы повинемся одному Закону,— сказала Багира, заходя в воду и поглядывая искоса на ряды стучащих рогов и настороженных глаз там, где толкались у воды олени и кабаны.— Доброй охоты всем, кто со мной одной крови,— прибавила она, ложась и вытягиваясь во весь рост. Выставив один бок из воды, она шепнула сквозь зубы: — А если б не этот Закон, можно бы очень хорошо поохотиться.

Чуткие уши оленей улавливали последние слова, и по рядам пробежал испуганный шепот:

— Перемирие! Не забывайте о Перемирии!

— Тише, тише! — пробурчал дикий слон Хатхи.— Перемирие продолжается, Багира. Не время сейчас говорить об охоте.

— Кому это лучше знать, как не мне? — ответила Багира, поводя желтыми глазами вверх по реке.— Я теперь ем черепах, ловлю лягушек. Нгайя! Хорошо бы мне выучиться жевать ветки!

— Нам бы тоже очень этого хотелось, о-очень,— проблеял молодой олененок, который родился только этой весной и не одобрял старых порядков.

Как ни плохо было Народу Джунглей, но даже слон Хатхи невольно улыбнулся, а Маугли, который лежал в теплой воде, опираясь на локти, громко расхохотался и взбил ногами пену.

— Хорошо сказано, Маленькие Рожки! — промурлыкала Багира.— Когда Перемирие кончится, это будет зачтено в твою пользу.— И она зорко посмотрела в темноту, чтобы узнать олененка при встрече.

Мало-помалу говор пошел по всему водопою, вверх и вниз по реке. Слышно было, как свиньи, возясь и фыркая, просили потесниться, как мычали буйволы, переговариваясь между собой на песчаных отмелях; как олени рассказывали друг другу жалостные истории о том, что совсем сбились с ног в поисках пищи. Время от времени они спрашивали о чем-нибудь хищников, стоявших на том берегу, но новости были плохие, и жаркий ветер джунглей с шумом проносился между скалами и деревьями, засыпая воду пылью и ветками.

— И люди тоже умирают за плугом,— сказал молодой олень.— От заката до темноты я видел троих. Они лежали не двигаясь, и их буйволы — рядом с ними. Скоро и мы тоже ляжем и не встанем больше.

— Река убыла со вчерашней ночи,— сказал Балу.— О Хатхи, приходилось ли тебе видеть засуху, подобную этой?

— Она пройдет, она пройдет,— отвечал Хатхи, поливая водой из хобота спину и бока.

— У нас тут есть один, которому не вытерпеть долго,— сказал Балу и посмотрел на мальчика, которого очень любил.

— Мне? — возмущенно крикнул Маугли, садясь в воде.— У меня нет длинной шерсти, прикрывающей кости, но если бы содрать с тебя шкуру, Балу...

Хатхи весь затрясся от смеха, а Балу сказал строго:

— Детеныш, этого не подобает говорить учителю Закона! Меня еще никто не видел без шкуры.

— Да нет, я не хотел сказать ничего обидного, Балу. Только то, что ты похож на кокосовый орех в шелухе, а я на тот же орех без шелухи. А если эту твою бурую шелуху...

Маугли сидел, скрестив ноги, и объяснял свою мысль, по обыкновению засунув палец в рот, но тут Багира протянула мягкую лапу и опрокинула его в воду.

— Еще того хуже,— сказала черная пантера, когда мальчик поднялся, отфыркиваясь.— Если с Балу содрать шкуру, то он будет похож на кокосовый орех. Смотри, как бы он не сделал того, что делают кокосовые орехи!

— А что? — спросил Маугли, позабывшись на минуту, хотя это одна из самых старых шуток в джунглях.

— Не разбил бы тебе голову,— невозмутимо ответила Багира, снова опрокидывая мальчика в воду.

— Нехорошо смеяться над своим учителем,— сказал медведь, после того как Маугли окунулся в третий раз.

— Нехорошо! А чего же вы хотите? Этот голыш бегаёт по лесу и насмехается, как обезьяна, над тем, кто был когда-то добрым охотником, да еще дергает за усы забавы ради.

Это спускался к реке, ковыляя, Шер-Хан, хромой тигр. Он подождал немножко, наслаждаясь переполохом, который поднялся среди оленей на том берегу, потом опустил к воде усатую квадратную голову и начал лакать, ворча:

— Джунгли теперь логово для голых щенят! Взгляни на меня, человеческий детеныш!

Маугли взглянул на него — вернее, посмотрел в упор и очень дерзко,— и через минуту Шер-Хан беспокойно отвернулся.

— Маугли то, Маугли се! — проворчал он, продолжая лакать воду.— Он не человек и не волк, не то он испугался бы. Будущим летом мне придется просить у него позволения напиться! Уф!

— Может быть, и так,— сказала Багира, пристально глядя тигру в глаза.— Может быть, и так... Фу, Шер-Хан! Что это за новую пакость ты принес сюда?

Хромой тигр окунул в воду подбородок и щеки, и темные маслянистые полосы поплыли вниз по реке.

— Час назад я убил человека,— нагло ответил Шер-Хан.

Он продолжал лакать воду, мурлыкая и ворча себе под нос.

Ряды зверей дрогнули и заколебались, над ними пронесся шепот, который перешел в крик:

— Он убил человека! Убил человека!

И все посмотрели на дикого слона Хатхи, но тот, казалось, не слышал. Хатхи никогда не торопится, оттого он живет так долго.

— В такое время убивать человека! Разве нет другой дичи в джунглях? — презрительно сказала Багира, выходя из оскверненной воды и по-кошачьи отряхивая одну лапу за другой.

— Я убил его не для еды, а потому, что мне так хотелось.

Опять поднялся испуганный ропот, и внимательные белые глазки Хатхи сурово посмотрели в сторону Шер-Хана.

— Потому, что мне так хотелось... — протянул Шер-Хан. — А теперь я пришел сюда, чтобы утолить жажду и очиститься. Кто мне запретит?

Спина Багиры изогнулась, как бамбук на сильном ветру, но Хатхи спокойно поднял свой хобот.

— Ты убил потому, что тебе так хотелось? — спросил он.

А когда Хатхи спрашивает, лучше отвечать.

— Вот именно. Это было мое право и моя ночь. Ты это знаешь, о Хатхи, — отвечал Шер-Хан почти вежливо.

— Да, я знаю, — ответил Хатхи и, помолчав немного, спросил: — Ты напился вволю?

— На эту ночь — да.

— Тогда уходи. Река для того, чтобы пить, а не для того, чтобы осквернять ее. Никто, кроме хромого тигра, не стал бы хвастаться своим правом в такое время... в такое время, когда все мы страдаем вместе — и человек и Народ Джунглей. Чистый или нечистый, ступай в свою берлогу, Шер-Хан!

Последние слова прозвучали, как серебряные трубы. И три сына Хатхи качнулись вперед на полшага, хотя в этом не было нужды. Шер-Хан ушел крадучись, не смея даже ворчать, ибо он знал то, что известно всем: если дойдет до дела, то хозяин джунглей — Хатхи.

— Что это за право, о котором говорил Шер-Хан? — шепнул Маугли на ухо Багире. — Убивать человека всегда стыдно. Так сказано в Законе. А как же Хатхи говорит...

— Спроси его сам. Я не знаю, Маленький Брат. Есть такое право или нет, а я бы проучила как следует Хромого Мясника, если бы не Хатхи. Приходить к Скале Мира, только что убив человека, да еще хвастаться этим — выходка, достойная шакала! Кроме того, он испортил хорошую воду.

Маугли подождал с минуту, набираясь храбрости, потому что все в джунглях побаивались обращаться прямо к Хатхи, потом крикнул:

— Что это за право у Шер-Хана, о Хатхи?

Оба берега подхватили его слова, ибо Народ Джунглей очень любопытен, а на глазах у всех произошло нечто такое, чего не понимал никто, кроме Балу, который принял самый глубокомысленный вид.

— Это старая история,— сказал Хатхи,— она много старше джунглей. Помолчите там, на берегах, я расскажу ее вам.

Минута или две прошли, пока буйволы и кабаны толкались и отпихивали друг друга, потом вожаки стад повторили один за другим:

— Мы ждем!

И Хатхи шагнул вперед и стал по колено в воде посреди заводи у Скалы Мира. Несмотря на худобу, морщины и желтые бивни, сразу было видно, что именно он — хозяин джунглей.

— Вы знаете, дети мои,— начал он,— что больше всего на свете вы боитесь человека.

Послышался одобрителный ропот.

— Это тебя касается, Маленький Брат,— сказала Багира Маугли.

— Меня? Я охотник Свободного Народа и принадлежу к Стае,— ответил Маугли.— Какое мне дело до человека?

— А знаете ли вы, почему вы боитесь человека? — продолжал Хатхи.— Вот почему. В начале джунглей, так давно, что никто не помнит, когда это было, все мы паслись вместе и не боялись друг друга. В то время не было засухи, листья, цветы и плоды вырастали на дереве в одно время, и мы питались только листьями, цветами и плодами да корой и травой.

— Как я рада, что не родилась в то время! — сказала Багира.— Кора хороша только точить когти.

— А Господином Джунглей был Тха, Первый из Слонов. Своим хоботом он вытащил джунгли из глубоких вод, и там, где он провел по земле борозды своими бивнями, побежали реки, и там, где он топнул ногой, налились водою озера, а когда он затрубил в хобот — вот так,— народились деревья. Вот как Тха сотворил джунгли, и вот как рассказывали мне эту историю.

— Она не стала короче от пересказа! — шепнула Багира.

А Маугли засмеялся, прикрывая рот ладонью.

— В то время не было ни манса, ни дынь, ни перца, ни сахарного тростника, ни маленьких хижин, какие видел каждый из вас, и Народы Джунглей жили в лесах дружно, как один народ, не зная ничего о человеке. Но скоро звери начали ссориться из-за пищи, хотя пастбищ хватало на всех. Они обленились. Каждому хотелось пастись там, где он отдыхал, как бывает иногда и у нас, если весенние дожди прошли дружно. У Тха, Первого из Слонов, было много дела: он создавал новые джунгли и прокладывал русла рек. Он не мог поспеть всюду, и потому сделал Первого из Тигров властелином и судьей над джунглями, и Народ Джунглей приходил к нему со своими спорами. В то время Первый из Тигров ел плоды и траву вместе со всеми. Он был ростом с меня и очень красив: весь желтый, как цветы желтой лианы. В то доброе старое время, когда джунгли только что родились, на шкуре тигра еще не было ни полос, ни пятен. Весь Народ Джунглей приходил к нему без страха, и слово его было законом для всех. Не забывайте, что все мы были тогда один народ.

И все же однажды ночью между двумя быками вышел спор из-за пастбища, такой спор, какие вы теперь решаете с помощью рогов и передних копыт. Говорят, что когда оба быка пришли жаловаться к Первому из Тигров, лежавшему среди цветов, один из них толкнул его рогами, и Первый из Тигров, забыв о том, что он властелин и судья над джунглями, бросился на этого быка и сломал ему шею.

До той ночи никто из нас не умирал, и Первый из Тигров, увидев, что он наделал, и потеряв голову от запаха крови, убежал в болота на север; а мы, Народ Джунглей, остались без судьи и начали ссориться и драгаться между собой. Тха услышал шум и пришел к нам. И одни из нас говорили одно, а другие — другое, но он увидел мертвого быка среди цветов и спросил нас, кто его убил, а мы не могли ему сказать, потому что потеряли разум от запаха крови, как теряем его и теперь. Мы метались и кружились по джунглям, скакали, кричали и мотали головами. И Тха повелел нижним ветвям деревьев и ползучим лианам джунглей отметить убийцу, чтобы Первый из Слонов мог узнать его.

И Тха спросил:

«Кто хочет быть Господином Джунглей?»

Выскочила Серая Обезьяна, которая живет на ветвях, и крикнула:

«Я хочу быть Госпожой Джунглей!»

Тха усмехнулся и ответил:

«Пусть будет так!» — и в гневе ушел прочь.

Дети, вы знаете Серую Обезьяну. Тогда она была такая же, как и теперь. Сначала она соорудила умное лицо, но через минуту начала почесываться и скакать вверх и вниз, и, возвратившись, Тха увидел, что она висит на дереве головой вниз и передразнивает всех, кто стоит под деревом, и они тоже ее дразнят. И так в джунглях не стало больше Закона — одна глупая болтовня и слова без смысла.

Тогда Тха созвал нас всех и сказал:

«Первый ваш Господин принес в джунгли Смерть, второй — Позор. Теперь пора дать вам Закон, и такой Закон, которого вы не смели бы нарушать. Теперь вы познаете Страх и, увидев его, поймете, что он господин над вами, а все остальное придет само собой».

Тогда мы, Народ Джунглей, спросили:

«Что такое Страх?»

И Тха ответил:

«Ищите и отыщите».

И мы исходили все джунгли вдоль и поперек в поисках Страха, и вскоре буйволы...

— Уф! — отозвался со своей песчаной отмели Меса, вожак буйволов.

— Да, Меса, то были буйволы. Они принесли весть, что в одной пещере в джунглях сидит Страх, что он безволосый и ходит на задних лапах. Тогда все мы пошли за стадом буйволов к этой пе-

щере, и Страх стоял там у входа. Да, он был безволосый, как рассказывали буйволы, и ходил на задних лапах. Увидев нас, он крикнул, и его голос вселил в нас страх, который мы знаем теперь, и мы ринулись прочь, топча и нанося раны друг другу. В ту ночь Народ Джунглей не улегся отдыхать весь вместе, как было у нас в обычае, но каждое племя легло отдельно — свиньи со свиньями и олени с оленями: рога с рогами и копыта с копытами. Свои залегли со своими и дрожали от страха всю ночь.

Только Первого из Тигров не было с нами: он все еще прятался в болотах на севере, и когда до него дошла весть о том, кого мы видели в пещере, он сказал:

«Я пойду к нему и сломаю ему шею».

И он бежал всю ночь, пока не достиг пещеры, но деревья и лианы на его пути, помня повеление Тха, низко опускали свои ветви и метили его на бегу, проводя пальцами по его спине, бокам, лбу и подбородку. И где бы ни дотронулись до него лианы, оставалась метка или полоса на его желтой шкуре. И эти полосы его дети носят до наших дней! Когда он подошел к пещере, Безволосый Страх протянул руку и назвал его «Полосатый, что приходит ночью», и Первый из Тигров испугался Безволосого и с воем убежал обратно в болота...

Тут Маугли тихонько засмеялся, опустив подбородок в воду.

— ...Он выл так громко, что Тха услышал его и спросил:

«О чем ты?»

И Первый из Тигров, подняв морду к только что сотворенному небу, которое теперь так старо, сказал:

«Верни мне мою власть, о Тха! Меня опозорили перед всеми джунглями: я убежал от Безволосого, он назвал меня позорным именем».

«А почему?» — спросил Тха.

«Потому, что я выпачкался в болотной грязи», — ответил Первый из Тигров.

«Так поплавай и покатайся по мокрой траве, и если это грязь, она, конечно, сойдет», — сказал Тха.

И Первый из Тигров плавал и плавал, и катался по траве, так что джунгли завертелись у него перед глазами, но ни одно пятнышко не сошло с его шкуры, и Тха засмеялся, глядя на него. Тогда Первый из Тигров спросил:

«Что же я сделал и почему это случилось со мной?»

Тха ответил:

«Ты убил быка и впустил Смерть в джунгли, а вместе со Смертью пришел Страх, и потому Народы Джунглей теперь боятся один другого, как ты боишься Безволосого».

Первый из Тигров сказал:

«Они не побоятся меня, потому что я давно их знаю».

«Поди и посмотри», — ответил Тха.

Тогда Первый из Тигров стал бегать взад и вперед по джунглям и громко звать оленей, кабанов, дикобразов и все Народы

Джунглей. И все они убежали от тигра, который был прежде их Судьей, потому что боялись его теперь.

Тогда Первый из Тигров вернулся к Тха. Гордость его была сломлена, и, ударившись головой о землю, он стал рыть ее всеми четырьмя лапами и провыл:

«Вспомни, что я был когда-то Властелином Джунглей! Не забудь меня, о Тха! Пусть мои дети помнят, что когда-то я не знал ни стыда, ни страха!»

И Тха сказал:

«Это я сделаю, потому что мы вдвоем с тобой видели, как создавались джунгли. Одна ночь в году будет для тебя и для твоих детей такая же, как была прежде, пока ты не убил быка. Если ты повстречаешь Безволосого в эту единственную ночь — а имя ему Человек, — ты не испугаешься его, зато он будет бояться тебя и твоих детей, словно вы судьи джунглей и хозяева всего, что в них есть. Будь милосерден к нему в эту ночь Страха, ибо теперь ты знаешь, что такое Страх».

И тогда Первый из Тигров ответил:

«Хорошо. Я доволен».

Но после того, подойдя к реке напиться, он увидел полосы на своих боках, вспомнил имя, которое ему дал Безволосый, и пришел в ярость. Целый год он прожил в болотах, ожидая, когда Тха исполнит свое обещание. И в одну ночь, когда Лунный Шакал (вечерняя звезда) поднялся над джунглями, тигр почувствовал, что настала его ночь, и пошел к той пещере, где жил Безволосый. И все случилось так, как обещал Первый из Слонов. Безволосый упал на колени перед ним и распростерся на земле, а Первый из Тигров бросился на него и сломал ему хребет, думая, что в джунглях больше нет Безволосых и что он убил Страха. И тогда, обнюхав свою добычу, он услышал, что Тха идет из лесов севера. И вскоре раздался голос Первого из Слонов, тот самый голос, который мы слышим сейчас...

Гром прокатился по иссохшим, растрескавшимся холмам, но не принес с собою дождя — только зарницы блеснули за дальними горами. И Хатхи продолжал:

— Вот этот голос он и услышал. И голос сказал ему:

«Это и есть твое милосердие?»

Первый из Тигров облизнулся и ответил:

«Что за беда? Я убил Страха».

И Тха сказал:

«О слепой и неразумный! Ты развязал ноги Смерти, и она станет ходить за тобою по пятам, пока ты не умрешь. Ты научил человека убивать!»

Первый из Тигров наступил на свою добычу и сказал:

«Он теперь такой же, как тот бык. Страха больше нет, и я по-прежнему буду судить Народы Джунглей».

Но Тха сказал:

«Никогда больше не придут к тебе Народы Джунглей. Никогда не скрестятся их пути с твоими, никогда не будут они спать

рядом с тобой, ни ходить за тобой, ни пастись возле твоей берлоги. Только Страх будет ходить за тобой по пятам и, когда ему вздумается, поражать тебя оружием, которого ты не увидишь. Он сделает так, что земля разверзнется у тебя под ногами, и лиана захлестнет твою шею, и стволы деревьев нагромоздятся вокруг тебя так высоко, что ты не сможешь через них перепрыгнуть. А напоследок он снимет с тебя шкуру и прикроет ею своих детенышей, чтобы согреть их. Ты не пощадил его, и он тебе не даст пощады».

Первый из Тигров был очень отважен, потому что его ночь еще не прошла, и он сказал:

«Обещание Тха остается в силе. Ведь он не отнимет у меня моей ночи?»

И Тха сказал:

«Твоя ночь останется твоей, как я обещал, но за нее придется заплатить. Ты научил человека убивать, а он все перенимает быстро».

Первый из Тигров ответил:

«Вот он, у меня под ногой, и хребет его сломен. Пусть узнают все Джунгли, что я убил Страх».

Но Тха засмеялся и сказал:

«Ты убил одного из многих и сам скажешь об этом джунглям, потому что твоя ночь прошла!»

И вот наступил день — из пещеры вышел другой Безволосый, и, увидев убитого на тропинке и тигра, стоящего над ним, он взял палку с острым концом...

— Теперь они бросают такую острую штуку, — сказал дикобраз Сахи, с шорохом спускаясь к реке.

Гонды¹ считают Сахи самой вкусной едой — они зовут его Хо-Игу, — и ему известно кое-что о коварном топорике гондов, который летит через просеку, блестя, как стрекоза.

— Это была палка с острым концом, какие втыкают на дно ловчей ямы, — сказал Хатхи. — Безволосый бросил ее, и она воткнулась в бок Первому из Тигров. Все случилось, как сказал Тха: Первый из Тигров с воем бегал по лесу, пока не вырвал палку, и все джунгли узнали, что Безволосый может поражать издали, и стали бояться больше прежнего. Так вышло, что Первый из Тигров научил Безволосого убивать — а вы сами знаете сколько вреда это принесло всем нам, — убивать и петлей, и ловушкой, и спрятанным капканом, и кусачей мухой, которая вылетает из белого дыма (Хатхи говорил о пуле), и Красным Цветком, который выгоняет нас из лесу. И все же одну ночь в году Безволосый боится тигра, как обещал Тха, и тигр ничего не сделал, чтобы прогнать его Страх. Где он найдет Безволосого, там и убивает, помня, как опозорили Первого из Тигров.

И теперь Страх разгуливает по джунглям днем и ночью.

— Ахи! Ао! — вздохнули олени, думая, как важно все это для них.

¹ *Гонды* — один из древнейших народов Индии.

— И только когда один Великий Страх грозит всем, как теперь, мы в джунглях забываем свои мелкие страхи и сходимся в одно место, как теперь.

— Человек только одну ночь боится тигра? — спросил Маугли.

— Только одну ночь, — ответил Хатхи.

— Но ведь я... но ведь мы... но ведь все в джунглях знают, что Шер-Хан убивает человека дважды и трижды в месяц.

— Это так. Но тогда он бросается на него сзади и, нападая, отворачивает голову, потому что боится. Если человек посмотрит на тигра, он убежит. А в свою ночь он входит в деревню не прячась. Он идет между домами, просовывает голову в дверь, а люди падают перед ним на колени, и тогда он убивает. Один раз — в ту ночь.

«О! — сказал Маугли про себя, перевертываясь в воде с боку на бок. — Теперь я понимаю, почему Шер-Хан попросил меня взглянуть на него. Ему это не помогло, он не мог смотреть мне в глаза, а я... я, разумеется, не упал перед ним на колени. Но ведь я не человек, я принадлежу к Свободному Народу».

— Гм-м! — глухо проворчала Багира. — А тигр знает свою ночь?

— Нет, не знает, пока Лунный Шакал не выйдет из ночного тумана. Иногда эта ночь бывает летом, в сухое время, а иногда зимой, когда идут дожди. Если бы не Первый из Тигров, этого не случилось бы и никто из нас не знал бы Страха.

Олени грустно вздохнули, а Багира коварно улыбнулась.

— Люди знают эту... сказку? — спросила она.

— Никто ее не знает, кроме тигров и нас, слонов, детей Тха. Теперь и вы, те, что на берегах, слышали ее, и больше мне нечего сказать вам.

Хатхи окунул хобот в воду в знак того, что не желает больше разговаривать.

— Но почему же, почему, — спросил Маугли, обращаясь к Балу, — почему Первый из Тигров перестал есть траву, плоды и листья? Ведь он только сломал шею быку. Он не сожрал его. Что же заставило его отвесть свежей крови?

— Деревья и лианы заклемили тигра, Маленький Брат, и он стал полосатым, каким мы видим его теперь. Никогда больше не станет он есть их плодов, и с того самого дня он мстит оленям, буйволам и другим травоядам, — сказал Балу.

— Так ты тоже знаешь эту сказку? Да? Почему же я никогда ее не слышал?

— Потому что джунгли полны таких сказок. Стоит только начать, им и конца не будет. Пустя мое ухо, Маленький Брат!

НАШЕСТВИЕ ДЖУНГЛЕЙ

Вы, конечно, помните, что Маугли, пригвоздив шкуру Шер-Хана к Скале Совета, сказал всем волкам, сколько их осталось от Сионийской Стаи, что с этих пор будет охотиться в джунглях один, а четверо волчат Матери Волчицы пообещали охотиться

вместе с ним. Но не так-то легко сразу переменить свою жизнь, особенно в джунглях. После того как Стая разбежалась кто куда, Маугли прежде всего отправился в родное логово и залег спать на весь день и на всю ночь. Проснувшись, он рассказал Отцу Волку и Матери Волчице о своих приключениях среди людей ровно столько, сколько они могли понять. Когда Маугли стал играть перед ними своим охотничьим ножом так, что утреннее солнце заиграло и заблестало на его лезвии,— это был тот самый нож, которым он снял шкуру с Шер-Хана,— волки сказали, что он кое-чему научился. После того Акеле и Серому Брату пришлось рассказать, как они помогали Маугли гнать буйволов по оврагу, и Балу вскарабкался на холм послушать их, а Багира почесывалась от удовольствия при мысли о том, как ловко Маугли воевал с тигром.

Солнце давно уже взошло, но никто и не думал ложиться спать, а Мать Волчица время от времени закидывала голову кверху и радостно вдыхала запах шкуры Шер-Хана, доносимый ветром со Скалы Совета.

— Если бы не Акела с Серым Братом,— сказал в заключение Маугли,— я бы ничего не смог сделать. О Мать Волчица, если бы ты видела, как серые буйволы неслись по оврагу и как они ломились в деревенские ворота, когда человеческая стая бросала в меня камнями!

— Я рада, что не видела этого,— сурово сказала Мать Волчица.— Не в моем обычае терпеть, чтобы моих волчат гоняли, как шакалов! Я бы заставила человеческую стаю поплатиться за это, но пощадила бы женщину, которая кормила тебя молоком. Да, я пощадила бы только ее одну!

— Тише, тише, Ракша!— лениво заметил Отец Волк.— Наш Лягушонок опять вернулся к нам и так поумнел, что родной отец должен лизать ему пятки. А не все ли равно — одним шрамом на голове больше или меньше? Оставь человека в покое.

И Балу с Багирой отозвались, как эхо:

— Оставь человека в покое!

Маугли, положив голову на бок Матери Волчицы, улыбнулся довольной улыбкой и сказал, что и он тоже не хочет больше ни видеть, ни слышать, ни чують человека.

— А что, если люди не оставят тебя в покое, Маленький Брат?— сказал Акела, приподняв одно ухо.

— Нас пятеро,— сказал Серый Брат, оглянувшись на всех сидящих и щелкнув зубами.

— Мы тоже могли бы принять участие в охоте,— сказала Багира, пошевеливая хвостом и глядя на Балу.— Но к чему думать теперь о человеке, Акела?

— А вот к чему,— ответил волк-одиночка.— После того как шкуру этого желтого вора повесили на Скале Совета, я пошел обратно к деревне по нашим следам, чтобы запутать их на тот случай, если за нами кто-нибудь погонится, я ступал в свои следы, а иногда сворачивал в сторону и ложился. Но когда я запутал

след так, что и сам не мог бы в нем разобраться, прилетел нетопырь Манг и стал кружить надо мной. Он сказал:

«Деревня человечесьей стаи, откуда прогнали Маугли, гудит, как осиное гнездо».

— Это оттого, что я бросил туда большой камень,— посмеиваясь, сказал Маугли, который часто забавлялся тем, что кидал спелые папавы в осиное гнездо, а потом бросался бегом к ближайшей заводи, чтобы осы его не догнали.

— Я спросил нетопыря, что он видел. Он сказал, что перед деревенскими воротами цветет Красный Цветок и люди сидят вокруг него с ружьями. Я говорю не даром: я ведь знаю по опыту,— тут Акела взглянул на старые рубцы на своих боках,— что люди носят ружья не для забавы. Скоро, Маленький Брат, человек с ружьем пойдет по нашему следу.

— Но зачем это? Люди прогнали меня. Чего еще им нужно?— сердито спросил Маугли.

— Ты человек, Маленький Брат,— возразил Акела.— Не нам, Вольным Охотникам, говорить тебе, что и зачем делают твои братья.

Он едва успел отдернуть лапу, как охотничий нож глубоко вонзился в землю на том месте, где она лежала. Маугли бросил нож так быстро, что за ним не уследил бы человеческий глаз, но Акела был волк, а даже собака, которой далеко до дикого волка, ее прапрадеда, может проснуться от крепкого сна, когда колесо телеги слегка коснется ее бока, и отпрыгнуть в сторону невредимой, прежде чем это колесо наедет на нее.

— В другой раз,— спокойно сказал Маугли, вкладывая нож в ножны,— не говори о человечесьей стае, когда говоришь с Маугли.

— Пфф! Зуб острый,— сказал Акела, обнюхивая ямку, оставленную ножом в земле,— но только житье с человечесьей стаей испортило тебе глаз, Маленький Брат. Я бы успел убить оленя, пока ты замахивался.

Багира вдруг вскочила, вытянула шею вперед, понюхала воздух и вся напряглась. Серый Волк быстро повторил все ее движения, повернувшись немного влево, чтобы уловить ветер, который дул справа. Акела же отпрыгнул шагов на пятьдесят в сторону ветра, присел и тоже напрягся всем телом. Маугли смотрел на них с завистью. Чутье у него было такое, какое редко встречается у людей, но этому чутью не хватало той необычайной тонкости, какая свойственна каждому носу в джунглях, а за три месяца житья в дымной деревне оно сильно притупилось. Однако он смочил палец, потер им нос и выпрямился, чтобы уловить ветер верхним чутьем, которое всего вернее.

— Человек! — проворчал Акела, присаживаясь на задние лапы.

— Балдео! — сказал Маугли, садясь.— Он идет по нашему следу. А вон и солнце блестит на его ружье. Смотрите!

Солнце только блеснуло на долю секунды на медных скрепах старого мушкета, но ничто в джунглях не дает такой вспышки света, разве только если облака бегут по небу. Тогда чешуйка слюды, маленькая лужица и даже блестящий лист сверкают, как гелиограф¹. Но день был безоблачный и тихий.

— Я знал, что люди погонятся за нами,— торжествуя, сказал Акела.— Недаром я был Вожаком Стаи!

Четверо волков Маугли, не сказав ничего, легли на брюхо, поползли вниз по холму и вдруг пропали, словно растаяли среди терновника и зеленой поросли.

— Скажите сначала, куда вы идете?— окликнул их Маугли.

— Ш-ш! Мы прикатим сюда его череп еще до полудня!— отозвался Серый Брат.

— Назад! Назад! Стойте! Человек не ест человека!— крикнул Маугли.

— А кто был только что волком? Кто бросил в меня нож за то, что его называли человеком?— сказал Акела.

Но вся четверка послушалась и угрюмо повернула назад.

— Неужели я должен объяснять вам, почему я делаю то или другое?— спросил Маугли рассердившись.

— Вот вам человек! Это говорит человек!— проворчала Багира себе в усы.— Вот так же говорили люди вокруг княжеского зверинца в Удайпуре. Нам в джунглях давно известно, что человек всех умней. А если б мы верили своим ушам, то знали бы, что он глупей всех на свете.— И, повысив голос, она прибавила:— На этот раз детеныш прав: люди охотятся стаей. Плохая охота убивать одного, когда мы не знаем, что собираются делать остальные. Пойдем посмотрим, чего хочет от нас этот человек.

— Мы не пойдем,— заворчал Серый Брат.— Охоться один, Маленький Брат! Мы-то знаем, чего хотим! Мы бы давно принесли сюда череп.

Маугли обвел взглядом всех своих друзей. Грудь его тяжело поднималась, и глаза были полны слез. Он сделал шаг вперед и, упав на одно колено, сказал:

— Разве я не знаю, чего хочу? Взгляните на меня!

Они неохотно взглянули на Маугли, потом отвели глаза в сторону, но он снова заставил их смотреть себе в глаза, пока шерсть не поднялась на них дыбом и они не задрожали всем телом, а Маугли все смотрел да смотрел.

— Ну, так кто же вожак из нас пятерых?— сказал он.

— Ты вожак, Маленький Брат,— ответил Серый Брат и лизнул Маугли ногу.

— Тогда идите за мной,— сказал Маугли.

И вся четверка, поджав хвосты, побрела за ним по пятам.

¹ Гелиограф — прибор для светосигнальной связи. Работает при помощи зеркал, которые отражают солнечные лучи на большое расстояние.

— Вот что бывает от житья в человеческой стае,— сказала Багира, неслышно спускаясь по холму вслед за ними.— Теперь в джунглях не один Закон, Балу.

Серый медведь не ответил ничего, но подумал очень многое.

Маугли бесшумно пробирался по лесу, пересекая его под прямым углом к тому пути, которым шел Балдео. Наконец, раздвинув кусты, он увидел старика с мушкетом на плече: он трусил собачьей побегой по старому, двухдневному следу.

Вы помните, что Маугли ушел из деревни с тяжелой шкурой Шер-Хана на плечах, а позади него бежали Акела с Серым Братом, так что след был очень ясный. Скоро Балдео подошел к тому месту, где Акела повернул обратно и запутал след. Тут Балдео сел на землю, долго кашлял и ворчал, потом стал рыскать вокруг, стараясь снова напасть на след, а в это время те, которые наблюдали за ним, были так близко, что он мог бы попасть в них камнем. Ни один зверь не может двигаться так тихо, как волк, когда он не хочет, чтобы его слышали, а Маугли, хотя волки считали его очень неуклюжим, тоже умел появляться и исчезать, как тень. Они окружили старика кольцом, как стая дельфинов окружает пароход на полном ходу, и разговаривали, не стесняясь, потому что их речь начинается ниже самой низкой ноты, какую может уловить непривычное человеческое ухо. На другом конце ряда находится тончайший писк летучей мыши, которого многие люди не слышат совсем. С этой ноты начинается разговор всех птиц, летучих мышей и насекомых.

— Это лучше всякой другой охоты,— сказал Серый Брат, когда Балдео нагнулся, пытая и что-то разглядывая.— Он похож на свинью, которая заблудилась в джунглях у реки. Что он говорит?

Балдео сердито бормотал что-то.

Маугли объяснил:

— Он говорит, что вокруг меня, должно быть, плясала целая стая волков. Говорит, что никогда в жизни не видывал такого следа. Говорит, что очень устал.

— Он отдохнет, прежде чем снова отыщет след,— равнодушно сказала Багира, продолжая игру в прятки и прокрадываясь за стволом дерева.

— А теперь что делает этот убогий?

— Собирается есть или пускать дым изо рта. Люди всегда что-нибудь делают ртом,— сказал Маугли.

Молчаливые следопыты увидели, как старик набил трубку, зажег и стал курить. Они постарались хорошенько запомнить запах табака, чтобы потом узнать Балдео даже в самую темную ночь.

Потом по тропе прошли угольщики и, конечно, остановились поболтать с Балдео, который считался первым охотником в этих местах. Все они усаживались в кружок и закурили, а Багира

и остальные подошли поближе и смотрели на них, пока Балдео рассказывал с начала и до конца, с прибавлениями и выдумками, всю историю Маугли, мальчика-оборотня. Как он, Балдео, убил Шер-Хана и как Маугли обернулся волком и дрался с ним целый день, а потом снова превратился в мальчика и околдовал ружье Балдео, так что, когда он прицелился в Маугли, пуля свернула в сторону и убила одного из буйволов Балдео; и как деревня послала Балдео, самого храброго охотника в Сионийских горах, убить волка-оборотня. А Мессуа с мужем, родители оборотня, сидят под замком, в собственной хижине, и скоро их начнут пытаться, для того чтобы они сознались в колдовстве, а потом сожгут на костре.

— Когда?— спросили угольщики, которым тоже очень хотелось посмотреть на эту церемонию.

Балдео сказал, что до его возвращения ничего не станут делать: в деревне хотят, чтобы он сначала убил лесного мальчика. После того они расправятся с Мессуей и с ее мужем и поделят между собой их землю и буйволов.

А буйволы у мужа Мессуи, кстати сказать, очень хороши. Ведьм и колдунов всего лучше убивать, говорил Балдео, а такие люди, которые берут в приемыши волков-оборотней из лесу, и есть самые злые колдуны.

Угольщики боязливо озирались по сторонам, благодаря судьбу за то, что не видали оборотня; однако они не сомневались, что такой храбрец, как Балдео, разыщет оборотня скорее всякого другого. Солнце спустилось уже довольно низко, и угольщики решили идти в ту деревню, где жил Балдео, посмотреть на ведьму и колдуна. Балдео сказал, что, конечно, он обязан застрелить мальчика-оборотня, однако он и думать не хочет о том, чтобы безоружные люди шли одни через джунгли, где волк-оборотень может повстречаться им каждую минуту. Он сам их проводит, и если сын колдуны встретится им, они увидят, как первый здешний охотник с ним расправится. Жрец дал ему такой амулет против оборотня, что бояться нечего.

— Что он говорит? Что он говорит? Что он говорит?— то и дело спрашивали волки.

А Маугли объяснял, пока дело не дошло до колдунов, что было для него не совсем понятно, и тогда он сказал, что мужчина и женщина, которые были так добры к нему, пойманы в ловушку.

— Разве люди ловят людей?— спросил Серый Брат.

— Так он говорит. Я что-то не понимаю. Все они, должно быть, просто взбесились. Зачем понадобилось сажать в ловушку Мессуу с мужем и что у них общего со мной? И к чему весь этот разговор о Красном Цветке? Надо подумать. Что бы они ни собирались делать с Мессуей, они ничего не начнут, пока Балдео не вернется. Так, значит...— И Маугли глубоко задумался, постукивая пальцами по рукоятке охотничьего ножа.

А Балдео и угольщики храбро пустились в путь, прячась один за другим.

— Я сейчас же иду к человечесьей стае,— сказал наконец Маугли.

— А эти?— спросил Серый Брат, жадно глядя на смуглые спины угольщиков.

— Проводите их с песней,— сказал Маугли ухмыляясь.— Я не хочу, чтоб они были у деревенских ворот раньше темноты. Можете вы задержать их?

Серый Брат пренебрежительно оскалил белые зубы:

— Мы можем без конца водить их кругом, всё кругом, как коз на привязи!

— Этого мне не нужно. Спойте им немножко, чтобы они не скучали дорогой. Пускай песня будет и не очень веселая, Серый Брат. Ты тоже иди с ними, Багира, и подпевай им. А когда настанет ночь, встречайте меня у деревни — Серый Брат знает место.

— Нелегкая это работа — быть загонщиком для детеныша. Когда же я выплусь?— сказала Багира зевая, хотя по глазам было видно, как она рада такой забаве.— Я должна петь для каких-то голышей! Что ж, попробуем!

Пантера нагнула голову, чтобы ее голос разнесся по всему лесу, и раздалось протяжное-протяжное «Доброй охоты!» — полуночный зов среди белого дня, довольно страшный для начала. Маугли послушал, как этот зов прокатился по джунглям, то усиливаясь, то затихая, и замер где-то у него за спиной на самой тоскливой ноте, и улыбнулся, пробегая лесом. Он видел, как угольщики сбились в кучку, как задрожало ружье старого Балдео, словно банановый лист на ветру. Потом Серый Брат провыл: «Йа-ла-хи! Йа-ла-хи!» — охотничий клич, который раздается, когда Стая гонит перед собой нильгау — большую серую антилопу.

Этот клич, казалось, шел со всех концов леса разом и слышался все ближе и ближе, пока наконец не оборвался рядом, совсем близко, на самой пронзительной ноте. Остальные трое волков подхватили его, так что даже Маугли мог бы поклясться, что вся Стая гонит дичь по горячему следу. А потом все четверо запели чудесную утреннюю Песню Джунглей, со всеми трелями, переливами и переходами, какие умеет выводить мощная волчья глотка.

Никакой пересказ не может передать ни впечатление от этой песни, ни насмешку, какую вложили волки в каждую ноту, услышав, как затрещали сучья, когда угольщики от страха полезли на деревья, а Балдео начал бормотать заговоры и заклинания. Потом волки улеглись и заснули, потому что вели правильный образ жизни, как и все, кто живет собственным трудом: не выспавшись, нельзя работать как следует.

Тем временем Маугли отмахивал милую за милую, делая по девяти миль в час, и радовался, что несколько не ослабел после стольких месяцев жизни среди людей. У него осталась одна только мысль: выручить Мессую с мужем из западни, какова бы она ни была,— он опасался всяких ловушек. После этого, обещал себе Маугли, он расплатится и со всей остальной деревней.

Спустились уже сумерки, когда он увидел знакомое пастбище и дерево дхак, под которым ожидал его Серый Брат в то утро, когда Маугли убил Шер-Хана. Как ни был он зол на всех людей, все же при первом взгляде на деревенские кровли у него перехватило дыхание. Он заметил, что все вернулись с поля раньше времени и, вместо того чтобы взяться за вечернюю стряпню, собрались толпой под деревенской смоковницей, откуда слышались говор и крик.

— Людям непременно надо расставлять ловушки для других людей, а без этого они всё будут недовольны,— сказал Маугли.— Две ночи назад они ловили Маугли, а сейчас мне кажется, что эта ночь была много дождей назад. Сегодня черед Мессуи с мужем. А завтра, и послезавтра, и на много ночей после того опять настанет черед Маугли.

Он прополз под оградой и, добравшись до хижины Мессуи, заглянул в окно. В комнате лежала Мессуа, связанная по рукам и ногам, и стонала, тяжело дыша; ее муж был привязан ремнями к пестро раскрашенной кровати. Дверь хижины, выходящая на улицу, была плотно приперта, и трое или четверо людей сидели, прислонившись к ней спиной.

Маугли очень хорошо знал нравы и обычаи деревни. Он сообразил, что пока люди едят, курят и разговаривают, ничего другого они делать не станут; но после того, как они поедят, их нужно остерегаться. Скоро вернется и Балдео, и, если его провожатые хорошо сослужили свою службу, ему будет о чем порассказать. Мальчик влез в окно и, нагнувшись над мужчиной и женщиной, разрезал связывавшие их ремни, вынул затычки из рта и поискал, нет ли в хижине молока.

— Я знала, я знала, что он придет! — зарыдала Мессуа.— Теперь я знаю наверняка, что он мой сын! — И она прижала Маугли к груди.

До этой минуты Маугли был совершенно спокоен, но тут он весь задрожал, чему и сам несказанно удивился.

— Для чего эти ремни? За что они связали тебя?— спросил он, помолчав.

— В наказание за то, что мы приняли тебя в сыновья, за что же еще?— сказал муж сердито.— Посмотри — я весь в крови.

Мессуа ничего не сказала, но Маугли взглянул на ее раны, и они услышали, как он скрипнул зубами...

— Чье это дело?— спросил он.— За это они поплатятся!

— Это дело всей деревни. Меня считали богачом. У меня

было много скота. Потому мы с ней колдуны, что приютили тебя.

— Я не понимаю! Пусть расскажет Мессуа.

— Я кормила тебя молоком, Натху, ты помнишь?— робко спросила Мессуа.— Потому что ты мой сын, которого унес тигр, и потому что я крепко тебя люблю. Они говорят, что я твоя мать, мать оборотня, и за это должна умереть.

— А что такое оборотень?— спросил Маугли.— Смерть я уже видел.

Муж угрюмо взглянул на него исподлобья, но Мессуа засмеялась.

— Видишь?— сказала она мужу.— Я знала, я тебе говорила, что он не колдун. Он мой сын, мой сын!

— Сын или колдун — какая нам от этого польза?— отвечал муж.— Теперь мы с тобой все равно что умерли.

— Вон там идет дорога через джунгли,— показал Маугли в окно.— Руки и ноги у вас развязаны. Уходите.

— Мы не знаем джунглей, сын мой, так, как... как ты их знаешь,— начала Мессуа.— Мне не уйти далеко.

— А люди погонятся за нами и опять приведут нас сюда,— сказал ее муж.

— Гм! — сказал Маугли, водя кончиком охотничьего ножа по своей ладони.— Пока что я не хочу зла никому в этой деревне. Не думаю, однако, что тебя оставят. Еще немного времени — и у них найдется о чем подумать. Ага! — Он поднял голову и прислушался к крикам и беготне за дверями.— Наконец-то они отпустили Балдео домой!

— Его послали утром убить тебя,— сказала Мессуа.— Разве ты его не встретил?

— Да, мы... я встретил его. Ему есть о чем рассказать. А пока он разговаривает, можно сделать очень много. Но сначала надо узнать, чего они хотят. Подумайте, куда вам лучше уйти, и скажете мне, когда я вернусь.

Он прыгнул в окно и опять побежал, прячась под деревенской стеной, пока ему не стал слышен говор толпы, собравшейся под смоковницей.

Балдео кашлял и стонал, лежа на земле, а все остальные обступили его и расспрашивали. Волосы у него растрепались, руки и ноги он ободрал, влезая на дерево, и едва мог говорить, зато отлично понимал всю значительность своего положения. Время от времени он начинал говорить что-то о поющих чертах, оборотнях и колдовстве только для того, чтобы раздражить любопытство и наемкнуть толпе, о чем он будет рассказывать. Потом он попросил воды.

— Так! — сказал Маугли.— Слова и слова! Одна болтовня! Люди — кровные братья обезьянам. Сначала он будет полоскать рот водой, потом курить, а управившись со всем этим, он начнет рассказывать. Ну и дурачье эти люди! Они не поставят никого стеречь Мессую, пока Балдео забивает им уши своими рассказами. И я становлюсь таким же лентяем!

Он встряхнулся и проскользнул обратно к хижине. Он был уже под окном, когда почувствовал, что кто-то лизнул ему ногу.

— Мать,— сказал он, узнав Волчицу,— что здесь делаешь ты?

— Я услышала, как мои дети поют в лесу, и пошла за тем, кого люблю больше всех. Лягушонок, я хочу видеть женщину, которая кормила тебя молоком,— сказала Мать Волчица, вся мокрая от росы.

— Ее связали и хотят убить. Я разрезал ремни, и она с мужем уйдет через джунгли.

— Я тоже провожу их. Я стара, но еще не совсем беззуба.— Мать Волчица стала на задние лапы и заглянула через окно в темную хижину.

Потом она бесшумно опустила на все четыре лапы и сказала только:

— Я первая кормила тебя молоком, но Багира говорит правду: человек в конце концов уходит к человеку.

— Может быть,— сказал Маугли очень мрачно,— только я сейчас далек от этого пути. Подожди здесь, но не показывайся ей.

— Ты никогда меня не боялся, Лягушонок,— сказала Мать Волчица, отступая на шаг и пропадая в высокой траве, что она отлично умела делать.

— А теперь,— весело сказал Маугли, снова прыгнув в окно,— все собрались вокруг Балдео, и он рассказывает то, чего не было. А когда он кончит, они непременно придут сюда с Красным... с огнем и сожгут вас обоих. Как же быть?

— Мы поговорили с мужем,— сказала Мессуа.— Канхивара в тридцати милях отсюда. Если мы доберемся туда сегодня, мы останемся живы. Если нет — умрем.

— Вы останетесь живы. Ни один человек не выйдет сегодня из ворот. Но что это он делает?

Муж Мессуа, стоя на четвереньках, копал землю в углу хижины.

— Там у него деньги,— сказала Мессуа.— Больше мы ничего не можем взять с собой.

— Ах да! Это то, что переходит из рук в руки и не становится теплей. Разве оно бывает нужно и в других местах?

Муж сердито оглянулся.

— Какой он оборотень? Он просто дурак! — проворчал он.— На эти деньги я могу купить лошадь. Мы так избиты, что не уйдем далеко, а деревня погонится за нами.

— Говорю вам, что не погонится, я этого не позволю, но лошадь — это хорошо, потому что Мессуа устала.

Ее муж встал, завязывая в пояс последнюю рупию. Маугли помог Мессуе выбраться в окно, и прохладный ночной воздух оживил ее. Но джунгли при свете звезд показались ей очень темными и страшными.

— Вы знаете дорогу в Канхивару? — прошептал Маугли.

Они кивнули.

— Хорошо. Помните же, что бояться нечего. И торопиться тоже не надо. Только... только в джунглях позади вас и впереди вас вы, быть может, услышите пение.

— Неужели ты думаешь, что мы посмели бы уйти ночью в джунгли, если бы не боялись, что нас сожгут? Лучше быть растерзанным зверями, чем убитым людьми,— сказал муж Мессуи.

Но сама Мессуа посмотрела на Маугли и улыбнулась.

— Говорю вам,— продолжал Маугли, словно он был медведь Балу и в сотый раз твердил невнимательному волчонку древний Закон Джунглей,— говорю вам, что ни один зуб в джунглях не обнажится против вас, ни одна лапа в джунглях не поднимется на вас. Ни человек, ни зверь не остановит вас, пока вы не завидите Канхивару. Вас будут охранять.— Он быстро повернулся к Мессуе, говоря:— Муж твой не верит мне, но ты поверишь?

— Да, конечно, сын мой. Человек ли ты или волк из джунглей, но я тебе верю.

— Он испугается, когда услышит пение моего народа. А ты узнаешь и все поймешь. Ступайте же и не торопитесь, потому что спешить нет нужды: ворота закрыты.

Мессуа бросилась, рыдая, к ногам Маугли, но он быстро поднял ее, весь дрожа. Тогда она повисла у него на шее, называя его всеми ласковыми именами, какие только ей вспомнились. Они пошли, направляясь к джунглям, и Мать Волчица выскочила из своей засады.

— Проводи их! — сказал Маугли.— И смотри, чтобы все джунгли знали, что их нельзя трогать. Подай голос, а я позову Багиру.

Глухой, протяжный вой раздался и замер, и Маугли увидел, как муж Мессуи вздрогнул и повернулся, готовый бежать обратно к хижине.

— Иди, иди! — ободряюще крикнул Маугли.— Я же сказал, что вы услышите песню. Она вас проводит до самой Канхивары. Это Милость Джунглей.

Мессуа подтолкнула своего мужа вперед, и тьма спустилась над ними и Волчицей, как вдруг Багира выскочила чуть ли не из-под ног Маугли.

— Мне стыдно за твоих братьев! — сказала она мурлыча.

— Как? Разве они плохо пели для Балдео? — спросил Маугли.

— Слишком хорошо! Слишком! Они даже меня заставили забыть всякую гордость, и, клянусь сломанным замком, который освободил меня, я бегала по джунглям и пела, словно весной. Разве ты нас не слышал?

— У меня было другое дело. Спроси лучше Балдео, понравилась ли ему песня. Но где же вся четверка? Я хочу, чтобы ни один из человеческой стаи не вышел сегодня за ворота.

— Зачем же тебе четверка?— сказала Багира. Глядя на него горящими глазами, она переминалась с ноги на ногу и мурлыкала все громче.— Я могу задержать их, Маленький Брат. Это пение и люди, которые лезли на деревья, раззадорили меня. Я гналась за ними целый день — при свете солнца, в полуденную пору. Я стерегла их, как волки стерегут оленей. Я Багира, Багира, Багира! Я плясала с ними, как пляшу со своей тенью. Смотри!

И большая пантера подпрыгнула, как котенок, и погналась за падающим листом, она била по воздуху лапами то вправо, то влево, и воздух свистел под ее ударами, потом бесшумно стала на все четыре лапы, опять подпрыгнула вверх, и опять, и опять, и ее мурлыканье и ворчанье становилось все громче и громче, как пение пара в закипающем котле.

— Я Багира — среди джунглей, среди ночи! — и моя сила вся со мной! Кто выдержит мой натиск? Дстеныш, одним ударом лапы я могла бы разmozжить тебе голову, и она стала бы плоской, как дохлая лягушка летней порой!

— Что ж, ударь! — сказал Маугли на языке деревни, а не на языке джунглей.

И человечески слова разом остановили Багиру. Она отпрянула назад и, вся дрожа, присела на задние лапы, так что ее голова очутилась на одном уровне с головой Маугли. И опять Маугли стал смотреть, как смотрел на непокорных волчат, прямо в зеленые, как изумруд, глаза, пока в глубине зеленых зрачков не погас красный огонь, как гаснет огонь на маяке, пока пантера не отвела взгляда. Ее голова опускалась все ниже и ниже, и наконец красная терка языка царапнула ногу Маугли.

— Багира, Багира, Багира! — шептал мальчик, настойчиво и легко поглаживая шею и дрожащую спину.— Успокойся, успокойся! Это ночь виновата, а вовсе не ты!

— Это все ночные запахи,— сказала Багира, приходя в себя.— Воздух словно зовет меня. Но откуда ты это знаешь?

Воздух вокруг индийской деревни полон всяких запахов, а для зверя, который привык чують и думать носом, запахи значат то же, что музыка или вино для человека.

Маугли еще несколько минут успокаивал пантеру, и наконец она улеглась, как кошка перед огнем, сложив лапы под грудью и полускрыв глаза.

— Ты наш и не наш, из джунглей и не из джунглей,— сказала она наконец.— А я только черная пантера. Но я люблю тебя, Маленький Брат.

— Они что-то долго разговаривают под деревом,— сказал Маугли, не обращая внимания на ее последние слова.— Балдео, должно быть, рассказал им не одну историю. Они скоро придут за тем, чтобы вытащить эту женщину с мужем из ловушки и бросить их в Красный Цветок. И увидяг, что ловушка опустела. Хо-хо!

— Нет, послушай,— сказала Багира.— Пускай они найдут там меня! Немногие посмеют выйти из дому, после того как

увидят меня. Не первый раз мне сидеть в клетке, и вряд ли им удастся связать меня веревками.

— Ну, так будь умницей! — сказал Маугли смеясь.

А пантера уже прокралась в хижину.

— Брр! — приняхалась Багира. — Здесь пахнет человеком, но кровать как раз такая, на какой я лежала в княжеском зверинце в Удайпуре. А теперь я лягу!

Маугли услышал, как заскрипела веревочная сетка под тяжестью крупного зверя.

— Клянусь сломанным замком, который освободил меня, они подумают, что поймали важную птицу! Поди сядь рядом со мной, Маленький Брат, и мы вместе пожелаем им доброй охоты!

— Нет, у меня другое на уме. Человечья стая не должна знать, что я тоже участвую в этой игре. Охоться одна. Я не хочу их видеть.

— Пусть будет так, — сказала Багира. — Вот они идут!

Беседа под смоковницей на том конце деревни становилась все более шумной. В заключение поднялся крик, и толпа повалила по улице, размахивая дубинками, бамбуковыми палками, серпами и ножами. Впереди всех бежал Балдсо, но и остальные не отставали от него, крича:

— Колдуна и колдунью сюда! Подожгите крышу над их головой! Мы им покажем как нянчиться с оборотнями! Нет, сначала побьем их! Факелов! Побольше факелов!

Тут вышла небольшая заминка с дверной щеколдой. Дверь была заперта очень крепко, но толпа вырвала щеколду вон, и свет факелов залил комнату, где, растянувшись во весь рост на кровати, скрестив лапы и слегка свесив их с одного края, черная и страшная, лежала Багира. Минута прошла в молчании, полном ужаса, когда передние ряды всеми силами продвинулись обратно на улицу. И в эту минуту Багира зевнула, старательно и всем напоказ, как зевнула бы, желая оскорбить равного себе. Усатые губы приподнялись и раздвинулись, красный язык завернулся, нижняя челюсть обвисала все ниже и ниже, так что видно было жаркую глотку; огромные клыки выделялись в черном провале рта, пока не лязгнули как стальные затворы. В следующую минуту улица опустела. Багира выскочила в окно и стала рядом с Маугли. А люди, обезумев от страха, рвались в хижины, спотыкаясь и толкая друг друга.

— Они не двинутся с места до рассвета, — спокойно сказала Багира. — А теперь что?

Казалось, безмолвие полуденного сна нависло над деревней, но, если прислушаться, было слышно, как двигают по земляному полю тяжелые ящики с зерном, заставляя ими двери. Багира права: до самого утра в деревне никто не шевельнется.

Маугли сидел неподвижно и думал, и его лицо становилось все мрачнее.

— Что я такое сделала?— сказала наконец Багира, ласкаясь к нему.

— Ничего, кроме хорошего. Постереги их теперь до рассвета, а я усну.

И Маугли убежал в лес, повалился на камень и уснул — он проспал весь день и всю ночь.

Когда он проснулся, рядом с ним сидела Багира и у его ног лежал только что убитый олень.

Багира с любопытством смотрела, как Маугли работал охотничьим ножом, как он ел и пил, а потом снова улегся, опершись подбородком на руку.

— Женщина с мужчиной добрались до Канхивары целы и невредимы,— сказала Багира.— Твоя мать прислала весточку с коршуном Чилем. Они нашли лошадь еще до полуночи, в тот же вечер, и уехали очень быстро. Разве это не хорошо?

— Это хорошо,— сказал Маугли.

— А твоя человечья стая не пошевелинулась, пока солнце не поднялось высоко сегодня утром. Они приготовили себе поесть, а потом опять заперлись в своих домах.

— Они, может быть, увидели тебя?

— Может быть. На рассвете я каталась в пыли перед воротами и, кажется, даже пела. Ну, Маленький Брат, больше здесь нечего делать. Идем на охоту со мной и с Балу. Он нашел новые ульи и собирается показать их тебе, и мы все хотим, чтобы ты по-старому был с нами... Не смотри так, я боюсь тебя! Мужчину с женщиной не бросят в Красный Цветок, и все в джунглях остается по-старому. Разве это не правда? Забудем про человечью стаю!

— Про нее забудут, и очень скоро. Где кормится Хатхи нынче ночью?

— Где вздумается. Кто может знать, где теперь Молчаливый? А зачем он тебе? Что такого может сделать Хатхи, чего бы не могли сделать мы?

— Скажи, чтобы он пришел сюда ко мне вместе со своими тремя сыновьями.

— Но, право же, Маленький Брат, не годится приказывать Хатхи, чтобы он «пришел» или «ушел». Не забывай, что он Хозяин Джунглей и что он научил тебя Заветным Словам Джунглей раньше, чем человечья стая изменила твое лицо.

— Это ничего. У меня тоже есть для него Заветное Слово. Скажи, чтобы он пришел к Лягушонку Маугли, а если он не сразу расслышит, скажи ему, чтобы пришел ради вытопанных полей Бхаратпура.

— «Ради вытопанных полей Бхаратпура»,— повторила Багира дважды или трижды, чтобы запомнить.— Иду! Хатхи только рассердится и больше ничего, а я с радостью отдала бы добычу целого месяца лишь бы услышать, какое Заветное Слово имеет власть над Молчаливым.

Она ушла, а Маугли остался, в ярости роя землю охотничьим ножом. Маугли ни разу в жизни не видел человеческой крови и —

что значило для него гораздо больше — ни разу не слышал ее запаха до тех пор, пока не почуял запах крови на связывавших Мессую ремнях. А Мессуа была добра к нему, и он ее любил. Но как ни были ему ненавистны жестокость, трусость и болтливость людей, он бы ни за что не согласился отнять у человека жизнь и снова почуять этот страшный запах, чем бы ни наградили его за это джунгли. Его план был гораздо проще и гораздо вернее, и он засмеялся про себя, вспомнив, что его подсказал ему один из рассказов старого Балдео под смокровницей.

— Да, это было Заветное Слово,— вернувшись, шепнула Багира ему на ухо.— Они паслись у реки и послушались меня, как буйволы. Смотри, вон они идут!

Хатхи и его три сына появились, как всегда, без единого звука. Речной ил еще не высох на их боках, и Хатхи задумчиво дожевывал зеленое банановое деревцо, которое вырвал бивнями. Но каждое движение его громадного тела говорило Багире, которая понимала все с первого взгляда, что не Хозяин Джунглей пришел к мальчику-волчонку, а пришел тот, кто боится, к тому, кто не боится ничего. Трое сыновей Хатхи покачивались плечом к плечу позади отца.

Маугли едва поднял голову, когда Хатхи пожелал ему доброй охоты. Прежде чем сказать хоть слово, он заставил Хатхи долго переминаться с ноги на ногу, покачиваться и встряхиваться, а когда заговорил, то с Багирой, а не со слонами.

— Я хочу рассказать вам одну историю, а слышал я ее от охотника, за которым вы охотились сегодня,— начал Маугли.— Это история о том, как старый и умный слон попал в западню и острый кол на дне ямы разорвал ему кожу от пятки до плеча, так что остался белый рубец.

Маугли протянул руку, и когда Хатхи повернулся, при свете луны стал виден длинный белый шрам на сером, как грифель, боку, словно его стегнули раскаленным бичом.

— Люди вытащили слона из ямы,— продолжал Маугли,— но он был силен и убежал, разорвав путы, и прятался, пока рана не зажила. Тогда он вернулся ночью на поля охотников. Теперь я припоминаю, что у него было три сына. Все это произошло много-много дождей тому назад и очень далеко отсюда — на полях Бхаратпура. Что случилось с этими полями в следующую жатву, Хатхи?

— Жатву собрал я с моими тремя сыновьями,— сказал Хатхи.

— А что было с посевом, который следует за жатвой?— спросил Маугли.

— Посева не было,— сказал Хатхи.

— А с людьми, которые живут на полях рядом с посевами?— спросил Маугли.

— Они ушли.

— А с хижинами, в которых спали люди?— спросил Маугли.

— Мы разметали крыши домов, а джунгли поглотили стены.

— А что же было потом?— спросил Маугли.

— Мы напустили джунгли на пять деревень; и в этих деревнях, и на их землях, и на пастбищах, и на мягких, вспаханных полях не осталось теперь ни одного человека, который получал бы пищу от земли. Вот так были вытоптаны бхаратпурские поля, и это сделал я с моими тремя сыновьями. А теперь скажи мне, Маугли, как ты узнал про это?— спросил Хатхи.

— Мне сказал один человек, и теперь я вижу, что даже Балдео не всегда лжет. Это было хорошо сделано, Хатхи с белым рубцом, а во второй раз выйдет еще лучше, потому что распоряжаться будет человек. Ты знаешь деревню человеческой стаи, что выгнала меня? Не годится им жить там больше. Я их ненавижу!..

— А убивать никого не нужно? Мои бивни покраснели от крови, когда мы топтали поля в Бхаратпуре, и мне бы не хотелось снова будить этот запах.

— Мне тоже. Я не хочу даже, чтобы их кости лежали на нашей чистой земле. Пусть ищут себе логово. Здесь им нельзя оставаться. Я слышал, как пахнет кровь женщины, которая меня кормила,— женщины, которую они убили бы, если бы не я. Только запах свежей травы на порогах домов может заглушить запах крови. Ог него у меня горит во рту. Напустим на них джунгли, Хатхи!

— А! — сказал Хатхи.— Вот так же горел и рубец на моей коже, пока мы не увидели, как погибли деревни под весенней порослью. Теперь я понял: твоя война станет нашей войной. Мы напустим на них джунгли.

Маугли едва успел перевести дыхание — он весь дрожал от ненависти и злобы,— как то место, где стояли слоны, опустело, и только Багира смотрела на Маугли с ужасом.

А Хатхи и его трое сыновей повернули каждый в свою сторону и молча зашагали по долинам. Они шли все дальше и дальше через джунгли и сделали шестьдесят миль, то есть целый двухдневный переход. И каждый их шаг и каждое покачивание хобота были замечены и истолкованы Мангом, Чилем, Обезьяньим Народом и всеми птицами. Потом слоны стали кормиться и мирно паслись не меньше недели. Хатхи и его сыновья похожи на горного удава Каа, они не станут торопиться, если в этом нет нужды.

Через неделю — и никто не знает, откуда это пошло,— по джунглям пронесся слух, что в такой-то и такой-то долине корм и вода всего лучше. Свиньи, которые готовы идти на край света ради сытной кормежки, тронулись первые, отряд за отрядом, переваливаясь через камни; за ними двинулись олени, за оленями — маленькие лисицы, которые питаются падалью. Рядом с оленями шли неповоротливые антилопы-нильгау, а за нильгау двигались дикие буйволы с болот. Вначале легко было бы повернуть обратно рассеянные и разбросанные стада, которые щипали траву, брели дальше, пили и снова щипали траву, но как только среди них поднималась тревога, кто-нибудь являлся и успокаивал их. То это был дикобраз Сахи с вестью о том, что хорошие корма начинаются чуть подальше; то нетопырь Манг с радостным писком проносился, трепеща крыльями, по прогалине, чтобы показать, что там никого нет; то

Балу с полным ртом кореньев подходил, переваливаясь, к стаду и в шутку или всерьез пугал его, направляя на настоящую дорогу. Многие повернули обратно, разбежались или не захотели идти дальше, но прочие остались и по-прежнему шли вперед.

Прошло дней десять, и к концу этого времени дело обстояло так: олени, свиньи и нильгау топтались, двигаясь по кругу радиусом в восемь или десять миль, а хищники нападали на них с краев. А в центре круга была деревня, а вокруг деревни созревали хлеба на полях, а в полях сидели люди на вышках, похожих на голубятни и построенных для того, чтобы пугать птиц и других воришек.

Была темная ночь, когда Хатхи и его трое сыновей без шума вышли из джунглей, сломали хоботами жерди и вышки упали, как падает сломанный стебель болиголова, а люди, свалившись с них, услышали глухое урчанье слонов. Потом авангард напуганной армии оленей примчался и вытоптал деревенское пастбище и вспаханные поля; а за ними пришли тупорылые свиньи с острыми копытами, и что осталось после оленей, то уничтожили свиньи.

Время от времени волки тревожили стада, и те, обезумев, бросались из стороны в сторону, топча зеленый ячмень и ровняя с землей края оросительных каналов. Перед рассветом в одном месте на краю круга хищники отступили, оставив открытой дорогу на юг, и олени ринулись по ней, стадо за стадом. Другие, посмелей, залегли в чаще, чтобы покормиться следующей ночью.

Но дело было уже сделано. Утром крестьяне, взглянув на свои поля, увидели, что все посевы погибли. Это грозило смертью, если люди не уйдут отсюда, потому что голод был всегда так же близко от них, как и джунгли. Когда буйволов выгнали на пастбища, голодное стадо увидело, что олени начисто съели всю траву, и разбрелось по джунглям вслед за своими дикими товарищами. А когда наступили сумерки, оказалось, что три или четыре деревенские лошади лежат в стойлах с проломленной головой. Только Багира умела наносить такие удары, и только ей могла прийти в голову дерзкая мысль вытащить последний труп на середину улицы.

В эту ночь крестьяне не посмели развести костры на полях, и Хатхи с сыновьями вышел подбирать то, что осталось; а там, где пройдет Хатхи, уже нечего больше подбирать. Люди решили питаться зерном, припасенным для посева, пока не пройдут дожди, а потом наняться в работники, чтобы наверстать потерянный год. Но пока хлеботорговец думал о своих корзинах, полных зерна, и о ценах, какие он будет брать с покупателей, острые клыки Хатхи ломали угол его глинобитного амбара и крушили большой плетеный закром, где хранилось зерно.

После того как обнаружили эту потерю, пришла очередь жреца сказать свое слово. Богам он уже молился, но напрасно. Возможно, говорил он, что деревня, сама того не зная, оскорбила какого-нибудь бога джунглей: по всему видно, что джунгли против них. Тогда послали за главарем соседнего племени бродячих гондов, маленьких, умных, черных, как уголь, охотников, живущих в глубине джунглей, чьи предки происходят от древнейших народностей Ин-

дии — от первоначальных владельцев земли. Гонда угостили тем, что нашлось, а он стоял на одной ноге, с луком в руках и двумя-тремя отравленными стрелами, воткнутыми в волосы, и смотрел не то с испугом, не то с презрением на встревоженных людей и на их опустошенные поля. Люди хотели узнать, не сердятся ли на них его боги, старые боги, и какие жертвы им нужны. Гонд ничего не ответил, но сорвал длинную плеть ползучей дикой тыквы, приносящей горькие плоды, и заплел ею двери храма на глазах у изумленного божка. Потом он несколько раз махнул рукой по воздуху в ту сторону, где была дорога в Канхивару, и ушел обратно к себе в джунгли смотреть, как стада животных проходят по ним. Он знал, что когда джунгли наступают, только белые люди могут остановить их движение.

Незачем было спрашивать, что он хотел этим сказать. Дикая тыква вырастет там, где люди молились своему богу, и чем скорее они уйдут отсюда, тем лучше.

Но нелегко деревне сняться с насиженного места. Люди оставались до тех пор, пока у них были летние запасы. Они пробовали собирать орехи в джунглях, но тени с горящими глазами следили за ними даже среди дня, а когда люди в испуге повернули обратно, со стволов деревьев, мимо которых они проходили всего пять минут назад, оказалась содранной кора ударами чьей-то большой, когтистой лапы. Чем больше люди жались к деревне, тем смелей становились дикие звери, с ревом и топотом гулявшие по пастбищам у Вайнганги. У крестьян не хватало духа чинить и латать задние стены опустелых хлебов, выходивших в лес. Дикие свиньи топтали развалины, и узловатые корни лиан спешили захватить только что отвоеванную землю и забрасывали через стены хижины цепкие побеги, а вслед за лианами щетинилась жесткая трава. Холостяки сбежали первыми и разнесли повсюду весть, что деревня обречена на гибель. Кто мог бороться с джунглями, когда даже деревенская кобра покинула свою нору под смоковницей!

Люди все меньше и меньше общались с внешним миром, а протоптанные через равнину тропы становились все уже и уже. И трубный зов Хатхи и его троих сыновей больше не тревожил деревню по ночам: им больше незачем было приходить. Поля за околицей зарастали травой, сливаясь с джунглями, и для деревни настала пора уходить в Канхивару.

Люди откладывали уход со дня на день, пока первые дожди не захватили их врасплох. Нечиненные крыши стали протекать, выгон покрылся водой по щиколотку, и все, что было зелено пошло сразу в рост после летней засухи. Тогда люди побрели вброд — мужчины, женщины и дети — под слепящим и теплым утренним дождем и, конечно, обернулись, чтобы взглянуть в последний раз на свои дома.

И как раз, когда последняя семья, нагруженная узлами, проходила в ворота, с грохотом рухнули балки и кровля за деревенской оградой. Люди увидели, как мелькнул на мгновение блестящий, черный, как змея, хобот, разметывая мокрую солому крыши.

Он исчез, и опять послышался грохот, а за грохотом визг. Хатхи срывал кровли с домов, как мы срываем водяные лилии, и отскокившая балка ушибла его. Только этого ему не хватало, чтобы разойтись вовсю, потому что из диких зверей, живущих в джунглях, взбесившийся дикий слон всех больше буйствует и разрушает. Он лягнул задней ногой глинобитную стену, и стена развалилась от удара, а потоки дождя превратили ее в желтую грязь. Хатхи кружился, и трубил, и метался по узким улицам, наваливаясь на хижины справа и слева, ломая шаткие двери, круша стропила; а три его сына бесновались позади отца, как бесновались при разгроме полей Бхаратпура.

— Джунгли поглотят эти скорлупки,— сказал спокойный голос среди развалин.— Сначала нужно свалить ограду.

И Маугли, блестя мокрыми от дождя плечами, отскочил от стены, которая осела на землю, как усталый буйвол.

— Все в свое время,— прохрипел Хатхи.— О да, в Бхаратпуре мои клыки покраснели от крови! К ограде, дети мои! Головой! Все вместе! Ну!

Все четверо налегли, стоя рядом. Ограда пошатнулась, треснула и упала, и люди, онемев от ужаса, увидели в неровном проломе измазанные глиной головы разрушителей. Люди бросились бежать вниз по долине, оставшись без приюта и без пищи, а их деревня словно таяла позади, растоптанная, разметанная и разнесенная в клочки.

Через месяц от деревни остался рыхлый холмик, поросший нежной молодой зеленью, а когда прошли дожди, джунгли буйно раскинулись на том самом месте, где всего полгода назад были вспаханные поля.

КНЯЖЕСКИЙ АНКАС

Каа, большой горный удав, переменял кожу — верно, в двухсотый раз со дня рождения,— и Маугли, который никогда не забывал, что Каа спас ему жизнь однажды ночью в Холодных Берлогах, о чем, быть может, помните и вы, пришел его поздравить. Меняя кожу, змея бывает угрюма и раздражительна, до тех пор пока новая кожа не станет блестящей и красивой. Каа больше не подсмеивался над Маугли. Как и все в джунглях, он считал его Хозяином Джунглей и рассказывал ему все новости, какие, само собой, приходится слышать удаву его величины. То, чего Каа не знал о средних джунглях, как их называют, о жизни, которая идет у самой земли или под землей, о жизни около валунов, кочек и лесных пней, уместилось бы на самой маленькой из его чешуек.

В тот день Маугли сидел меж больших колец Каа, перебирая пальцами чешуйчатую старую кожу, сброшенную удавом среди камней. Каа очень любезно подставил свое тело под широкие плечи Маугли, и мальчик сидел словно в живом кресле.

— Она вся целая, даже и чешуйки на глазах целы,— негромко сказал Маугли, играя сброшенной кожей.— Как странно видеть у своих ног то, что покрывало голову!

— Да, только ног у меня нет,— ответил Каа,— и я не вижу тут ничего странного, это в обычае моего народа. Разве ты никогда не чувствуешь, что кожа у тебя сухая и жесткая?

— Тогда я иду купаться, Плоскоголовый, хотя, правда, в сильную жару мне хочется сбросить кожу совсем и бегать без кожи.

— Я и купаюсь и меняю кожу. Ну, как тебе нравится моя новая одежда?

Маугли провел рукой по косым клеткам огромной спины.

— У черепахи спина тверже, но не такая пестрая,— сказал он задумчиво.— У лягушки, моей тетки, она пестрей, но не такая твердая. На вид очень красиво, точно пестрый узор в чашечке лилии.

— Новой коже нужна вода. До первого купанья цвет все еще не тот. Идем купаться!

— Я понесу тебя,— сказал Маугли и, смеясь, нагнулся, чтобы приподнять большое тело Каа там, где оно казалось всего толще.

Это было все равно что поднять водопроводную трубу двухфутовой толщины, а Каа лежал неподвижно, тихо пыхтя от удовольствия. Потом у них началась привычная вечерняя игра — мальчик в расцвете сил и удав в великолепной новой коже стали бороться друг с другом, пробуя зоркость и силу. Разумеется, Каа мог раздавить сотню таких как Маугли, если бы дал себе волю, но он играл осторожно, никогда не пользуясь и десятой долей своей мощи.

Как только Маугли стал достаточно крепок, чтобы с ним можно было бороться, Каа научил мальчика этой игре, и его тело сделалось от этого необыкновенно гибким. Иной раз Маугли стоял, захлестнутый почти до горла гибкими кольцами Каа, силясь высвободить одну руку и ухватить его за шею. Тогда Каа, весь обмякнув, ослаблял хватку, а Маугли своими быстрыми ногами не давал найти точку опоры огромному хвосту, который тянулся назад, нащупывая камень или пеню. Они качались взад и вперед, голова к голове, каждый выжидая случая напасть, и наконец прекрасная, как изваяние, группа превращалась в вихрь черных с желтым колец и мелькающих ног и рук, чтобы снова и снова подняться.

— Ну-ну-ну!— говорил Каа, делая головой выпады, каких не могла отразить даже быстрая рука Маугли.— Смотри! Вот я дотронулся до тебя, Маленький Брат! Вот и вот! Разве руки у тебя онемели? Вот опять!

Эта игра всегда кончалась одинаково: прямым, быстрым ударом головы Каа всегда сбивал мальчика с ног. Маугли так и не выучился обороняться против этого молниеносного выпада; и, по словам Каа, на это не стоило тратить время.

— Доброй охоты!— проворчал наконец Каа.

И Маугли, как всегда, отлетел шагов на десять в сторону, задыхаясь и хохоча.

Он поднялся, набрав полные руки травы, и пошел за Каа к любимому месту купанья мудрой змеи — глубокой, черной, как

смоль, заводи, окруженной скалами и особенно привлекательной из-за потонувших стволов. По обычаю джунглей, мальчик бросился в воду без звука и нырнул; потом вынырнул, тоже без звука, лег на спину, заложив руки под голову, и, глядя на луну, встающую над скалами, начал разбивать пальцами ног ее отражение в воде. Треугольная голова Каа разрезала воду, как бритва, и, поднявшись из воды, легла на плечо Маугли. Они лежали неподвижно, наслаждаясь обволакивающей их прохладой.

— Как хорошо! — сонно сказал Маугли. — А в человечесьей стае в это время, помню, ложились на жесткое дерево внутри земляных ловушек и, закрывшись хорошенько со всех сторон от свежего ветра, укутывались с головой затхлыми тряпками и заводили носом скучные песни. В джунглях лучше!

Торопливая кобра проскользнула мимо них по скале, напилась, пожелала им доброй охоты и скрылась.

— О-о-ш! — сказал Каа, словно вспомнив о чем-то. — Так, значит, джунгли дают тебе все, чего тебе только хочется, Маленький Брат?

— Не все, — сказал Маугли засмеявшись, — а не то можно было бы каждый месяц убивать нового Шер-Хана. Теперь я мог бы убить его собственными руками, не прося помощи у буйволов. Еще мне хочется иногда, чтобы солнце светило во время дождей или чтобы дожди закрыли солнце в разгаре лета. А когда я голоден, мне всегда хочется убить козу, а если убью козу, хочется, чтобы это был олень, а если это олень, хочется, чтобы это была нильгау. Но ведь так бывает и со всеми.

— И больше тебе ничего не хочется? — спросил Каа.

— А чего мне больше хотеть? У меня есть джунгли и Милость Джунглей! Разве есть еще что-нибудь на свете между востоком и западом?

— А кобра говорила... — начал Каа.

— Какая кобра? Та, что уползла сейчас, ничего не говорила: она охотилась.

— Не эта, а другая.

— И много у тебя дел с Ядовитым Народом? Я их не трогаю, пусть идут своей дорогой. Они носят смерть в передних зубах, и это нехорошо — они такие маленькие. Но с какой же это коброй ты разговаривал?

Каа медленно покачивался на воде, как пароход на боковой волне.

— Три или четыре месяца назад, — сказал он, — я охотился в Холодных Берлогах — ты, может быть, еще не забыл про них, — и тварь, за которой я охотился, с визгом бросилась мимо водоемов к тому дому, который я когда-то проломил ради тебя, и убежала под землю.

— Но в Холодных Берлогах никто не живет под землей. — Маугли понял, что Каа говорит про Обезьяний Народ.

— Эта тварь не жила, а спасала свою жизнь, — ответил Каа, высывая дрожащий язык. — Она уползла в нору, когорая шла

очень далеко. Я пополз за ней, убил ее, а потом уснул. А когда проснулся, то пополз вперед.

— Под землей?

— Да. И наконец набрел на Белый Клобук — белую кобру, которая говорила со мной о непонятных вещах и показала мне много такого, чего я никогда еще не видел.

— Новую дичь? И хорошо ты поохотился?— Маугли быстро перевернулся на бок.

— Это была не дичь, я обломал бы об нее все зубы, но Белый Клобук сказал, что люди — а говорил он так, будто знает эту породу,— что люди отдали бы последнее дыхание, лишь бы взглянуть на эти вещи.

— Посмотрим!— сказал Маугли.— Теперь я вспоминаю, что когда-то был человеком.

— Тихонько, тихонько! Торопливость погубила Желтую Змею, которая съела солнце. Мы поговорили под землей, и я рассказал про тебя, называя тебя человеком. Белая кобра сказала (а она поистине стара, как джунгли): «Давно уже не видала я человека. Пускай придет, тогда и увидит все эти вещи. За самую малую из них многие люди не пожалели бы жизни».

— Значит, это новая дичь. А ведь Ядовитый Народ никогда не говорит нам, где есть вспугнутая дичь. Они недружелюбны.

— Это не дичь. Это... это я не могу сказать, что это такое.

— Мы пойдем туда. Я еще никогда не видел белой кобры, да и на все остальное мне тоже хочется посмотреть. Это она их убила?

— Они все неживые. Кобра сказала, что она сторожит их.

— А! Как волк сторожит добычу, когда притащит ее в берлогу. Идем!

Маугли подплыл к берегу, покатался по траве, чтобы обсушиться, и они вдвоем отправились к Холодным Берлогам — заброшенному городу, о котором вы, быть может, читали. Маугли теперь ничуть не боялся обезьян, зато обезьяны дрожали от страха перед Маугли. Однако обезьянье племя рыскало теперь по джунглям, и Холодные Берлоги стояли в лунном свете пустые и безмолвные.

Каа подполз к развалинам княжеской беседки на середине террасы, перебрался через кучи щебня и скользнул вниз по засыпанной обломками лестнице, которая вела в подземелье. Маугли издал Змеиный Клич: «Мы с вами одной крови, вы и я!» — и пополз за ним на четвереньках. Оба они долго ползли по наклонному коридору, который несколько раз сворачивал в сторону, и наконец добрались до такого места, где корень старого дерева, поднимавшегося над землей футов на тридцать, вытеснил из стены большой камень. Они пролезли в дыру и очутились в просторном подземелье, своды которого, раздвинутые корнями деревьев, тоже были все в трещинах, так что сверху в темноту падали тонкие лучики света.

— Надежное убежище!— сказал Маугли, выпрямляясь во весь рост.— Только оно слишком далеко, чтобы каждый день в нем бывать. Ну, а что же мы тут увидим?

— Разве я ничто?— сказал чей-то голос в глубине подземелья.

Перед Маугли мелькнуло что-то белое, и мало-помалу он разглядел такую огромную кобру, каких он до сих пор не встречал,— почти в восемь футов длиной, вылинявшую от жизни в темноте до желтизны старой слоновой кости. Даже очки на раздутом клобуке стали у нее бледно-желтыми. Глаза у кобры были красные, как рубины, и вся она была такая диковинная с виду.

— Доброй охоты!— сказал Маугли, у которого вежливые слова, как и охотничий нож, были всегда наготове.

— Что нового в городе?— спросила белая кобра, не отвечая на приветствие.— Что нового в великом городе, обнесенном стеною, в городе сотни слонов, двадцати тысяч лошадей и несметных стад,— в городе князя над двадцатью князьями? Я становлюсь туга на ухо и давно уже не слыхала боевых гонгов.

— Над нами джунгли,— сказал Маугли.— Из слонов я знаю только Хатхи и его сыновей. А что такое «князь»?

— Я говорил тебе,— мягко сказал Каа,— я говорил тебе четыре луны назад, что твоего города уже нет.

— Город, великий город в лесу, чьи врата охраняются княжескими башнями, не может исчезнуть. Его построили еще до того, как дед моего деда вылез из яйца, и он будет стоять и тогда, когда сыновья моих сыновей побелеют, как я. Саладхи, сын Чандрабиджи, сына Вийеджи, сына Ягасари, построил его в давние времена. А кто ваш господин?

— След потерялся,— сказал Маугли, обращаясь к Каа.— Я не понимаю, что она говорит.

— Я тоже. Она очень стара... Прародительница Кобр, тут кругом одни только джунгли, как и было всегда, с самого начала.

— Тогда кто же он,— спросила белая кобра,— тот, что сидит передо мной и не боится? Тот, что не знает имени князя и говорит на нашем языке устами человека? Кто он, с ножом охотника и языком змей?

— Меня зовут Маугли,— был ответ.— Я из джунглей. Волки — мой народ, а это Каа, мой брат. А ты кто, Мать Кобр?

— Я страж княжеского сокровища. Каран Раджа положил надо мной камни еще тогда, когда у меня была темная кожа, чтобы я убивала тех, что придут сюда воровать. Потом сокровища опустили под камень, и я услышала пение жрецов, моих учителей.

«Гм!— сказал про себя Маугли.— С одним жрецом я уже имел дело в человечесей стае, и я знаю, что знаю. Скоро сюда придет беда».

— Пять раз поднимали камень с тех пор, как я стерегу сокровище, но всегда для того, чтобы прибавить еще, а не унести отсюда. Нигде нет таких богатств, как эти — сокровища ста князей. Но давно-давно уже не поднимали камень, и мне кажется, что про мой город забыли.

— Города нет. Посмотри вокруг — вон корни больших деревьев раздвинули камни. Деревья и люди не растут вместе,— уговаривал ее Каа.

— Дважды и трижды люди находили сюда дорогу,— злобно ответила кобра,— но они ничего не говорили, пока я не находила их ощупью в темноте, а тогда кричали, только совсем недолго. А вы оба пришли ко мне с ложью, и человек и змея, и хотите, чтобы я вам поверила, будто моего города больше нет и пришел конец моей службе. Люди мало меняются с годами. А я не меняюсь! Пока не поднимут камень и не придут жрецы с пением знакомых мне песен, и не напоят меня теплым молоком, и не вынесут отсюда на свет, я, я, я — и никто другой!— буду Стражем Княжеского Сокровища! Город умер, говорите вы, и сюда проникли корни деревьев? Так нагнитесь же и возьмите что хотите! Нет нигде на земле таких сокровищ! Человек со змеиным языком, если ты сможешь уйти отсюда живым той дорогой, какой пришел, князя будут тебе слугами!

— След опять потерялся,— спокойно сказал Маугли.— Неужели какой-нибудь шакал прорылся так глубоко и укусил большой Белый Клубок? Она, верно, взбесилась... Мать Кобр, я не вижу, что можно отсюда унести.

— Клянусь богами Солнца и Луны, мальчик потерял разум!— прошипела кобра.— Прежде чем закроются твои глаза, я окажу тебе одну милость. Смотри — и увидишь то, чего не видел еще никто из людей!

— Худо бывает тому, кто говорит Маугли о милостях,— ответил мальчик сквозь зубы,— но в темноте все меняется, я знаю. Я посмотрю, если тебе так хочется.

Прищулив глаза, он обвел пристальным взглядом подземелье, потом поднял с полу горсть чего-то блестящего.

—Ого!— сказал он.— Это похоже на те штучки, которыми играют в человечесей стае. Только эти желтые, а те были коричневые.

Он уронил золото на пол и сделал шаг вперед. Все подземелье было устлано слоем золотых и серебряных монет толщиной в пять-шесть футов, выпавшихся из мешков, где они прежде хранились. За долгие годы металл слежался и выровнялся, как песок во время отлива. На монетах и под ними, зарывшись в них как обломки крушения в песке, были чеканного серебра седла для слонов с бляхами кованого золота, украшенные рубинами и бирюзой. Там были паланкины и носилки для княгинь, окованные и отделанные серебром и эмалью, с нефритовыми ручками и янтарными кольцами для занавесей; там были золотые светильники с изумрудными подвесками, колыхающимися на них; там были пятифутовые статуи давно забытых богов, серебряные, с изумрудными глазами; были кольчуги, стальные с золотой насечкой и с бахромой из почерневшего мелкого жемчуга; там были шлемы с гребнями, усеянными рубинами цвета голубиной крови; там были лакированные щиты из панциря черепахи и кожи носорога, окованные червонным золотом, с изумрудами по краям; охупки сабель, кинжалов и охотничьих ножей с алмазными рукоятками; золотые чаши и ковши и переносные алтари, никогда не видевшие дневного света; нефритовые чаши и браслеты; кадильницы, гребни, сосуды для духов, хны и сурьмы, все чеканного

золота; множество колец для носа, обручей, перстней и поясов; пояса в семь пальцев шириной из граненых алмазов и рубинов и деревянные шкатулки, трижды окованные железом, дерево которых распалось в прах и остались груды опалов, кошачьего глаза, сапфиров, рубинов, брильянтов, изумрудов и гранатов.

Белая кобра была права: никакими деньгами нельзя было оценить такое сокровище — плоды многих столетий войны, грабежей, торговли и поборов. Одним монетам не было цены, не говоря уже о драгоценных камнях; золота и серебра тут было не меньше двухсот или трехсот тонн чистым весом.

Но Маугли, разумеется, не понял, что значат эти вещи. Ножи заинтересовали его немножко, но они были не так удобны, как его собственный нож, и потому он их бросил. Наконец он отыскал нечто в самом деле пленительное, лежавшее перед слоновым седлом, полузарытым в монетах. Это был двухфутовый анкас, или бодило для слонов, похожий на маленький лодочный багор. На его верхушке сидел круглый сверкающий рубин, а восьмидюймовой длины ручка была сплошь украшена нешлифованной бирюзой, так что держать ее было очень удобно. Ниже был нефритовый ободок, а кругом него шел узор из цветов, только листья были изумрудные, а цветы — рубины, вделанные в прохладный зеленый камень. Остальная часть ручки была из чистой слоновой кости, а самый конец — остриё и крюк — был стальной, с золотой насечкой, изображавшей охоту на слонов. Картинки и пленили Маугли, который увидел, что они изображают его друга Хатхи.

Белая кобра следовала за ним по пятам.

— Разве не стоит отдать жизнь за то, чтобы это увидеть? — сказала она. — Правда, я оказала тебе великую милость?

— Я не понимаю, — ответил Маугли. — Они все твердые и холодные и совсем не годятся для еды. Но вот это, — он поднял анкас, — я хотел бы унести с собой, чтобы разглядеть при солнце. Ты говоришь, что это все твое. Так подари это мне, а я принесу тебе лягушек для еды.

Белая кобра вся затряслась от злобной радости.

— Конечно, я подарю это тебе, — сказала она. — Все, что здесь есть, я дарю тебе — до тех пор, пока ты не уйдешь.

— Но я уйду сейчас. Здесь темно и холодно, а я хочу унести эту колючую штуку с собой в джунгли.

— Взгляни себе под ноги! Что там лежит?

Маугли подобрал что-то белое и гладкое.

— Человечий череп, — сказал он равнодушно. — А вот и еще два.

— Много лет назад эти люди пришли, чтобы унести сокровище. Я поговорила с ними в темноте, и они успокоились.

— Но разве мне нужно что-нибудь из того, что ты называешь сокровищем? Если ты позволишь мне унести анкас, это будет добрая охота. Если нет, все равно это будет добрая охота. Я не вражду с Ядовитым Народом, а кроме того, я знаю Заветное Слово твоего племени.

— Здесь только одно Заветное Слово, и это Слово — мое!

Каа метнулся вперед, сверкнув глазами:

— Кто просил меня привести человека?

— Я, конечно,— прошелестела старая кобра.— Давно уже не видела человека, а этот человек говорит по-нашему.

— Но о том, чтобы убивать, не было уговора. Как же я вернусь в джунгли и расскажу, что отвел его на смерть?

— Я и не убью его раньше времени. А если тебе надо уйти, вон дыра в стене. Помолчи-ка теперь, жирный убийца обезьян! Стоит мне коснуться твоей шеи, и джунгли тебя больше не увидят. Никогда еще человек не уходил отсюда живым. Я Страж Сокровищ в Княжеском городе!

— Но говорят тебе, ты, белый ночной червяк, что нет больше ни князя, ни города! Вокруг нас одни только джунгли!— воскликнул Каа.

— А сокровище есть. Но вот что можно сделать. Не уходи еще, Каа,— посмотришь, как будет бегать мальчик. Здесь есть где поохотиться. Жизнь хороша, мальчик! Побегай взад и вперед, порезвись!

Маугли спокойно положил руку на голову Каа.

— Эта белая тварь до сих пор видела только людей из чело-вечей стаи. Меня она не знает,— прошептал он.— Она сама напросилась на охоту. Пусть получает!

Маугли стоял, держа в руках анкас острием вниз. Он быстро метнул анкас, и тот упал наискось, как раз за клобуком большой змеи, пригвоздив ее к земле. В мгновение ока удав налег всей тяжестью на извивающееся тело кобры, прижав его от клобука до хвоста. Красные глаза кобры горели, и голова на свободной шее бешено моталась вправо и влево.

— Убей ее!— сказал Каа, видя, что Маугли берется за нож.

— Нет,— сказал Маугли, доставая нож,— больше я не хочу убивать, разве только для пищи. Посмотри сам, Каа!

Он схватил кобру пониже клобука, раскрыл ей рот лезвием ножа и показал, что страшные ядовитые зубы в верхней челюсти почернели и выкрошились. Белая кобра пережила свой яд, как это бывает со змеями.

— Тхунтх (Гнилая Колода),— сказал Маугли и, сделав Каа знак отстраниться, выдернул анкас из земли и освободил белую кобру.

— Княжескому сокровищу нужен новый страж,— сказал он сурово.— Тхунтх, ты оплошала. Побегай взад и вперед, порезвись, Гнилая Колода!

— Мне стыдно! Убей меня!— прошипела белая кобра.

— Слишком много было разговоров про убийство. Теперь мы уйдем. Я возьму эту колючую штуку, Тхунтх, потому что я дрался и одолел тебя.

— Смотри, чтоб она не убила тебя в конце концов. Это смерть! Помни, это смерть! В ней довольно силы, чтобы убить всех людей в моем городе. Недолго ты удержишь ее, Человек из Джунглей, или тот, кто отнимет ее у тебя. Ради нее будут убивать, убивать и

убивать! Моя сила иссякла, зато колючка сделает мое дело. Это смерть! Это смерть! Это смерть!

Маугли выбрался через дыру в подземный коридор и, обернувшись, увидел, как белая кобра яростно кусает потерявшими силу зубами неподвижные лица золотых идолов, лежащих на полу, и шипит:

— Это смерть!

Маугли и Каа были рады, что снова выбрались на дневной свет.

Как только они очутились в родных джунглях и анкас в руках мальчика засверкал на утреннем солнце, он почувствовал почти такую же радость, как если б нашел пучок новых цветов, для того чтобы воткнуть их себе в волосы.

— Это ярче глаз Багиры,— сказал он, с восхищением поворачивая рубин.— Я покажу ей эту штуку. Но что хотела сказать Гнилая Колода своими словами о смерти?

— Не знаю. Мне до кончика хвоста обидно, что она не попробовала твоего ножа. Всегда в Холодных Берлогах таится какая-нибудь беда — и на земле и под землей... А теперь я хочу есть. Ты поохотишься вместе со мной нынче на заре?— сказал Каа.

— Нет, надо показать эту штуку Багире. Доброй охоты!

Маугли приплясывал на бегу, размахивая большим анкасом, и останавливался время от времени, чтобы полюбоваться на него. Добравшись наконец до тех мест в джунглях, где отдыхала обычно Багира, он нашел ее у водопоя, после охоты на крупного зверя. Маугли стал рассказывать ей обо всех своих приключениях, а Багира слушала и время от времени обнюхивала анкас. Когда Маугли дошел до последних слов белой кобры, Багира одобрительно замурлыкала:

— Значит, Белый Клубук говорил правду?— живо спросил Маугли.

— Я родилась в княжеском зверинце в Удайпуре и, кажется, знаю кое-что о человеке. Многие люди убили бы трижды в ночь ради одного этого красного камня.

— Но от камня ручку только тяжелее держать. Мой блестящий ножик гораздо лучше, и — слушай!— красный камень не годится для еды. Так для чего же убивать?

— Маугли, ступай спать. Ты жил среди людей, и...

— Я помню. Люди убивают, потому что не охотятся,— от безделья и ради забавы. Проснись же, Багира! Для чего сделана эта колючая штука?

Багира приоткрыла сонные глаза, и в них сверкнула лукавая искорка.

— Ее сделали люди для того, чтобы колоть голову сыновьям Хатхи. Я видела такие на улицах Удайпура перед зверинцем. Эта вещь отведала крови многих таких, как Хатхи.

— Но зачем же колоть ею головы слонов?

— Затем, чтобы научить их Закону Человека. У людей нет ни когтей, ни зубов, оттого они и делают вот такие штуки и даже хуже.

— Если бы я это знал, то не взял бы его. Я не хочу его больше. Смотри!

Анкас полетел, сверкая, и зарылся в землю в пятидесяти шагах от них, среди деревьев.

— Теперь я очистил мои руки от смерти,— сказал Маугли, вытирая руки о свежую влажную землю.— Белая кобра говорила, что смерть будет ходить за мной по пятам. Она состарилась, побелела и выжила из ума.

— Смерть или жизнь, почернела или побелела, а я пойду спать, Маленький Брат. Я не могу охотиться всю ночь и быть весь день, как другие.

Багира знала удобное логово в двух милях от водопоя и отправилась туда отдыхать. Маугли недолго думая забрался на дерево, связав вместе две-три лианы, и гораздо скорее, чем можно об этом рассказать, качался в гамаке в пятидесяти футах над землею. Хотя Маугли не боялся яркого дневного света, он все же следовал обычаю своих друзей и старался как можно меньше бывать на солнце. Когда его разбудили громкие голоса обитателей деревьев, были опять сумерки, и во сне ему снились те красивые камешки, что он выбросил.

— Хоть погляжу на них еще раз,— сказал он и спустился по лиане на землю.

Но Багира опередила его: Маугли было слышно, как она обнюхивает землю в полумраке.

— А где же колючая штука?— воскликнул Маугли.

— Ее взял человек. Вот и след.

— Теперь мы увидим, правду ли говорила белая кобра. Если колючая тварь и вправду смерть, этот человек умрет. Пойдем по следу.

— Сначала поохотимся,— сказала Багира,— на пустой желудок глаза плохо видят. Люди двигаются очень медленно, а в джунглях так сыро, что самый легкий след продержится долго.

Они постарались покончить с охотой как можно скорее, и все же прошло почти три часа, прежде чем они наелись, напились и пошли по следу. Народ Джунглей знает, что торопиться во время еды не следует, потому что упущенного не вернешь.

— Как ты думаешь, колючая тварь обернется в руках человека и убьет его?— спросил Маугли.— Белая кобра говорила, что это смерть.

— Увидим, когда догоним,— сказала Багира. Она бежала рысью, нагнув голову.— След одиночный (она хотела сказать, что человек был один), и от тяжелой ноши пятка ушла глубоко в землю.

— Гм! Это ясно, как летняя молния,— ответил Маугли.

И они помчались по следам двух босых ног быстрой рысью, попадая то во тьму, то в полосы лунного света.

— Теперь он бежит быстро,— сказал Маугли,— пальцы растопырены.— Они бежали дальше по сырой низине.— А почему здесь он свернул в сторону?

— погоди!— сказала Багира и одним великолепным прыжком перемахнула через лужайку.

Первое, что нужно сделать, когда след становится непонятным,

это прыгнуть вперед, чтобы не оставлять путаных следов на земле. После прыжка Багира повернулась к Маугли и крикнула:

— Здесь второй след идет ему навстречу. На этом втором следу нога меньше и пальцы поджаты.

Маугли подбежал и посмотрел.

— Это нога охотника-гонда,— сказал он.— Гляди! Здесь он протаскивал свой лук по траве. Вот почему первый след свернул в сторону. Большая Нога пряталась от Маленькой Ноги.

— Да, верно,— сказала Багира.— Теперь, чтобы не наступать друг другу на следы и не путаться, возьмем каждый по одному следу. Я буду Большая Нога, Маленький Брат, а ты — Маленькая Нога.

Багира перепрыгнула на первый след, а Маугли нагнулся, разглядывая странные следы ног с поджатыми пальцами.

— Вот,— сказала Багира, шаг за шагом продвигаясь вперед по цепочке следов,— я, Большая Нога, сворачиваю здесь в сторону. Вот я прячусь за скалу и стою тихо, не смея переступить с ноги на ногу. Говори, что у тебя, Маленький Брат.

— Вот я, Маленькая Нога, подхожу к скале,— говорил Маугли, идя по следу.— Вот я сажусь под скалой, опираясь на правую руку, и ставлю свой лук между большими пальцами ног. Я жду долго, и потому мои ноги оставляют здесь глубокий отпечаток.

— Я тоже,— сказала Багира, спрятавшись за скалой.— Я жду, поставив колючку острым концом на камень. Она скользит: на камне осталась царапина. Скажи, что у тебя, Маленький Брат.

— Одна-две ветки и большой сучок сломаны здесь,— сказал Маугли шепотом.— А как рассказать вот это? А! Теперь понял. Я, Маленькая Нога, ухожу с шумом и топотом, чтобы Большая Нога слышала меня.

Маугли шаг за шагом отходил от скалы, прячась между деревьями и повышая голос, по мере того как приближался к маленькому водопаду.

— Я — отхожу — далеко — туда,— где — шум — водопада — заглушает — мои — шаги,— и здесь — я — жду. Говори, что у тебя, Багира, Большая Нога!

Пантера металась во все стороны, разглядывая, куда ведет отпечаток большой ноги из-за скалы. Потом подала голос:

— Я ползу из-за скалы на четвереньках и тащу за собой колючую тварь. Не видя никого, я бросаюсь бежать. Я, Большая Нога, бегу быстро. Путь ясно виден. Идем каждый по своему следу. Я бегу!

Багира помчалась по ясно видимому следу, а Маугли побежал по следу охотника. На время в джунглях наступило молчание.

— Где ты, Маленькая Нога?— окликнула Багира.

Голос Маугли отозвался в пятидесяти шагах справа.

— Гм!— произнесла Багира, глухо кашляя.— Оба они бегут бок о бок и сходятся все ближе!

Они пробежали еще с полмили, оставаясь на том же расстоянии, пока Маугли, который не пригибался так низко к земле, не крикнул:

— Они сошлись! Доброй охоты! Смотри-ка! Тут стояла Маленькая Нога, опираясь коленом на камень, а там — Большая Нога.

Меньше чем в десяти шагах от них, растянувшись на гряде камней, лежало тело крестьянина здешних мест. Тонкая, оперенная стрела охотника-гонда пронзила ему насквозь спину и грудь.

— Так ли уж одряхла и выжила из ума белая кобра? — мягко спросила Багира. — Вот, по крайней мере, одна смерть.

— Идем дальше. А где же та, что пьет слоновью кровь, — где красноглазая колючка?

— Может быть, у Маленькой Ноги. Теперь след опять одиночный.

Одинокий след легконового человека, быстро бежавшего с ношей на левом плече, шел по длинному пологому откосу, поросшему сухой травой, где каждый шаг был словно выжжен каленым железом.

Оба молчали, пока след не привел их к золе костра, укрытого в овраге.

— Опять! — сказала Багира и остановилась, словно окаменев.

Тело маленького сморщенного охотника лежало пятками в золе, и Багира вопросительно посмотрела на Маугли.

— Это сделано бамбуковой палкой, — сказал Маугли, взглянув на тело. — У меня тоже была такая, когда я служил человечесьей стае и пас буйволов. Мать Кобр — мне жаль, что я посмеялся над нею, — знает эту породу, и я мог бы об этом догадаться. Разве я не говорил, что люди убивают от безделья?

— Право же, его убили ради красных и голубых камней, — ответила Багира. — Не забудь, что я была в княжеском зверинце в Удайпуре.

— Один, два, три, четыре следа, — сказал Маугли, нагибаясь над пеплом костра. — Четыре следа обутих людей. Они ходят не так быстро, как охотники-гонды. Ну что худого сделал им маленький лесной человек? Смотри, они разговаривали все впятером, стоя вокруг костра, прежде чем убили его. Багира, идем обратно. На желудке у меня тяжело, и, однако, он скачет то вверх, то вниз, как гнездо иволги на конце ветки.

— Плохая охота — упускать добычу. Идем за ними! — сказала пантера. — Эти восемь обутих ног недалеко ушли.

Они бежали целый час молча по широкой тропе, протоптанной четырьмя обутыми людьми.

Уже настал ясный жаркий день, и Багира сказала:

— Я чую дым.

— Люди всегда охотнее едят, чем бегают, — ответил Маугли, то скрываясь, то показываясь среди невысоких кустарников, где они теперь рыскали, обходя незнакомые джунгли.

Багира, слева от Маугли, издала какой-то странный звук горлом.

— Вот этот покончил с едой! — сказала она.

Смятый ворох пестрой одежды лежал под кустом, а вокруг него была рассыпана мука.

— Также сделано бамбуковой палкой. Гляди! Белый порошок — это то, что едят люди. Они отняли добычу у этого, он нес их пищу — и отдали его в добычу коршуну Чилю.

— Это уже третий,— сказала Багира.

«Я отнесу свежих крупных лягушек Матери Кобр и накормлю ее до отвала,— сказал себе Маугли.— Этот кровопийца — сама Смерть, и все же я ничего не понимаю!»

— Идем по следу!— сказала Багира.

Они не прошли и полумили, как услышали ворона Кауа, распевавшего Песню Смерти на вершине тамариска, в тени которого лежало трое людей. Полупотухший костер дымился в середине круга, под чугунной сковородкой с почерневшей и обгорелой пресной лепешкой. Возле костра, сверкая на солнце, лежал бирюзово-рубиновый анкас.

— Эта тварь работает быстро: все кончается здесь,— сказала Багира.— Отчего они умерли, Маугли? Ни на ком из них нет ни знака, ни ссадины.

Житель джунглей по опыту знает о ядовитых растениях и ягодах не меньше, чем многие врачи. Маугли понюхал дым над костром, отломил кусочек почерневшей лепешки, попробовал ее и сплюнул.

— Яблоко Смерти,— закашлялся он.— Первый из них, должно быть, положил его в пищу для тех, которые убили его, убив сначала охотника.

— Добрая охота, право! Одна добыча следует за другой! — сказала Багира.

«Яблоко Смерти» — так называется в джунглях дурман, самый сильный яд во всей Индии.

— Что же будет дальше?— сказала пантера.— Неужели и мы с тобой умертвим друг друга из-за этого красноглазого убийцы?

— Разве эта тварь умеет говорить?— спросил Маугли шепотом.— Что плохого я ей сделал, когда выбросил? Нам двоим она не повредит, потому что мы не гонимся за ней. Если ее оставить здесь, она, конечно, станет убивать людей одного за другим так же быстро, как падают орехи в бурю. Я не хочу, чтобы люди умирали по шестеро в ночь.

— Что за беда? Это же только люди. Они сами убивали друг друга — и были очень довольны,— сказала Багира.

— Но все-таки они еще щенки, а щенок готов утопиться, лишь бы укусить луну в воде. Я виноват,— сказал Маугли,— говоря так, как будто знаю все на свете. Никогда больше не принесу в джунгли то, чего не знаю, хотя бы оно было красиво, как цветок. Это,— он быстрым движением схватил анкас,— отправится обратно к Прародительнице Кобр. Но сначала нам надо выспаться, а мы не можем лечь рядом с этими спящими. Кроме того, нам нужно зарыть эту тварь, чтобы она не убежала и не убила еще шестерых. Вырой яму вон под тем деревом.

— Но, Маленький Брат,— сказала Багира, подходя к дереву,— говорю тебе, что кровопийца не виноват. Все дело в людях.

— Это все равно,— сказал Маугли.— Вырой яму поглубже. Когда мы выспимся, я возьму его и отнесу обратно.

На третью ночь, когда белая кобра сидела, горюя во мраке подземелья, пристыженная, обобранная и одинокая, бирюзовый

анкас влетел в пролом стены и зазвенел, ударившись о золотые монеты, устилавшие пол.

— Мать Кобр,— сказал Маугли (из осторожности он остался по ту сторону стены),— добудь себе молодую, полную яда змею твоего племени, чтобы она помогала тебе стеречь княжеские сокровища и чтобы ни один человек больше не вышел отсюда живым.

— Ах-ха! Значит, он вернулся. Я говорила, что это смерть! Как же вышло, что ты еще жив?— прошелестела старая кобра, любовно обвиваясь вокруг ручки анкаса.

— Клянусь буйволом, который выкупил меня, я и сам не знаю! Эта тварь убила шестерых за одну ночь. Не выпускай ее больше!

ДИКИЕ СОБАКИ

Самое приятное время жизни началось для Маугли после того, как он напустил на деревню джунгли. Совесть у него была спокойна, как и следует после уплаты справедливого долга, и все джунгли были с ним в дружбе, потому что все джунгли его боялись. Из того, что он видел, слышал и делал, странствуя от одного народа к другому со своими четырьмя спутниками или без них, вышло бы многое множество рассказов, и каждый рассказ был бы не короче этого. Так что вам не придется услышать о том, как он спасся от бешеного слона из Мандлы, который убил двадцать два буйвола, тащивших в казначействе одиннадцать возов серебра, и расшвырял по пыльной дороге блестящие рупии; как он бился долгой ночью с крокодилом Джакалой в болотах на севере и сломал охотничий нож о его спинные щитки; как он нашел себе новый нож, еще длиннее старого, на шее у человека, убитого диким кабаном; как он погнался за этим кабаном и убил его, потому что нож этого стоил; как во время Великого Голода он попал в бегущее оленье стадо и едва не был задавлен насмерть разгоряченными оленями; как он спас Молчальника Хатхи из ловчей ямы с колом на дне; как на другой день он сам попался в хитрую ловушку для леопардов и как Хатхи освободил его, разломав толстые деревянные брусья; как он доил диких буйволиц на болоте, как...

Однако полагается рассказывать о чем-нибудь одном.

Отец и Мать Волки умерли, и Маугли, завалив устье пещеры большим камнем, пропел над ними Песню Смерти. Балу совсем одряхлел и едва двигался, и даже Багира, у которой нервы были стальные, а мускулы железные, уже не так быстро убивала добычу.

Акела из седого стал молочно-белым, похудел от старости так, что видны были ребра, и едва ходил, словно деревянный; для него охотился Маугли. Зато молодые волки, дети рассеянной Сионийской Стаи, преуспевали и множились. Когда их набралось голов сорок, своевольных, гладконогих волков-пятилеток, не знавших вожака, Акела посоветовал им держаться вместе, соблюдать Закон и слушаться одного предводителя, как и подобает Свободному Народу.

В этом деле Маугли не пожелал быть советчиком: он уже набил себе оскомину и знал, на каком дереве растут кислые плоды. Но когда Пхао, сын Пхаоны (его отцом был Серый Следопыт, когда Акела водил Стаю), завоевал место Вожака Стаи, как того требует Закон Джунглей, и снова зазвучали под звездами старые песни и старые зовы, Маугли стал ходить на Скалу Совета в память о прошлом и садился рядом с Акелой. То было время удачной охоты и крепкого сна. Ни один чужак не смел вторгаться во владения Народа Маугли, как называлась теперь Стая; молодые волки жирели и набирались сил, и на каждый смотр волчицы приводили много волчат.

Маугли всегда приходил на смотр: он не забыл еще ту ночь, когда черная пантера ввела в Стаю голого смуглого ребенка и от протяжного клича: «Смотрите, смотрите, о волки!», его сердце билось странно и тревожно. Если б не это, он ушел бы в глубину джунглей, чтобы трогать и пробовать, видеть и слышать новое.

Однажды в сумерки, когда он бежал не спеша через горы и нес Акеле половину убитого им оленя, а четверо волков трусили за ним рысцой и в шутку дрались и кувыркались друг через друга, радуясь жизни, он услышал вой, какого ему не приходилось слышать со времен Шер-Хана. Это было то, что в джунглях зовется «пхиал»,— вой, который издает шакал, когда охотится вместе с тигром или когда начинается большая охота. Представьте себе ненависть, смешанную с торжеством, страхом и отчаянием и пропитанную чем-то вроде насмешки, и вы получите понятие о пхиале, который разносился над Вайнгангой, поднимаясь и падая, дрожа и замирая. Четверка волков ошетилилась и заворчала. Маугли схватился за нож и замер на месте, словно окаменев.

— Ни один Полосатый не смеет охотиться здесь,— сказал он наконец.

— Это не крик Предвестника,— сказал Серый Брат.— Это какая-то большая охота. Слушай!

Снова раздался вой, наполовину рыдание, наполовину смех, как будто у шакала были мягкие человеческие губы. Тут Маугли перевел дыхание и бросился к Скале Совета, обгоняя по дороге спешивших туда волков.

Пхао и Акела лежали вместе на скале, а ниже, напрягшись каждым нервом, сидели остальные волки. Матери с волчатами пустились бегом к пещерам: когда раздается пхиал, слабым не место вне дома.

Сначала не слышно было ничего, кроме журчания Вайнганги во тьме и ночного ветра в вершинах деревьев, как вдруг за рекой провыл волк. Это был волк не из Стаи, потому что вся Стая собралась на Скале Совета. Вой перешел в протяжный, полный отчаяния лай.

— Собаки! — лаял вожак.— Дикие Собаки! Дикие Собаки!

Через несколько минут послышались усталые шаги по камням, и поджарый волк, весь в поту, с пятнами крови на боках и белой

пеной у рта, ворвался в круг и, поджимая переднюю лапу и тяжело дыша, бросился к ногам Маугли.

— Доброй охоты! Из чьей ты стаи?— степенно спросил Пхао.

— Доброй охоты! Я Вантала,— был ответ.

Это значило, что он волк-одиночка, который сам промышляет для себя, своей подруги и волчат, живя в уединенной пещере. «Вантала» и значит «одиночка» — тот, кто живет вне стаи. При каждом вздохе видно было, как от толчков сердца его бросает то вперед, то назад.

— Кто идет?— спросил Пхао (об этом всегда спрашивают в джунглях после пхиаала).

— Дикие Собаки из Декана — рыжие собаки, убийцы! Они пришли на север с юга; говорят, что в Декане голод, и убивают всех по пути. Когда народилась луна, у меня было четверо — моя подруга и трое волчат. Мать учила детей охотиться в открытом поле, учила прятаться, загоняя оленя, как делаем мы, волки равнин. В полночь я еще слышал, как мои волчата выли полным голосом, идя по следу. А когда поднялся предрассветный ветер, я нашел всех четверых в траве, они уже окоченели. А все четверо были живы, когда народилась луна, о Свободный Народ! Тогда я стал искать, кому отомстить, и нашел рыжих собак.

— Сколько их?— спросил Маугли, а вся Стая глухо заворчала.

— Не знаю. Трое из них уже не убьют больше никого, но под конец они гнали меня, как оленя, гнали, и я бежал на трех ногах. Смотри, Свободный Народ!

Он вытянул вперед искалеченную лапу, темную от засохшей крови. Весь бок снизу был у него жестоко искусан, а горло разодрано и истерзано.

— Ешь! — сказал Акела, отходя от мяса, которое принес ему Маугли.

Волк-одиночка набросился на еду с жадностью.

— Это не пропадет,— сказал он смиренно, утолив первый голод.— Дайте мне набраться сил, и я тоже смогу убивать! Опустела моя берлога, которая была полна, когда родился месяц, и Долг Крови еще не весь уплачен.

Пхао, услышав, как захрустела бедренная кость оленя на зубах Вантала, одобрительно заворчал.

— Нам понадобятся эти челюсти,— сказал он.— С собаками были их щенята?

— Нет, нет, одни рыжие охотники: только взрослые псы из их стаи, крепкие и сильные.

Это значило, что рыжие собаки из Декана идут войной, а волки знают очень хорошо, что даже тигр уступает этим собакам свою добычу. Они бегут напрямик через джунгли и все, что попадается им навстречу, сбивают с ног и разрывают в клочья. Хотя Дикие Собаки не так крупны и не так ловки, как волки, они очень сильные, и их бывает очень много. Дикие Собаки только тогда называют

себя Стаей, когда их набирается до сотни, а между тем сорок волков — это уже настоящая Стая.

В своих странствиях Маугли побывал на границе травянистых нагорий Декана и видел, как эти свирепые псы спали, играли и рылись среди кочек и ям, служивших им вместо логова. Он презирал и ненавидел Диких Собак за то, что от них пахло не так, как от волков, и за то, что они жили в пещерах, а главное за то, что у них между пальцами растет шерсть, тогда как у Маугли и у его друзей ноги гладкие. Однако он знал, потому что Хатхи рассказывал ему об этом, какая страшная сила — охотничья стая диких псов. Хатхи и сам сторонился с их дороги, и пока всех собак не перебьют или дичи не станет мало, они бегут вперед, а по пути убивают.

Акела тоже знал кое-что о диких собаках. Он спокойно сказал Маугли:

— Лучше умереть в Стае, чем без вожака и одному. Это будет славная охота, а для меня — последняя. Но ты — человек, и у тебя еще много ночей и дней впереди, Маленький Брат. Ступай на север, заляг там, и если кто-нибудь из волков останется жив после того, как уйдут собаки, он принесет тебе весть о битве.

— Да, не знаю только, — сказал Маугли без улыбки, — уйти ли мне в болота ловить там мелкую рыбу и спать на дереве, или просить помощи у обезьян и грызть орехи, пока Стая будет биться внизу.

— Это не на жизнь, а на смерть, — сказал Акела. — Ты еще не знаешь этих рыжих убийц. Даже Полосатый...

— Аова! Аова! — крикнул Маугли обиженно. — Одну полосатую обезьяну я убил. Теперь слушай: жили-были Волк, мой отец, и Волчица, моя мать, а еще жил-был старый серый Волк (не слишком мудрый: он теперь поседел), который был для меня и отцом и матерью. И потому, — он повысил голос, — я говорю: когда собаки придут, если только они придут, Маугли и Свободный Народ будут заодно в этой охоте. Я говорю — клянусь буйволом, купившим меня, буйволом, отданным за меня Багирой в те дни, о которых вы в Стае забыли, — я говорю, и пусть слышат мои слова река и деревья и запомнят их, если я позабуду, — я говорю, что вот этот мой нож будет зубом Стаи. По-моему, он еще не притупился. Вот мое Слово, и я его сказал!

— Ты не знаешь собак, человек с волчьим языком! — крикнул Вантала. — Я хочу только заплатить им Долг Крови, прежде чем они растерзают меня. Они движутся медленно, уничтожая все на своем пути, но через два дня у меня прибавится силы, и я начну платить им Долг Крови. А вам, Свободный Народ, советую бежать на север и жить впроголодь до тех пор, пока не уйдут рыжие собаки.

— Слушайте Одиночку! — воскликнул Маугли со смехом. — Свободный Народ, мы должны бежать на север, питаться ящерицами и крысами с отmelей, чтобы как-нибудь не повстречаться с собаками. Они опустошат все наши леса, а мы будем прятаться

на севере до тех пор, пока им не вздумается отдать нам наше добро! Они собаки, и собачьи дети — рыжие, желтобрюхие, бездомные, у них шерсть растет между пальцев. Да, конечно, мы, Свободный Народ, должны бежать отсюда и выпрашивать у народов севера объедки и всякую падаль! Выбирайте же, выбирайте. Славная будет охота! За Стаю, за всю Стаю, за волчиц и волчат в логове и на воле, за подругу, которая гонит лань, за самого малого волчонка в пещере мы принимаем бой!

Стая ответила коротким, оглушительным лаем, прогремевшим во тьме, словно треск падающего дерева.

— Мы принимаем бой! — пролаяли волки.

— Оставайтесь тут, — сказал Маугли своей четверке. — Нам понадобится каждый зуб. А Пхао с Акелой пусть готовятся к бою. Я иду считать собак.

— Это смерть! — крикнул Вантала, привстав. — Что может сделать такой голыш против рыжих собак? Даже Полосатый и тот...

— Ты и вправду чужак, — отозвался Маугли. — Но мы еще поговорим, когда псы будут перебиты. Доброй охоты всем вам!

Он умчался во тьму, весь охваченный буйным весельем, почти не глядя, куда ступает, и, как и следовало ожидать, растянулся во весь рост, споткнувшись о Каа, сторожившего оленью тропу близ реки.

— Кш-ша! — сердито сказал Каа. — Разве так водится в джунглях — топать и хлопать, губя охоту всей ночи, да еще когда дичь так быстро бежит?

— Вина моя, — сказал Маугли, поднимаясь на ноги. — Правда, я искал тебя, Плоскоголовый, но каждый раз, как я тебя вижу, ты становишься длиннее и толще на длину моей руки. Нет другого такого, как ты, во всех джунглях, о мудрый, сильный и красивый Каа!

— А куда же ведет этот след? — голос Каа смягчился. — Не прошло и месяца с тех пор, как один человечек с ножом бросал в меня камнями и шипел на меня, как злоющий лесной кот, за то, что я уснул на открытом месте.

— Да, и разогнал оленей на все четыре стороны, а Маугли охотился, а Плоскоголовый совсем оглох и не слышал, как ему свистели, чтоб он освободил оленью тропу, — спокойно ответил Маугли, усаживаясь среди пестрых колец.

— А теперь этот человечек приходит с ласковыми, льстивыми словами к этому же Плоскоголовому и говорит ему, что он и мудрый, и сильный, и красивый, и Плоскоголовый верит ему и свертывается кольцом, чтобы устроить удобное сиденье для того, кто бросал в него камнями... Теперь тебе хорошо? Разве Багира может так удобно свернуться?

Каа, по обыкновению, изогнулся, словно мягкий гамак, под тяжестью Маугли. Мальчик протянул в темноте руку, обнял гибкую, похожую на трос шею Каа и привлек его голову к себе на плечо, а потом рассказал ему все, что произошло в джунглях этой ночью.

— Я, может быть, и мудр,— сказал Каа, выслушав рассказ,— а что глух, так это верно. Не то я услышал бы пхиа! Неудивительно, что травоеды так встревожились. Сколько же всего собак?

— Я еще не видел. Я пришел прямо к тебе. Ты старше Хатхи. Зато, о Каа,— тут Маугли завертелся от радости,— это будет славная охота! Не многие из нас увидят новую луну.

— И ты тоже сюда вмешался? Не забывай, что ты человек. Не забывай также, какая стая тебя выгнала. Пускай волки гоняют собак. Ты человек.

— Прошлогодние орехи стали в этом году черной землей,— ответил Маугли.— Это правда, что я человек, но нынче ночью я сказал, что я волк. Это у меня в крови. Я призвал реку и деревья, чтобы они запомнили мои слова. Я охотник Свободного Народа, Каа, и останусь им, пока не уйдут собаки...

— Свободный Народ! — проворчал Каа.— Свободные воры! А ты связал себя смертным узлом в память о волках, которые умерли! Плохая это охота.

— Это мое Слово, и я уже сказал его. Деревья знают, и знает река. Пока не уйдут собаки, мое Слово не вернется ко мне.

— Ссшш! От этого меняются все следы. Я думал взять тебя с собой на северные болота, но Слово — хотя бы даже Слово маленького, голого, безволосого человечка — есть Слово. Теперь и я, Каа, говорю...

— Подумай хорошенько, Плоскоголовый, чтоб и тебе не связать себя смертным узлом. Мне не нужно от тебя Слова, я и без того знаю...

— Пусть будет так,— сказал Каа.— Я не стану давать Слово. Но что ты думаешь делать, когда придут рыжие собаки?

— Они должны переплыть Вайнгангу. Я хочу встретить их на отмелях, а за мной была бы Стая. Ножом и зубами мы заставили бы их отступить вниз по течению реки и немножко охладили бы им глотки.

— Эти собаки не отступают, и глотки им не остудишь,— сказал Каа.— После этой охоты не будет больше ни человечка, ни волчонка, останутся одни голые кости.

— Алала! Умирать так умирать! Охота будет самая славная! Но я еще молод и видел мало дождей. У меня нет ни мудрости, ни силы. Ты придумал что-нибудь получше, Каа?

— Я видел сотни и сотни дождей. Прежде чем у Хатхи выпали молочные бивни, я уже оставлял в пыли длинный след. Клянусь Первым Яйцом, я старше многих деревьев и видел все, что делалось в Джунглях.

— Но такой охоты еще никогда не бывало,— сказал Маугли.— Никогда еще рыжие собаки не становились нам поперек дороги.

— Что есть, то уже было. То, что будет,— это только забытый год, вернувшийся назад. Посиди смирно, пока я пересчитаю мои года.

Целый долгий час Маугли отдыхал среди колец Каа, играя ножом, а Каа, уткнувшись неподвижной головой в землю, вспо-

минал обо всем, что видел и узнал с того дня, как вылупился из яйца. Глаза его, казалось, угасли и стали похожи на тусклые опалы, и время от времени он резко дергал головой то вправо, то влево, словно ему снилась охота. Маугли спокойно дремал: он знал, что нет ничего лучше, чем выспаться перед охотой, и привык засыпать в любое время дня и ночи. Вдруг он почувствовал, что тело Каа становится толще и шире под ним, оттого что огромный удав надулся, шипя, словно меч, выходящий из стальных ножен.

— Я видел все мертвые времена,— сказал наконец Каа,— и большие деревья, и старых слонов, и скалы, которые были голыми и островерхими, прежде чем поросли мхом. Ты еще жив, человечек?

— Луна только что взошла,— сказал Маугли.— Я не понимаю...

— Кшш! Я снова Каа. Я знаю, что времени прошло немного. Сейчас мы пойдем к реке, и я покажу тебе, что надо делать с собаками.

Прямой, как стрела, он повернул к главному руслу Вайнганги и бросился в воду немного выше плеса, открывавшего Скалу Мира, а вместе с ним бросился в воду и Маугли.

— Нет, не плыви сам — я двигаюсь быстрее. На спину ко мне, Маленький Брат!

Левой рукой Маугли обнял Каа за шею, правую руку прижал плотно к телу и вытянул ноги в длину. И Каа поплыл против течения, как умел плавать только он один, и струи бурлящей воды запенились вокруг шеи Маугли, а его ноги закачались на волне, разведенной скользящими боками удава. Немного выше Скалы Мира Вайнганга сужается в теснине меж мраморных утесов от восьмидесяти до ста футов высотой, и вода там бешено мчитсся между скалами по большим и малым камням. Но Маугли не думал об этом; не было такой воды на свете, которой он испугался бы хоть на минуту. Он смотрел на утесы по берегам реки и тревожно нюхал воздух, в котором стоял сладковато-кислый запах, очень похожий на запах муравейника в жаркий день. Он невольно спустился пониже в воду, высовывая голову только для того, чтобы вздохнуть. Каа стал на якорь, дважды обернувшись хвостом вокруг подводной скалы и поддерживал Маугли, а вода неслась мимо них.

— Это Место Смерти,— сказал мальчик.— Зачем мы здесь?

— Они спят,— сказал Каа.— Хатхи не уступает дороги Полосатому, однако и Хатхи и Полосатый уступают дорогу рыжим собакам. Собаки же говорят, что никому не уступят дороги. А кому уступает дорогу Маленький Народ Скал? Скажи мне, Хозяин Джунглей, кто же у нас самый главный?

— Вот эти,— прошептал Маугли.— Здесь Место Смерти. Уйдем отсюда.

— Нет, смотри хорошенько, потому что они спят. Тут все так же, как было, когда я был не длиннее твоей руки.

Потрескавшиеся от времени и непогоды утесы в ущелье Вайнганги с самого начала джунглей были жилищем Маленького Народа

Скал — хлопотливых, злых, черных диких пчел Индии, и, как хорошо знал Маугли, все тропинки сворачивали в сторону за полмили от их владений. Много веков Маленький Народ ютился и роился тут, переселялся из расщелины в расщелину и снова роился, пятная белый мрамор старым медом и лепя свои черные соты все выше и глубже во тьме пещер. Ни человек, ни зверь, ни вода, ни огонь ни разу не посмели их тронуть. По обоим берегам реки ущелье во всю свою длину было словно занавешено мерцающим черным бархатом, и Маугли вздрогнул, подняв глаза, потому что над ним висели сцепившиеся миллионы спящих пчел. Там были еще глыбы и гирлянды и что-то похожее на гнилые пни, лепившиеся к утесам. Это были старые соты прежних лет или новые города, построенные в тени укрытого от ветра ущелья. Целые горы губчатых гнилых отбросов скатились вниз и застряли между деревьями и лианами, которыми поросли утесы. Прислушавшись, Маугли не раз ловил ухом шорох и звук падения полных медом сот, срывавшихся вниз где-нибудь в темной галерее, потом — сердитое гудение крыльев и мрачное «кап-кап-кап» вытекающего меда, который переливался через край и густыми каплями медленно падал на ветви.

На одном берегу реки была маленькая песчаная отмель, не шире пяти футов, и на ней громоздились горы мусора, накопившиеся за сотни лет. Там лежали мертвые пчелы, трутни, отбросы, старые соты, крылья бабочек и жуков, забравшихся воровать мед. Все это слежалось в ровные груды тончайшей черной пыли. Одного острого запаха было довольно, чтобы отпугнуть всякого, кто не мог летать и знал, что такое Маленький Народ. Каа плыл вверх по реке, пока не добрался до песчаной отмели у входа в ущелье.

— Вот добыча этого года,— сказал он.— Смотри!

На песке лежали скелеты двух молодых оленей и буйвола. Маугли видел, что ни волк, ни шакал не тронули костей, которые обжарились сами собой, от времени.

— Они перешли границу, они не знали,— прошептал Маугли,— и Маленький Народ убил их. Уйдем отсюда, пока пчелы не проснулись!

— Они не проснутся до рассвета,— сказал Каа.— Теперь я тебе расскажу. Много-много дождей назад загнанный олень убежал сюда с юга, не зная джунглей, а за ним по пятам гналась Стая. Ничего не видя от страха, он прыгнул с высоты. Солнце стояло высоко, и пчел было очень много и очень злых. И в Стае тоже много было таких, которые прыгнули в Вайнгангу, но все они умерли, еще не долетев до воды. Те, которые не прыгнули, тоже умерли в скалах наверху. Но олень остался жив.

— Почему?

— Потому, что он бежал впереди, прыгнул прежде, чем Маленький Народ почуял его, и был уже в реке, когда они собрались жалить. А Стаю, гнавшуюся за ним, сплошь облепили пчелы, которых вспугнул топот оленя.

— Этот олень остался жив...— в раздумье повторил Маугли.

— По крайней мере, он не умер тогда, хотя никто не ждал его

внизу, готовясь поддержать на воде, как будет ждать человечка один старый, толстый, глухой, желтый плоскоголовый удав — да-да, хотя бы за ним гнались собаки всего Декана! Что ты на это скажешь?

Голова Каа лежала на мокром плече мальчика, а его язык дрожал возле уха Маугли. Молчание длилось долго, потом Маугли прошептал:

— Это значит дергать Смерть за усы, но... Каа, ты и вправду самый мудрый во всех джунглях.

— Так говорили многие. Смотри же, если собаки погонятся за тобой...

— А они, конечно, погонятся. Хо-хо! У меня под языком набралось много колючек, найдется что воткнуть им в шкуру!

— Если собаки погонятся за тобой, ничего не разбирая, глядя только на твои плечи, они бросятся в воду либо здесь, либо ниже, потому что Маленький Народ проснется и погонится за ними. А Вайнганга жадная река, и у них не будет Каа, чтобы удержать их на воде, поэтому тех, кто останется жив, понесет вниз, к отменям у Сионийских Пещер, и там твоя Стая может схватить их за горло.

— О-о! Лучше и быть не может, разве если только дожди выпадут в сухое время. Теперь остаются только сушие пустыки: пробег и прыжок. Я сделаю так, что собаки меня узнают и побегут за мной по пятам.

— А ты осмотрел утесы наверху, со стороны берега?

— Верно, не осмотрел. Про это я забыл.

— Ступай посмотри. Там плохая земля, вся неровная, в ямах. Ступишь хоть раз своей неуклюжей ногой не глядя — и конец охоте. Видишь, я оставляю тебя здесь и только ради тебя передам весточку твоей Стае, чтобы знали, где искать собак. Мне твои волки не родня.

Если Каа не нравился кто-нибудь, он бывал неприветлив, как никто в джунглях, исключая, быть может, Багиру. Он поплыл вниз по реке и против Скалы Совета увидел Пхао и Акелу, слушавших ночные звуки.

— Кшш, волки! — весело окликнул он их. — Рыжие собаки поплывут вниз по реке. Если не боитесь, можете убивать их на отменях.

— Когда они поплывут? — спросил Пхао.

— А где мой детеныш? — спросил Акела.

— Приплывут, когда вздумают, — сказал Каа. — Подождите и увидите. А твой детеныш, с которого ты взял Слово и тем обрек его на Смерть, твой детеныш со мной, и если он еще жив, так ты в этом не виноват, седая собака! Дожидайся своих врагов здесь и радуйся, что мы с детенышем на твоей стороне!

Каа снова понесся стрелой по реке и остановился на середине ущелья, глядя вверх на линию утесов. Скоро он увидел, как на звездном небе показалась голова Маугли; потом в воздухе что-то прошумело, и с резким звуком ударило по воде тело, падая ногами

вперед. Мгновением позже Маугли уже отдыхал в петле, подставленной Каа.

— Какой это прыжок ночью! — невозмутимо сказал Маугли. — Я прыгал вдвое дальше ради забавы. Только наверху плохое место: низкие кусты и овраги, уходящие глубоко вниз, и все это битком набито Маленьким Народом. Я нагромоздил большие камни один на другой по краям трех оврагов. Я столкну их ногой вниз, когда побегу, и Маленький Народ, осердясь, поднимется позади меня.

— Это человечья хитрость, — сказал Каа. — Ты мудр, но Маленький Народ всегда сердится.

— Нет, в сумерки все крылатое засыпает ненадолго и здесь и повсюду. Я начну игру с собаками в сумерки, потому что днем они лучше бегают. Сейчас они гонятся по кровавому следу за Ванталой.

— Коршун Чиль не оставит издохшего буйвола, а Дикая Собака — кровавого следа, — сказал Каа.

— Так я поведу их по новому следу — по их же крови, если удастся, и заставлю их наестся грязи. Ты останешься здесь, Каа, пока я не вернусь с моими псами.

— Да, но что если они убьют тебя в джунглях или Маленький Народ убьет тебя прежде, чем ты спрыгнешь в реку?

— Когда я умру, — ответил Маугли, — тогда и настанет пора петь Песню Смерти. Доброй охоты, Каа!

Он отпустил шею удава и поплыл вниз по ущелью, как плывет бревно в половодье, гребя к дальней отмели и хохоча от радости. Больше всего на свете Маугли любил «дергать Смерть за усы», как говорил он сам, и давать джунглям почувствовать, что он здесь хозяин. С помощью Балу он часто обирал пчелиные дупла и знал, что Маленький Народ не любит запаха дикого чеснока. И потому он нарвал небольшой пучок чеснока, связал его ленточкой коры и побегал по кровавому следу Ванталы, идущему к югу от берлог. Время от времени он поглядывал на деревья, склонив голову набок, и посмеивался при этом.

«Лягушонком Маугли я был, — сказал он про себя, — Волчонком Маугли я называл себя сам. Теперь я должен стать Обезьяной Маугли, прежде чем стану Маугли Оленем. А в конце концов я стану Человеком Маугли. Хо!» — И он провел большим пальцем по длинному лезвию своего ножа.

След Ванталы, очень заметный по темным пятнам крови, шел по лесу среди толстых деревьев, которые росли здесь близко одно от другого, но к северо-востоку редели все больше и больше. За две мили от Пчелиных Утесов лес кончался. От последнего дерева до низких кустов у Пчелиного Ущелья шло открытое место, где трудно было бы укрыться даже волку. Маугли бежал под деревьями, меряя глазом расстояние от ветки до ветки, иногда забираясь вверх по стволу и для пробы перепрыгивая с одного дерева на другое, пока не добежал до открытого места, на осмотр которого у него ушел целый час. Потом он вернулся на след Ванталы, в том

же месте, где бросил его, залез на дерево с выступающей далеко вперед веткой футах в восьми над землей, повесил пучок чеснока на развилину и уселся смирно, точа нож о босую подошву.

Незадолго до полудня, когда солнце стало сильно припекать, Маугли услышал топот ног и почуял противный запах собачьей стаи, упорно и безжалостно преследовавшей Ванталу. Если смотреть сверху, Дикая Собака из Декана кажется вдвое меньше волка, но Маугли знал, какие сильные у нее лапы и челюсти.

Разглядывая острую рыжую морду вожака, обнюхивавшего след, он крикнул ему:

— Доброй охоты!

Вожак поднял голову, а его спутники столпились позади, десятки и сотни рыжих тварей с поджатыми хвостами, широкой грудью и тощим задом. Дикие псы обыкновенно очень молчаливы и неприветливы даже в своем родном Декане.

Под деревом собралось не меньше двух сотен собак, но Маугли видел, что вожаки жадно обнюхивают след и стараются увлечь всю стаю вперед. Это не годилось, потому что они прибежали бы к берлогам среди дня, а Маугли был намерен продержаться их под своим деревом до сумерек.

— С чьего позволения вы явились сюда?— спросил Маугли.

— Все джунгли — наши джунгли,— был ответ, и тот, кто это сказал, оскалил белые зубы.

Маугли с улыбкой посмотрел вниз, в совершенстве подражая резкой трескотне Чикаи, крысы-прыгуна из степей Декана, давая собакам понять, что считает их не лучше крыс. Стая сгрудилась вокруг дерева, и вожак свирепо залаял, обозвав Маугли обезьяной. Вместо ответа Маугли вытянул вниз ногу и пошевелил пальцами как раз над головой вожака. Этого было довольно, и даже больше чем довольно, чтобы разбудить тупую ярость собак. Те, у кого растут волосы между пальцами, не любят, чтобы им об этом напоминали. Маугли отдернул ногу, когда вожак подпрыгнул вверх, и сказал ласково:

— Пес, рыжий пес! Убирайся обратно к себе в Декан есть ящериц. Ступай, к своему брату Чикаи, пес, пес, рыжий пес! У тебя шерсть между пальцами! — И он еще раз пошевелил ногой.

— Сойди вниз, пока мы не заморили тебя голодом, безволосая обезьяна! — завывала стая, а этого как раз и добивался Маугли.

Он лег, вытянувшись вдоль сука и прижавшись щекой к коре, высвободил правую руку и минут пять выкладывал собакам все, что он про них знает и думает: про них самих, про их нравы и обычаи, про их подруг и щенят.

Нет на свете языка более ядовитого и колкого, чем тот, каким говорит Народ Джунглей, желая оскорбить и высказать презрение. Подумав немного, вы и сами поймете, отчего это так. Маугли и сам говорил Каа, что у него набралось много колючек под языком, и мало-помалу, медленно, но верно он довел молчаливых псов до того, что они заворчали, потом залаяли, потом завывали хриплым, захлебывающимся воем. Они пробовали отвечать на его насмеш-

ки, но это было все равно, как если бы волчонок отвечал разъяренному Каа. Все это время Маугли держал правую руку согнутой в локте, готовясь к действию, а его ноги крепко сжимали сук. Крупный темно-рыжий вожак много раз подскакивал в воздух, но Маугли медлил, боясь промахнуться. Наконец, от ярости превзойдя самого себя, вожак подскочил футов на семь, на восемь кверху от земли. Тогда рука Маугли взметнулась, как голова древесной змеи, схватила рыжего пса за шиворот, и сук затрясся и прогнулся под его тяжестью так, что Маугли чуть не свалился на землю. Но он не разжал руки и мало-помалу втащил рыжего пса, повисшего, как дохлый шакал, к себе на сук. Левой рукой Маугли достал нож и, отрубив рыжий хвост, швырнул вожака обратно на землю. Только этого и хотел Маугли. Теперь собаки не побегут по следу Ванталы, пока не прикончат Маугли или пока Маугли не прикончит их. Он видел, как собаки уселись в кружок, подрагивая ляжками, что означало намерение мстить до смерти, и поэтому забрался на зазилину повыше, прислонился поудобнее спиной к дереву и заснул.

Часа через три или четыре он проснулся и сосчитал собак. Все они были тут, молчаливые, свирепые, беспощадные, с лютыми глазами. Солнце уже садилось. Через полчаса Маленький Народ Скал должен был покончить с дневными трудами, а, как вам известно, Дикие Собаки плохо дерутся в сумерках.

— Мне не нужны такие верные сторожа, — сказал Маугли, становясь на суку, — но я этого не забуду. Вы настоящие псы, только, на мой взгляд, слишком уж похожи друг на друга. Вот потому я и не отдам пожирателю ящериц его хвоста. Разве ты не доволен, рыжий пес?

— Я сам вырву тебе кишки! — прохрипел вожак, кусая дерево у корней.

— Нет, ты подумай, мудрая крыса Декана: теперь народится много куцых рыжих щенят с красным обрубок вместо хвоста. Ступай домой, рыжий пес, и кричи везде, что это сделала обезьяна. Не хочешь? Тогда пойдем со мной, и я научу тебя уму-разуму!

Он перепрыгнул по-обезьяньи на соседнее дерево, и потом опять, на соседнее, и опять, и опять, стоя следовала за ним, поднимая алчные морды. Время от времени он притворялся, будто падает, и псы натывались один на другого, спеша прикончить его. Это было странное зрелище — мальчик с ножом, сверкающим в лучах заката, которые проникали сквозь верхние ветви, а внизу — молчаливая стая рыжих псов, словно охваченная огнем. Перебравшись на последнее дерево, Маугли взял чеснок и хорошенько натерся им с головы до пят, а собаки презрительно завопили:

— Обезьяна с волчьим языком, уж не думаешь ли ты замести свой след? Все равно мы будем гнать тебя до смерти!

— Возьми свой хвост, — сказал Маугли, бросая обрубок в направлении, обратном тому, по которому собирался бежать.

Стая отшатнулась, почуяв запах крови.

— А теперь следуйте за мной — до смерти!

Он соскользнул с дерева и вихрем помчался к Пчелиным Утесам, прежде чем собаки поняли, что он собирается делать.

Они глухо завывали и пустились бежать неуклюжей, размашистой рысью, которая может в конце концов dokonать кого угодно. Маугли знал, что стая псов бежит гораздо медленнее волчьей стаи, иначе он никогда не отважился бы на двухмильный пробег на глазах у собак. Они были уверены, что мальчик наконец достанется им, а он был уверен, что может играть ими, как хочет. Вся задача состояла в том, чтобы держать стаю достаточно близко позади себя и не дать ей свернуть в сторону раньше времени. Он бежал ловко, ровно и упруго, а за ним, меньше чем в пяти шагах,— куций вожак. Вся же стая растянулась больше чем на четверть мили, потеряв рассудок и ослепнув от жажды крови. Маугли проверял расстояние на слух, сберегая силы напоследок, чтобы промчаться по Пчелиным Утесам.

Маленький Народ уснул с началом сумерек, потому что ночные цветы уже не цвели, но как только первые шаги Маугли раздалась по гулкому грунту, он услышал такой шум, словно под ним загудела вся земля. Тогда он побежал, как никогда в жизни не бегал, по дороге столкнулся ногой одну, две, три кучки камней в темные, сладко пахнущие ущелья, услышал гул, похожий на гул моря под сводом пещеры, увидел уголком глаза, что воздух позади него почернел, увидел течение Вайнганги далеко внизу и плоскую треугольную голову в воде, прыгнул вперед изо всех сил и упал в спасительную воду, задыхаясь и торжествуя. Ни одного пчелиного укуса не было на его теле, потому что чеснок отпугнул Маленький Народ на те несколько секунд, когда Маугли пронесся по утесам. Когда Маугли вынырнул, его поддерживал Каа, а с уступа скалы падали в реку, как гири, большие глыбы сцепившихся пчел; и лишь только глыба касалась воды, пчелы взлетали кверху, а труп собаки, кружась, уплывал вниз по течению. Над утесами то и дело слышался короткий яростный лай, тонувший в гуле, подобном грому, в гудении крыльев Маленького Народа Скал. Другие собаки свалились в овраги, сообщавшиеся с подземными пещерами, и там задыхались, бились, щелкали зубами среди рухнувших сот и, наконец, полумертвые, облепленные роями поднявшихся пчел, выбегали из какого-нибудь хода к реке, чтобы скатиться вниз, на черные груды мусора. Некоторые упали на деревья, растущие на утесах, и пчелы облепили их сплошь; но большинство, обезумев от пчелиных укусов, бросались в воду, а Вайнганга, как сказал Каа, была жадная река.

Каа крепко держал Маугли, пока мальчик не отдышался.

— Нам нельзя оставаться здесь,— сказал Каа.— Маленький Народ развоевался не на шутку. Поплывем!

Держась глубоко в воде и ныряя как можно чаще, Маугли поплыл вниз по течению с ножом в руке.

Почти половина стаи увидела западню, в которую попали их собратья, и, круто свернув в сторону, бросилась в воду там, где теснина, становясь шире, переходила в крутые берега. Их ярост-

ный лай и угрозы «лесной обезьяне», которая довела их до такого позора, смешивались с воем и рычаньем собак, казнимых Маленьким Народом. Остаться на берегу грозило смертью, и все собаки понимали это. Стаю уносило по течению все дальше и дальше, к Заводи Мира, но даже и туда сердитый Маленький Народ летел за собаками и загонял их в воду.

Маугли слышал голос бесхвостого вожака, который приказывал своим не отступать и уничтожить всех сионийских волков.

— Кто-то убивает в темноте позади нас! — пролаял один из псов. — Вода здесь помутнела!

Маугли нырнул, бросившись вперед, как выдра, утянул барахтавшегося пса под воду прежде, чем тот успел разинуть пасть, и темные, маслянистые пятна поплыли по Заводи Мира, когда тело собаки выплыло из воды, перевернувшись на бок. Псы хотели было повернуть назад, но течение сносило их вниз. Маленький Народ жалил в головы и уши, а клич Сионийской Стаи звучал все громче и громче в надвигающейся тьме. Маугли снова нырнул, и снова один из псов ушел под воду и выплыл мертвым, и снова шум поднялся в тылу стаи — одни вопили, что лучше выйти на берег, другие требовали, чтобы вожак вел их обратно в Декан, остальные кричали, чтобы Маугли показался им и дал себя убить.

— Когда они выходят драться, то становятся вдвое злее и голосистее, — сказал Каа. — Остальное сделают твои братья там, внизу. Маленький Народ полетел на ночлег, и я тоже уйду. Я не помогаю волкам.

По берегу пробежал волк на трех ногах, то приплясывая, то припадая боком к земле, то выгибая спину и подпрыгивая фута на два вверх, словно играл со своими волчатами. Это был чужак Вантала. Он ни разу не промолвил ни слова, но продолжал свою страшную пляску на глазах у псов.

Собаки долго пробыли в воде и плыли с трудом: их шкуры намокли и отяжелели, косматые хвосты разбухли, как губки, а сами они так устали и ослабели, что молча смотрели на два горящих глаза, которые провожали их, не отставая ни на шаг.

— Плохая это охота, — сказал наконец один из псов.

— Доброй охоты! — сказал Маугли, смело выскакивая из воды рядом с ним и всаживая длинный нож ему под лопатку, но так, чтобы издыхающий пес не огрызнулся.

— Это ты, человек-волк? — спросил Вантала с берега.

— Спроси у мертвых, Чужак, — отвечал Маугли. — Разве они не плывут вниз по реке? Я досыта накормил этих псов грязью, я обманул их среди бела дня, а их вожак остался без хвоста, но все же и на твою долю еще хватит. Куда их гнать?

— Я подожду, — сказал Вантала. — Вся долгая ночь передо мной, там посмотрим.

Все ближе и ближе раздавался лай сионийских волков:

— За Стаю, за всю Стаю мы принимаем бой!

И наконец излучина Вайнганги вынесла рыжих собак на пески и отмели против Сионийских Пещер.

Тут они поняли свою ошибку. Им надо было выбраться из воды раньше и напасть на волков на берегу. Теперь было слишком поздно. По всей отмели светились горящие глаза и, кроме страшного пхала, не утихавшего с самого заката, в джунглях не слышно было ни звука. Со стороны казалось, будто Вантала спрашивает собак выйти на берег. И вожак псов крикнул им:

— Повернитесь и нападайте!

Вся стая бросилась к берегу, расплескивая и разбрызгивая мелкую воду, так что поверхность Вайнганги вскипела пеной и крупные волны пошли по реке, словно разведенные пароходом. Маугли врезался в свалку, колол и кромсал собак, которые, сбившись в кучу, волной хлынули на прибрежный песок.

И началась долгая битва. Волки бились на мокром красном песке, между спутанными корнями деревьев, в кустах, в гуще травы, ибо даже и теперь псов было двое на одного волка. Но противники-волки бились не на живот, а на смерть, и бились не одни только широкогрудые, клыкастые охотники, но и волчицы с дикими глазами бились за своих волчат, а кое-где рядом с ними и годовалый волчонок, еще не перелинявший и весь лохматый, тоже хватал зубами и теребил врага. Надо вам сказать, что волк обычно хватает за горло или вцепляется в бок, а псы больше кусают за ноги, поэтому, пока собаки барахтались в воде и должны были высоко держать голову, перевес был на стороне волков; на суше волкам приходилось туго, но и в воде и на суше нож Маугли поднимался и разил одинаково.

Четверка пробилась к Маугли на помощь. Серый Брат, припав к коленям мальчика, защищал его живот, остальные трое охраняли его спину и бока или стояли над ним, когда обозленный, воющий пес, бросаясь прямо на нож, скачком сбивал Маугли с ног. А дальше все смешалось, сбилось в кучу, метавшуюся справа налево и слева направо по берегу. Один раз Маугли видел Акелу: на него с двух сторон надели псы, а сам он вцепился беззубыми челюстями в ляжку третьего. Ночь проходила, и быстрый, головокружительный бег на месте все ускорялся. Собаки притомились и уже боялись нападать на волков посильнее, хотя еще не смели спастись бегством; но Маугли чувствовал, что близится конец, и довольствовался тем, что выводил собак из строя. Годовалые волки теперь нападали смелей, можно было вздохнуть свободнее, и уже один блеск ножа иногда обращал собаку в бегство.

— Мясо обглодано почти до кости! — прохрипел Серый Брат.

— Но кость еще надо разгрызть, — отвечал ему Маугли. — Вот как делается у нас в джунглях! — красное лезвие ножа скользнуло, как пламя, по боку пса, задние ляжки которого исчезли под тяжестью навалившегося на него волка.

— Моя добыча! — огрызнулся волк, сморщив нос. — Оставь ее мне!

— Неужели тебе все еще мало, Чужак? — сказал Маугли.

Вантала был страшно истерзан, но держал собаку словно в тисках, и она не могла пошевелиться.

— Клянусь буйволом, выкупившим меня,— злорадно смеясь, крикнул Маугли,— это Куцый!

И в самом деле, это был большой темно-рыжий вожак.

Один из псов подскочил на помощь вожаку, но, прежде чем его зубы вонзились в бок Ванталы, нож Маугли уже торчал в его груди, а Серый Брат закончил остальное.

— Вот как делается у нас в джунглях! — сказал Маугли.

Вантала не ответил ни слова, только его челюсти сжимались все крепче и крепче, по мере того как жизнь уходила от него. Собака вздрогнула, уронила голову и замерла, Вантала замер над ней.

— Тише! Долг Крови уплачен! — сказал Маугли.— Спой свою песню, Вантала!

— Он больше не будет охотиться,— сказал Серый Брат.— И Акела тоже молчит, уже давно.

— Мы разгрызли кость! — прогремел Пхао, сын Пхаоны.— Они бегут! Убивайте, убивайте их, Охотники Свободного Народа!

Псы один за другим разбежались, крадучись, с потемневших от крови отмелей к реке, в густые джунгли, вверх по течению или вниз по течению — туда, где дорога была свободна.

— Долг! Долг! — крикнул Маугли.— Платите Долг! Они убили Акелу! Пусть ни один из них не уйдет живым!

Он помчался к берегу с ножом в руке, чтобы не дать уйти ни одному псу, который отважился бы броситься в реку. Но тут из-под горы мертвых тел показались голова и передние лапы Акелы, и Маугли опустился перед ним на колени.

— Разве я не говорил, что это будет моя последняя битва? — прошептал Акела.— Славная была охота! А как ты, Маленький Брат?

— Я жив, Акела...

— Да будет так. Я умираю, и я хотел бы... хотел бы умереть ближе к тебе, Маленький Брат.

Маугли положил страшную, всю в ранах голову Акелы себе на колени и обхватил руками его истерзанную шею.

— Давно прошли времена, когда жив был Шер-Хан, а человечий детеныш катался голый в пыли,— кашляя, сказал Акела.

— Нет, нет, я волк! Я одной крови со Свободным Народом! — воскликнул Маугли.— Не по своей воле я стал человеком!

— Ты человек, Маленький Брат, волчонок, возвращенный мною. Ты человек, иначе Стая бежала бы от Диких Собак. Тебе я обязан жизнью, а сегодня ты спас всю Стаю, как я когда-то спас тебя. Разве ты не помнишь? Теперь уплачены все долги. Уходи к своему народу. Говорю тебе еще раз, зеница моего ока, охота кончена. Уходи к своему народу.

— Я не уйду. Я стану охотиться один в джунглях. Я уже говорил.

— За летом приходят дожди, а за дождями — весна. Уходи, пока тебя не заставят уйти. Уходи к своему народу. Уходи к че-

ловеку. Больше мне нечего тебе сказать. Теперь я буду говорить со своими. Маленький Брат, можешь ты поднять меня на ноги? Ведь я тоже Вождь Свободного Народа.

Очень осторожно и ласково Маугли поднял Акелу на ноги, обхватив его обеими руками, но волк испустил глубокий вздох и начал Песню Смерти, которую надлежит петь каждому вождю умирая. Песня становилась все громче и громче, звучала все сильнее и сильнее, прогремела далеко за рекой, а когда умолкло последнее «Доброй охоты!», Акела высвободился на мгновение из рук Маугли, подпрыгнул в воздух и упал мертвым на свою последнюю, страшную добычу. Маугли сидел, опустив голову на колени, забыв обо всем, а тем временем последнего из раненых псов настигли и прикончили беспощадные волчицы. Мало-помалу крики затихли, и волки, хромая, вернулись считать мертвых. Пятнадцать волков из Стаи, а с ними шесть волчиц лежали мертвыми у реки, и из всех остальных ни один не остался невредимым. Маугли просидел всю ночь, до холодного рассвета. Влажная от крови морда Пхао легла ему на руку, и Маугли отодвинулся, чтобы тот мог видеть распростертое тело Акелы.

— Доброй охоты! — сказал Пхао, словно Акела был еще жив, а потом, обернувшись, кинул через искусанное плечо остальным:— Войте, собаки! Сегодня умер Волк!

Зато из всей стаи рыжих собак, из двухсот охотников Декана, которые хвастались тем, что ничто живое в джунглях не смеет им противиться, ни один не вернулся в Декан с этой вестью.

ВЕСЕННИЙ БЕГ

На второй год после большой битвы с Дикими Собаками и смерти Акелы Маугли было лет семнадцать. На вид он казался старше, потому что от усиленного движения, самой лучшей еды и привычки купаться, как только ему становилось жарко или душно, он стал не по годам сильным и рослым. Когда ему надо было осмотреть лесные дороги, он мог полчаса висеть, держась одной рукой за ветку. Он мог остановить на бегу молодого оленя и повалить его на бок, ухватив за рога. Мог даже сбить с ног большого дикого кабана из тех, что живут в болотах на севере. Народ Джунглей, раньше боявшийся Маугли из-за его ума, теперь стал бояться его силы, и когда Маугли спокойно шел по своим делам, шепот о его приходе расчищал перед ним лесные тропинки. И все же его взгляд оставался всегда мягким. Даже когда он дрался, его глаза не вспыхивали огнем, как у черной пантеры Багиры. Его взгляд становился только более внимательным и оживленным, и это было непонятно даже самой Багире.

Однажды она спросила об этом Маугли, и тот ответил ей, засмеявшись:

— Когда я промахнусь на охоте, то бываю зол. Когда поголодаю дня два, то бываю очень зол. Разве по моим глазам это не заметно?

— Рот у тебя голодный,— сказала ему Багира,— а по глазам этого не видно. Охотишься ты, ешь или плаваешь — они всегда одни и те же, как камень в дождь и в ясную погоду.

Маугли лениво взглянул на пантеру из-под длинных ресниц, и она, как всегда, опустила голову. Багира знала, кто ее хозяин.

Они лежали на склоне горы высоко над рекой Вайнгангой, и утренние туманы расстилались под ними зелеными и белыми полосами. Когда взошло солнце, эти полосы тумана превратились в волнующее красно-золотое море, потом поднялись кверху, и низкие, косые лучи легли на сухую траву, где отдыхали Маугли с Багирой. Холодное время подходило к концу, листва на деревьях завяла и потускнела, и от ветра в ней поднимался сухой, однообразный шорох. Один маленький листок бешено бился о ветку, захваченный ветром. Это разбудило Багиру. Она вдохнула утренний воздух с протяжным, глухим кашлем, опрокинулась на спину и передними лапами ударила бьющийся листок.

— Год пришел к повороту,— сказала она.— Джунгли двинулись вперед. Близится Время Новых Речей. И листок это знает. Это очень хорошо!

— Трава еще суха,— отвечал Маугли, выдергивая с корнем пучок травы.— Даже Весенний Глазок (маленький красный цветок, похожий на восковой колокольчик),— даже Весенний Глазок еще не раскрылся... Багира, пристало ли черной пантере валяться на спине и бить лапами по воздуху, словно лесной кошке?

— Аюу! — отозвалась Багира. Видно было, что она думает о чем-то другом.

— Послушай, ну пристало ли черной пантере так кривляться, кашлять, выть и кататься по траве? Не забывай, что мы с тобой хозяева джунглей.

— Да, это правда, я слышу, детеныш.— Багира торопливо перевернулась и стряхнула пыль со своих взъерошенных черных боков (она как раз линяла после зимы).— Разумеется, мы с тобой хозяева джунглей! Кто так силен, как Маугли? Кто так мудр?

Ее голос был странно протяжен, и Маугли обернулся посмотреть, не смеется ли над ним черная пантера, ибо в джунглях много слов, звук которых расходится со смыслом.

— Я сказала, что мы с тобой, конечно, хозяева джунглей,— повторила Багира.— Разве я ошиблась? Я не знала, что детеныш больше не ходит по земле. Значит, он летает?

Маугли сидел, опершись локтями на колени, и смотрел на долину, освещенную солнцем. Где-то в лесу под горой птица пробовала хриплым, неверным голосом первые ноты своей весенней песни. Это была только тень полнозвучной, переливчатой песни, которая разольется по джунглям после. Но Багира услышала ее.

— Это Ферао, красный дятел,— сказала Багира.— Он помнит. Мне тоже надо припомнить мою песню.— И она начала мурлыкать и напевать про себя, время от времени умолкая и прислушиваясь.

В джунглях Индии времена года переходят одно в другое

почти незаметно. Их как будто всего два: сухое и дождливое, но если приглядеться к потокам дождя и облакам сора и пыли, то кажется, что все четыре времени года сменяют друг друга в установленном порядке. Всего удивительнее в джунглях весна, потому что ей не приходится покрывать голое, чистое поле новой травой и цветами, ей надо пробиться сквозь перезимовавшую, еще зеленую листву, которую пощадила мягкая зима, чтобы утомленная, полуодетая земля снова почувствовала себя юной и свежей. И весна это делает так хорошо, что нет на свете другой такой весны, как в джунглях.

Наступает день, когда все в джунглях блекнет и самые запахи, которыми налит тяжелый воздух, словно стареют и выдыхаются. Этого не объяснишь, но это чувствуется. Потом наступает другой день, когда все запахи новы и пленительны и зимняя шерсть сходит у зверей длинными свалывшимися клочьями. После этого выпадает иной раз небольшой дождик, и все деревья, кусты, бамбук, мох и сочные листья растений, проснувшись, пускаются в рост с шумом, который можно слышать. А за этим шумом и ночью и днем струится негромкий гул. Это шум весны, трепетное гудение — не жужжание пчел, и не журчанье воды, и не ветер в вершинах деревьев, но голос пригретого солнцем, счастливого мира.

Прежде Маугли всегда радовался смене времен года. Это он всегда замечал первый Весенний Глазок глубоко в гуще травы и первую гряду весенних облаков, которую в джунглях ни с чем не спутаешь. Его голос можно было слышать по ночам, при свете звезд, в сырых низинах, густо усеянных цветами; там он подпевал хору больших лягушек или передразнивал маленьких сов-перевертней, что ухают всю весеннюю ночь напролет. Как и весь его народ, из четырех времен года он выбирал весну для своих скитаний — просто ради удовольствия бегать, рассекая теплый воздух от сумерек до утренней звезды, и возвращаться, хохоча и задыхаясь, в венке из свежих цветов. Четверка волчат не кружила вместе с ним по джунглям — она уходила петь песни с другими волками. У обитателей джунглей бывает много хлопот весной, и Маугли слышал, как они мычат, вопят или свищут, смотря по тому, что полагается их природе. Их голоса звучат тогда не так, как в другие времена года, и это одна из причин, почему весна зовется Временем Новых Речей.

Наступило первое утро весны, и павлин Мор, сверкая бронзой, синевой и золотом, уловил новые запахи. Другие птицы подхватили его клич, и с утесов над Вайнгангой Маугли услышал хриплый визг Багиры, похожий и на клекот орла и на конское ржание. Вверху, среди налитых соком ветвей, кричали и возились обезьяны.

Маугли озираясь вокруг, но видел только, как насмешливые обезьяны дразнятся и прыгают среди деревьев и как павлин Мор пляшет внизу, на склоне горы, раскинув свой радужный хвост.

— В джунглях пахнет по-новому! — крикнул павлин Мор.—
Доброй охоты, Маленький Брат! Что же ты не отвечаешь?

— Маленький Брат, доброй охоты! — просвистел коршун Чиль,
слетая вниз вместе со своей подругой.

Оба они проскользнули под самым носом у Маугли, так что
пучок белых пушистых перьев слегка задел его.

Легкий весенний дождик — его называют Слоновым Дожди-
ком — прошел по джунглям полосой в полмили, оставив позади
себя намокшие и качающиеся молодые листья, и закончился двой-
ной радугой и легким раскатом грома. Весенний шум прервался
на минуту и примолк, зато весь Народ Джунглей, казалось, го-
монил разом. Маугли кликнул клич Стаи, но ни один из четырех
волков не отозвался. Они были далеко и не слышали его, распе-
вая весенние песни вместе с другими волками.

«Да,— сказал Маугли сам себе, хотя в душе и признавал, что
неправ,— вот если Дикие Собаки придут из Декана или Красный
Цветок заплещет в бамбуках, тогда все джунгли, хныча, бегут
к Маугли и называют его большими, как слон, именами. А теперь,
оттого что покраснел Весенний Глазок, все джунгли взбесились,
как шакал Табаки...»

Маугли поохотился рано в этот вечер и ел немного, чтобы
не отяжелеть перед весенним бегом. Это была настоящая белая
ночь, как ее называют. Все растения с утра, казалось, успели
вырасти больше, чем за месяц. Из ветки, которая еще накануне
была вся в желтых листьях, закапал сок, когда Маугли сломал
ее. Мох густо и тепло курчавился под его ногами, острые края
молодой травы не резали рук.

Маугли громко запел от восторга, начиная свой бег. Это было
больше всего похоже на полет, потому что Маугли выбрал длин-
ный склон, спускавшийся к скверным болотам через густую чащу,
где упругая почва заглушала звук его шагов. Человек, воспи-
танный человеком, не раз споткнулся бы, выбирая дорогу при
обманчивом лунном свете, а ноги Маугли, приученные долгими
годами жизни в лесу, несли его легко, как перышко. Когда гнилой
ствол или скрытый камень подвергались ему под ноги, он не
замедлял шага и перескакивал через них без напряжения, без
усилия. Если ему надоедало бежать по земле, он по-обезьяньи
хватался руками за прочную лиану и скорее взлетал, чем взби-
рался, на верхние тонкие ветви и путешествовал по древесным
дорогам, пока у него не менялось настроение. Тогда он снова
спускался вниз, к земле, по длинной, обросшей листьями дуге
лиан. Ему встречались еще полные зноя ложбины, окруженные
влажными скалами, где трудно было дышать от тяжелого аромата
ночных цветов; лианы, сплошь покрытые цветом; темные просе-
ки, где лунный свет лежал полосами, правильными, как клетки
мраморного пола; чащи, где молодая поросль была ему по грудь
и, словно руками, обнимала его за талию; и вершины холмов,
увенчанные распавшимися на куски утесами, где он перепрыгивал
с камня на камень над норами перепуганных лисиц. До него доно-

силось слабое, отдаленное «чух-чух» кабана, точившего клыки о ствол, а немного погодя он встречал и самого зверя, в полном одиночестве с пеной на морде и горящими глазами рвавшего и раздиравшего рыжую кору дерева. А не то он сворачивал в сторону, слышав стук рогов, ворчание и шипение, и пролетал мимо двух разъяренных буйволов. Они раскачивались взад и вперед, нагнув головы, все в полосках крови, которая кажется черной при лунном свете. Или где-нибудь у речного брода он слышал рев Джакалы — крокодила, который мычит, как бык. А иногда ему случалось потревожить клубок ядовитых змей, но, прежде чем они успевали броситься на Маугли, он уже убежал прочь по блестящей речной гальке и снова углублялся в лес.

Так он бежал в эту ночь, то распевая, то выкрикивая и чувствуя себя счастливее всех в джунглях, пока запах цветов не сказал ему, что близко болота, — а они лежали гораздо дальше самых дальних лесов, где он обычно охотился.

И здесь тоже человек, воспитанный человеком, через три шага ушел бы с головой в трясину, но у Маугли словно были глаза на ногах, и эти ноги несли его с кочки на кочку и с островка на тряский островок, не прося помощи у глаз. Он держал путь к середине болота, спугивая на бегу диких уток, и там уселся на поросший мхом ствол, наклонно торчавший из черной воды.

Все болото вокруг Маугли бодрствовало, потому что весенней порой птичий народ спит очень чутко и стайки птиц реют над болотами всю ночь напролет. Но никто не замечал Маугли, который сидел среди высоких тростников, напевая песню без слов, и, разглядывая жесткие подошвы смуглых ног, искал старую занозу.

Дикая буйволица в тростниках привстала на колени и фыркнула: — Человек!

— У-у! — сказал дикий буйвол Меса (Маугли было слышно, как он ворочается в грязи). — Это не человек. Это только безволосый волк из Сионийской Стаи. В такие ночи он всегда бежит взад и вперед.

— У-у! — отвечала буйволица, вновь нагибая голову к траве. — А я думала, что это человек.

— Говорю тебе, что нет. О Маугли, разве тут опасно? — промычал Меса.

— «О Маугли, разве тут опасно!» — передразнил его мальчик. — Только об одном и думает Меса: не опасно ли тут! Кроме Маугли, который бежит взад и вперед по лесу и стережет вас, никто ни о чем не думает!

Маугли не устоял перед искушением подкрасться из-за тростников к буйволу и кольнуть его острием ножа. Большой, весь облитый грязью буйвол выскочил из лужи с треском разорвавшегося снаряда, а Маугли расхохотался так, что ему пришлось сесть.

— Рассказывай теперь, как безволосый волк из Сионийской Стаи пас тебя, Меса! — крикнул он.

— Волк? Ты? — фыркнул буйвол, меся ногами грязь. — Все

джунгли знают, что ты пас домашнюю скотину. Ты такой же мальчишка, какие кричат в пыли вон там, на засеянных полях. Ты — волк из джунглей! Разве охотник станет ползать, как змея, среди пиявок и ради скверной шутки, достойной шакала, позорить меня перед моей подругой? Выходи на твердую землю, и я... я... — Буйвол говорил с пеной у рта, потому что во всех джунглях нет зверя вспыльчивее.

Маугли, не меняя выражения глаз, смотрел, как пыхтит и фыркает буйвол. Когда стало можно что-нибудь расслышать сквозь шум летевших во все стороны брызг, он спросил:

— Какая человеческая стая живет здесь, у болота, Меса? Этих джунглей я не знаю.

— Ступай на север! — проревел сердито буйвол, потому что Маугли кольнул его довольно сильно. — Так шутят коровьи пастухи! Ступай, Расскажи про это в деревне у болота.

— Человечья стая не любит слушать про джунгли, да я и сам думаю, что лишняя царапина на твоей шкуре — не такая важность, чтобы про нее рассказывать. А все же я пойду посмотрю на эту деревню. Да, пойду! Успокойся! Не каждую ночь Хозяин Джунглей приходит пасти тебя.

Он перешагнул на тряскую почву на краю болота, хорошо зная, что буйвол не бросится туда за ним, и побежал дальше, смеясь над его яростью.

— Вот там звезда сидит над самой землей, — сказал он и пристально взглянул в нее, сложив руки трубкой. — Клянусь буйволом, который выкупил меня, это Красный Цветок, тот самый Красный Цветок, возле которого я лежал еще до того, как попал в Сионийскую Стаю! А теперь я все видел и надо кончать мой бег.

Болото переходило в широкую луговину, где мерцал огонек. Уже очень давно Маугли перестал интересоваться людскими делами, но в эту ночь мерцанье Красного Цветка влекло его к себе, словно новая добыча.

— Посмотрю, — сказал он себе, — очень ли переменялась человеческая стая.

Позабыв о том, что он не у себя в джунглях, где может делать все, что вздумается, Маугли беззаботно ступал по отягченным росой травам, пока не дошел до той хижины, где горел огонек. Три-четыре собаки подняли лай, — Маугли был уже на окраине деревни.

— Хо! — сказал Маугли, бесшумно садясь и посылая им в ответ волчье глухое ворчание, сразу усмирившее собак. — Что будет, то будет. Маугли, какое тебе дело до берлог человеческой стаи?

Он потер губы, вспоминая о том камне, который рассек их много лет назад, когда другая стая изгнала его.

Дверь хижины открылась, и на пороге появилась женщина, взглядывающая в темноту. Заплакал ребенок, и женщина сказала, обернувшись к нему:

— Спи! Это просто шакал разбудил собак. Скоро станет утро.

Маугли, сидя в траве, задрожал, словно в лихорадке. Он хорошо помнил этот голос, но чтобы знать наверняка, крикнул негромко, удивляясь, как легко человеческий язык вернулся к нему:

— Мессуа! О Мессуа!

— Кто меня зовет?— спросила женщина дрожащим голосом.

— Разве ты забыла?— сказал Маугли; в горле у него пересохло при этих словах.

— Если это ты, скажи, какое имя я дала тебе? Скажи! — Она прикрыла дверь наполовину и схватилась рукой за грудь.

— Натху! О, Натху! — ответил Маугли, ибо, как вы помните, этим именем назвала его Мессуа, когда он впервые пришел в человеческую стаю.

— Поди сюда, сынок! — позвала она.

И Маугли, выйдя на свет, взглянул в лицо Мессуи, той женщины, которая была добра к нему и которую он спас когда-то от человеческой стаи. Она постарела и волосы у нее поседелели, но глаза и голос остались те же. Как все женщины, Мессуа думала, что найдет Маугли таким же, каким оставила, и удивленно подняла глаза от груди Маугли к его голове, касавшейся притолки.

— Мой сын...— пролепетала она, падая к его ногам.— Но это уже не мой сын, это лесное божество! Ах!

Он стоял в красном свете масляной лампы, высокий, сильный, красивый, с ножом на шее, с черными длинными волосами, разметавшимися по плечам, в венке из белого жасмина, и его легко было принять за сказочное божество лесов. Ребенок, дремавший на койке, вскочил и громко закричал от страха. Мессуа обернулась, чтобы успокоить его, а Маугли стоял неподвижно, глядя на кувшины и горшки, на ларь с зерном и на всю людскую утварь, так хорошо ему памятную.

— Что ты будешь есть или пить?— прошептала Мессуа.— Это все твоё. Мы обязаны тебе жизнью. Но тот ли ты, кого я называла Натху, или ты и вправду лесной бог?

— Я Натху,— сказал Маугли,— и я зашел очень далеко от дома. Я увидел этот свет и пришел сюда. Я не знал, что ты здесь.

— Когда мы пришли в Канхивару,— робко сказала Мессуа,— мой муж поступил на службу к англичанам, и мы получили здесь немного земли. Она не такая хорошая, как в старой деревне, но нам не много надо — нам вдвоем.

— Где же он, тот человек, что так испугался в ту ночь?

— Вот уже год, как он умер.

— А этот? — Маугли указал на ребенка.

— Это мой сын, что родился две зимы назад. Если ты бог, подари ему Милость Джунглей, чтобы он оставался невредимым среди твоего... твоего народа, как мы остались невредимы в ту ночь.

Она подняла ребенка и тот, забыв о своем страхе, потянулся к ножу, висевшему на груди Маугли. Маугли бережно отвел в сторону маленькие руки.

— А если ты Натху, которого унес тигр,— с запинкой про-

должала Мессуа, — тогда он твой младший брат. Я разведу огонь, и ты напьешься горячего молока. Сними жасминовый веночек, он пахнет слишком сильно для такой маленькой комнаты.

Маугли пил теплое молоко долгими глотками, а Мессуа время от времени поглаживала его по плечу, не будучи вполне уверена, ее ли это сын Натху или какое-нибудь чудесное божество джунглей, но радуясь уже тому, что он жив.

— Сынок, — сказала наконец Мессуа, и ее глаза блеснули гордостью, — кто-нибудь уже говорил тебе, что ты красивее всех на свете?

— Что? — отозвался Маугли, ибо, разумеется, никогда не слышал ничего подобного.

Мессуа ласково и радостно засмеялась. Ей довольно было взглянуть на его лицо.

— Значит, я первая? Так и следует, хотя редко бывает, чтобы сын услышал от матери такую приятную весть. Ты очень красив. Я в жизни не видывала такой красоты.

Маугли вертел головой, стараясь оглядеть себя через плечо, а Мессуа снова рассмеялась и смеялась так долго, что Маугли, сам не зная почему, начал смеяться вместе с ней, а ребенок перебежал от одного к другому, тоже смеясь.

— Нет, не насмехайся над братом, — сказала Мессуа, поймав ребенка и прижимая его к груди. — Если ты вырастешь хоть вполвину таким же красивым, мы женим тебя на младшей дочери князя, и ты будешь кататься на больших слонах.

Маугли понимал едва одно слово из трех в ее разговоре. Теплое молоко усыпило его после сорокамильного пробега, он лег на бок, свернулся и через минуту уснул глубоким сном, а Мессуа откинула волосы с его глаз, накрыла его одеялом и была счастлива.

По обычаю джунглей, он проспал конец этой ночи и весь следующий день, потому что чутье, никогда не засыпавшее вполне, говорило ему, что здесь нечего бояться. Наконец он проснулся, сделав скачок, от которого затряслась хижина: прикрытый одеялом, он видел во сне ловушки. Остановившись, он вдруг схватился за нож, готовый биться с кем угодно, а сон еще глядел из его расширенных глаз.

Мессуа засмеялась и поставила перед ним ужин. У нее были только жесткие лепешки, испеченные на дымном огне, рис и горсточка квашеных тамариндов — ровно столько, чтобы продержаться до вечера, когда Маугли добудет что-нибудь на охоте.

Запах росы с болот пробудил в нем голод и тревогу. Ему хотелось кончить весенний бег, но ребенок ни за что не сходил с его рук, а Мессуа непременно желала расчесать его длинные иссиня-черные волосы. Она расчесывала их и пела простенькие детские песенки, то называя Маугли сыном, то прося его уделить ребенку хоть ничтожную долю его власти над джунглями. Дверь хижины была закрыта, но Маугли слышал хорошо знакомый звук и увидел, как рот Мессуи раскрылся от страха, когда большая

серая лапа показалась из-под двери, а за дверью Серый Брат завыл приглушенно и жалобно.

— Уходи и жди! Вы не захотели прийти, когда я вас звал,— сказал Маугли на языке джунглей, не поворачивая головы, и большая серая лапа исчезла.

— Не... не приводи с собой твоих... твоих слуг,— сказала Мессуа.— Я... мы всегда жили в мире с джунглями.

— И сейчас мир,— сказал Маугли, вставая.— Вспомни ту ночь на дороге в Канхивару. Тогда были десятки таких, как он, и позади и впереди тебя. Однако я вижу, что и весной Народ Джунглей не всегда забывает меня. Мать, я ухожу!

Мессуа смиренно отступила в сторону — он и впрямь казался ей лесным божеством,— но едва его рука коснулась двери, как материнское чувство заставило ее забросить руки на шею Маугли и обнимать его, обнимать без конца.

— Приходи! — прошептала она.— Сын ты мне или не сын, приходи, потому что я люблю тебя! И смотри, он тоже горюет.

Ребенок плакал потому, что человек с блестящим ножом уходил от него.

— Приходи опять,— повторила Мессуа.— И ночью и днем эта дверь всегда открыта для тебя.

Горло Маугли сжалось, словно его давило изнутри, и голос его прозвучал напряженно, когда он ответил:

— Я непременно приду опять... А теперь,— продолжал он уже за дверью, отстраняя голову ластящегося к нему волка,— я тобой недоволен, Серый Брат. Почему вы не пришли все четверо, когда я звал вас, уже давно?

— Давно? Это было только вчера ночью. Я... мы... пели в джунглях новые песни. Разве ты не помнишь?

— Верно, верно!

— И как только песни были спеты,— горячо продолжал Серый Брат,— я побежал по твоему следу. Я бросил остальных и побежал к тебе со всех ног. Но что же ты наделал, о Маленький Брат! Зачем ты ел и спал с человечесьей стаей?

— Если бы вы пришли, когда я вас звал, этого не случилось бы,— сказал Маугли, прибавляя шаг.

— А что же будет теперь? — спросил Серый Брат.

Маугли хотел ответить, но на тропинке показалась девушка в белой одежде. Серый Брат сразу пропал в кустах, а Маугли бесшумно отступил в высокий тростник и исчез как дух. Девушка вскрикнула — ей показалось, что она увидела привидение, а потом глубоко вздохнула. Маугли раздвинул руками длинные стебли и следил за ней, пока она не скрылась из виду.

— А теперь я не знаю,— сказал Маугли, вздохнув.— Почему вы не пришли, когда я вас звал?..

— Мы всегда с тобой... всегда с тобой,— проворчал Серый Брат, лизнув пятку Маугли.

— А пойдете вы со мной к человечесьей стае? — прошептал Маугли.

— Разве я не пошел за тобой в ту ночь, когда наша Стая прогнала тебя? Кто разбудил тебя, когда ты уснул в поле?

— Да, но еще раз?

— Разве я не пошел за тобой сегодня ночью?

— Да, но еще и еще раз, Серый Брат, и, может быть, еще?

Серый Брат молчал. Потом он проворчал, словно про себя:

— Та, черная, сказала правду.

— А что она сказала?

— Человек уходит к человеку в конце концов. И наша мать говорила то же.

— То же говорил и Акела в Ночь Диких Собак,— пробормотал Маугли.

— То же говорил и Каа, который умнее нас всех.

— А что скажешь ты, Серый Брат?

Серый Брат некоторое время бежал рысью, не отвечая, потом сказал с расстановкой от прыжка к прыжку:

— Детеныш — Хозяин Джунглей — мой сводный брат! Твой путь — это мой путь, твое жилье — мое жилье, твоя добыча — моя добыча, и твой смертный бой — мой смертный бой. Я говорю за нас троих. Но что скажешь ты джунглям?

— Хорошо, что ты об этом подумал. Нечего долго ждать, когда видишь добычу. Ступай вперед и созови всех на Скалу Совета, а я расскажу им, что у меня на уме.

Во всякое другое время на зов Маугли собрались бы, ошетинив загривки, все джунгли, но теперь им было не до того — они пели новые песни. И когда Маугли с тяжелым сердцем взобрался по хорошо знакомым скалам на то место, где его когда-то приняли в Стаю, он застал там только свою четверку волков, Балу, почти совсем ослепшего от старости, и тяжеловесного, хладнокровного Каа, свернувшегося кольцом вокруг опустевшего места Акелы.

— Значит, твой путь кончается здесь, человек?— сказал Каа, когда Маугли бросился на землю.— Еще когда мы встретились в Холодных Берлогах, я это знал. Человек в конце концов уходит к человеку, хотя джунгли его и не гонят.

Четверо волков поглядели друг на друга, потом на Маугли — удивленно, но покорно.

— Так джунгли не гонят меня? — с трудом вымолвил Маугли.

Серый Брат и остальные трое волков яростно заворчали и начали было: «Пока мы живы, никто не посмеет...», но Балу остановил их.

— Я учил тебя Закону. Слово принадлежит мне,— сказал он,— и хотя я теперь не вижу скал перед собою, зато вижу дальше. Лягушонок, ступай своей собственной дорогой, живи там, где живет твоя кровь, твоя Стая и твой Народ. Но когда тебе понадобится коготь, или зуб, или глаз, или слово, быстро переданное ночью, то помни, Хозяин Джунглей, что джунгли — твои, стоит только позвать.

— И средние джунгли тоже твои,— сказал Каа.— Я не говорю о Маленьком Народе.

— О братья мои! — воскликнул Маугли, с рыданием простирая к ним руки. — Я не хочу уходить, но меня словно тянет за обе ноги. Как я уйду от этих ночей?

— Нет, смотри сам, Маленький Брат, — повторил Балугу. — Ничего постыдного нет в этой охоте. Когда мед съеден, мы оставляем пустой улей.

— Сбросив кожу, уже не влезешь в нее снова. Таков Закон, — сказал Каа.

— Послушай, мое сокровище, — сказал Балугу. — Никто здесь не будет удерживать тебя — ни словом, ни делом. Смотри сам! Кто станет спорить с Хозяином Джунглей? Я видел, как ты играл вон там белыми камешками, когда был маленьким Лягушонком. И Багира, которая отдала за тебя молодого, только что убитого буйвола, видела тебя тоже. После того смотра остались только мы одни, ибо твоя приемная мать умерла, умер и твой приемный отец. Старой Волчьей Стаи давно уже нет. Ты сам знаешь, чем кончил Шер-Хан, Акелу же убили Дикие Собаки; они погубили бы и всю Сионийскую Стаю, если бы не твои мудрость и сила. Остались только старики. И уже не детеныш просит позволения у Стаи, но Хозяин Джунглей избирает новый путь. Кто станет спорить с человеком и его обычаями?

— А как же Багира и буйвол, который выкупил меня? — сказал Маугли. — Мне не хотелось бы...

Его слова были прерваны ревом и треском в чаще под горой, и появилась Багира, легкая, сильная и грозная, как всегда.

— Вот почему, — сказала пантера, вытягивая вперед окровавленную правую лапу, — вот почему я не приходила. Охота была долгая, но теперь он лежит убитый в кустах — буйвол по второму году, — тот буйвол, который освободит тебя, Маленький Брат. Все долги уплачены теперь сполна. Что же касается остального, то я скажу то же, что я Балугу. — Она лизнула ногу Маугли. — Не забывай, что Багира любила тебя! — крикнула она и скачками понеслась прочь.

У подножия холма она снова крикнула громко и протяжно:

— Доброй охоты на новом пути, Хозяин Джунглей! Не забывай, что Багира любила тебя.

— Ты слышал? — сказал Балугу. — Больше ничего не будет. Ступай теперь, но сначала подойди ко мне. О мудрый Маленький Лягушонок, подойди ко мне!

— Нелегко сбрасывать кожу, — сказал Каа.

А Маугли в это время рыдал и рыдал, уткнувшись головой в бок слепого медведя и обняв его за шею, а Балугу все пытался лизнуть его ноги.

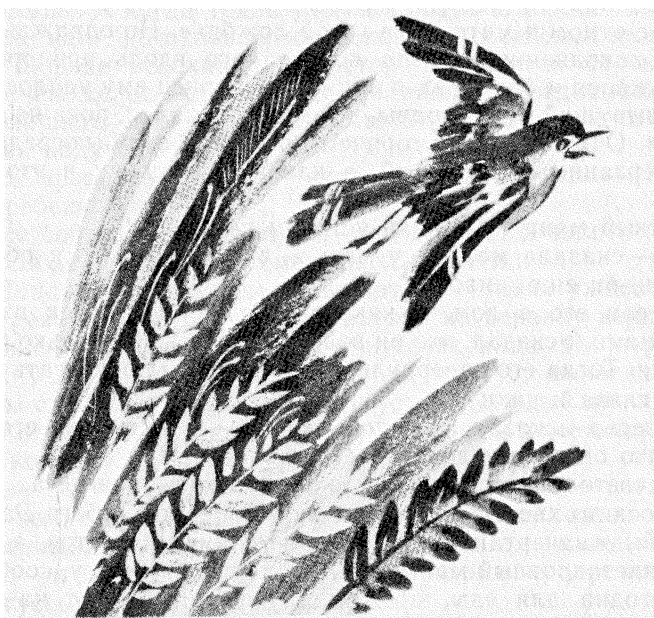
— Звезды редеют, — сказал Серый Брат, нюхая предрассветный ветерок. — Где мы ляжем сегодня? Отныне мы пойдем по новому пути.

И это — последний из рассказов о Маугли.

P. Ruppini

РИККИ-ТИККИ-ТАВИ

то рассказ о великой войне, которую вел в одиночку Рикки-Тикки-Тави в ванной большого дома в поселке Сигаули.

Дарзи, птица-портной¹, помогала ему, и Чучундра, мускусная крыса², — та, что никогда не выбежит на середину комнаты, а все крадется у самой стены, — давала ему советы. Но по-настоящему воевал он один.

Рикки-Тикки-Тави был мангуст³. И хвост и мех были у него как у маленькой кошки, а голова и все повадки — как у ласочки⁴. Глаза у него были розовые, и кончик его беспокойного носа тоже был розовый. Рикки мог почесаться где вздумается, все равно какой

¹ *Птица-портной* (портниха) — южно-азиатская птица, выющая гнездо в кармане, «сшитом» из листьев. Отсюда название птицы.

² *Мускусная крыса* (ондатра) — дальняя родственница мыши-полевки, живет и в воде и на суше.

³ *Мангусты* — мелкие хищные животные, истребляющие ядовитых змей. Обитают в тропических странах, легко приручаются.

⁴ *Ласка* — маленькое хищное животное, истребляет вредных грызунов.

лапкой: передней ли, задней ли. И так умел он распушить свой хвост, что делался похожим на круглую длинную щетку. И его боевой клич, когда он мчался в высоких травах, был рикки-тикки-тикки-тикки-чк!

Он жил с отцом и матерью в узкой ложбине. Но однажды летом произошло наводнение, и вода понесла его вдоль придорожного рва. Он брыкался и барахтался как мог. Наконец ему удалось ухватиться за плывущий пучок травы, и там он держался, пока не лишился сознания. Очнувшись он на горячем припеке в саду, посредине дорожки, истерзанный и грязный, а какой-то мальчик в это время сказал:

— Мертвый мангуст! Давай устроим похороны!

— Нет, — сказала мальчику мать, — возьмем-ка его и обсушим. Может быть, он еще живой.

Они внесли его в дом, и какой-то большой человек взял его двумя пальцами и сказал, что он вовсе не мертвый, а только захлебнулся в воде. Тогда его завернули в вату и стали обогрывать у огня. Он открыл глаза и чихнул.

— А теперь, — сказал Большой Человек, — не пугайте его, и мы поглядим, что он станет делать.

Нет на свете ничего труднее, как испугать мангуста, потому что он от носа до хвоста весь горит любопытством. «Беги Разузнай и Разнюхай», — начертано на семейном гербе у мангустов, а Рикки-Тикки был чистокровный мангуст. Он всмотрелся в вату, сообразил, что она негодна для еды, obeжал кругом стола, сел на задние лапки, привел свою шерстку в порядок, а потом вскочил мальчику на плечо.

— Не бойся, Тедди, — сказал Большой Человек. — Это он хочет с тобой подружиться.

— Ай, он щекочет мне шею! — вскрикнул Тедди.

Рикки-Тикки заглянул ему за воротник, понюхал ухо и, спустившись на пол, начал тереть себе нос.

— Вот чудеса! — сказала Теддина мать. — И это называется дикий зверек! Верно, он оттого такой ручной, что мы были добры к нему.

— Мангусты все такие, — сказал ее муж. — Если Тедди не станет поднимать его с полу за хвост и не вздумает сажать его в клетку, он поселится у нас и будет бегать по всему дому... Дадим ему чего-нибудь поесть.

Ему дали маленький кусочек сырого мяса. Мясо ему страшно понравилось. После завтрака он сейчас же побежал на веранду, присел на солнышке и распушил свою шерстку, чтобы высушить ее до самых корней. И тотчас же ему стало лучше.

«В этом доме есть немало такого, что я должен разведать как можно скорее. Моим родителям за свою жизнь не случалось разведать столько. Останусь тут и разведваю все как есть».

Весь этот день он только и делал, что рыскал по всему дому. Он чуть не утонул в ванне, он сунулся носом в чернила и тотчас же после этого обжег себе нос о сигару, которую курил Большой Че-

ловец, потому что взобрался к Большому Человеку на колени — посмограть, как пишут пером на бумаге. Вечером он прибежал в Теддину спальню, чтобы проследить, как зажигаются керосиновые лампы. А когда Тедди улегся в постель, Рикки-Тикки прикорнул возле него, но оказался беспокойным соседом, потому что при всяком шорохе вскакивал и настораживался, и бежал разуживать, в чем дело. Отец с матерью зашли перед сном проведать своего спящего сына и увидели, что Рикки-Тикки не спит, а сидит у него на подушке.

— Не нравится мне это, — сказала Теддина мать. — Что, если он укусит ребенка?..

— Не бойся, — сказал отец. — Эта зверюшка защитит его лучше всякой собаки. Если, например, вползет змея...

Но Теддина мать и думать не хотела о таких ужасах.

К утреннему завтраку Рикки въехал на веранду верхом на Теддином плече. Ему дали банан и кусочек яйца. Он перебивал на коленях у всех, потому что хороший мангуст никогда не теряет надежды сделаться домашним мангустом. Каждый из них с детства мечтает о том, что он будет жить в человеческом доме и бегать из комнаты в комнату.

После завтрака Рикки-Тикки выбежал в сад — поглядеть, нет ли там чего замечательного. Сад был большой, лишь наполовину расчищенный. Розы росли в нем огромные — каждый куст как беседка, — и бамбуковые рощи, и апельсиновые деревья, и лимонные, и густые заросли высокой травы.

Рикки-Тикки даже облизнулся.

— Неплохое место для охоты! — сказал он.

И чуть только подумал об охоте, хвост у него раздулся, как круглая щетка. Он быстро обежал всю окрестность, нюхнул здесь, нюхнул там, и вдруг до него донеслись из терновника чьи-то печальные голоса. Там, в терновнике, жили Дарзи, птица-портной, и его жена. У них было красивое гнездо: они сшили его из двух больших листьев тонкими волокнистыми прутиками и набили мягким пухом и хлопком. Гнездо качалось во все стороны, а они сидели на краю и громко плакали.

— Что случилось? — спросил Рикки-Тикки.

— Большое несчастье! — ответил Дарзи. — Один из наших птенцов вывалился вчера из гнезда, и Наг проглотил его.

— Гм, — сказал Рикки-Тикки, — это очень печально... Но я тут недавно... Я нездешний... Кто такой Наг?

Дарзи и его жена юркнули в гнездо и ничего не ответили, потому что из густой травы, из-под куста, слышалось негромкое шипение — страшный, холодный звук, который заставил Рикки-Тикки отскочить назад на целых два фута. Потом из травы все выше и выше, вершок за вершком, стала подниматься голова Нага, огромной черной кобры¹, — и был этот Наг пяти футов длины от головы до хвоста.

¹ Кобра — очень ядовитая очковая змея. Сзади, чуть пониже головы, у нее узор, похожий на очки. Когда она сердита, она раздувает шею так, что получается подобие капюшона.

Когда треть его туловища поднялась над землей, он остановился и начал качаться, как одуванчик под ветром, и глянул на Рикки-Тикки своими злыми змеиными глазками, которые остаются всегда одинаковыми, о чем бы ни думал Наг.

— Ты спрашиваешь, кто такой Наг? Смотри на меня и дрожи! Потому что Наг — это я...

И он раздул свой капюшон, и Рикки-Тикки увидел на капюшоне очковую метку, точь-в-точь как стальная петля от стального крючка.

Рикки стало страшно — на минуту. Дольше одной минуты мангусты вообще никого не боятся, и хотя Рикки-Тикки никогда не видел живой кобры, так как мать кормила его мертвыми, он хорошо понимал, что мангусты для того и существуют на свете, чтобы сражаться со змеями, побеждать их и есть. Это было известно и Нагу, и потому в глубине его холодного сердца был страх.

— Ну так что! — сказал Рикки-Тикки, и хвост у него стал раздуваться опять. — Ты думаешь, если у тебя узор на спине, так ты имеешь право глотать птенчиков, которые выпадут из гнезда?

Наг думал в это время о другом и зорко вглядывался, не шевелится ли трава за спиной у Рикки. Он знал, что если в саду появились мангусты, значит, и ему, и всему змеинному роду скоро придет конец. Но теперь ему нужно было усыпить внимание врага. Поэтому он чуть-чуть нагнул голову и, склонив ее набок, сказал:

— Давай поговорим. Ведь птичьи яйца ты ешь, не правда ли? Почему бы мне не лакомиться птенчиками?

— Сзади! Сзади! Оглянись! — пел в это время Дарзи.

Но Рикки-Тикки хорошо понимал, что пялить глаза уже некогда. Он подпрыгнул как можно выше и внизу под собой увидел шипящую голову Нагайны, злой жены Нага. Она подкралась сзади, покуда Наг разговаривал с мангустом, и хотела прикончить его. Она оттого и шипела, что Рикки ускользнул от нее. Подпрыгнувший Рикки бухнулся к ней прямо на спину, и будь он постарше, он знал бы, что теперь самое время прокусить ее спину зубами: один укус — и готово! Но он боялся, как бы она не хлестнула его своим страшным хвостом. Впрочем, он куснул ее, но не так сильно, как следовало, и тотчас же отскочил от извивов хвоста, оставив змею разъяренной и раненой.

— Гадкий, гадкий Дарзи! — сказал Наг и вытянулся вверх сколько мог, чтобы достать до гнезда, висевшего на терновом кусте.

Но Дарзи нарочно построил свое гнездо так высоко, чтобы змеи не достали до него, и гнездо только качнулось на ветке.

Рикки-Тикки чувствовал, что глаза у него становятся все краснее и жарче, а когда глаза у мангуста краснеют, это значит — он очень сердит. Он сел на хвост и на задние лапы, как маленький кенгуренок, и, поглядев во все стороны, затараторил от ярости. Но воевать было не с кем: Наг и Нагайна юркнули в траву и исчезли. Когда змее случится промахнуться: она не говорит ни единого слова и не показывает, что собирается делать. Рикки-Тикки даже не пытался преследовать врагов, так как не был уверен, может ли справиться с обоими сразу. Он побежал рысцой по направлению

к дому, сел на песчаной тропинке и глубоко задумался. Да и было о чем.

Когда тебе случится читать старые книги о разных животных, ты прочтешь, будто ужаленный змеей мангуст тотчас же убегает прочь и съедает какую-то травку, которая будто бы лечит его от укуса. Это неверно. Победа мангуста над коброй — в быстроте его глаз и лап. У кобры — укус, у мангуста — прыжок.

И так как никакому глазу не уследить за движением змеиной головы, когда она хочет ужалить, этот прыжок мангуста чудеснее всякой волшебной травы.

Рикки-Тикки хорошо понимал, что он еще молодой и неопытный. Оттого ему было так радостно думать, что он изловчился увильнуть от нападения сзади. Он почувствовал большое уважение к себе, и, когда по садовой дорожке подбежал к нему Тедди, он был не прочь позволить мальчугану, чтобы тот погладил его. Но как раз в эту минуту, когда Тедди нагнулся над ним, что-то мелькнуло, извиваясь в пыли, и тоненький голосок произнес: «Берегись! Я — Смерть!» Это была Карайт, пыльно-серая змейка, которая любит валяться в песке. Жало у нее такое же ядовитое, как у кобры, но оттого, что она маленькая, никто не замечает ее, и таким образом она приносит людям еще больше вреда.

Глаза у Рикки-Тикки опять стали красные, и он, приплясывая, подбежал к Карайт той особенной, неровной походкой враскачку, которую унаследовал от своих прародителей. Походка забавная, но очень удобная, потому что дает вам возможность сделать прыжок под каким угодно углом. А когда имеешь дело со змеями, это важнее всего. Поединок с Карайт был еще опаснее для Рикки, чем сражение с Нагом, потому что Карайт такая маленькая и ловкая змейка, что, если только Рикки не вопьется в нее сзади зубами чуть пониже головы, Карайт непременно ужалит его либо в глаз, либо в губу.

Впрочем, Рикки этого не знал. Глаза у него совсем покраснели, он уже ни о чем не раздумывал, он шел и раскачивался взад и вперед, выискивая, куда ему лучше вонзиться зубами. Карайт налетела на него. Рикки отскочил вбок и хотел было ее укусить, но проклятая пыльно-серая головка очутилась у самого его затылка, и, чтобы сбросить ее со спины, ему пришлось перекувырнуться в воздухе. Она не отставала и мчалась за ним по пятам.

Тедди повернулся к дому и крикнул:

— Идите посмотрите: наш мангуст убивает змею!

И Рикки-Тикки услышал, как взвизгнула Теддина мать. Отец мальчика выбежал с палкой, но как раз в это время Карайт сделала неудачный рывок — дальше, чем нужно, — и Рикки-Тикки вскочил на нее и вцепился зубами чуть пониже ее головы, а потом откатился прочь. Карайт сразу перестала шевелиться, и Рикки-Тикки уже приготовился съесть ее, начиная с хвоста (таков обеденный обычай у мангустов), когда он вспомнил, что мангусты от сытной еды тяжелеют и что, если он хочет сохранить свою ловкость и силу, он должен оставаться худым. Он отошел прочь и стал

кувыркаться в пыли под кустом клещевины, а Теддин отец набросился с палкой на мертвую змею.

«К чему это? — думал Рикки. — Ведь я уже прикончил ее».

И тут к Рикки-Тикки подбежала Теддина мать, подняла его прямо из пыли и стала крепко прижимать к себе, крича, что он спас ее сына от смерти, а Тедди сделал большие глаза, и в его глазах был испуг. Суматоха понравилась Рикки, но из-за чего она произошла, он, конечно, не мог понять. За что они так ласкают его? Ведь для него драться со змеями то же самое, что для Тедди кувыркаться в пыли, — одно удовольствие.

Когда сели обедать, Рикки-Тикки, гуляя по скатерти среди стаканов и рюмок, мог бы трижды набить себе брюхо самыми вкусными лакомствами, но он помнил о Наге и Нагайне, и хотя ему было очень приятно, что Теддина мать тискает и гладит его и что Тедди сажает его к себе на плечо, но глаза у него то и дело краснели, и он выпускал свой воинственный клич рикки-тикки-тикки тикки-чк!

Тедди взял его к себе в постель. Мальчику непременно хотелось, чтобы Рикки спал у него под самым подбородком, на груди. Рикки был благовоспитанный мангуст и не мог ни укусить, ни оцарапать его, но, чуть только Тедди заснул, он спустился с постели и пошел путешествовать по дому.

В потемках он наткнулся на мускусную крысу Чучундру, которая кралась поближе к стене.

У Чучундры разбитое сердце. Она хнычет и ноет всю ночь и все хочет набраться храбрости, чтобы выбежать на середину комнаты. Но храбрости у нее никогда не хватает.

— Не губи меня, Рикки-Тикки! — закричала она и чуть не заплакала.

— Кто убивает змею, станет ли возиться с какой-то мускусной крысой! — презрительно ответил Рикки-Тикки.

— Убивающий змею от змеи и погибнет! — еще печальнее сказала Чучундра. — И кто знает, не убьет ли меня Наг по ошибке? Он подумает, что я — это ты...

— Ну, этого он никогда не подумает! — сказал Рикки-Тикки. — К тому же он в саду, а ты там никогда не бываешь.

— Моя двоюродная сестра, крыса Чуа, говорила мне... — начала Чучундра и смолкла.

— Что же она говорила?

— Тсс... Наг вездесущий — он всюду. Ты бы сам поговорил с моей сестрой в саду.

— Но я ее не видел. Говори же! Да поскорее, Чучундра, а не то я тебя укушу.

Чучундра уселась на корточки и начала плакать. Плакала она долго, слезы текли у нее по усам.

— Я такая несчастная! — рыдала она. — У меня никогда не хватало духу выбежать на середину комнаты. Тссс! Но разве ты не слышишь, Рикки-Тикки? Уж лучше мне не говорить ничего.

Рикки-Тикки прислушался. В доме была тишина, но ему пока-

залось, что до него еле-еле доносится тихое, еле слышное ш-ш-ш, как будто по стеклу прошла оса. Это шуршала змеиная чешуя на кирпичном полу.

«Или Наг, или Нагайна! — решил он. — Кто-то из них ползет по водосточному желобу в ванную...»

— Верно, Чучундра. Жаль, что я не потолковал с твоей Чуа.

Он прокрался в Теддину умывальную комнату, но там не оказался никого. Оттуда он пробрался в умывальную комнату Теддиной матери. Там в оштукатуренной гладкой стене у самого пола был вынут кирпич для водосточного желоба, и, когда Рикки пробирався по каменному краю того углубления, в которое вставлена ванна, он услышал, как за стеной в лунном сиянии шепчутся Наг и Нагайна.

— Если в доме не станет людей, — говорила Нагайна мужу, — он тоже уйдет оттуда, и сад опять будет наш. Иди же, не волнуйся и помни, что первым ты должен ужалить Большого Человека, который убил Карайт. А потом возвращайся ко мне, и мы вдвоем прикончим Рикки-Тикки.

— Но будет ли нам хоть малейшая польза, если мы убьем их?

— Еще бы! Огромная. Когда дом стоял пустой, разве тут водились мангусты? Покуда в доме никто не живет, мы с тобой цари всего сада: ты царь, я царица. И не забудь, что когда на дынной грядке вылупятся из яиц наши дети (а это может случиться и завтра), им будет нужен покой и уют.

— Об этом я и не подумал, — сказал Наг. — Хорошо, я иду. Но, кажется, нет никакого смысла вызывать на бой Рикки-Тикки. Я убью Большого Человека и его жену, а также, если мне удастся, его сына и уползу потихоньку. Тогда дом опустеет, и Рикки-Тикки сам уйдет отсюда.

Рикки-Тикки весь дрожал от негодования и ярости.

В отверстие просунулась голова Нага, а за нею пять футов его холодного туловища. Рикки-Тикки хоть и был взбешен, но все же пришел в ужас, когда увидел, какая огромная эта кобра. Наг свернулся в кольцо, поднял голову и стал вглядываться в темноту ванной комнаты. Рикки-Тикки мог видеть, как мерцают его глаза.

«Если я убью его сейчас, — соображал Рикки-Тикки, — об этом немедленно узнает Нагайна. Драться же на открытом месте мне очень невыгодно: Наг может меня одолеть. Что мне делать?»

Наг раскачивался вправо и влево, а потом Рикки-Тикки услышал, как он пьет воду из большого кувшина, который служил для наполнения ванны.

— Чудесно! — сказал Наг, утолив жажду. — У Большого Человека была палка, когда он выбежал, чтобы убить Карайт. Быть может, эта палка при нем и сейчас. Но когда нынче утром он придет сюда умываться, он, будет, конечно, без палки... Нагайна, ты слышишь меня?.. Я подожду его здесь в холодке до расвета...

Нагу никто не ответил, и Рикки-Тикки понял, что Нагайна ушла. Наг обвился вокруг большого кувшина у самого пола и

заснул. А Рикки-Тикки стоял тихо, как смерть. Через час он начал подвигаться к кувшину — мускул за мускулом. Рикки всматривался в широкую спину Нага и думал, куда бы вонзиться зубами.

«Если я в первый же миг не перекушу ему шею, у него все еще хватит силы бороться со мной, а если он будет бороться — о Рикки!»

Он поглядел, какая толстая шея у Нага, — нет, ему с такой шеей не справиться. А укусить где-нибудь поближе к хвосту — только раззадорить врага.

«Остается голова! — решил он. — Голова над самым капюшон. И уж если вцепиться в нее, так не выпускать ни за что».

Он сделал прыжок. Голова змеи лежала чуть-чуть на отлете; прокусив ее зубами, Рикки-Тикки мог упереться спиной в выступ глиняного кувшина и не дать голове подняться с земли. Таким образом он выигрывал только секунду, но этой секундой он отлично воспользовался. А потом его подхватило и брякнуло оземь и стало мотать во все стороны, как крысу мотает собака, и вверх, и вниз, и большими кругами, но глаза у него были красные, и он не отстал от змеи, когда она молотила им по полу, расшвыривая в разные стороны жестяные ковшики, мыльницы, щетки, и била его о края металлической ванны.

Он сжимал челюсти все крепче и крепче, потому что хоть и думал, что пришла его смерть, но решил встретить ее, не разжимая зубов. Этого требовала честь его рода.

Голова у него кружилась, его тошнило, и он чувствовал себя так, будто весь был разбит на куски. Вдруг у него за спиной словно ударил гром, и горячий вихрь налетел на него и сбил его с ног, а красный огонь опалил ему шерстку. Это Большой Человек, разбуженный шумом, прибежал с охотничьим ружьем, выстрелил сразу из обоих стволов и попал Нагу в то место, где кончается его капюшон. Рикки-Тикки лежал, не разжимая зубов, и глаза у него были закрыты, так как он считал себя мертвым.

Но змеинная голова уже больше не двигалась. Большой Человек поднял Рикки с земли и сказал:

— Смотри, опять наш мангуст. В эту ночь, Элис, он спас от смерти нас — и тебя, и меня.

Тут вошла Теддина мать с очень белым лицом и увидела, что осталось от Нага. А Рикки-Тикки кое-как дотащился до Теддиной спальни и всю ночь только и делал, что встряхивался, как бы желая проверить, правда ли, что его тело разбито на сорок кусков, или это ему только показалось в бою.

Когда пришло утро, он весь как бы закоченел, но был очень доволен своими подвигами.

«Теперь я должен прикончить Нагайну, а это труднее, чем справиться с дюжиной Нагов... А тут еще эти яйца, о которых она говорила. Я даже не знаю, когда из них вылупятся змееныши... Черт возьми! Пойду и потолкую с Дарзи».

Не дожидаясь завтрака, Рикки-Тикки со всех ног бросился к терновому кусту. Дарзи сидел в гнезде и что есть мочи распевал

веселую победную песню. Весь сад уже знал о гибели Нага, потому что уборщик швырнул его тело на свалку.

— Ах ты, глупый пучок перьев! — сказал Рикки-Тикки сердито. — Разве теперь время для песен?

— Умер, умер, умер Наг! — заливался Дарзи. — Смелый Рикки-Тикки впился в него зубами! А Большой Человек принес палку, которая делает б а м, и перебил Нага надвое, надвое, надвое! Никогда уже Нагу не пожирать моих деток!

— Все это так, — сказал Рикки-Тикки. — Но где же Нагайна? — И он внимательно огляделся вокруг.

А Дарзи продолжал заливаться:

Нагайна пришла к водосточной трубе
И кликнула Нага Нагайна к себе.
Но сторож взял Нага на палку
И выбросил Нага на свалку.
Славься же, славься, великий
Красноглазый герой Рикки-Тикки!

И Дарзи снова повторил свою победную песню.

— Достать бы мне до твоего гнезда, я бы вышвырнул оттуда всех птенцов! — кричал Рикки-Тикки. — Или ты не знаешь, что все в свое время? Тебе хорошо распевать наверху, а мне здесь внизу не до песен: нужно снова идти воевать! Перестань же петь хоть на минуту!

— Хорошо, я готов замолчать для тебя — для героя, для прекрасного Рикки! Что угодно Победителю Свирепого Нага?

— В третий раз тебя спрашиваю: где Нагайна?

— Над мусорной кучей она у конюшни, рыдает о Наге она... Велик Белозубый Рикки!..

— Оставь мои белые зубы в покое! Не знаешь ли ты, где она спрятала яйца?

— У самого края, на дынной гряде, под забором, где солнце весь день до заката... Много недель миновало с тех пор, как зарыла она эти яйца...

— И ты даже не подумал сказать мне об этом! Так под забором, у самого края?

— Рикки-Тикки не пойдет же глотать эти яйца?

— Нет, не глотать, но... Дарзи, если у тебя осталась хоть капля ума, лети сейчас же к конюшне и сделай вид, что у тебя перебито крыло, и пусть Нагайна гонится за тобой до этого куста, понимаешь? Мне надо пробраться к дынной гряде, а если я пойду туда сейчас, она заметит.

Ум у Дарзи был птичий, в его крошечной головке никогда не вмещалось больше одной мысли сразу. И так как он знал, что дети Нагайны выводятся, как и его птенцы, из яиц, ему подумалось, что истреблять их не совсем благородно. Но его жена была умнее. Она знала, что каждое яйцо кобры — это та же кобра, и потому она тотчас же вылетела вон из гнезда, а Дарзи оставила

дома: пусть греет малюток и горланит свои песни о гибели Нага. Дарзи был во многом похож на всякого другого мужчину.

Прилетев на мусорную кучу, она стала егозить в двух шагах от Нагайны и при этом горько кричала:

— Ой, у меня перебито крыло! Мальчишка, живущий в доме, бросил в меня камнем и перебил мне крыло!

И она еще отчаяннее захлопала крыльями.

Нагайна подняла голову и зашипела:

— Это ты дала знать Рикки-Тикки, что я хочу ужалить его? Плохое же ты выбрала место хромать!

И она скользнула по пыльной земле к жене Дарзи.

— Мальчишка перебил его камнем! — продолжала кричать жена Дарзи.

— Ладно, может быть, тебе будет приятно узнать, что, когда ты умрешь, я разделаюсь с этим мальчишкой по-своему. Сегодня с самого рассвета мой муж лежит на этой мусорной куче, но еще до заката мальчишка, живущий в доме, тоже будет лежать очень тихо... Но куда же ты? Не думаешь ли ты убежать? Все равно от меня не уйдешь. Глупая, погляди на меня!

Но жена Дарзи хорошо знала, что это-то ей и не следует делать, потому что стоит только какой-нибудь птице глянуть змее в глаза, как на птицу с перепугу нападает столбняк и она не может шевельнуться. Жена Дарзи рванулась прочь, жалобно попискивая и беспомощно хлопая крыльями. Над землей она не вспорхнула ни разу, а Нагайна мчалась за ней все быстрее.

Рикки-Тикки услышал, что они бегут от конюшни по садовой дорожке, и кинулся к дынной гряде, к тому краю, что у самого забора. Там в разопрелой земле, покрывающей дыни, он отыскал двадцать пять змеиных яиц, очень искусно припрятанных, — каждое такой величины, как яйцо бантамки¹, только вместо скорлупы они покрыты белесой кожурой.

— Еще день, и было бы поздно! — сказал Рикки-Тикки, так как он увидел, что внутри кожуры лежали, свернувшись, крошечные кобры.

Он знал, что с той самой минуты, как они вылупятся из яйца, каждая может убить человека и мангуста. Он принялся быстро-быстро надкусывать верхушки яиц, прихватывая при этом головки змеенышей, и в то же время не забывал раскапывать грядку то там, то здесь, чтобы не пропустить какого-нибудь яйца незамеченным.

Осталось всего три яйца, и Рикки-Тикки начал уже хихикать от радости, когда жена Дарзи закричала ему:

— Рикки-Тикки, я заманила Нагайну к дому, и Нагайна поползла на веранду! О, скорее, скорее! Она замышляет убийство!

Рикки-Тикки надкусил еще два яйца, а третье взял в зубы и помчался к веранде.

¹ Бантамка — курица мелкой породы.

Тедди, его мать и отец сидели на веранде за завтраком. Но Рикки-Тикки заметил, что они ничего не едят. Они сидели неподвижно, как каменные, и лица у них были белые. А на циновке у самого Теддиного стула извивалась кольцами Нагайна. Она подползла так близко, что могла во всякое время ужалить голую ногу Тедди. Раскачиваясь в разные стороны, она пела победную песню.

— Сын Большого Человека, убившего Нага,— шипела она,— подожди немного, сиди и не двигайся. Я еще не готова. И вы все трое сидите потише. Если вы шевельнетесь, я ужалю его. Если вы не шевельнетесь, я ужалю тоже. О глупые люди, убившие Нага!

Тедди не отрываясь впился глазами в отца, а отец только и мог прошептать:

— Сиди и не двигайся, Тедди. Сиди и не двигайся!

Тут подбежал Рикки-Тикки и крикнул:

— Повернись ко мне, Нагайна, повернись и давай сражаться!

— Все в свое время! — отвечала она, не глядя на Рикки-Тикки. — С тобой я расквитаюсь потом. А покуда погляди на своих милых друзей. Как они притихли и какие у них белые лица! Они испугались, они не смеют шелохнуться! И если ты сделаешь хоть один шаг, я ужалю.

— Погляди своих змеенышей, — сказал Рикки-Тикки, — там, у забора, на дынной гряде. Ступай и погляди, что случилось с ними. Змея глянула вбок и увидела на веранде яйцо.

— О! Дай его мне! — закричала она.

Рикки-Тикки положил яйцо между передними лапами, и глаза у него стали красны, как кровь.

— А какой выкуп за змеиное яйцо? За маленькую кобру? За кобру-царевну? За самую-самую последнюю в роде? Остальных уже пожирают на дынной гряде муравьи.

Нагайна повернулась к Рикки-Тикки. Яйцо заставило ее позабыть обо всем, и Рикки-Тикки видел, как Теддин отец протянул большую руку, схватил Тедди за плечо и протащил его по столу, уставленному чайными чашками, в такое место, где змея не достанет его.

— Обманул! Обманул! Обманул! Рикк-чк-чк! — дразнил ее Рикки-Тикки. — Мальчик остался цел, а я, я, я нынче ночью схватил твоего Нага за шиворот... там, в ванной комнате... да!

Тут он начал прыгать вверх и вниз всеми четырьмя лапами сразу, сложив их в один пучок и прижимаясь головой к полу.

— Наг размахивал мной во все стороны, но не мог стряхнуть меня прочь! Он уже был неживой, когда Большой Человек расшиб его палкою надвое. Убил его я, Рикки-Тикки-чк-чк! Выходи же, Нагайна! Выходи и сразись со мною. Тебе недолго оставаться вдовой.

Нагайна увидела, что Тедди ей уже не убить, а яйцо лежит у Рикки между лапами.

— Отдай мне яйцо, Рикки-Тикки! Отдай мне мое последнее яйцо, и я уйду и не вернусь никогда, — сказала она, опуская свой капюшон.

— Да, ты уйдешь и не вернешься никогда, Нагайна, потому что тебе скоро лежать рядом с твоим Нагом на мусорной куче. Скорее же сражайся со мною! Большой Человек уже пошел за ружьем. Сражайся же со мною, Нагайна!

Рикки-Тикки егозил вокруг Нагайны на таком расстоянии, чтобы она не могла его тронуть, и его маленькие глазки были как раскаленные угли.

Нагайна свернулась в клубок и что есть силы налетела на него. А он отскочил вверх — и назад. Снова, и снова, и снова повторялись ее нападения, и всякий раз ее голова хлопалась с размаху о циновку, и она снова свертывалась, как часовая пружина. Рикки-Тикки плясал по кругу, желая обойти ее сзади, но Нагайна всякий раз поворачивалась, чтобы встретить его лицом к лицу, и оттого ее хвост шуршал по циновке, как сухие листья, гонимые ветром.

Он и забыл про яйцо. Оно все еще лежало на веранде, и Нагайна подкрадывалась к нему ближе и ближе. И наконец, когда Рикки остановился, чтобы перевести дух, она подхватила яйцо и, скользнув со ступеней веранды, понеслась как стрела по дорожке. Рикки-Тикки — за нею. Когда кобра убегает от смерти, она делает такие извивы, как хлыст, которым стегают лошадиную шею.

Рикки-Тикки знал, что он должен настигнуть ее, иначе все тревоги начнутся опять. Она неслась к терновнику, чтобы юркнуть в густую траву, и Рикки-Тикки, пробегая, услышал, что Дарзи все еще распевает свою глупую победную песню. Но жена Дарзи была умнее его. Она вылетела из гнезда и захлопала крыльями над головой Нагайны. Если бы Дарзи прилетел на помощь, они, может быть, заставили бы кобру свернуть. Теперь же Нагайна только чуть-чуть опустила свой капюшон и продолжала ползти напрямик. Но эта легкая заминка приблизила к ней Рикки-Тикки. Когда она шмыгнула в нору, где жили она и Наг, белые зубы Рикки вцепились ей в хвост, и Рикки протиснулся туда вслед за нею, а, право, не всякий мангуст, даже самый умный и старый, решится последовать за коброй в нору. В норе было темно, и Рикки-Тикки не мог угадать, где она расширится настолько, что Нагайна повернется и ужалит его. Поэтому он яростно вцепился в ее хвост и, действуя лапками, как тормозами, из всех сил упирался в покачую, мокрую, теплую землю.

Вскоре трава перестала качаться у входа в нору, и Дарзи сказал:

— Пропал Рикки-Тикки! Мы должны спеть ему похоронную песню. Бесстрашный Рикки-Тикки погиб. Нагайна убьет его в своем подземелье, в этом нет никакого сомнения.

И он запел очень печальную песню, которую сочинил в тот же миг, но, едва он дошел до самого грустного места, трава над норой зашевелилась опять, и оттуда, весь покрытый грязью, выкарабкался, облизывая усы, Рикки-Тикки. Дарзи вскрикнул негромко и прекратил свою песню.

Рикки-Тикки стряхнул с себя пыль и чихнул.

— Все кончено,— сказал он.— Вдова никогда уже не выйдет оттуда.

И красные муравьи, что живут между стеблями трав, немедленно стали спускаться в нору друг за другом, чтобы разведать, правду ли он говорит.

Рикки-Тикки свернулся клубком и тут же, в траве, не сходя с места, заснул — и спал, и спал, и спал до самого вечера, потому что нелегка была его работа в тот день.

А когда он пробудился ото сна, он сказал:

— Теперь я пойду домой. Ты, Дарзи, сообщи кузнецу, а он сообщит всему саду, что Нагайна уже умерла.

Кузнец — это птица. Звуки, которые она производит, совсем как удары молоточка по медному тазу. Это потому, что она служит глашатаем в каждом индийском саду и сообщает новости всякому, кто желает слушать ее.

Идя по садовой дорожке, Рикки-Тикки услышал ее первую трель, как удары в крошечный обеденный гонг. Это значило: «Молчите и слушайте!» А потом громко и твердо:

— Динг-донг-ток! Наг умер! Донг! Нагайна умерла! Динг-донг-ток!

И тотчас же птицы в саду запели и все лягушки заквакали, потому что Наг и Нагайна пожирали и птиц, и лягушек.

Когда Рикки приблизился к дому, Тедди, и Теддина мать (она все еще была очень бледна), и Теддин отец бросились ему навстречу и чуть не заплакали. На этот раз он наелся как следует, а когда настало время спать, он уселся на Теддино плечо и отправился в постель вместе с мальчиком. Там увидела его Теддина мать, придя проведать сына поздно вечером.

— Это наш спаситель! — сказала она мужу.— Подумай только: он спас и Тедди, и тебя, и меня.

Рикки-Тикки тотчас же проснулся и даже подпрыгнул, потому что сон у мангустов очень чуткий.

— А, это вы! — сказал он.— Чего же вам еще беспокоиться: ни одной кобры не осталось в живых, а если бы они и остались — ведь я тут.

Рикки-Тикки имел право гордиться собою. Но все же он слишком заважничал и, как истинный мангуст, охранял этот сад и зубом, и когтем, и прыжком, и наскоком, так что ни одна кобра не смела сунуться сюда через ограду.

ХВАЛЕБНАЯ ПЕСНЬ,

*которую птичка-портняжка Дарзи
пела во славу Рикки-Тикки-Тави*

Жизнью живу я двойной:
В небе я песни пою,
Здесь, на земле, я портной —
Домик из листьев я шью.

Здесь, на земле, в небесах над землею
Вью я, и шью, и пою!

Радуйся, нежная мать:
В битве убийца убит.
Пой над птенцами опять,
Недруг в могилу зарыт.
Злой кровопийца, таившийся в розах,
Пойман, убит и зарыт!

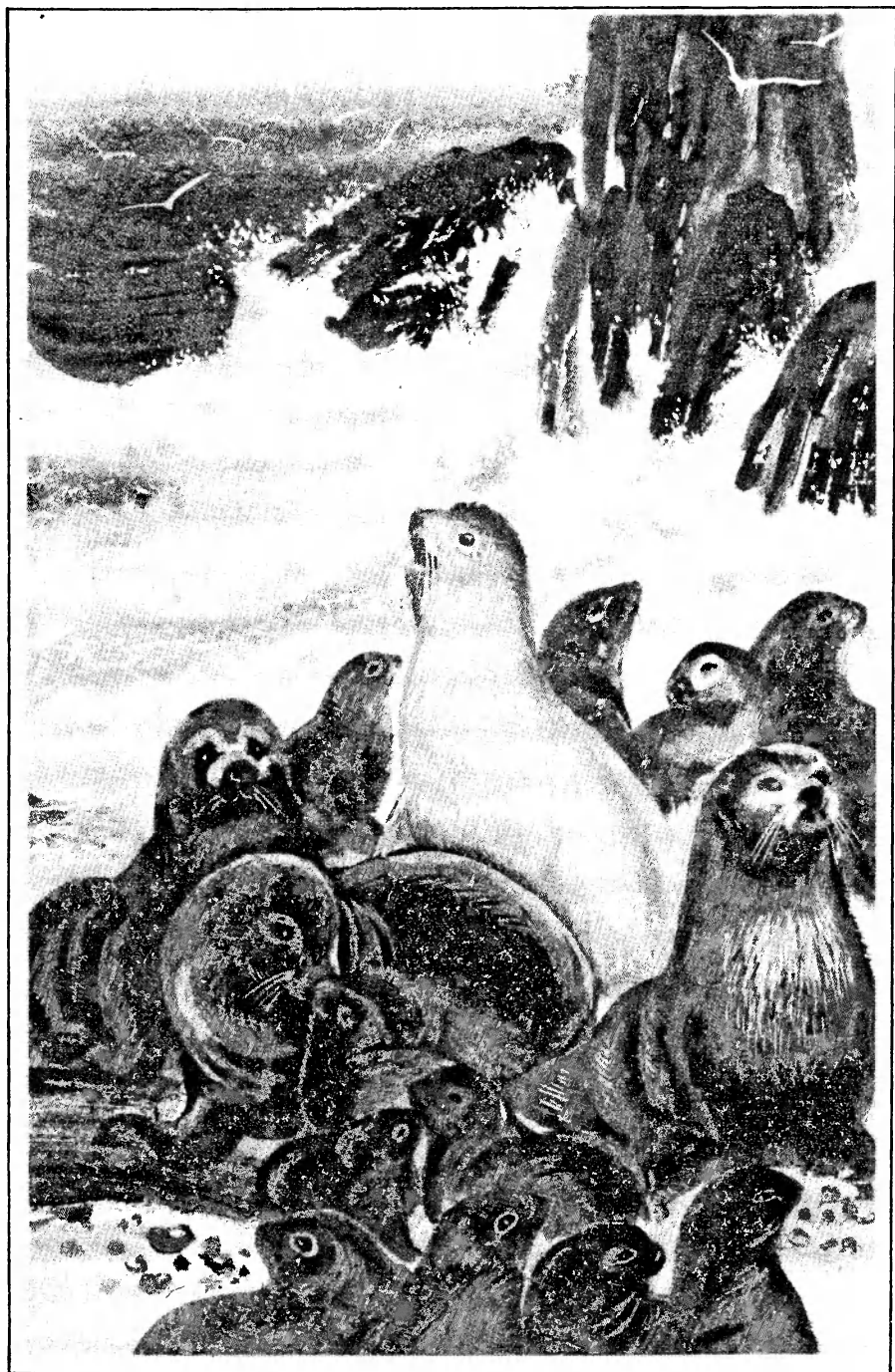
Кто он, избавивший нас?
Имя его мне открой.
Рикки — сверкающий глаз,
Тикки — бесстрашный герой,
Рик-Тикки-Тикки, герой наш великий,
Наш огнеглазый герой!

Хвост пред героем развей.
Трель вознеси к небесам.
Пой ему, пой, соловей!
Нет, я спою ему сам.

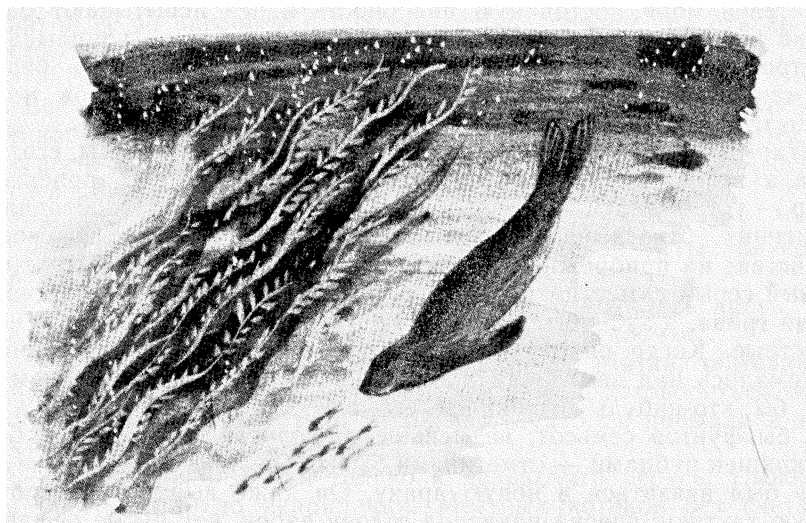
Славу пою я великому Рикки,
Когтям его смелым, клыкам его белым
И огненно-красным глазам!

(Здесь песня обрывается, потому что
Рикки-Тикки-Тави помешал певцу продол-
жать ее).

P. Runn

БЕЛЫЙ КОТИК

Усни, мой сыночек: так сладко качаться
Ночною порою в ложбинке волны!
А месяц всё светит, а волны всё мчатся,
И снятся, и снятся блаженные сны.

Пучина морская тебя укачает,
Под песню прибоя ты ночку проспишь;
Ни рифы, ни мели в такой колыбели
Тебе не опасны — усни, мой малыш!

Котиковая колыбельная

Все, о чем я сейчас расскажу, случилось несколько лет назад в бухте под названием Нововосточная, на северо-восточной оконечности острова Святого Павла¹, что лежит далеко-далеко в Беринговом море. Историю эту мне поведал Лиммершин — зимний корольек, которого прибило ветром к снастям парохода, шедшего в Японию. Я взял королька к себе в каюту, обогрел и кормил до тех пор, покуда он не набрался сил, чтобы долететь до своего родного острова — того самого острова Святого

© Перевод с английского. И. Комарова, 1992.

¹Остров Святого Павла — один из группы островов Прибылова в Беринговом море, которые до 1867 года принадлежали России, а теперь входят в состав штата Аляска, США.

Павла. Лиммершин престранная птичка, но на его слова можно положиться.

В бухту Нововосточную не заходят без надобности, а из всех обитателей моря постоянную надобность в ней испытывают одни только котики. В летние месяцы сотни тысяч котиков приплывают к острову из холодного серого моря — и немудрено: ведь берег, окаймляющий бухту, как нарочно придуман для котиков и не сравнится ни с каким другим местом в мире.

Старый Секач хорошо это знал. Каждый год, где бы его ни застала весна, он на всех парах — ни дать ни взять торпедный катер — устремлялся к Нововосточной и целый месяц проводил в сражениях, отвоевывая у соседей удобное местечко для своего семейства: на прибрежных скалах, поближе к воде. Секач был огромный серый самец пятнадцати лет от роду; плечи его покрывала густая грива, а зубы были как собачьи клыки — длинные и острые-преострые. Когда он опирался на передние ласты, его туловище поднималось над землей на добрых четыре фута, а весу в нем — если бы кто-нибудь отважился его взвесить — наверняка оказалось бы фунтов семьсот, не меньше. С головы до хвоста он был разукрашен рубцами — отметинами бывших боев, но в любую минуту готов был ввязаться в новую драку. Он даже выработал особую боевую тактику: сперва наклонял голову набок, как бы не решаясь взглянуть в глаза противнику, а потом с быстротой молнии вцеплялся мертвой хваткой ему в загривок — и тогда уж его соперник мог рассчитывать только на себя, если хотел спасти свою шкуру.

Однако побежденного Секач никогда не преследовал, ибо это строго-настрого запрещалось Береговыми Законами. Ему нужно было всего-навсего закрепить за собой добытую в боях территорию, но поскольку с приближением лета тем же занимались еще тысяч сорок, а то и пятьдесят его собратьев, то рев, рык, вой и гул на берегу стояли просто ужасающие.

С небольшого холма, который зовется сопкой Гутчинсона¹, открывался вид на береговую полосу длиною в три с половиной мили, сплошь усеянную дерущимися котиками, а в пене прибоя мелькали там и сям головы новоприбывших, которые спешили выбраться на сушу и принять посильное участие в побоище. Они бились в волнах, они бились в песке, они бились на обточенных морем базальтовых скалах, потому что были так же твердолобы и неуступчивы, как люди. Самки не появлялись на острове раньше конца мая или начала июня, опасаясь, как бы их в пылу сражения не разорвали на куски, а молодые двух-, трех- и четырехлетние котики — те, что еще не обзавелись семьями, — торопились пробраться сквозь ряды бойцов подальше в глубь острова и там резвились на песчаных дюнах, не оставляя после себя ни травинки. Такие котики звались холостяками, и собиралось их ежегодно в одной только Нововосточной не меньше двух-трех сотен тысяч.

¹Гутчинсон — владелец акционерной компании, которая с 1871 по 1890 год арендовала у России Командорские острова в Беринговом море и занималась на них котиковым промыслом.

В один прекрасный весенний день, когда Секач только что победно завершил свой сорок пятый бой, к берегу подплыла его супруга Матка — гибкая и ласковая, с кроткими глазами. Секач ухватил ее за загривок и без церемоний водворил на отвоеванное место, проворчав:

— Вечно опаздываешь! Где это ты пропадала?

Все четыре месяца, что Секач проводил на берегу, он по обычаю котиков не ел ни крошки и потому пребывал в отвратительном настроении. Зная это, Матка не стала ему перечить. Она огляделась вокруг и промурлыкала:

— Как мило, что ты занял наше прошлогоднее место!

— Надо думать! — мрачно отозвался Секач. — Ты только посмотри на меня!

Из бесчисленных ран и царапин у него сочилась кровь, один глаз почти закрылся, а бока были изодраны в клочья.

— Ах, мужчины, мужчины! — вздохнула Матка, обмахиваясь правым задним ластом. — И почему бы вам не договориться между собой по-хорошему? У тебя такой вид, будто ты побывал в зубах у Кита-Касатки!

— Я с середины мая только и делаю, что дерусь. Нынешний год берег забит до неприличия. Местных котиков без счета, да вдобавок не меньше сотни луканнонских¹, и всем нужно устроиться. Нет чтобы сидеть на своем законном берегу — все лезут сюда.

— По-моему, нам было бы гораздо покойнее и удобнее на Бобровом острове, — заметила Матка. — Чего ради ютиться в такой тесноте?

— Тоже скажешь — Бобровый остров! Что я, холостяк какой-нибудь? Отправься мы туда, так нас засрамят. Нет уж, голу-бушка, полагается марку держать.

И Секач с достоинством втянул голову в плечи и расположился слегка вздремнуть, хотя ни на секунду не терял боевой готовности.

Теперь, когда все супружеские пары были в сборе, рев котиков разносился на много миль от берега, покрывая самый яростный шторм. По самым скромным подсчетам, там скопилось не меньше миллиона голов — старые самцы и молодые мамыши, сосунки и холостяки. И все это разнокалиберное население дралось, кусалось, верещало, пищало и ползало, то спускалось в море целыми ротами и батальонами, то выкарабкивалось на сушу, заполняло берег, насколько хватал глаз, и повзводно совершало вылазки в туман. Нововосточная постоянно окутана туманом; редко-редко проглянет солнце, и тогда капельки влаги засветятся, как россыпи жемчуга, и все вокруг вспыхнет радужным блеском.

Посреди всей этой сутолоки и родился Котик, сын Матки. Как прочие новорожденные детеныши, он почти целиком состоял из головы и плеч, а глаза у него были светло-голубые и прозрач-

¹ Луканнон — одна из бухт острова Святого Павла.

ные, как водичка. Но мать сразу обратила внимание на его необычную шкурку.

— Знаешь, Секач,— сказала она, рассмотрев малыша как следует,— наш сынок будет белый.

— Клянусь сухой морской травой и тухлыми моллюсками! Не бывало еще на свете белых котиков! — фыркнул Секач.

— Что поделаешь,— вздохнула Матка,— не бывало, а теперь будет.

И она запела-замурлыкала тихую песенку, которую все мамы первые полтора месяца поют своим маленьким котикам:

Плавать в море, мой маленький, не торопись:

Головенка потянет на дно.

На песочке резвись

И волны берегись,

Да злодея Кита заодно.

Подрастешь — и не будешь бояться врагов,

Уплывешь от любого шутя;

А покуда терпи

И силенки копи,

Океанских просторов дитя!

Малыш, разумеется, еще не понимал слов. Поначалу он только ползал и перекатывался с боку на бок, держась поближе к матери, но скоро научился не путаться под лапами у взрослых, в особенности когда его папаша затевал с кем-то ссору и на скользких прибрежных камнях разгорался отчаянный бой. Матка надолго уплывала в море добывать пищу и кормила Котика не чаще чем раз в двое суток, но уж тогда он наедался вволю и рос как на дрожжах.

Чуть только Котик немного окреп, он перебрался на сушу подальше от берега и примкнул к многотысячной компании своих ровесников. Они тотчас же подружились: вместе играли, как щенята, наигравшись, засыпали на чистом песке, а после снова принимались за игру. Старые самцы не устаивали их вниманием, молодые держались особняком, и малыши могли резвиться сколько влезет.

Возвратившись с охоты, Матка сразу пробиралась к детской площадке и громко подавала голос — так овца кличет своего ягненка. Дождавшись, покуда Котик заверещит в ответ, она прямоком направлялась к нему, без церемоний врезаясь в толпу сосунков и расшвыривая их направо и налево. На детской площадке могло одновременно находиться до нескольких сот мамаш, которые столь же решительно орудовали передними лапами в поисках своего потомства, так что молодежи приходилось держать ухо востро. Но Матка заранее объяснила Котику: «Если ты не будешь бултыхаться в грязной воде, и не подцепишь чесотку, и не занесешь песок в свежую ссадину, и не вздумаешь плавать, когда на море большие волны,— ты останешься цел и невредим».

Как и маленькие дети, котики от рождения не умеют плавать, но они стараются поскорей научиться. Когда наш Котик впервые отважился ступить в воду, набежавшая волна подхватила его и понесла, и головенка сразу потянула его на дно — в точности как пела ему мама, — а задние лапы затрепыхались в воздухе; и если бы вторая волна не выбросила его на сушу, тут бы ему и конец.

После этой истории он поумнел и стал плескаться и барахтаться в прибрежных лужах, там, где волны только мягко перекачивались через него, и при этом все время глядел в оба — не идет ли часом страшная большая волна. За две недели он выучился работать лапами, потому что трудился вовсю: нырял, выныривал, захлебывался, отфыркивался, то выбирался на берег и задремывал на песочке, то снова спускался к воде — пока наконец не почувствовал себя в своей стихии.

И тут — вы можете себе представить, какое веселое время началось для Котика и всех его сверстников! Чего только они не выдумывали: и ныряли под набегавшие мелкие волны; и катались на пенистых гребнях бурунов, которые выносили их на берег с шумом и плеском; и стояли в воде торчком, опираясь на хвост и почесывая в затылке, как старые заправские пловцы; и играли в салки на скользких камнях, поросших водорослями. Бывало и так, что Котик вдруг замечал скользивший вдоль самого берега острый, похожий на акулий, плавник; и тогда, узнав Кита-Касатку — того самого, что не прочь поохотиться на несмышленных малышей, — наш Котик стрелой летел на сушу, а плавник неторопливо удалялся, будто попал сюда по чистой случайности.

В последних числах октября котики стали покидать остров Святого Павла и уплывать в открытое море. Многие семейства объединялись между собой; битвы за лежки прекратились, и холостякам теперь было раздолье.

— На будущий год, — сказала Котику мать, — и ты вырастешь и станешь холостяком; а пока надо учиться ловить рыбу.

И Котик тоже отправился в плаванье через Тихий океан, и Матка показала ему, как спать на спине, поджав лапы и выставив наружу один только нос. Нет на свете лучше колыбели, чем океанские волны, и Котику спалось на них сладко. В один прекрасный день он ощутил странное беспокойство — кожу его словно подергивало и покалывало, но мать объяснила ему, что у него просто начинает вырабатываться «чутье воды» и что такое покалыванье предвещает плохую погоду: значит, надо поскорее плыть прочь.

— Когда ты еще немножко подрастешь, — сказала она, — ты сам будешь знать, в какую сторону плыть, а пока что плыви за дельфином — Морской Свиньей: уж они всегда знают, откуда ветер дует.

Мимо как раз проплывал большой косяк дельфинов, и Котик что было сил пустился за ними вдогонку.

— Как это вы узнаёте, куда плыть? — спросил он, еле переводя дух.

Вожак дельфиной стаи повел на него белым глазом, нырнул, вынырнул и ответил:

— Я чую непогоду хвостом, молодой человек! Если по хвосту бегут мурашки, это значит, что буря надвигается сзади. Плыви и учись! А если хвост у тебя защекочет к югу от Их Ватера (он подразумевал экватор), то знай, что шторм впереди, и скорей поворачивай. Плыви и учись! А вода здесь мне что-то не нравится!

Это был один из многих-многих уроков, которые получил Котик, а учился он очень прилежно. Мать научила его охотиться на треску и палтуса, подстерегая их на мелких местах, и добывать морского налима из его укромного убежища среди водорослей; научила нырять на большую глубину и подолгу оставаться под водой, обследуя затонувшие корабли; показала, как весело там можно играть, подражая рыбкам: юркнуть в иллюминатор с одного борта и пулей вылететь с другой стороны; научила в грозу, когда молнии раскалывают небо, плясать на гребнях волн и махать в знак приветствия лапами проносящимся над водой тупохвостым Альбатросам и Фрегатам; научила выскакивать из воды на манер дельфинов, поджав лапы и оттолкнувшись хвостом, и подлетать вверх на три-четыре фута; научила не трогать летучих рыб, потому что они чересчур костлявые; научила на полном ходу, на глубине десяти морских саженей, вырывать из тресковой спинки самый лакомый кусок; и, наконец, научила не задерживаться и не глядеть на проходящие суда, паче всего на шлюпки с гребцами.

По прошествии полугода Котик знал о море все, что можно было знать, а чего не знал, того и знать не стоило, и за все это время он ни разу не ступил ластом на твердую землю.

Но в один прекрасный день, когда Котик дремал в теплой воде неподалеку от острова Хуан-Фернандес¹, его вдруг охватила какая-то неясная истома — на людей нередко так действует весна, — и ему вспомнились славные берега Нововосточной, от которой его отделяло семь тысяч миль; вспомнились ему совместные игры и забавы, пряный запах морской травы, рев и сражения котиков. И в ту же минуту он развернулся и поплыл на север — и плыл, и плыл без усталости, и по пути десятками встречал своих товарищей, и все они плыли в ту же сторону, и все приветствовали его, говоря:

— Здорово, Котик! Мы все теперь холостяки, и мы будем плясать Танец Огня в бурунах Луканнона и кататься по молодой траве. Но откуда у тебя такая шкурка?

Мех у нашего Котика был теперь чисто белый, и втайне он им очень гордился, но замечаний по поводу своей внешности терпеть не мог и потому только повторял:

— Плывим скорее! Мои косточки истосковались по твердой земле.

¹ *Остров Хуан-Фернандес* — один из островов одноименного архипелага в Тихом океане, у западного побережья Южной Америки.

И вот наконец все они приплыли к родным берегам и услышали знакомый рев — это их папаши, старые котики, как обычно, дрались в тумане.

В ту же ночь наш Котик вместе с другими годовалыми юнцами отправился плясать Танец Огня. В летние ночи море от Луканнона до Нововосточной светится фосфорическим блеском. Плывущий котик оставляет за собою огненный след, от любого прыжка в воздух взлетает целый сноп голубоватых искр, а волны устраивают у берега настоящий праздничный фейерверк. Наплясавшись, все двинулись в глубь острова, на законную холостяцкую территорию, и катались там влать по молоденьким росткам дикой пшеницы, и рассказывали друг другу о своих морских похождениях. О Тихом океане они говорили так, как мальчишки говорят о соседнем леске, который они облазили вдоль и поперек, собирая орехи. И если бы кто-нибудь подслушал и запомнил их разговор, он мог бы составить такую подробную морскую карту, какая и не снилась океанографам.

Как-то раз с сопки Гутчинсона скатилась вниз компания холостяков постарше — трех- и четырехлеток.

— Прочь с дороги, молокососы! — заревели они. — Что вы там толкуете о море? Что вы в нем смыслите? Сперва подрастите да доплывите до мыса Горн! Эй ты, недомерок, где это ты раздобыл такую шикарную белую шубу?

— Нигде не раздобыл, — огрызнулся Котик, — сама выросла.

Но только он приготовился налететь на насмешника, как из-за высокой дюны показались двое людей, краснолицых и черноволосых, и Котик, никогда еще не видевший человека, поперхнулся и втянул голову в плечи.

Холостяки подались назад на несколько шагов и уселись, тупо глядя на обоих пришельцев. Между тем один из них был не то иной, как сам Кирьяк Бутерин, главный добытчик котиков на острове Святого Павла, а второй — его сын Пантелеймон. Они жили в селении неподалеку от котиковых лежбищ и пришли отобрать животных, которых погонят на убой (потому что котиков гонят, как домашний скот), для того чтобы потом другие люди могли изготовить из их шкур котиковые манто.

— Глянь-ка! — сказал Пантелеймон. — Белый котик!

Кирьяк Бутерин от страха сам побелел — правда, это нелегко было заметить под слоем сала и копоти, покрывавшим его плоское лицо: ведь он был алеут, а алеуты не отличаются чистоплотностью. На всякий случай он забормotal молитву.

— Не трожь его, Пантелеймон! Сколько живу, не видывал белого котика. Может, это дух старика Захарова, что потонул прошлый год в большую бурю?

— Избави Бог, я и близко не подойду, — отозвался Пантелеймон. — Не было бы худа! А ну как то и впрямь старик Захаров? Я еще задолжал ему за чаячьи яйца!

— Не гляди на него, — посоветовал Кирьяк. — Отрежь-ка от стада вон тот косячок четырехлеток. Хорошо бы пропустить сотни

две, да сегодня первый день, ребята еще руку не набили, для начала будет с них и сотни. Давай!

Пантелеймон затрещал под носом у холостяков самодельной трещоткой из моржовых костей, и животные замерли, пыхтя и отдуваясь. Тогда он двинулся прямо на них, и котики стали отступать, а Кирьяк обошел их с тыла и направил в глубь острова — и все покорно заковыляли наверх, даже не пытаясь повернуть обратно. Их гнали вперед на глазах у сотен и сотен тысяч их же товарищей, а те продолжали резвиться как ни в чем не бывало.

Белый Котик был единственный, кто кинулся к старшим с вопросами, но никто ему не мог толково ответить — все твердили, что люди всегда вот так приходят и угоняют холостяков неизвестно куда, и длится это полтора-два месяца в году.

— Коли так, то пойду-ка и я за ними, — объявил наш Котик и пустился во всю прыть догонять косяк. Он так спешил, что глаза у него чуть не вылезли из орбит от напряжения.

— Белый нас догоняет! — закричал Пантелеймон. — Виданное ли дело, чтобы зверь по своей охоте шел на убой?

— Ш-ш! Не оглядывайся, — сказал Кирьяк. — Как пить дать, это Захаров. Не забыть бы сказать попу!

До убойного места было не больше полумили, однако на этот путь ушел добрый час: Кирьяк знал, что если зверей гнать слишком быстро, то они «загорят», как выражаются промышленники, мех станет вылезать, и на свежеснятых шкурах образуются проплешины.

Поэтому процессия двигалась медленно: она миновала перешеек Морских Львов, Зимовье Вебстера и наконец добралась до засольного сарая, откуда уже не виден был усеянный котиками берег.

Наш Котик по-прежнему шлепал в хвосте, пыхтя и недоумевая. Он решил бы, что здесь уже конец света, когда бы не слышал за собою рев своих сородичей на лежбище, похожий на грохот поезда в туннеле.

Кирьяк уселся на замшелую кочку, вытащил из кармана оловянные часы-луковицу и дал животным остыть полчаса. Так они сидели друг против друга, и Котик слышал, как стучат по земле капли буса¹, скатываясь с шапки Бутерина. Потом появилось еще десятка с полтора людей, вооруженных дрыгалками — трехфутовыми окованными железом дубинками. Кирьяк указал им зверей, «загоревших» во время отгона или покусанных другими, и люди ударами грубых сапог из моржовой кожи отшвырнули их в сторону; и тогда Кирьяк крикнул: «Поехали!», и люди с дубинками, кто во что горазд, замолотили котиков по голове.

Спустя десять минут все было кончено: на глазах у Котика его товарищей освежевали, вспарывая туши от носа к задним лапам, и на земле выросла груда окровавленных шкур.

¹Бус — местное название мокрого прибрежного тумана.

Такого Котик вынести уже не мог. Он повернулся и галопом помчался к берегу (котики способны проскакать небольшое расстояние очень быстро), и его недавно только отросшие усы топорщились от ужаса. Добравшись до перешейка Морских Львов, обитатели которого нежились в пене прибоя, он кубарем скатился в воду и принялся раскачиваться в бессильном отчаянии, горько-прегорько всхлипывая.

— Что еще там стряслось? — брюзгливо обратился к нему один из Морских Львов (обыкновенно они держатся особняком и ни во что не вмешиваются).

— *Скучно! Очень скучно!*¹ — пожаловался Котик. — Убивают холостяков! Всех холостяков убивают!

Морской Лев повернул голову в ту сторону, где находились котиковые лежбища.

— Вздор! — пробурчал он. — Твои родичи галдят не меньше прежнего. Ты, верно, видел, как старик Бутерин обработал какой-нибудь косяк? Так он это делает уже почитай лет тридцать.

— Но ведь это ужасно! — сказал Котик, и тут как раз на него накатила волна; однако он сумел удержаться равновесие и с помощью ловкого маневра ластами остановился в воде как вкопанный — в трех дюймах от острого края скалы.

— Недурно для одногодка! — одобрительно заметил Морской Лев, умевший оценить хорошего пловца. — Да, ты, пожалуй, прав — приятного тут мало, но ведь вы, котики, сами виноваты. Если вы из года в год упорно возвращаетесь на старые места, люди привыкают смотреть на вас как на свою законную добычу. Видно, вам на роду написано подставлять голову под дубинку — разве что отыщется для вас остров, куда не смогут добраться люди.

— А нет ли где такого острова? — поинтересовался Котик.

— Я двадцать лет без малого охочусь на палтуса, но безлюдных островов не встречал. Впрочем, ты, я вижу, не робкого десятка и очень любишь приставать к старшим с расспросами. Плыви-ка ты на Моржовый остров и разыщи там Сивуча. Может, и услышишь от него что-нибудь дельное. Да погоди, не кидайся ты сразу плыть! Дотуда добрых шесть миль, и на твоём месте, голубчик, я бы сперва вылез на берег и часок соснул.

Котик послушался доброго совета: доплыл до своего берега, вылез на сушу и поспал полчаса, то и дело вздрагивая всей кожей — такая уж у котиков привычка. Проснувшись, он тут же пустился в путь к Моржовому острову. Так называют небольшой островок, что лежит к северо-востоку от Нововосточной. На его скалистых уступах испокон веку гнездятся чайки, и, кроме птиц да моржей, там никого и нет.

Наш Котик сразу отыскал Сивуча — огромного, уродливого, неповоротливого тихоокеанского моржа с длиннющими клыками, покрытого противными наростами и страшно невоспитанного. Вы-

¹ Курсивом выделены «экзотические» русские слова, которые Р. Киплинг вводит в свой текст, передавая их звучание средствами английской орфографии. По-русски автор называет и персонажей (Котик, Матка, Секач и др.). — *Примеч. пер.*

носить общество Сивуча можно только когда он спит, а в этот миг он как раз почивал сном праведника, выставив из воды задние лапы.

— Эй! Проснись! — рявкнул Котик что было сил — ему надо было перекричать чаек.

— Ха! Хо! Хм! Что такое? — сонно прохрипел Сивуч и на всякий случай ткнул клыками в бок своего соседа и разбудил его, а тот разбудил моржа, спавшего рядом, а тот следующего — и так далее, так что вскоре вся моржовая колония проснулась и недоуменно хлопала глазами, но Котика никто не замечал.

— Эге-гей! Вот он я! — крикнул Котик, подскакивая на волнах, как белый мячик.

— Ах, чтоб меня... ободрали! — произнес с расстановкой Сивуч, и все моржи поглядели на Котика — в точности так, как поглядели бы на дерзкого, шумливого мальчишку пожилые завсегдатаи лондонского клуба, расположившиеся в креслах вздремнуть после обеда.

Котику решительно не понравилось выражение, которое употребил Сивуч: слишком живо стояла перед ним картина, с этим связанная. Поэтому он приступил прямо к делу и крикнул:

— Не знаешь ли ты такого места для котиков, где нет людей?

— Ступай поищи, — ответил Сивуч, снова прикрыв глаза. — Плыви своей дорогой. У нас тут дела поважнее.

Тогда наш Котик подпрыгнул высоко в воздух и заорал во всю глотку:

— Слизнеед! Слизнеед!

Он знал, что Сивуч не поймал за всю жизнь ни одной рыбки и кормится водорослями да слизняками-моллюсками, хотя и строит из себя необыкновенно грозную персону. Разумеется, все птицы, сколько их было на острове — и глупыши, и топорки, и говорушки, и чайки-ипатки, и чайки-моевки, и чайки-бургомистры, которых хлебом не корми, только дай понасмешничать, — все до одной тотчас же подхватили этот крик, и если верить Лиммершину, минут пять на острове стоял такой гам, что даже пушечного выстрела никто бы не услышал. Все пернатое население что было мочи верещало и вопило: «Слизнеед! *Старик!*», а бедняга Сивуч зная кряхтел да ворочался с боку на бок.

— Ну? Теперь скажешь? — еле выдохнул Котик.

— Ступай спроси у Морских Коров¹, — буркнул Сивуч. — Если они еще плавают в море, они тебе скажут.

— А как я узнаю Морских Коров? Какие они? — спросил Котик, отчаливая от берега.

— Изо всех Жителей Моря они самые мерзкие на вид! — прокричала одна особенно нахальная Чайка-Бургомистр, кружась перед самым носом у Сивуча. — Они еще противнее, чем Сивуч! Еще противнее и невоспитаннее! *Стари-и-ик!*

¹ Морская корова, или Стеллерова корова — млекопитающее отряда сирен. Обитала у Командорских островов; вид считался вымершим уже во второй половине XVIII века.

Провожаемый пронзительными воплями чаек, Котик поплыл назад к Нововосточной. Но когда он поделился с сородичами своим намерением отыскать в море остров, где котики могли бы жить в безопасности, то сочувствия он не нашел. Все в один голос твердили ему, что отгон — дело обычное, что так уж исстари повелось и что нечего было соваться на убойную площадку, коль скоро он такой впечатлительный. Правда, тут имелась одна существенная разница: никто из котиков воочию не видел, как бьют ихнего брата. Кроме того, как вы помните, наш Котик был белый.

Старый Секач, прослышав о похождениях сына, заметил:

— Думай-ка лучше о том, чтоб поскорее подрасти да стать, как твой отец, большим и сильным, да завести семью — и никто тебя пальцем не тронет. Лет через пяток ты отлично сумеешь за себя постоять.

И даже кроткая Матка сказала:

— Ты не сможешь ничего изменить, Котик. Плыви поиграй.

И Котик поплыл в море, но даже когда он плясал Танец Огня, на сердце у него было невесело.

В ту осень он покинул родные берега в числе первых и пустился в дальний путь в одиночку, потому что в его упрямой головенке засела тайная мысль: во что бы то ни стало отыскать Морских Коров, если только они взаправду существуют, и с их помощью найти безлюдный остров, где котики зажили бы в довольстве и покое. И он обшарил весь Тихий океан вдоль и поперек, и пересек его с севера на юг, проплывая до трехсот миль в сутки. На пути с ним было столько приключений, что ни в сказке сказать, ни пером описать: он еле спасся от Гигантской Акулы, ускользнул от Пятнистой Акулы, увильнул от Молот-Рыбы, перевидал всех бродящих океан бездомных бродяг, болтунов и бездельников, свел знакомство с важными и чинными глубоководными рыбами, побеседовал с пестрыми моллюсками-гребешками, которые кичатся тем, что прочно приросли к морскому дну и сотни лет не двигаются с места; но ни разу он не встретил Морских Коров и нигде не обнаружил острова, который пришелся бы ему по вкусу.

Если берег попадался твердый и удобный и при этом достаточно отлогий, чтобы по нему легко было взбираться, то на горизонте непременно виднелся дымок китобойного судна, на котором топили ворвань, а Котик уже знал, что это значит. На многих островах он находил следы пребывания своих родичей, истребленных людьми, а Котик знал и то, что, посетив какой-либо берег однажды, люди снова вернутся туда.

Он свел дружбу с одним старым тупохвостым альбатросом, который порекомендовал ему остров Кергелен¹, где всегда царит тишина и покой; но по пути туда наш Котик попал в ужасную грозу с градом и чуть не расстался с жизнью среди щербатых береговых утесов. Отчаянно борясь с ветром, он все же пробился

¹ *Остров Кергелен* — крупнейший остров одноименного архипелага в южной части Индийского океана.

к острову и увидел, что и на Кергелене жили когда-то котики. И так было со всеми островами, где он побывал.

Лиммершин назвал мне все эти острова, и перечень получился длинный, потому что Котик провел в странствиях целых пять лет, лишь на четыре месяца в году возвращаясь домой, в Нововосточную, где все потешались над ним и над его несуществующими островами. Он побывал на засушливых Галапагосских островах¹, расположенных на самом экваторе, и чуть не испекся там заживо; он побывал на островах Джорджии², на Оркнейских островах³, на островах Зеленого Мыса⁴, на Малом Соловьином острове⁵, на острове Гофа⁶, на острове Буве⁷, на островах Крозе⁸ и еще на крохотном безмянном островке южнее мыса Доброй Надежды⁹. И повсюду он слышал от Жителей Моря одну и ту же историю: было время, когда в этих местах водились котики, но люди истребили их всех. Даже когда наш путешественник, возвращаясь с острова Гофа, отклонился от курса на много тысяч миль и добрался до мыса Корриентес¹⁰, он обнаружил на прибрежных утесах сотни три жалких, облезлых котиков, и они рассказали ему, что и сюда нашли дорогу люди.

Тут уж сердце его не выдержало, и он обогнул мыс Горн и решил плыть на север, домой. По пути он сделал остановку на небольшом островке, густо поросшем зелеными деревьями, и там набрел на старого-престарого, доживавшего свой век котика. Наш герой стал ловить для него рыбу и поведал ему все свои горести.

— А теперь,— сказал он напоследок,— я решил вернуться домой, и пусть меня гонят на бойню: мне уже все равно.

— Погоди, не отчаивайся,— посоветовал его новый знакомец.— Я последний из погибшего племени котиков с острова Масафуэра¹¹. Давным-давно, когда люди били нас сотнями тысяч, по берегам ходили слухи, что будто бы настанет такой день, когда с севера приплывет белый котик и спасет весь наш народ. Я стар и не доживу до этого дня, но, может быть, его дождутся другие. Попытайся еще разок!

Котик гордо закрутил свои усы (а усы у него выросли роскошные) и сказал:

¹ *Галапагосские острова* — архипелаг в южной части Тихого океана.

² *Острова Джорджии* — группа небольших островов у западного побережья Канады.

³ *Оркнейские острова* — группа островов в Атлантическом океане, у северной оконечности Шотландии.

⁴ *Острова Зеленого Мыса* — архипелаг у западного побережья Африки.

⁵ *Малый Соловьиный остров* — часть архипелага Тристан-да-Кунья в Атлантическом океане.

⁶ *Остров Гофа* — небольшой островок к юго-востоку от архипелага Тристан-да-Кунья.

⁷ *Остров Буве* — необитаемый остров в Атлантическом океане, у южного побережья Африки.

⁸ *Острова Крозе* — группа островов в южной части Индийского океана.

⁹ *Мыс Доброй Надежды* — мыс на южной оконечности Африки.

¹⁰ *Мыс Корриентес* — мыс на восточном побережье Аргентины.

¹¹ *Остров Масафуэра* — один из группы островов Хуан-Фернандес у западного побережья Южной Америки.

— На целом свете есть только один белый котик — это я; и я единственный котик на свете, неважно — белый или черный, который придумал, что надо отыскать новый остров.

Произнеся это, он опять ощутил прилив сил; но когда он добрался до дому, мать стала упрашивать его нынче же летом жениться и обзавестись семейством: ведь Котик был уже не холостяк, а самый настоящий секач. Он отрастил густую, волнистую белую гриву и с виду был такой же грузный, мощный и свирепый, как и его отец.

— Позволь мне повременить еще год, — упорствовал Котик. — Мне тогда исполнится семь, а ты ведь знаешь, что семь — число особое: недаром седьмая волна дальше всех выплескивает на берег.

По странному совпадению, среди знакомых Котика нашлась одна молодая особа, которая тоже решила годик повременить до замужества; и Котик плясал с ней Танец Огня у берегов Луканнона в ночь перед тем, как отправиться в свое последнее путешествие.

На сей раз он поплыл в западном направлении, преследуя большой косяк палтуса, поскольку теперь ему требовалось не менее ста фунтов рыбы в день, чтобы сохранить кондицию. Котик охотился, пока не устал, а потом свернулся и улегся спать, покачиваясь в ложбинках волн, омывающих остров Медный¹. Окрестность он знал назубок; поэтому, когда его вынесло на мель, и мягко стукнуло о водоросли на дне, он тут же проснулся, пробурчал: «Гм-гм, прилив сегодня сильный!», перевернулся на другой бок, открыл под водой глаза и сладко потянулся. Но тут же он, как кошка, подскочил кверху, и сон у него как рукой сняло, потому что совсем рядом, на отмели, в густых водорослях паслись и громко чавкали какие-то несусветные создания.

— Бур-р-руны Магеллана! — буркнул Котик себе в усы. — Это еще кто такие, кит их побери?

Создания и впрямь имели престранный вид и не похожи были ни на кита, ни на акулу, ни на моржа, ни на тюленя, ни на белуху, ни на нерпу, ни на ската, ни на спрута, ни на каракатицу. У них было веретенообразное туловище, футов двадцать или тридцать в длину, а вместо задних лап — плоский хвост, ни дать ни взять лопата из мокрой кожи. Голова у них была самой нелепой формы, какую только можно вообразить, а когда они отрывались от еды, то начинали расклевываться на хвосте, церемонно раскланиваясь на все стороны и помахивая передними лапами, как толстяк в ресторане, подзывающий официанта.

— Гм-гм! — произнес Котик. — Хороша ли охота, почтеннейшие?

Вместо ответа загадочные существа продолжали помахивать лапами и кланяться, точь-в-точь как дурацкий Лакей-Лягушка из «Алисы в Стране Чудес». Когда они опять принялись за еду, Котик увидал, что верхняя губа у них раздвоена: обе половинки

¹ Остров Медный — небольшой островок в Беринговом море.

то расходились в стороны на целый фут, то вновь сдвигались, захватив здоровенный пук водорослей, который затем торжественно отправлялся в рот и с шумом пережевывался.

— Неопратно вы как-то едите, господа,— заметил Котик и, слегка раздосадованный тем, что его слова остались без внимания, продолжал:— Ладно, ладно, если у вас в передних лапах есть лишний сустав, нечего этим так уж козырять. Кланяться-то вы умеете, но я хотел бы знать, как вас зовут.

Раздвоенные губы шевелились и подергивались, зеленоватые стеклянные глаза в упор глядели на Котика, но ответа он по-прежнему не получал.

— Вот что я вам скажу! — в сердцах объявил Котик. — Из всех Жителей Моря вы самые мерзкие на вид! Вы еще хуже Сивуча! И еще невоспитаннее!

И вдруг его осенило — он вспомнил, что прокричала тогда Чайка-Бургомистр на Моржовом острове, и понял, что наконец нашел Морских Коров.

Пока они паслись на дне, сопя и чавкая, Котик подплыл поближе и принялся засыпать их вопросами на всех известных ему морских наречиях. Обитатели морей, как и люди, говорят на разных языках, а Котик за время своих странствий изрядно понаторел в этом деле. Но Морские Коровы молчали по одной простой причине: они лишены дара речи. У них только шесть шейных позвонков взамен положенных семи, и бывалые морские жители уверяют, что именно поэтому они не способны переговариваться даже между собой. Зато у них в передних лапах, как вы уже знаете, имеется лишний сустав, и благодаря его подвижности Морские Коровы могут обмениваться знаками, напоминающими сигнализацию флажками, которая принята на кораблях.

Бедняга Котик бился с ними до самого рассвета, покуда грива у него не встала дыбом, а терпение не лопнуло, как скорлупа рака-отшельника. Но к утру Морские Коровы потихоньку двинулись в путь, держа курс на север. То и дело они останавливались и принимались раскланиваться, как бы молчаливо совещаясь, потом плыли дальше, и Котик плыл за ними. Про себя он рассудил так: «Если эти бессмысленные твари смогли уцелеть в океане, если их не перебили всех до единой — значит, они нашли себе какое-то надежное прибежище, а что годится для Морских Коров, сгодится и для котиков. Только плыли бы они чуть побыстрее!»

Нелегко приходилось Котику: стадо Морских Коров проплывало всего миль сорок — пятьдесят в сутки, на ночь останавливалось кормиться и все время держалось близко к берегу. Котик прямо из кожи вон лез — он плавал вокруг них, плавал над ними, плавал под ними, но расшевелить их никак не удавалось. По мере продвижения к северу они все чаще останавливались для своих безмолвных совещаний, и Котик чуть было не отгрыз себе усы от досады, но вовремя заметил, что плывут они не наобум, а придерживаются теплого течения — и тут он впервые проникся к ним известным уважением.

Однажды ночью они вдруг стали резко погружаться, словно пущенные ко дну камни, и поплыли с неожиданной быстротой. Изумленный Котик кинулся их догонять — до сих пор ему и в голову не приходило, что Морские Коровы способны развить такую скорость. Они подплыли к подводной гряде скал, перегораживавшей дно на подходе к берегу, и стали одна за другой нырять в черное отверстие у подножья гряды, на глубине двадцати саженей.

Нырнув вслед за ними, Котик очутился в темном подводном туннеле — и плыл, и плыл так долго, что стал уже задыхаться, но тут как раз туннель кончился, и Котик, словно пробка, выскочил на поверхность.

— Клянусь гривой! — вымолвил он, глотнув свежего воздуха и отфыркиваясь. — Стоило попотеть, чтобы сюда попасть!

Морские Коровы расплылись в разные стороны и теперь толклись, лениво пощипывая водоросли, у острова такой красоты, каких Котик и во сне не видел. На много миль вдоль берега тянулись гладкие, плоские каменные террасы, как нарочно созданные для котиковых лежбищ; за ними в глубь суши полого поднимались песчаные укатанные пляжи, на которых могли резвиться малыши. Здесь было все, чего только можно пожелать: волны, чтобы плясать на них, высокая трава, чтобы нежиться, дюны, чтобы влезать на них и скатываться вниз. И самое главное — Котик понял благодаря особому чутью, которое никогда не обманет истинного секача, что в этих водах еще не бывал человек.

Первым делом Котик удостоверился, что по части рыбы здесь тоже все в порядке, а потом не торопясь обследовал береговую линию и пересчитал все восхитительные островки, наполовину скрытые живописно клубящимся туманом. С севера, со стороны моря, тянулась цепь песчаных и каменистых отмелей — надежная защита от кораблей: ни одно судно не смогло бы подойти к островам ближе чем на шесть миль. От суши архипелаг отделялся глубоким проливом; на противоположном берегу высились неприступные отвесные скалы, а под водою, у подножья этих скал, был вход в туннель.

— Ну прямо как у нас дома, только в десять раз лучше, — сказал Котик. — Видно, Морские Коровы умнее, чем я думал. Люди — даже если бы они сюда явились — по таким скалам спуститься не смогут, а любой корабль на этих замечательных мелях в два счета разлетится в щепки. Да, если есть в океане безопасное место, то оно тут и нигде больше!

И Котику вдруг вспомнилась его невеста, и ему захотелось поскорее вернуться к родным берегам. Но перед тем как пуститься

в обратный путь, он еще раз старательно обследовал новые места, чтобы дома рассказать о них во всех подробностях.

Потом он нырнул, отыскал и хорошенько запомнил вход в туннель и что было сил поплыл на юг. Опасаться было нечего: о существовании тайного подводного хода никто на свете ни за что не догадался бы. Котик и сам, вынырнув с противоположной стороны и оглянувшись, едва мог поверить, что проплыл под этими грозными скалами.

До Нововосточной он добирался целых шесть суток, хотя и очень спешил, и первая, кого он увидел, выйдя на сушу у перешейка Морских Львов, была его невеста, которая ждала его, как обещала. И в его глазах она сразу прочла, что он нашел наконец свой остров.

Но когда он рассказал братьям о своем открытии, то и холостяки, и его папаша Секач, да и все остальные котики принялись потешаться над ним, а один из его сверстников объявил:

— Слушать тебя любопытно, Котик, но, право, нельзя же так — свалиться как снег на голову и велеть нам собираться неизвестно куда. Не забывай, что мы тут кровь проливали, добывая себе лежки, покуда ты без забот и хлопот разгуливал по морям. Ты ведь никогда еще не дрался!

И все опять стали смеяться над Котиком, а говоривший вздернул голову и самодовольно покачал ею из стороны в сторону. Он как раз недавно женился и поэтому ужасно важничал.

— Верно, я не дрался, и драться мне пока незачем, — ответил Котик. — Я просто хочу увести вас туда, где вы все сможете жить в безопасности. Что толку в вечных драках?

— Ну, само собой, коли ты против драк, то я молчу, — сказал молодожен с нехорошим смешком.

— А поплывешь ты за мной, если я тебя побью? — спросил Котик, и глаза его зажглись зеленым блеском, потому что самая мысль о драке была ему ненавистна.

— Идет, — беспечно согласился молодожен. — Если твоя возьмет — так тому и быть!

Не успел он договорить, как наш Котик ринулся на него и вонзил клыки в его жирный загривок. Потом он поднатужился, проволоч своего обидчика по песку, хорошенько встряхнул и швырнул оземь. После этого он проревел во всеуслышанье:

— Я пять лет подряд бороздил моря для вашей же пользы! Я нашел остров, где вам будет покойно, но добром вас не убедить. Вас надо учить по-другому. Так берегитесь!

Лиммершин говорил мне, что за всю свою жизнь — а он ежегодно наблюдает не меньше десяти тысяч сражений, — что за всю свою птичью жизнь он не видел подобного зрелища. Котик ки-

нулся в бой очертя голову. Он напал на самого крупного секача, который ему подвернулся, схватил его за горло и колотил и молотил до тех пор, пока тот, полузадушенный, не запросил пощады; тогда он отшвырнул его прочь и принялся за следующего. Ведь наш Котик не соблюдал ежегодного летнего поста, как другие секачи; далекие морские экспедиции помогли ему сохранить отличную спортивную форму, а самое главное — он дрался первый раз в жизни. Его роскошная белая грива ошетибилась от ярости, глаза горели, клыки сверкали — словом, он был великолепен.

Старый Секач, его отец, некоторое время следил за тем, как Котик в пылу борьбы подбрасывает в воздух солидных седых самцов, словно рыбешек, и раскидывает холостяков направо и налево, — и наконец не выдержал и заревел что было мочи:

— Он, может быть, безумец, но он лучший боец на свете! Не тронь своего отца, сын мой! Он с тобой!

Котик издал ответный боевой клич, и старый Секач пришел ему на помощь; усы его топорщились, он пыхтел, как паровоз, а Матка и невеста Котика притаились в укромном местечке и любовались подвигами своих повелителей. Славное было сражение! Они бились до тех пор, пока на берегу не осталось ни единого котика, который отважился бы поднять голову. И тогда отец и сын величественно прошлись взад и вперед по полю брани, оглашая пляж победным ревом.

Ночью, когда сквозь туман прорывались отблески северного сияния, Котик взобрался на голую скалу и окинул взглядом разоренные лежки и своих израненных, окровавленных родичей.

— Надеюсь, — сказал он, — мой урок пойдет вам на пользу.

— Клянусь гривой! — отозвался старый Секач, с трудом распрямляя спину, потому что и ему крепко досталось за день. — Сам Кит-Касатка не мог бы их лучше отделать! Сын, я горжусь тобой, и скажу тебе больше: я поплыву за тобой на твой остров, если, конечно, он существует.

— Эй вы, жирные морские свиньи! Кто согласен плыть за мной к туннелю Морских Коров? Отвечайте, а то я опять примусь за вас! — загремел Котик.

По берегу пронесся ропот, еле слышный, как плеск прилива.

— Мы, мы, — выдохнули тысячи усталых голосов. — Мы согласны плыть за тобой, Белый Котик.

И Котик втянул голову в плечи и удовлетворенно прикрыл глаза. Он, правда, был теперь не белый, а красный, потому что был изранен от головы до хвоста. Но бойцовская гордость не позволяла ему ни считать, ни зализывать раны.

Неделю спустя во главе первой армии переселенцев (около десятка тысяч холостяков и старых самцов) Котик отплыл к тун-

нелю Морских Коров, а те, кто предпочел остаться дома, честили их безмозглыми болванами. Но по весне, когда земляки свиделись на тихоокеанских рыбных банках, первые переселенцы нарасказали столько чудес о своих островах, что все больше и больше котиков стало покидать Нововосточную.

Разумеется, дело это было не быстрое, потому что котики от природы тугодумы и подолгу взвешивают разные за и против. Но с каждым годом все больше их уплывало с берегов Нововосточной, Луканнона и соседних лежищ и переселялось на счастливые, надежно защищенные острова. Там и сейчас проводит лето наш Белый Котик: он все растет, жиреет и набирается сил, а вокруг него резвятся холостяки и плещет море, не знающее человека.

P. Runkin

КОШКА, ГУЛЯВШАЯ САМА ПО СЕБЕ

слушай, мой милый мальчик, слушай, слушай, внимай, разумеи, потому что это случилось, потому что это произошло, потому что это было еще в ту далекую пору, когда Ручные Животные были Животными Дикими.

Собака была дикая, и Лошадь была дикая, и Корова была дикая, и Овца была дикая, и Свинья была дикая — и все они были дикие-предикие и дико блуждали по Мокрым и Диким лесам.

Но самая дикая была Дикая Кошка — она бродила где вздумается и гуляла сама по себе.

Человек, конечно, был тоже дикий, страшно дикий, ужасно дикий. И никогда бы ему не сделаться ручным, если бы не Женщина. Это она объявила ему — при первой же встрече, — что ей не нравится его дикая жизнь. Она живо сыскала ему для жилья уютную, сухую Пещеру, потому что спать в Пещере было куда лучше, чем валяться под открытым небом на куче сырой листвы. Она посыпала пол чистым песочком и развела в глубине Пещеры отличный костер.

Потом она повесила у входа в Пещеру шкуру Дикой Лошади хвостом вниз и сказала Мужчине:

— Вытирай, милый, ноги, перед тем как войти: ведь теперь у нас хозяйство.

В этот вечер, мой милый мальчик, они ужинали дикой овцой, зажаренной на раскаленных камнях, приправленной диким чесноком и диким перцем. Потом они съели дикую утку, начиненную диким рисом, дикими яблоками и дикой гвоздикой; потом хрящики диких быков; потом дикие вишни и дикие гранаты. Потом Мужчина, очень счастливый, пошел и заснул у огня, а Женщина села колдовать: она распустила волосы, взяла плечевую баранью кость, очень плоскую и очень гладкую, и стала пристально всматриваться в проходящие по кости разводы. Потом она подбросила поленьев в огонь и затянула песню. Это было Первое в мире Колдовство, Первая Волшебная Песня.

И собрались в Мокром и Диком Лесу все Дикие Звери; сбились в одно стадо и, глядя на свет огня, не знали, что это такое.

Но вот топнул дикой ногой Дикий Конь и дико сказал:

— О Друзья мои! О мои Недруги! Чует сердце мое: не к добру засветили Мужчины и Женщина в большой Пещере большой огонь. Нет, это не к добру!

Дикий Пес задрал дикий нос, понюхал, как пахнет баранье жаркое, и дико сказал:

— Пойду погляжу, а потом расскажу. Мне кажется, что там не так уж плохо. Кошка, пойдем со мною!

— Ну нет,— отвечала Кошка.— *Я, Кошка, хожу где вздумается и гуляю сама по себе.*

— Ну, тогда я тебе не товарищ,— сказал Дикий Пес и побежал к Пещере во весь дух. Но не пробежал он и десяти шагов, а Кошка уже подумала: *«Я, Кошка, хожу где вздумается и гуляю сама по себе. Почему бы мне не пойти туда и не посмотреть, как и что? Ведь я пойду по своей собственной воле».*

И она тихохонько побежала за Псом, ступая мягко-премягко, и забралась в такое местечко, откуда ей было слышно решительно все.

Когда Дикий Пес подошел к Пещере, он диким носом приподнял лошадиную шкуру и стал упиваться прекрасным запахом бараньего жаркого, а Женщина, колдовавшая костью, услышала шорох и сказала, смеясь:

— Вот, уже пришел первый. Ты, из Дикого Леса Дикая Тварь, чего тебе надобно здесь?

И отвечал Дикий Пес:

— Скажи мне, о Враг мой, Жена Врага моего, что это пахнет так нежно среди этих Диких Лесов?

И нагнулась Женщина, и подняла с полу кость, и бросила Дикому Псу, и сказала:

— Ты, из Дикого Леса Дикая Тварь, отведай, погрызи эту кость.

Взял Дикий Пес эту кость в свои дикие зубы, и она оказалась вкуснее всего, что он грыз до той поры, и он обратился к Женщине с такими словами:

— Послушай, о Враг мой, Жена моего Врага, брось мне скорее другую такую же кость.

И отвечала ему Женщина:

— Ты, из Дикого Леса Дикая Тварь, поди помоги моему Мужчине ходить за добычей, стеречь эту Пещеру по ночам, и я дам тебе столько костей, сколько тебе будет нужно.

— Ах,— сказала Кошка, слушая их разговор,— это очень умная Женщина, хотя, конечно, не умнее меня.

Дикий Пес забрался в Пещеру, положил голозу Женщине на колени и сказал:

— О мой Друг, Жена моего Друга, хорошо. Я готов помогать твоему Мужчине охотиться, я буду стеречь по ночам вашу Пещеру.

— Ах,— сказала Кошка, слушая их разговор,— что за глупец этот Пес!

И она пошла прочь, пробираясь по Дикому Лесу и дико помахивая своим диким хвостом. Но обо всем, что видела, никому не сказала ни слова.

Проснувшись, Мужчина спросил:

— Что здесь делает Дикий Пес?

И ответила Женщина:

— Его имя уже не Дикий Пес, а Первый Друг, и он будет нам другом на веки веков. Как пойдешь на охоту, возьми и его с собой.

На следующий вечер Женщина нарезала на заливных лугах большую охапку травы и разложила ее сушиться у огня, и, когда пошел от травы такой запах, как от свежескошенного сена, она села у входа в Пещеру, сделала из лошадиной кожи уздечку и, уставившись на плечевую баранью кость — на широкую, большую лопатку,— снова принялась колдовать и запела волшебную песню.

То было Второе Колдовство и Вторая Волшебная Песня.

И снова в Диком Лесу собрались все Дикие Звери и, глядя издали на огонь, толковали, что такое могло приключиться с Диким Псом. И вот Дикий Конь дико топнул дикой ногой и сказал:

— Пойду погляжу, а потом расскажу, почему Дикий Пес не вернулся. Кошка, хочешь, отправимся вместе?

— Нет,— отвечала Кошка.— Я, Кошка, брожу где вздумается и гуляю сама по себе. Иди один.

Но на самом деле она тихонько прокралась за Диким Конем, ступая мягко-премягко, и забралась в такое местечко, откуда было слышно решительно все.

Услыхала Женщина конский топ, услышала, как пробирается к ней Дикий Конь, наступая на свою длинную гриву, засмеялась и сказала:

— А вот и второй идет! Ты, из Дикого Леса Дикая Тварь, чего тебе надобно здесь?

Дикий Конь отвечал:

— Ты, мой Враг, Жена моего Врага, отвечай мне скорее, где Дикий Пес?

Женщина засмеялась, подняла с полу баранью лопатку, поглядела на нее и сказала:

— Ты, из Дикого Леса Дикая Тварь, не за Псом ты пришел сюда, а за сеном, за вкусной травой.

Дикий Конь, перебирая ногами и наступая на свою длинную гриву, сказал:

— Это правда. Дай-ка мне сена!

Женщина отвечала:

— Ты, из Дикого Леса Дикая Тварь, склони свою дикую голову и носи, что я надену на тебя,— носи, не снимая во веки веков, и трижды в день ты будешь есть эту дивную траву.

— Ах,— сказала Кошка, слушая их разговор,— эта Женщина очень умна, но, конечно, не умнее меня.

И нагнул Дикий Конь свою дикую голову, и Женщина накинула на нее только что сплетенную уздечку, идохнул он своим диким дыханьем прямо на ноги Женщине и сказал:

— О моя Госпожа, о жена моего Господина, за чудесную эту траву я буду тебе вечным рабом!

— Ах,— сказала Кошка, слушая их разговор,— какой он глупец, этот Конь!

И снова она бросилась в чашу Дикого Леса, дико помахивая своим диким хвостом. Но обо всем, что слыхала, никому не сказала ни слова.

Когда Пес и Мужчина вернулись с охоты, Мужчина сказал:

— А что здесь делает Дикий Конь?

И Женщина отвечала:

— Не Дикий Конь уже имя его, но Первый Слуга, так как с места на место он будет возить нас во веки веков. Когда ты соберешься на охоту, садись на него верхом.

На следующий день подошла к Пещере Корова. Она тоже была дикая и должна была высоко задирать свою дикую голову, чтобы не зацепиться дикими рогами за дикие деревья. Кошка прокрадась вслед за ней и спряталась точно так же, как и раньше: и все случилось точно так же, как раньше; и Кошка сказала то же, что раньше; и когда Дикая Корова в обмен на прекрасную траву обещала Женщине свое молоко, Кошка бросилась в Дикий Лес и дико замахала своим диким хвостом, опять-таки точно так же, как раньше.

И обо всем, что слыхала, никому не сказала ни слова.

А когда Пес, Человек и Конь вернулись с охоты и Человек спросил точно так же, как раньше, что делает здесь Дикая Корова, Женщина отвечала точно так же, как раньше:

— Теперь не Дикая Корова ей имя, но Подательница Хорошей Еды. Она будет давать нам белое парное молоко во веки веков, и я готова ходить за ней, пока ты, да наш Первый Друг, да наш Первый Слуга будете в лесу на охоте.

Напрасно Кошка прождала весь день, чтобы еще кто-нибудь из Диких Зверей пришел к Пещере: больше никто не приходил из Мокрого Дикого Леса. Так что Кошке поневоле пришлось блуждать одиноко, самой по себе. И вот увидела она Женщину, которая сидела и доила Корову. И увидела она в Пещере свет и почуяла запах белого парного молока. И сказала она Женщине:

— Ты, мой Враг, Жена моего Врага! Скажи: не видала ли ты Коровы?

Женщина засмеялась и сказала:

— Ты, из Дикого Леса Дикая Тварь, ступай себе в Лес подобру-поздорову! Мне больше не надо ни слуг, ни друзей. Я уже заплела мою косу и спрятала волшебную кость.

И ответила Дикая Кошка:

— Я не друг и не слуга. *Я, Кошка, хожу где вздумается и гуляю сама по себе*, и вот мне вздумалось прийти к тебе в Пещеру.

И спросила ее Женщина:

— Почему в первый же вечер ты не пришла с Первым Другом?

Кошка рассердилась и сказала:

— Должно быть, Дикий Пес уж наговорил тебе про меня небылиц!

Женщина засмеялась и сказала:

— Ты, Кошка, гуляешь сама по себе и ходишь где тебе вздумается. Ты сама говоришь, что ты не слуга и не друг. Иди же отсюда сама по себе куда вздумается!

Кошка притворилась обиженной и сказала:

— Неужели мне иной раз нельзя прийти к тебе в Пещеру и погреться у горячего огня? И неужели ты никогда не дашь мне полакомиться белым парным молоком? Ты такая умница, ты такая красавица,— нет, хоть я и Кошка, а ты не будешь жестока со мной.

Женщина сказала:

— Я знаю, что я умница, но что я красавица — не знала. Давай заключим договор. Если я хоть раз похвалю тебя, ты можешь войти в Пещеру.

— А если ты дважды похвалишь меня?— спросила Кошка.

— Ну, этому не бывать,— сказала Женщина.— Но если это случится, входи и садись у огня.

— А что, если ты трижды похвалишь меня?— спросила Кошка.

— Ну, этому не бывать,— сказала Женщина.— Но если это

случится, приходи и получай молоко три раза в день до окончания века!

Кошка выгнула спину и сказала:

— Ты, Занавеска у входа в Пещеру, и ты, Огонь в глубине Пещеры, и вы, Молочные Крынки, стоящие у Огня, вас я беру в свидетели: запомните, что сказал мой враг, Жена моего Врага!

И, повернувшись, ушла в Дикий Лес, дико помахивая диким хвостом.

Когда в тот вечер Пес, Мужчина и Конь возвратились с охоты в Пещеру, Женщина ни слова не сказала им о своем договоре с Кошкой, так как боялась, что это им не понравится.

Кошка ушла далеко-далеко и так долго скрывалась в Диком Лесу, что Женщина забыла и думать о ней. Только Летучая Мышь, висевшая вверх ногами у входа в Пещеру, знала, где скрывается Кошка, и каждый вечер подлетала к тому месту и сообщала Кошке все новости.

Как-то вечером прилетает она к Кошке и говорит:

— А в Пещере — Младенчик! Он совсем, совсем новенький. Такой розовый, толстый и крошечный. И он очень нравится Женщине.

— Отлично,— сказала Кошка.— А что же нравится Младенчику?

— Мягкое и гладкое,— ответила Летучая Мышь.— Как идти спать, он берет в ручонки что-нибудь теплое и засыпает. Потом ему нравится, чтобы с ним играли. Вот и все.

— Отлично,— сказала Кошка.— Если так, то мой час настал.

На следующий вечер Кошка пробралась к Пещере по Дикому Лесу и просидела невдалеке до самого утра. Утром Пес, Человек и Конь ушли на охоту, а Женщина занялась стряпней. Ребенок плакал и отрывал ее от работы. Она вынесла его из Пещеры и дала ему камешков поиграть, но он не унимался.

Тогда Кошка протянула пухлую лапу и погладила Ребенка по щеке, и замурлыкала, и пошла тереться о его коленку, и хвостом зашекотала ему подбородок. Ребенок засмеялся, и Женщина, слыша его смех, улыбнулась.

Тогда воскликнула Летучая Мышь — маленькая Летучая Мышь, висевшая вверх ногами у входа в Пещеру:

— О Хозяйка моя, Жена моего Хозяина, Мать Хозяйского Сына! Из Дикого Леса пришла Дикая Тварь и как славно она играет с твоим Ребенком!

— Спасибо Дикой Твари,— сказала Женщина, разгибая спину.— У меня так много работы, а она оказала мне большую услугу.

И вот, милый мальчик, не успела она вымолвить это, как в ту же минуту и в ту же секунду — б у х, б у х! — падает лошадиная

шкура, висевшая хвостом книзу у входа в Пещеру (это она вспомнила, что у Женщины с Кошкой был договор), и не успела Женщина поднять ее, а Кошка уже сидит в Пещере, уселась поудобней и сидит.

— Ты, мой Враг, ты, Жена Врага моего, ты, Мать моего Врага,— сказала Кошка,— посмотри: я здесь. Ты похвалила меня — и вот я здесь и буду сидеть в Пещере во веки веков. Но все же запомни: *я, Кошка, хожу где вздумается и гуляю сама по себе.*

Женщина рассердилась, прикусила язык и села за прялку.

Но Ребенок заплакал опять, потому что Кошка ушла от него; и Женщина не могла его унять: он бился, брыкался и весь посинел от крика.

— Ты, мой Враг, ты, Жена Врага моего, ты, Мать моего Врага,— сказала Кошка,— послушай, что я тебе скажу: возьми оторви кусочек нитки от той, которую ты прядешь, привяжи к ней свое веретенце, и я так наколдую тебе, что Ребенок сию же минуту засмеется и будет смеяться так же громко, как плачет теперь.

— Ладно,— сказала Женщина.— Я уже совсем потеряла голову. Но помни: благодарить тебя я не стану.

Она привязала к нитке глиняное веретенце и потянула его по полу, и Кошка побежала за ним, и хватала его, и кувыркалась, и швыряла его к себе на спину, и ловила его задними лапами, и нарочно отпускала его, а потом кидалась вдогонку,— и вот Ребенок засмеялся еще громче, чем плакал; он ползал за Кошкой по всей Пещере и резвился, пока не устал. Тогда он задремал вместе с Кошкой, не выпуская ее из рук.

— А теперь,— сказала Кошка,— я спою ему песню, убаюкаю его на часок.

И как пошла она мурлыкать то громко, то тише, то тише, то громче, Ребенок и заснул крепким сном.

Женщина поглядела на них и с улыбкой сказала:

— Это была неплохая работа! Что бы там ни было, все же ты умница, Кошка.

Не успела она договорить — п - ф - ф - ф! — дым от Огня тучами за клубился в Пещере: это он вспомнил, что у Женщины с Кошкой был договор. И когда дым рассеялся, глядь, Кошка сидит у огня: уселась поудобнее и сидит.

— Ты, мой Враг, ты, Жена Врага моего, ты, Мать моего Врага,— сказала Кошка,— посмотри: я здесь. Ты снова похвалила меня, и вот я здесь, у теплого очага, и отсюда я не уйду во веки веков. Но все же запомни: *я, Кошка, хожу где вздумается и гуляю сама по себе.*

Женщина очень рассердилась, распустила волосы, подбросила дров в огонь, достала баранью кость и пошла опять колдовать, чтобы как-нибудь ненароком в третий раз не похвалить эту Кошку.

Но, милый мальчик, она колдовала без звука, без песни,— и вот в пещере стало так тихо, что какая-то Крошка-Мышка выскочила из угла и тихонько забегала по полу.

— Ты, мой Враг, ты, Жена Врага моего, ты, Мать моего Врага,— сказала Кошка,— это ты вызвала Мышку своим колдовством?

— Ай-ай-ай! Нет! — закричала женщина, выронила кость, вскочила на скамеечку, стоявшую у огня, и поскорее подобрала свои волосы, чтобы Мышка не взбежала по ним.

— Ну, если ты не заколдовала ее,— сказала Кошка,— мне будет не вредно ее съесть.

— Конечно, конечно! — сказала Женщина, заплетая косу.— Съешь ее поскорее, и я век буду благодарна тебе.

В один прыжок поймала Кошка Мышку, и Женщина воскликнула от души:

— Спасибо тебе тысячу раз! Сам Первый Друг ловит Мышей не так быстро, как ты. Ты, должно быть, большая умница.

Не успела она договорить, как — т р а х! — в ту же самую минуту и в ту же самую секунду треснула Крынка с молоком, стоявшая у очага, треснула пополам, потому что вспомнила, какой договор был у Женщины с Кошкой. И не успела Женщина сойти со скамеечки, глядь, а Кошка уже лакает из одного черепка этой Крынки белое парное молоко.

— Ты, мой Враг, ты, Жена Врага моего, ты, Мать моего Врага,— сказала Кошка,— посмотри: я здесь. В третий раз похвалила ты меня: давай же мне трижды в день побольше белого парного молока — во веки веков. Но все же запомни: *я, Кошка, хожу где вздумается и гуляю сама по себе.*

И засмеялась Женщина и, поставив миску белого парного молока, сказала:

— О Кошка! Ты разумна, как человек, но помни: договор наш был заключен, когда не было дома ни Пса, ни Мужчины; не знаю, что скажут они, как вернутся домой.

— Какое мне до этого дело! — сказала Кошка.— Мне бы только местечко в Пещере и три раза в день побольше белого парного молока, и я буду очень довольна. Никакие Псы, никакие Мужчины меня не касаются.

В тот же вечер, когда Пес и Мужчина вернулись с охоты в Пещеру, Женщина рассказала им все как есть о своем дого-

воре с Кошкой, а Кошка сидела у огня и очень приятно улыбалась.

И сказал Мужчина:

— Все это хорошо, но не худо бы ей и со мной заключить договор. Через меня она заключит его со всеми Мужчинами, которые будут после меня.

Он взял пару сапог, взял кремневый топор (итого три предмета), принес со двора полено и маленькую секиру (итого пять), поставил все это в ряд и сказал:

— Давай и мы заключим договор. Ты живешь в Пещере во веки веков, но если ты забудешь ловить Мышей — посмотри-ка на эти предметы: их пять, и я имею право любой из них швырнуть в тебя, и так же вслед за мною будут поступать все Мужчины.

Женщина услышала это и молвила про себя:

— Да, Кошка умна, а Мужчина умнее.

Кошка сосчитала все вещи — они были довольно тяжелые — и сказала:

— Ладно! Я буду ловить Мышей во веки веков, но все же я, *Кошка, хожу где вздумается и гуляю сама по себе.*

— Гуляй, гуляй,— отозвался Мужчина,— да только не там, где я. Попадешься мне на глаза, я сейчас же швырну в тебя либо сапогом, либо поленом, и так станут поступать все Мужчины, которые будут после меня.

Тогда выступил Пес и сказал:

— Погоди. Теперь мой черед заключать договор. А через меня договор будет заключен и со всеми другими Псами, которые будут жить после меня.— Он оскалил зубы и показал их Кошке.— Если, пока я в Пещере, ты будешь неласкова с Ребенком,— продолжал он,— я буду гоняться за тобой, пока не поймаю тебя, а когда я поймаю тебя, я искусаю тебя. И так станут поступать все Собаки, которые будут жить после меня во веки веков.

Услышала это Женщина и молвила про себя:

— Да, эта Кошка умна, но не умнее Собаки.

Кошка сосчитала собачьи зубы, и они показались ей очень острыми. Она сказала:

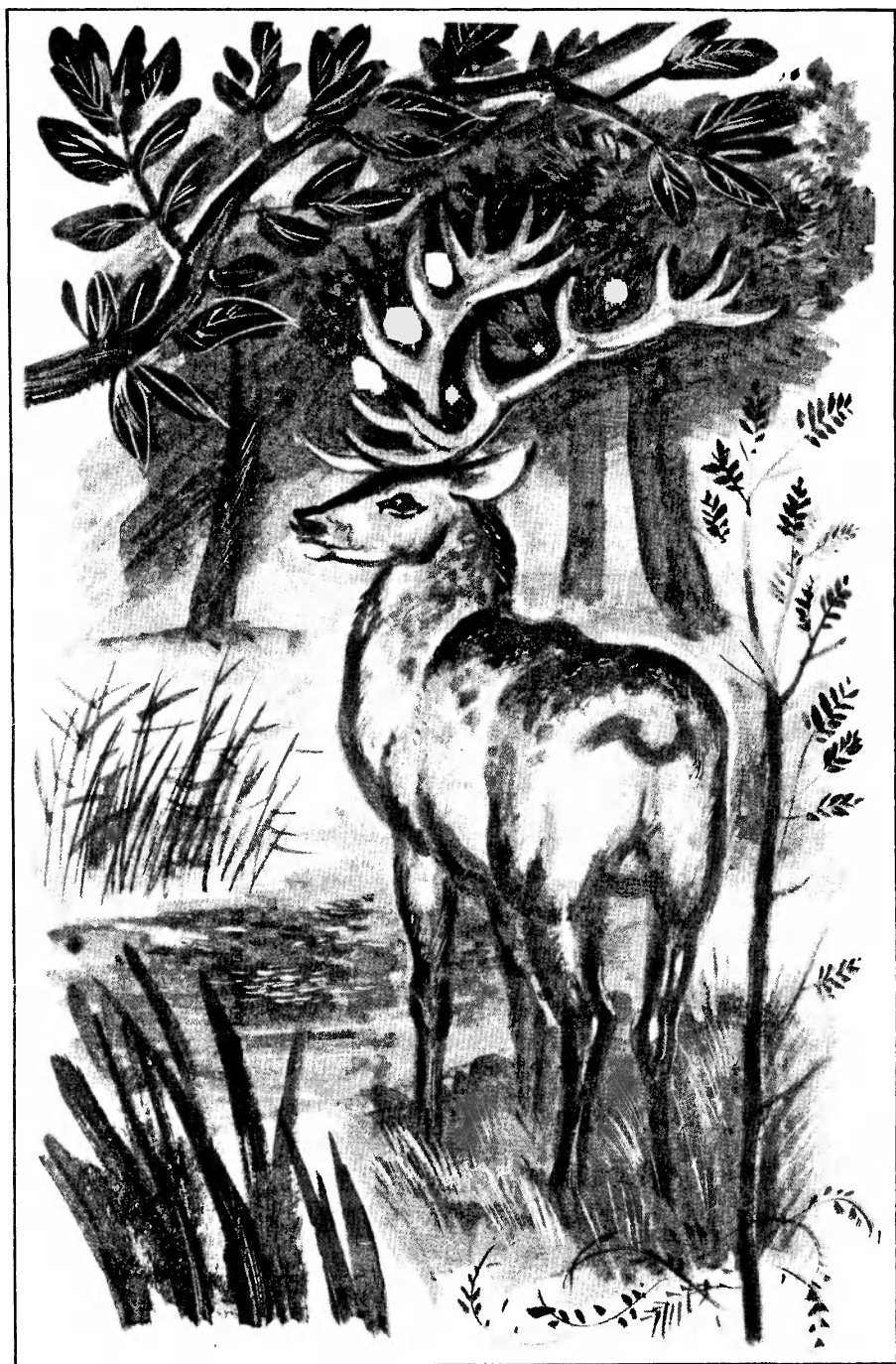
— Хорошо, пока я в Пещере, я буду ласкова с Ребенком, если только Ребенок не станет слишком больно таскать меня за хвост. Но не забудьте: я, *Кошка, хожу где вздумается и гуляю сама по себе.*

— Гуляй, гуляй,— отозвался Пес,— да только не там, где я. А не то, чуть встречу тебя, я сейчас же залаю, налечу на тебя и загоню тебя вверх на дерево. И так станут поступать все Собаки, которые будут жить после меня.

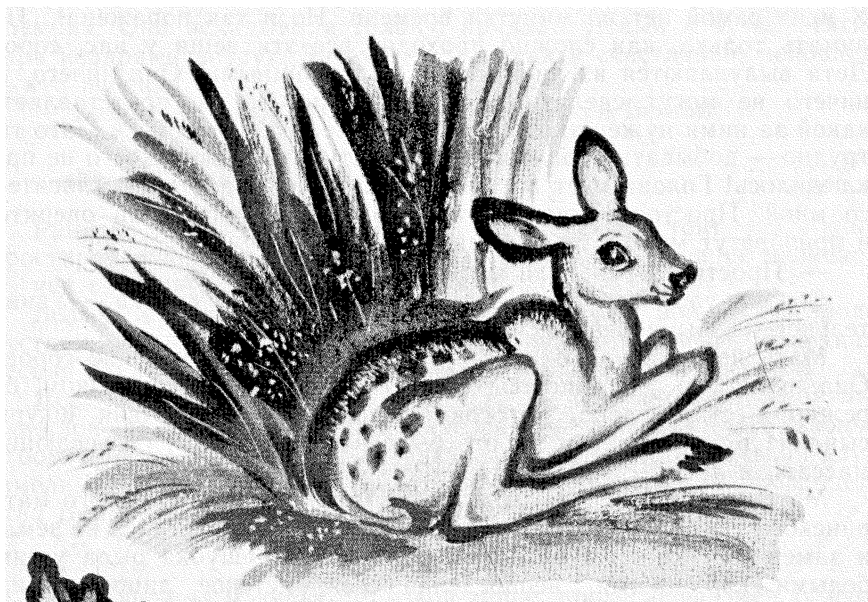
И тотчас же, не теряя ни минуты, кинул Мужчина в Кошку

двумя сапогами да кремневым топориком, и Кошка бросилась вон из Пещеры, а Пес погнался за ней и загнал ее вверх на дерево,— и с того самого дня, мой мальчик, и поныне трое Мужчин из пяти — если они настоящие Мужчины — швыряют разными предметами в Кошку, где бы она ни попадалась им на глаза, и все Псы — если они настоящие Псы — все до одного загоняют ее вверх на дерево. Но и Кошка верна своему договору. Пока она в доме, она ловит мышей и ласкова с детьми, если только дети не слишком больно таскают ее за хвост. Но чуть улучит минутку, чуть настанет ночь и взойдет луна, сейчас же она говорит: *«Я, Кошка, хожу где вздумается и гуляю сама по себе»* — и бежит в чащу Дикого Леса, или влезает на мокрые Дикие Деревья, или взбирается на мокрые Дикие Крыши и дико машет своим диким хвостом.

Ф. Зальтен

БЕМБИ

н появился на свет в дремучей чащобе, в одном из тех укромных лесных тайников, о которых ведают лишь исконные обитатели леса.

Его большие мутные глаза еще не видели, его большие мягкие уши еще не слышали, но он уже мог стоять, чуть пошатываясь на своих тонких ножках, и частая дрожь морщила его блестящую шкуру.

— Что за прелестный малыш! — воскликнула сорока. Она летела по своим делам, но сейчас разом обо всем забыла и уселась на ближайший сучок. — Что за прелестный малыш! — повторила она.

Ей никто не ответил, но сорока ничуть не смутилась.

— Это поразительно! — тараторила сорока. — Такой малютка — и уже может стоять и даже ходить! В жизни не видала ничего подобного. Правда, я еще очень молода, что вам, наверное, известно, — всего год, как из гнезда... Но нет, это поистине изумительно и необыкновенно! Впрочем, я считаю, что у вас, оленей,

© Пересказ с немецкого. Ю. Нагибин, 1992.

все изумительно и необыкновенно. Скажите, а бегать он тоже может?

— Конечно,— тихо ответила мать.— Но извините меня, пожалуйста, я не в состоянии поддерживать беседу. У меня столько дел... к тому же я чувствую себя немного слабой.

— Пожалуйста, не беспокойтесь,— поспешно сказала сорока.— У меня самой нет ни минутки времени. Но я так поражена!.. Подумать только, как сложно проходят все эти вещи у нас, сорок! Дети вылупляются из яиц такими беспомощными! Они ничего, ну ничего не могут сделать для себя сами. Вы не представляете, какой за ними нужен уход! И они все время хотят есть. Ах, это так трудно — добывать пропитание и следить, чтоб с ними чего не произошло! Голова идет кругом. Разве я не права? Ну согласитесь со мной. Просто не хватает терпения ждать, пока они оперятся и приобретут мало-мальски приличный вид!

— Простите,— сказала мать,— но я не слушала.

Сорока улетела. «Глупое создание! — думала сорока.— Удивительное, необыкновенное, но глупое».

Мать не обратила никакого внимания на исчезновение сороки. Она принялась мыть новорожденного. Она мыла его языком, бережно и старательно, волосок за волоском, вылизывая шкурку сына. И в этой нежной работе было все: и ванна, и согревающий массаж, и ласка.

Малыш немного пошатывался. От прикосновения теплого материнского языка им овладела сладкая истома, он опустился на землю и замер. Его красная влажная, растрепанная шубка была усеяна белыми крапинками, неопределившееся, детское лицо хранило тихое, сонное выражение.

Лес густо порос орешником, боярышником и бузиной. Рослые клены, дубы и буки зеленым шатром накрывали чащу; у подножий деревьев росли пышные папоротники и лесные ягоды, а совсем внизу ластились к смуглой, бурой земле листочки уже отцветших фиалок и еще не зацветшей земляники.

Свет раннего солнца проникал сквозь листву тонкими золотыми нитями. Лес звенел на тысячи голосов, он был весь пронизан их веселым волнением. Без устали ворковали голуби, свистели дрозды, сухонько пощелкивали синицы и звонко бил зяблик. В эту радостную музыку врывались резкий, злой вскрик сыча и металлическое гуканье фазанов. Порой всю многоголосицу заглушало звенящее ликование дятла.

А в выси, над кронами деревьев, неумолчно металлическими, гортанными голосами ссорились вороны, и, прорезая их хриплое, назойливое бормотание, долетали светлые, гордые ноты соколиного призыва.

Малыш не различал голосов, не узнавал напевов, он не понимал ни одного слова в напряженном и бурном лесном разговоре. Не воспринимал он и запахов, которыми дышал лес. Он чувствовал

лишь нежные, легкие толчки, проникавшие сквозь его шубку, в то время как его мыли, обогревали и целовали. Он вдыхал лишь близкое тепло матери. Тесно прижался к этому мягкому, ароматному теплу и в неумелом голодном поиске отыскивал добрый источник жизни.

И пока сын пил из нее благодатную влагу, мать тихо шептала: «Бемби». Она вскидывала голову, прядала ушами и чутко втягивала ноздрями воздух. Затем, успокоенная и счастливая, целовала своего ребенка.

— Бемби,— говорила она,— мой маленький Бемби!

* * *

Ранней летней порой воздух тих, деревья стоят недвижно, простирая руки-ветви к голубому небу, и молодое солнце изливает на них свою щедрую силу.

Белые, красные, желтые звездочки усеяли живую изгородь кустарника. А другие звездочки зажглись в траве. Сумеречная лесная глубь сверкает, пылает всеми красками цветения.

Лес крепко и остро благоухает свежей листвой, цветами, влажной землей, юными нежно-зелеными побегами. Все звонче и богаче его многоголосье; погуд пчел, жужжание ос, низкий звук шмелиной трубы влились в лесной оркестр. Первая пора детства Бемби...

Бемби шел за матерью по узкой тропе, пролегавшей между кустами. Это было приятное путешествие. Густая листва, уступая дорогу, мягко колотила его по бокам. Ему то и дело мерещились неодолимые преграды, но преграды рушились от одного его прикосновения, и он спокойно шел дальше. Тропинок было не счесть, они во всех направлениях исчертили лес. И все они были знакомы его матери. Когда Бемби остановился перед непроницаемой зеленой стеной жимолости, мать мгновенно отыскала лаз.

Бемби так и сыпал вопросами. Он очень любил спрашивать. Для него не было большего удовольствия, чем задавать вопросы и выслушивать ответы матери. Бемби казалось вполне естественным, что вопросы возникают у него на каждом шагу. Он восхищался собственной любознательностью. Но особенно восхитительным было то нетерпеливое чувство, с каким он ожидал ответа матери. Пусть он порой и не все понимал, но тогда он мог спрашивать дальше, и это тоже было прекрасно. Иногда Бемби нарочно не спрашивал дальше, пытаясь своими силами разгадать непонятное, и это тоже было прекрасно. Подчас он испытывал чувство, будто мать нарочно чего-то недоговаривает. И это тоже было прекрасно, потому что наполняло его ощущением таинственности и неизведанности жизни, что-то сладко замирало в нем, пронзая все его маленькое существо счастливым страхом перед величием и неохватностью подаренного ему мира.

Вот сейчас он спросил:

— Кому принадлежит эта тропа, мама?

А мать ответила:

— Нам.

Бемби спросил:

— Тебе и мне?

— Да.

— Нам обоим?

— Да.

— Нам одним?

— Нет,— ответила мать.— Нам, оленям.

— Что это такое — олени? — спросил Бемби, смеясь.

Мать посмотрела на сына и тоже рассмеялась:

— Ты — олень, я — олень, мы — олени. Понимаешь?

От смеха Бемби подпрыгнул высоко в воздух.

— Понимаю. Я — маленький олень, ты — большой олень.

Правильно?

Мать кивнула.

— А есть еще олени, кроме тебя и меня? — став серьезным, спросил Бемби.

— Конечно,— ответила мать.— Много-много оленей.

— Где же они? — воскликнул Бемби.

— Здесь... всюду.

— Но я их не вижу!

— Ты их увидишь.

— Когда? — Охваченный любопытством, Бемби остановился.

— Скоро,— спокойно сказала мать и пошла дальше.

Бемби последовал за ней. Он молчал, раздумывая над тем, что значит «скоро». Ясно, что «скоро» — это не «сейчас», это «потом». Но ведь «потом» может быть и «не скоро».

Вдруг он спросил:

— А кто проложил эту тропу?

— Мы,— ответила мать.

Бемби посмотрел удивленно:

— Мы? Ты и я?

Мать ответила:

— Ну, мы — олени.

Бемби спросил:

— Какие?

— Мы все,— ответила мать.

И они пошли дальше.

Бемби развеселился. Он храбро прыгал в сторону от дороги, но тут же возвращался к матери.

Вдруг что-то зашуршало в траве. Закачались папоротники, тонкий, как ниточка, голосочек жалко пропищал, затем все смолкло, лишь тихо шептались стебельки и травы, растревоженные чьим-то незримым бегом.

Это хорек охотился за мышью. Вот он прошмыгнул мимо них, осмотрелся и принялся уничтожать добычу...

— Что это было? — возбужденно спросил Бемби.

— Ничего, — сказала мать.

— Но... — Бемби дрожал. — Я же видел...

— Не бойся, — сказала мать. — Это всего-навсего хорек убил мышь. — И она повторила: — Не бойся.

Но Бемби был ужасно испуган, незнакомое щемящее, жалкое чувство проникло к нему в сердце.

Долго не мог он вымолвить слова, потом спросил:

— Зачем он убил мышь?

— Зачем?... — Мать колебалась. — Пойдем скорей! — проговорила она, будто ей что-то внезапно пришло на ум.

Она быстро устремилась вперед, и Бемби пришлось потрудиться, чтоб не отстать от матери. Он скакал изо всех силенок, а мать молчала, она как будто забыла о его вопросе.

Когда же они снова пошли обычным шагом, Бемби спросил подавленно:

— А мы тоже когда-нибудь убьем мышь?

— Нет, — ответила мать.

— Никогда?

— Никогда.

— А почему так? — с облегчением спросил Бемби.

— Потому что мы никогда никого не убиваем, — просто сказала мать.

Они проходили мимо молодого ясеня, когда сверху послышался громкий, злой крик. Мать спокойно продолжала путь, но Бемби, полный нового любопытства, остановился. Высоко в ветвях над лохматым гнездом ссорились два ястреба.

— Убирайся отсюда, негодяй! — кричал один.

— Не очень-то задавайся, болван! — отвечал другой. — Мы и не таких видавали!

— Вон из моего гнезда! — бесновался первый. — Разбойник! Я разможу тебе голову! Такая подлость! Такая низость!

Другой, заметив стоящего под деревом Бемби, слетел на нижнюю ветку и гаркнул:

— А тебе чего надо, морда? Пошел вон!

Бемби скакнул прочь, нагнал мать и пошел за ней следом, притихший и напуганный. Мать не подавала виду, что заметила его короткое отсутствие, и через некоторое время Бемби заговорил сам:

— Мама, что такое подлость?

Мать сказала:

— Я не знаю.

Бемби немного подумал, затем начал снова:

— Мама, а почему те двое так злились друг на друга?

Мать ответила:

— Они повздорили из-за еды.

Бемби спросил:

— А мы, олени, тоже ссоримся из-за еды?

— Нет, — сказала мать.

— Почему нет?

— Потому что тут достаточно еды для всех нас.

Но Бемби хотелось еще кое-что узнать.

— Мама...

— Что тебе?

— А мы, олени, злимся когда-нибудь друг на друга?

— Нет, маленький, у нас, оленей, этого не бывает.

Они шли дальше. В какой-то миг перед ними разверзлась широкая светлая, слепяще-светлая щель. Там кончалась живая изгородь кустарника, обрывалась тропа. Еще несколько шагов — и перед ними во все стороны распахнулся залитый солнцем простор. Бемби хотел прыгнуть вперед, но мать стояла неподвижно.

— Что это такое? — воскликнул он нетерпеливо, очарованный новой прелестью мира.

— Поляна, — ответила мать.

— А что такое поляна?

— Это ты скоро сам увидишь, — строго сказала мать.

Она стала серьезной и настороженной. Вскинув голову, она к чему-то напряженно прислушивалась и глубоко втягивала нозд-рями воздух.

— Все спокойно, — произнесла она наконец.

Бемби прыгнул вперед, но мать преградила ему дорогу.

— Жди, когда я тебя позову.

Бемби послушно остановился.

— Вот так, — одобрила мать. — А теперь слушай меня внима-тельно.

Бемби чувствовал скрытое волнение в голосе матери. Он напряг все свое внимание.

— Это не так просто — идти на поляну, — сказала мать. — Это трудное и опасное дело. Не спрашивай почему — когда-нибудь ты и сам узнаешь. А сейчас запомни хорошенько, что я тебе скажу. Обещаешь?

— Да, — ответил Бемби.

— Так вот. Сперва я пойду одна. Ты стой здесь и не спускай с меня глаз. Если увидишь, что я бегу назад, то и ты беги прочь, беги как можно быстрее. Я уж догоню тебя.

Она замолчала, о чем-то думая, затем продолжала глубоким, проникновенным голосом.

— Во всяком случае беги, беги изо всех сил. Беги... если даже что случится со мной... Если увидишь, что я... что я упала... не обращай внимания. Что бы ты ни увидел, что бы ни услышал, — прочь отсюда, немедленно прочь... Обещаешь?

— Да, — сказал Бемби тихо.

— А сейчас мы пойдем на поляну, сперва я, потом ты. Тебе там очень понравится. Ты будешь играть, бегать. Только обещай, что при первом же моем зове ты будешь около меня. Обещаешь?

— Да, — сказал Бемби еще тише — ведь мать говорила так серьезно.

— Когда ты услышишь мой зов, не глазей по сторонам, ни о чем

не спрашивай, а сразу, как ветер, лети ко мне. Без промедлений, без раздумий. Запомни это. Если я побегу, мчись за мной и не оставляйся, пока мы не очутимся в чаще. Ты не забудешь?

— Нет,— ответил Бемби с тоской.

— А теперь я пойду,— сказала мать и двинулась вперед.

Она выступала медленно, высоко поднимая ноги. Бемби не спускал с нее глаз. Любопытство, страх, ожидание чего-то необычайного боролись в его душе. Он видел, как мать сторожко прислушивается, видел, как напряжено ее тело, и сам напрягся, готовый в любую секунду броситься наутек. Но вот мать вытянула шею, удовлетворенно осмотрелась и крикнула:

— Иди сюда!

Бемби прыгнул вперед. Огромная радость, охватившая его с волшебной силой, прогнала страх. В чаще он видел лишь зеленый свод листвы, сквозивший кое-где голубыми крапинами неба. А сейчас ему открылась вся неохватная голубизна небесного свода, и он чувствовал себя счастливым, сам не ведая почему. В лесу он почти не знал солнца. Он думал, что солнце — это широкие полосы света, скользящие по стволам деревьев, да редкие блики в листве. А сейчас он стоял в ослепительном сиянии, в благодатном царстве тепла и света; чудесная властная сила закрывала ему глаза и открывала сердце.

Бемби был потрясен, опьянен, одурманен. Он подпрыгивал на месте — два, три, четыре, пять, шесть... десять раз. Это делалось помимо его воли, он и не прыгал даже — его подбрасывало в воздух. Его юные члены так напрягались, его грудь дышала так полно и глубоко ароматным, пряным воздухом поляны, что его возносило вверх.

Ведь Бемби был ребенком. Будь он сыном человеческим, он бы громко кричал от счастья. Но он был олененком, а оленям недоступно выражение радости на человеческий лад. Бемби ликовал по-своему.

Мать видела его беспомощные, смешные прыжки и все понимала. Бемби знал лишь узкие оленьи тропы, в короткий век своего существования он свyksя с теснотой чащобы, он не ведал, что такое простор и как им пользоваться.

Она наклонила голову и стремительно кинулась вперед. Бемби засмеялся, а через секунду и сам припустил за ней следом, да так, что высокие травы громко зашуршали. Это испугало Бемби, он остановился, не зная, как ему поступить. И тут, сопровождаемая тем же странным шелестом, крупными прыжками приблизилась к нему мать, со смехом пригнулась, крикнула:

— А ну, ищи меня! — и вмиг исчезла.

Бемби был озадачен. Что бы это могло означать? Куда девалась мать? Но вот она показалась снова, быстро пронеслась мимо, ткнула его на бегу носом и крикнула:

— А ну, поймай меня!

Бемби бросился за ней. Два, три шага... Но это не шаги, это легкие, парящие скачки. Его несло над землей, он был охвачен

волнующим ощущением полета. Лишь на краткий миг касался он земли и снова уносился в пространство. Рослые травы шелестели у самых его ушей, то мягко и ласково, то шелковисто-упруго охлестывали они его стремящееся вперед тело. Он мчался без цели и направления, кидался из стороны в сторону, а затем опять описывал круги в сладостно-дурманном полете. Мать следила за ним, затаив дыхание.

Бемби самозабвенно резвился. Впрочем, это продолжалось не так уж долго. Высоким, грациозным шагом приблизился он к матери и заглянул ей в глаза влажным от счастья взором. Теперь они стали прогуливаться неторопливо, бок о бок.

До сих пор Бемби воспринимал простор, солнце, небо как бы телесно; ему грело спинку, ему легко и свободно дышалось, он испытал радость свободного, ничем не ограниченного движения, но лишь на краткий миг его ослепленному взгляду открылась мерцающая голубизна неба. А сейчас он впервые наслаждался всей полнотой видения. На каждом шагу его восхищенному и жадному взгляду открывались всё новые чудеса поляны.

Здесь совсем не было потайных уголков, как в глубине леса. Каждое местечко просматривалось до последнего стебелька, до самой крошечной травинки, и так манило поваляться, понежиться в этой чудной благоуханной мягкости! Зеленый простор был усеян белыми звездочками маргариток, толстенькими головками фиолетовой и розовой кашки, золотыми свечками львиного зева.

— Смотри, мама! — воскликнул Бемби. — Цветочек полетел! — Это не цветок, — сказала мать. — Это бабочка.

Бемби изумленно смотрел на мотылька, который то кружился в полете, то присаживался на стебелек, то вновь взмывал ввысь. Теперь Бемби видел, что множество таких же мотыльков кружится над поляной, стремительно и вместе плавно опускаясь на облюбованный стебелек. Они и в самом деле напоминали летающие цветы, веселые цветы, покинувшие свои докучно неподвижные стебли, чтобы немного потанцевать. А еще они казались цветами, спустившимися с солнца. Чужаки на земле, они без усталости ищут пристанище, но все лучшие стебли заняты земными цветами; им ничего не остается, как продолжать свой тщетный поиск...

Бемби хотелось рассмотреть бабочку вблизи или хотя бы проследить полет одной бабочки, но они мелькали так быстро, что кружилась голова.

Когда взгляд его снова обратился к земле, он заметил, что каждый его шаг подымает из травы тысячи крошечных проворных существ. Они брызгали во все стороны мелким зеленым дождиком и, лишь на краткий миг обнаружив свое существование, вновь поглощались зеленым покровом земли.

— Что это такое, мама? — спросил Бемби.

— Так... Всякая мелочь, — ответила мать.

— Нет, ты посмотри! — вскричал Бемби. — Травинка, а прыгает!.. И как высоко прыгает!

— Какая же это травинка? — сказала мать. — Это самый настоящий кузнечик.

— Зачем же он так прыгает? — спросил Бемби.

— Мы испугали его.

— О! — Бемби повернулся к кузнечику, усевшемуся на стебель маргаритки. — О! Вы напрасно пугаетесь, мы не сделаем вам ничего плохого, — сказал Бемби вежливо.

— Я не из пугливых, — скрипучим голосом ответил кузнечик. — Я только в первый момент немного испугался. От неожиданности. Я разговаривал с женой...

— Извините, пожалуйста, — сказал Бемби огорченно. — Мы вам помешали...

— Не беда, — проскрипел кузнечик. — Раз это вы — не беда. Но ведь никогда не знаешь заранее, кто идет. Приходится быть начеку.

— Видите ли, — доверительно начал Бемби, — я первый раз в жизни попал на поляну. Моя мать...

Кузнечик капризно склонил голову, нахмурился и проскрипел: — Знаете, меня это нисколько не интересует. У меня нет времени выслушивать болтовню. Меня ждет жена. Хоп!.. — И он исчез.

— Хоп! — повторил Бемби, ошеломленный изумительным прыжком кузнечика.

Он подбежал к матери:

— Знаешь... я говорил с ним!

— С кем?

— С кузнечиком. Он очень приветливый. И мне он тоже понравился. Он такой зеленый, а потом вдруг стал совсем прозрачным, прозрачной самого тоненького листа.

— Это крылья, — сказала мать. — Он выпустил крылья.

— Да? — Бемби продолжал свой рассказ. — У него такое серьезное, задумчивое лицо. И очень милое. А как он прыгает! Наверно, это ужасно трудно. Сказал «хоп» и сразу пропал.

Они пошли дальше. Беседа с кузнечиком разволновала и немного утомила Бемби — ведь он никогда еще не беседовал с посторонними. Он почувствовал, что должен подкрепить свои силы, и потянулся к матери.

Когда он вновь стоял спокойно в нежном дурмане того легкого опьянения, какое всегда испытывал, насытившись из тела матери, он приметил в плетении травинки светлый, подвижный цветок. Нет, это не цветок, это опять бабочка. Бемби подкрался ближе.

Мотылек лениво повис на стебельке и тихонько двигал крылышками.

— Пожалуйста, посидите вот так! — попросил Бемби.

— Почему я должен сидеть? Я же бабочка! — удивленно отозвался мотылек.

— Ах, посидите хоть одну минуточку! — умолял Бемби. — Мне так хотелось увидеть вас вблизи. Окажите милость!..

— Ну, если вы так просите, — снисходительно сказала бабочка. — Только недолго.

— Как вы прекрасны! — восторгался Бемби. — Вы прекрасны, как цветок!

— Что? — Бабочка захлопала крылышками. — Как цветок? В нашем кругу принято считать, что мы красивее цветов.

Бемби смутился.

— Конечно... — пробормотал он. — Куда красивее. Извините, пожалуйста... Я только хотел сказать...

— Мне совершенно безразлично, что вы хотели сказать, — оборвал его мотылек.

Он кокетливо изгибал свое хилое тельце, изящно двигал усиками.

— Как вы прелестны! — восхищался Бемби. — Что за чудо эти белые крылья!

Мотылек расправил крылышки, затем плотно сложил их парусом.

— О! — воскликнул Бемби. — Теперь я вижу: вы куда красивее любого цветка! К тому же вы еще можете летать, а цветы не могут. Ведь они привязаны к одному месту.

— Хватит, — сказал мотылек. — Я действительно могу летать.

Он так легко вспорхнул, что Бемби не уловил момента взлета. Мотылек плавно и грациозно взмахивал белыми крылышками и вот уже парил в сиянии солнечного луча.

— Только по вашей просьбе просидел я так долго на одном месте, — сказал он, порхая вокруг Бемби, — но теперь я улетаю.

И все это было поляной...

В глубине леса хоронилось убежище, принадлежащее матери Бемби. Маленькая хижина, настолько тесная, что Бемби и его матери едва хватало места, настолько низенькая, что, когда мать стояла, голова ее упиралась в ветви, образующие потолок. Всего в нескольких шагах от хижины проходила оленья тропа, и все же хижину было очень трудно, почти невозможно обнаружить. Надо было знать особую примету, скрытую в кустарнике...

Густое плетение орешника, боярышника и бузины лишало хижину даже того скудного света, который проникал в лес сквозь кроны деревьев; ни один лучик солнца не достигал травяного пола хижины. Здесь, в этой хижине, появился на свет Бемби, здесь ему предстояло жить.

Сейчас усталая мать крепко спала. Бемби тоже было задремал, но вдруг проснулся, полный свежих жизненных сил. Он вскочил на ноги и огляделся. Хижина была погружена в тень, и можно было подумать, что уже наступили сумерки. Лес негромко шелестел. По-прежнему слышался слабый писк синицы, порой высокий хохот дятла или радостный крик вороны. Но все эти звуки тонули в большой тишине, объявшей полдневный мир. Если же хорошенько прислушаться, то можно было уловить, как в раскаленном зное кипит воздух. Источная духота наполняла хижину.

Бемби наклонился к матери:

— Ты спишь?

Нет, мать уже не спала. Она проснулась в тот самый миг, когда Бемби вскочил на ноги.

— А что мы сейчас будем делать? — спросил Бемби.

— Ничего, — ответила мать. — Нам нечего делать. Ложись спать.

Но спать Бемби совсем не хотелось.

— Пойде-ом, — завел он. — Пойдем на поляну.

Мать подняла голову:

— На поляну? Сейчас... на поляну?

Страх, звучавший в ее голосе, передался Бемби.

— Разве сейчас нельзя на поляну? — спросил он робко.

— Нет! — резко и твердо прозвучал ответ. — Нет, сейчас это невозможно.

— Почему? — Бемби чувствовал, что за этим скрывается что-то таинственное и грозное. Но вместе со страхом росло в нем желание знать все, до самого конца. — Почему мы не можем пойти на поляну?

— Ты все узнаешь, когда подрастешь.

— А я хочу сейчас, — не отставал Бемби.

— В свое время ты узнаешь, — повторила мать. — Ты еще маленький, а с детьми не говорят о таких вещах. Сейчас... на поляну!.. Как можно думать об этом?.. Среда бела дня...

— Но ведь мы уже были на поляне, — возразил Бемби.

— Это совсем другое дело, — сказала мать. — Мы были ранним утром.

— Разве только ранним утром можно ходить на поляну? Бемби был очень любопытен, но терпение не изменяло матери.

— Да, ранним утром, или поздно вечером, или ночью.

— И никогда днем? Никогда?..

Мать колебалась.

— Бывает, что некоторые из нас ходят туда и днем, — сказала она наконец. — Но я не могу тебе всего объяснить, ты слишком мал... Те, кто ходит туда, подвергают себя великой опасности.

— А что значит «великая опасность»?

Бемби был очень упрям, когда его что-либо интересовало.

— Вот теперь ты видишь сам, что тебе этого не понять, — уклонилась мать от ответа.

Бемби казалось, что он мог бы все понять, если б мать захотела ему объяснить как следует. Но он замолчал.

— Мы все любим день, — продолжала мать, — особенно в детстве. И все же днем мы должны затаиваться. Только с вечера до утра можем мы свободно гулять. Понимаешь?

— Да...

— Вот потому-то, дитя мое, мы и должны оставаться дома. Здесь мы в безопасности... А теперь ложись спать.

Но Бемби никак не мог уговориться.

— Почему здесь мы в безопасности? — спросил он.

— Потому что нас охраняют кусты, валежник и старые, прошлогодние листья, потому что в вышине несет свой дозор ласточка.

Все они наши друзья, в особенности старые, сухие листья, устилающие землю. Чужой может подкрасться, не потревожив кустарника, не хрустнув сучком валежника, он может обмануть даже зоркий глаз ласточки, но ему не обмануть старую, пожухлую, вялую и чуткую прошлогоднюю листву. Она тут же подаст нам знак сухим и громким шорохом. И мы задолго узнаем о приближении чужака.

— А что такое «прошлогодняя листва»? — осведомился Бемби.

— Поди сядь подле меня, — сказала мать. — Я расскажу тебе.

Бемби послушно уселся рядом с матерью, и та начала свой рассказ. Оказывается, деревья не всегда зеленеют и солнце не всегда льет с неба свое щедрое тепло. Наступает пора, когда солнечный свет слабеет и холод окутывает землю. Тогда листья теряют свою свежую зеленую окраску, желтеют, краснеют, буреют и медленно опадают. И лишившиеся своего наряда деревья, словно жалкие нищие, простирают к небу голые, обобранные ветви. Опавшая листва устилает землю и громко шуршит при каждом прикосновении. Попробуй-ка подкрасться незамеченным! О, эти добрые сухие листья — усердные и неусыпные стражи! Даже сейчас, среди лета, схоронившись под свежей травой, несут они свою верную службу...

Бемби прижался к матери, он забыл о поляне. Когда мать кончила рассказывать, он глубоко задумался. В нем пробудилась любовь к милым старым листьям, так прилежно творящим свою добрую работу, несмотря на то, что они увяли и давно утратили тепло жизни. Но что же такое, в конце концов, «опасность», о которой постоянно твердит мать? Раздумье утомило его. Кругом было тихо, лишь снаружи приглушенно кипел на жаре воздух. И Бемби уснул.

Однажды вечером Бемби вновь пришел с матерью на поляну. Он думал, что знает поляну вдоль и поперек, что он видел там все, что можно увидеть, слышал все, что можно услышать. Но оказалось, мир куда богаче и разнообразнее, нежели он себе представлял.

Вначале все было так же, как и в первый раз. Он долго играл с матерью в веселую игру «догонялку». Он самозабвенно носился по поляне, хмельной от воздуха, простора и небесной голубизны, как вдруг заметил, что мать остановилась. Бемби затормозил так круто, что все его четыре ноги разъехались в разные стороны, и ему пришлось высоко подпрыгнуть, чтобы снова собрать их под собой.

Судя по всему, мать с кем-то разговаривала, но высокие травы скрывали ее собеседника. Бемби подошел ближе. Рядом с матерью в метелках травы шевелились два уха, два больших серо-коричневых, разрисованных черными полосками уха. Бемби никогда не видел таких ушей и немного оробел, но мать сказала:

— Иди сюда. Это наш друг заяц. Подойди, не бойся и дай на себя посмотреть.

Бемби не заставил себя просить дважды. Он шагнул вперед и тут же увидел зайца. Его большие, похожие на ложки уши то вскидывались кверху, то вдруг падали, как будто от внезапного приступа слабости.

Бемби смутили усы зайца, торчащие во все стороны вокруг маленького рта прямыми, длинными стрелами. Но это не помешало ему заметить, что лицо у зайца симпатичное, с хорошим, открытым выражением и глядит он на мир двумя блестящими круглыми глазами. Нет, в дружелюбии зайца невозможно было усомниться.

— Добрый вечер, молодой человек,— приветствовал его заяц с изысканной любезностью.

Бемби только кивнул: «Добрый вечер». Он и сам не знал, почему он ограничился кивком — очень приветливым, очень учтивым, но все же чуточку снисходительным. Должно быть, это было у него врожденное.

— Что за прелестный юный принц! — сказал заяц.

Он разглядывал Бемби, ставя торчком то одно ухо, то другое, порой вскидывая их одновременно, порой бессильно роняя. Эта манера не понравилась Бемби, в ней было что-то нарочитое.

А заяц все рассматривал Бемби большими круглыми глазами. При этом его нос и рот с великолепными усами беспрестанно двигались, будто он превозмогал желание чихнуть. Бемби рассмехался. Тотчас засмеялся и заяц, лишь глаза его оставались задумчивыми.

— Поздравляю вас,— сказал он матери,— от всего сердца поздравляю с таким сыном. Да, да, да, это истинный принц... да, да, да, иначе его не назовешь...

Заяц выпрямился и, к немалому удивлению Бемби, уселся на задние ноги. Поставив уши торчком, он внимательно прислушался, затем опробовал воздух своим подвижным носом и снова чинно опустил на все четыре ноги.

— Мое почтение достойным господам,— сказал заяц.— У меня столько дел сегодня вечером! Покорнейше прошу извинить меня.

Он повернулся и поскакал прочь, тесно прижав уши, достигавшие ему до середины спины.

— До свиданья! — крикнул ему вдогонку Бемби.

Мать улыбнулась.

— Славный заяц!.. Такой милый и скромный. Ему тоже нелегко живется на свете.— В ее словах чувствовалась глубокая симпатия.

Пока мать обедала, Бемби пошел немного побродить. Он рассчитывал встретить кого-либо из старых знакомых и завязать новые знакомства. Не то чтобы он в этом особенно нуждался, но ему приятно было самое чувство ожидания. Вдруг до его слуха долетел какой-то шорох и словно бы негромкий топот. Он присмотрелся. Вдалеке, на опушке леса, что-то промелькнуло в траве. Какое-то существо... за ним второе. Бемби быстро оглянулся на мать. Но та, ничуть не тревожась, глубоко погрузила голову

в траву. А неизвестные существа бегали по кругу, точь-в-точь как проделывал это сам Бемби. Он был озадачен и невольно подался назад, словно намереваясь пуститься наутек. Мать заметила его волнение и подняла голову.

— Что с тобой? — крикнула она.

Но Бемби лишился дара речи, он мог только пролепетать:

— Там... там...

Мать проследила за его взглядом.

— Ах, вот оно что! Это моя кузина¹ Энна. Ну конечно же, у нее тоже маленький... нет, целых двое. — Мать говорила весело, но вдруг посерьезнела: — Надо же! У Энны двойня... В самом деле двойня.

Бемби глядел во все глаза. На поляне у опушки он обнаружил существо, очень похожее на его мать. Странно, что он его раньше не приметил. А в траве кто-то по-прежнему выписывал круги, но ничего не было видно, кроме двух рыженьких спинок, двух красноватых тоненьких полосок...

— Идем, — сказала мать. — Вот наконец подходящая для тебя компания.

Бемби охотно бы побежал, но мать выступала медленно, при каждом шаге осматриваясь по сторонам, и ему пришлось сдерживать шаг. Он был очень недоволен, он просто изнывал от нетерпения и любопытства.

Мать рассуждала вслух:

— Я была уверена, что мы встретим тетю Энну. «Где она пропадает?» — думала я. Конечно, я знала, что у нее тоже ребенок, об этом легко было догадаться. Но двойня!..

Энна наконец-то увидела кузину с племянником. Она подозвала детей и двинулась навстречу родичам.

Нужно было бы как следует приветствовать тетку, но Бемби ничего не замечал, кроме своих будущих товарищей.

— Ну, — сказала тетка, обратившись к Бемби, — вот это Гóбо, а это Фалина. Можешь с ними играть.

Три малыша стояли как вкопанные, не в силах отвести глаз друг от дружки. Гóбо — рядом с Фалиной, Бемби — напротив них. Стояли и смотрели во все глаза. Не шевелясь.

— Пусть их, — сказала мать. — Они сами разберутся.

— Прелестный ребенок! — сказала тетя Энна. — Крепкий, сильный, стройный!..

— Конечно, нам не на что жаловаться, — сказала польщенная мать. — Но у тебя двое, Энна!..

— Да, это так, это так! — подхватила Энна. — Ты же знаешь, дорогая, детьми я никогда не была обижена.

— Бемби мой первенец... — сказала мать.

— Видишь ли, — начала Энна, — раз на раз не приходится. Возможно, что в дальнейшем...

Дети все еще стояли неподвижно, тараща глаза. Ни один

¹ Кузина — двоюродная сестра.

не проронил ни слова. Внезапно Фалина подпрыгнула и кинулась в сторону. Ей надоело такое бессмысленное времяпрепровождение.

Бемби бросился за ней, Гобо последовал его примеру. Они гонялись друг за дружкой, носились взад и вперед, выписывая красивые полукружья. Это было замечательно! Когда же, немного утомленные и запыхавшиеся, они остановились, то уже не было сомнений, что знакомство состоялось. Они принялись болтать. Бемби рассказал о своих беседах с кузнечиком и бабочкой-белянкой.

— А с майским жуком ты разговаривал? — спросила Фалина.

Нет, с майским жуком Бемби не разговаривал. Он даже не был с ним знаком. По правде, Бемби в глаза его не видал.

— Я частенько с ним болтаю, — заметила Фалина чуточку свысока.

— А меня обругал ястреб! — сообщил Бемби.

— Не может быть! — поразился Гобо. — Неужели он тебя обругал? — Гобо вообще легко удивлялся. — А меня ежик уколол в нос, — заметил он, но так, между прочим: Гобо был очень скромн.

— Кто это — ежик? — заинтересовался Бемби. Приятно иметь таких осведомленных друзей.

— Еж — ужасное создание! — воскликнула Фалина. — Весь в иголках и такой злющий!

— Ты думаешь, он злой? — сказал Гобо. — Он же никому не делает ничего плохого.

— А разве он тебя не уколол? — быстро возразила Фалина.

— Ах, я сам приставал к нему с разговорами. Да и уколол-то он меня совсем не больно.

Бемби повернулся к Гобо:

— А почему он не хотел с тобой разговаривать?

— Он ни с кем не желает разговаривать, — вмешалась Фалина. — Когда к нему подходишь, он сворачивается в клубок и весь ошетиливается иголками. Наша мама говорит, что он вообще ни с кем не водится.

— Может быть, он просто боится? — скромно заметил Гобо. Но Фалина заявила решительно:

— Мама говорит, что от таких надо держаться подальше. Бемби спросил Гобо тихонько:

— А ты знаешь, что такое... опасность?

Все трое, разом посерьезнев, тесно сблизили головы.

Гобо задумался. Он и сам хотел бы понять, что такое опасность. Он видел, с каким нетерпением ждет его ответа Бемби.

— Опасность, — прошептал он, — опасность... это очень плохо.

— Я сам понимаю, что плохо, но... какая она?..

Все трое дрожали от страха.

Вдруг Фалина вскричала громко и весело:

— Опасность — это когда надо удирать! — и резво скакнула в сторону.

Ей надоело стоять и бояться неведь чего. Гобо и Бемби прыгнули за ней. И снова началось...

Они прятались, зарываясь в душистый шелк травы, кувыркались, дурачились и совсем забыли о том большом и грозном, что волновало их несколько минут назад. Наигравшись всласть, они снова стали болтать.

Их матери тоже не теряли времени даром: они пощипывали траву и вели дружескую беседу.

Но вот тетя Энна подняла голову и крикнула:

— Гобо, Фалина! Собирайтесь домой!..

Мать Бемби тоже позвала сына:

— Идем!.. Нам пора!..

— Еще немножечко! — бурно запротестовала Фалина. — Ну еще чуточку!

Бемби умолял мать:

— Побудем еще! Пожалуйста! Здесь так хорошо!

И Гобо повторял застенчиво:

— Так хорошо... еще чуточку!..

И тут случилось нечто, что было куда значительнее и важнее всего, что пережил Бемби в этот день. Из леса донесся грохочущий топот, от которого дрогнула земля. Затрещали сучья, зашумели ветви, и, прежде чем можно было наострить уши, это грозно грохочущее вынеслось из чащи, оставив там по себе треск, гул, свист. Словно ураган, промчались Двое по поляне звонкогремящим галопом и скрылись в чаще; но не прошло и минуты, как они вновь появились на том же месте, что и в первый раз, и замерли на фоне опушки, будто окаменели, шагах в двадцати друг от друга.

Бемби смотрел на них как зачарованный. Они были очень похожи на мать и тетю Энну, но голову каждого из них венчала ветвистая корона в коричневых бусинах и белых зубцах. Бемби безмолвно переводил взгляд с одного на другого. Один — поменьше ростом, и корона его скромнее, другой — величественно прекрасен. Он высоко и гордо нес голову, и бесконечно высоко возносились его рога. Переливчатый тон их колебался от совсем темного до белесого; они были усеяны множеством бусин и широко простирали свои сияющие белые отростки.

— О! — воскликнула Фалина восхищенно.

— О! — тихонько повторил Гобо.

Бемби молчал.

Но вот те Двое зашевелились, повернули в разные стороны и медленно направились к лесу. Величественный олень прошел совсем близко от детей. В покойной красоте прошествовал он, гордо неся царственную голову и никого не удостоив взглядом. Дети боялись дышать, пока он не скрылся в чаще. Они отважились обменяться взглядом лишь в тот момент, когда лес задержал свой зеленый полог за великолепным незнакомцем.

Фалина первая прервала молчание.

— Кто это был? — воскликнула она, и ее маленький дерзкий голосок дрожал.

Гобо повторил чуть слышно:

— Кто это был?

Бемби молчал.

Тетя Энна ответила торжественно:

— Это были отцы.

Больше ничего не было сказано, и родичи расстались. Тетя Энна с детьми сразу скрылась в ближнем кустарнике — там пролегал их путь. Бемби и его матери пришлось пересечь всю поляну, чтобы попасть к старому дубу, откуда начиналась их тропа. Бемби молчал очень долго. Наконец он спросил:

— Они нас видели?

— Да, они видят всё,— ответила мать.

Странное чувство владело Бемби: он и боялся спрашивать и не мог молчать.

— Почему они...— начал он и осекся.

Мать пришла к нему на помощь:

— Что ты хотел сказать, маленький?

— Почему они не остались с нами?

— Да, они не остались с нами,— ответила мать,— но настанет время...

— Почему они с нами не говорили? — перебил ее Бемби.

Мать ответила:

— Сейчас они с нами не говорят... но настанет время... Нужно терпеливо ждать, когда они придут, и нужно ждать, когда они заговорят. Все будет так, как они захотят.

— А мой отец будет со мной разговаривать? — замирая, спросил Бемби.

— Конечно, дитя мое. Когда ты подрастешь, он будет с тобой разговаривать. И порой тебе будет дозволено находиться при нем.

Бемби молча шел рядом с матерью, все его существо было потрясено встречей с отцом. «Как он прекрасен! — шептал он про себя. — Как дивно прекрасен!» И все думал о величественном олене.

Мать как будто угадала мысли сына:

— Если ты сохранишь жизнь, дитя мое, если ты будешь благо-разумен и сумеешь избежать опасности, ты будешь когда-нибудь так же силен и статен, как отец, и будешь носить такую же корону.

Бемби глубоко дышал. Его сердце заходило радостью, тре-вогой, надеждой...

Время шло, и каждый день приносил новые открытия, новые переживания. Подчас у Бемби голова шла кругом — столько ему нужно было познать, охватить.

Он научился вслушиваться. Не просто слышать то, что происходит вблизи и, можно сказать, само лезет в уши,— в этом нет ничего мудреного,— теперь он умел вслушиваться в те далекие, едва уловимые, легчайшие звуки, что приносит ветер. Ему стал ведом каждый лесной шорох. Он знал, к примеру, что где-то поодаль пробежал сквозь кустарник фазан; он сразу угадывал

его особый, лишь ему одному присущий шаг. Он узнавал по слуху летучих мышей, распарывающих ночное небо своим коротким, стремительным полетом. Узнавал мягкий топоток кротов, бегающих взапуски вокруг бузины. Он знал отважный, светлый призыв сокола и улавливал в нем сердитые нотки, когда орел или ястреб вторгались в его владения. Он знал воркованье лесных голубей, далекое, влекущее криканье уток и многое, многое другое...

Постепенно овладевал он и чутьем. Он научился втягивать ноздрями воздух, то глубоко, то маленькими порциями, будто смакуя каждую понюшку. Когда ветер прилетал с лужайки, он говорил себе: это клевер, это чайная ромашка, а где-то поблизости находится наш друг заяц. Он различал среди ароматов земли, листвы и пахучей смолы едкий запах прошмыгнувшего неподалеку хорька, узнавал, хорошенько принюхавшись к земле, что лиса вышла на охоту, или решал: приближаются наши родичи — тетя Энна с детьми.

Он сдружился с ночью, и его уже не соблазняли прогулки среди бела дня. Он охотно лежал днем в тесной, сумеречной хижине и дремал у теплого бока матери. Время от времени он просыпался, вслушивался и принюхивался, желая знать, что происходит вокруг. Все спокойно. Только маленькие синицы болтают между собой, да погуживают не умеющие молчать комары, и голуби не прекращают своей нежной воркотни. Что ему до всего этого? И он снова засыпал.

Ночь нравилась ему куда больше. Все бодрствует, живет, движется. Конечно, и ночью не следует забывать об осторожности, но это не идет ни в какое сравнение с днем. Можно свободно прогуливаться, встречая знакомых, которые тоже чувствуют себя куда беззаботнее, нежели днем. Ночь в лесу празднична и тиха. Правда, и в ночи звучат порой громкие голоса, но это особое дело.

Бемби уважал сову. Ее степенный полет был легок и беззвучен, как полет бабочки. У нее такое выразительное, осмысленное лицо и прекрасные глаза. Бемби удивлялся их твердому, спокойному и смелому взгляду. Он с удовольствием слушал ее разговор с матерью или с другими обитателями леса. Он стоял в сторонке, немного робея под твердо-повелительным взглядом совы, и не слишком разбирался в тех умных вещах, о которых шел разговор. Он только чувствовал, что вещи эти очень умны и значительны, и преисполнялся еще большим почтением к сове.

Вдруг сова затягивала песню. «Гха-а-а! Гха-а-а! Гха-ах!» — пела она. Это звучало совсем иначе, чем песня дрозда или иволги, иначе, чем дружелюбный переклик кукушек, но Бемби любил песню совы, чувствуя в ней влекущую таинственность, несказанную мудрость и загадочную грусть.

Еще имелся здесь сыч, небольшой занятный паренек. Хитрый, любопытный и очень тщеславный.

«У-ик! У-ик!» — кричит он пронзительным, надсадным, полным ужаса голосом. И кажется, будто он находится в смертельной опасности. Но это обман. Он приходит в отменное расположение

духа, радуется, как дитя, если ему удастся кого-нибудь испугать. «У-ик!» — кричит он так громко, что эхо еще с полчаса разносится по лесу. Сам же он в это время издает про себя смешливое воркованье, которое можно услышать, лишь находясь совсем близко от него.

Бемби вскоре догадался, что сыча радует, когда окружающие пугаются или же думают, что с ним самим стряслась беда. С тех пор Бемби не пропускал случая при встрече с сычом спросить с наигранным беспокойством:

— С вами ничего не случилось?

Или же, притворно трясясь от страха, сказать:

— Ах, как вы меня испугали!

Сыч приходил в восторг.

— Да, да,— посмеивался он,— мой голос звучит ужасно, невыносимо!

И он раздувал перья, отчего становился похожим на мягкий, коричневый шарик, что очень шло ему.

Несколько раз бывали грозы. Первый раз это произошло днем, и, по мере того как тьма окутывала их маленькую хижину, страх все сильнее охватывал Бемби. Казалось, будто ночь внезапно спустилась с неба в самый разгар дня. Когда же мощный порыв ветра, рыча, продул лес, сверкнула молния и грохнул раскат грома, Бемби чуть не лишился чувств: ему представилось, что мир вот-вот расколется на куски.

Другой раз гроза застала их в пути. Бемби бежал позади матери. Каждый удар грома словно сдувал его с дороги в кусты, каждый выскерк молнии возвращал назад. Бемби потерял над собой всякую власть. Лес казался вымершим, его обитатели прятались кто куда. Да и как было не прятаться, когда с каждого сучка, с каждой ветки бежал свой водопадик, когда деревья, кусты и травы были пропитаны водой и каждая вспышка молнии отражалась в тысячах капель и струй, будто лес на миг воспламенялся!

Но все имеет конец. Молнии пригасли, их огненные лучи не проникали больше сквозь кроны деревьев. Гром укатил вдаль. Некоторое время еще слышалось его неясное бормотание, затем и оно смолкло. Дождь проредился. Его равномерный шум звучал еще около часа. Сквозь него, сквозь мокрую листву засверкало солнце. Казалось, лес глубоко дышит, подставляя себя свежим, чистым, золотистым струям. И уж никто больше не прятался. Страх исчез, его вымыл дождь.

Никогда еще их приход на поляну не был так ко времени, как в этот вечер после грозы. Впрочем, до вечера еще было далеко. Солнце высоко стояло в небе, воздух был живительно свеж и благоухал ароматно и остро. Лес звенел на тысячи голосов, его обитатели повылазили из своих укрытий, хижин и тайников и спешили поделиться только что пережитым.

Чтобы попасть на поляну, Бемби и его матери нужно было обойти огромный старый дуб, переступивший своими толстыми,

узловатыми корнями их тропу. На суку сидела белочка. Она приветствовала мать и сына, как добрых знакомых.

Когда-то, при первой встрече, Бемби принял белочку из-за ее красненькой шкурки за очень маленького олененка. Но тогда он был еще совсем глупым и многого не понимал. Белочка ему очень понравилась. Общительная, приветливая, она отличалась прекрасными манерами, умела замечательно бегать, прыгать и кувыряться в ветвях дуба. Беседуя, она без усталости носилась вверх и вниз по гладкому стволу, словно это было сущим пустяком. А то усаживалась столбиком на качающейся ветке, опершись на свой пушистый хвост и выставив белую грудку, изящно помахивала лапками, склоняла головку с боку на бок и вмиг наговаривала множество интересных и шуточных вещей...

Вот и сейчас она молниеносно спустилась вниз такими невероятными прыжками, что можно было подумать, будто она кувырывается через голову. Размахивая пушистым хвостом, она кричала:

— Добрый вечер! Добрый вечер! Как мило, что вы пришли.

Мать и Бемби остановились. Белочка скользнула еще ниже по гладкому стволу.

— Ну,— принялась она болтать,— как вы перенесли грозу? Конечно, я вижу, что у вас все в порядке. В конце концов, это самое главное.— Она припустила по стволу вверх, приговаривая: — Нет, внизу слишком сыро. Подождите секунду, сейчас я найду себе местечко получше. Я вас не задерживаю?.. Благодарю вас! Можно прекрасно разговаривать и отсюда.

Бегая взад и вперед по ветке, она продолжала:

— Ну и беспорядок же творится! Шум, треск, скандал! Вы представить себе не можете, как я была испугана. Я забилась в уголок и сидела тихо-тихо, я боялась пошевелиться. «Ох, только бы пронесло!» — думала я. Правда, мое дерево — лучшая защита в мире, это я могу твердо сказать. Я-то ведь облазила все кругом, другого такого дерева не сыскать. И все-таки волнуешься ужасно!

Белочка уселась на свой великолепный хвост, показав белую грудку. Она прижимала к сердцу передние лапки, и нетрудно было представить, как сильно она переволновалась.

— Мы идем на лужайку обсушиваться,— сказала мать.

— О, это прекрасная мысль! — воскликнула белочка.— Вы так умны! Недаром я всегда утверждаю, что вы необыкновенно умны! — Одним прыжком она вскочила на верхнюю ветку.— Право, вы не можете придумать ничего лучшего, чем пойти сейчас на поляну.— Легким скачком она достигла вершины дуба.— Я тоже хочу наверх, к солнцу. Я насквозь промокла. Я хочу на самый-самый верх,— болтала она, не заботясь о том, слушают ее или нет.

На поляне было очень оживленно. Там находился и друг-приятель заяц со всей семьей, и тетя Энна со своими ребятишками стояла в кругу знакомых. На этот раз Бемби снова увидел отцов. Они медленно вышли из леса с двух сторон, а потом появился и третий. Затем, сохраняя расстояние, они так же медленно двинулись вдоль опушки. Они ни на кого не обращали внимания

и даже друг с другом не разговаривали. Бемби следил за ними с почтительным восхищением...

Потом он болтал с Гобо, Фалиной и еще двумя знакомыми оленятами. Он предложил поиграть. Остальные охотно согласились, и они принялись кружить по поляне. Фалина была самой неугомонной из всех. Свежая, ловкая, неистощимая на выдумки. А вот Гобо вскоре утомился. Гроза вызвала у него сердцебиение, и сейчас это сердцебиение возобновилось. Гобо вообще был слабенький, но Бемби любил его за добрый нрав и неизменную благожелательность. Гобо, правда, был всегда немного грустен, но старался не показывать этого...

Пришло время, когда Бемби узнал вкус молодых побегов, мягких метелочек, сладкой каши. И теперь, когда он принимал к матери, чтобы немного освежиться, она нередко гнала его прочь.

— Ты уже не маленький,— говорила она, а иной раз добавляла: — Уйди, оставь меня в покое.

Случалось даже, что мать покидала хижину, несколько не забываясь о том, следует ли за ней Бемби. И во время прогулок она совсем не обращала на него внимания.

Однажды мать и вовсе исчезла. Бемби не понимал, как это произошло, как мог он не заметить ее ухода. Но матери не было. Впервые Бемби остался один.

Сперва он только удивился, потом его охватило беспокойство, быстро перешедшее в страх, а затем лишь глубокая, безнадежная тоска. Долго звучал его потерянный, печальный зов, но никто не откликался, никто не шел.

Тщетно прятал он уши, напрасно внюхивался. Никого. И он снова звал, совсем тихо, чуть слышно, с робкой мольбой:

— Мама!.. Мама!..

Охваченный отчаянием, он побрел, сам не зная куда. Вначале он шел по знакомой тропе, останавливался и звал мать и снова шел неуверенным, колеблющимся шагом, несчастный, покинутый Бемби. Он шел все дальше и дальше по уже незнакомым нехоженым тропам и наконец оказался в каком-то неведомом, до боли чужом месте.

И тут он услышал два детских голоса, вызвавших совсем на его лад:

— Мама!.. Мама!..

Бемби прислушался. Кажется, это Гобо и Фалина. Ну конечно же, это они. Быстро побежал он на голоса и вскоре увидел две красненькие шубки, просвечивающие сквозь листву. Гобо и Фалина! Они стояли под бузиной, тесно прижавшись друг к другу.

— Мама!..— кричали они.— Мама!..

Они обрадовались, услышав шорох в кустах, но это был всего-навсего Бемби, и дети не могли скрыть разочарования.

Но все же они немножечко обрадовались ему. А Бемби. — тот был рад по-настоящему: он уже больше не одинок.

— Моя мама ушла, — сказал Бемби.

— Наша мама тоже ушла! — жалобно отозвался Гобо. Подавленные, смотрели они друг на друга.

— Куда же они девались? — сказал Бемби, и в голосе его чувствовались слезы.

— Я не знаю, — вздохнул Гобо. У него опять началось сердцебиение, он совсем ослаб.

Неожиданно Фалина сказала:

— Я думаю... они у отцов.

Гобо и Бемби посмотрели на нее озадаченно. Это почему-то испугало их.

— Ты полагаешь?.. — спросил Бемби, дрожа.

Фалина тоже струхнула, но держалась так, будто ей было известно больше, нежели она может сказать. Она и сама не знала, почему ей пришлось в голову, что мамы находятся у отцов, но на вопрос Бемби сказала с умной и значительной миной:

— Да, я совершенно уверена.

Предположение Фалины заслуживало того, чтобы над ним поразмыслить, но Бемби не мог ни о чем думать, ему было слишком тоскливо. Он пошел прочь, Фалина и Гобо поплелись за ним. Все трое громко звали:

— Мама!.. Мама!..

Но вот Гобо и Фалина остановились. Дальше они не пойдут. Фалина сказала:

— Зачем? Мама знает, где мы, она сразу отыщет нас, как только вернется.

Но Бемби не мог стоять на месте. Он пробрался сквозь чащу, вышел на маленькую лесную прогалину и вдруг замер...

Там, на другом конце прогалины, в зарослях орешника стояло неведомое, небывалое существо. От него тянуло незнакомым, резким запахом, чужим, тяжким, сводящим с ума.

Бемби был не в силах отвести глаз от незнакомца. Тот стоял удивительно прямо, на двух ногах, тонкий и узкий, у него было белесое лицо, совсем голое вокруг глаз и носа, отвратительно голое. Несказанным, холодным ужасом веяло от этого лица, но и странной, повелительной силой. Бемби не мог оторвать от него взгляда.

Незнакомец долго оставался недвижимым. Затем он поднял верхнюю ногу, расположенную так близко от лица, что Бемби сначала даже не заметил ее. Но сейчас он вдруг увидел эту странную ногу, простертую в воздухе, и одного этого движения незнакомца было достаточно, чтобы Бемби сдунуло в сторону, как пушинку.

Он и сам не заметил, как оказался в чаще. Откуда-то возникла мать и помчалась с ним рядом. Они мчались бок о бок сквозь кусты и валежник, мчались изо всех сил. Мать вела по одной ей ведомой тропе. Они сдержали шаг лишь у порога своей хижины.

— Ты видел?..— тихо спросила мать.

Бемби не мог ответить, у него сперло дыхание. Он лишь кивнул головой.

— Это был... Он! — сказала мать.

И обоих пронизала дрожь...

Теперь Бемби все чаще приходилось оставаться одному, но он уже не испытывал прежнего страха. Мать исчезала, он мог звать ее сколько душе угодно, она все равно не приходила. Но неожиданно она появлялась и снова была с ним, как прежде.

Однажды ночью, вновь покинутый, Бемби одиноко бродил по лесу. Тьма уже проредилась в близости рассвета, на серо-сизом фоне неба зыбко обрисовались верхушки деревьев. Что-то зашуршало в кустах, шорох прокатился по листве, все ближе, ближе и вдруг обернулся матерью. Она была не одна. Кто был этот второй, Бемби не сумел разглядеть, но мать он узнал сразу, хотя она лишь на краткий миг мелькнула мимо него и с громким криком унеслась прочь. Все сжалось в Бемби — так непонятны были ему и этот странный галоп сквозь кусты, и этот ликующий, но с оттенком страха крик матери.

Еще более удивительный случай произошел с ним однажды днем. Он долго плутал по лесу без цели и смысла. Не выбирая дороги, он сворачивал то влево, то вправо, то возвращался назад, то снова брел вперед. А затем в какой-то момент он остановился и звонким отчаянным голосом стал звать маму. Не то чтобы он испугался — он просто не мог больше оставаться один, ему не под силу стало одиночество. И вдруг рядом с ним оказался один из отцов. Бемби не слышал его приближения и сильно стухнул. Этот старый олень был самым мощным из всех виденных Бемби, самым рослым и горделивым. Шуба его полыхала ярко-красным пламенем, от лица исходило серебристо-серое мерцание, развесистые, в темных буграх рога высоко возносились над чутко прядающими ушами.

Он смерил Бемби суровым взглядом.

— Чего ты кричишь? — произнес он. — Ты что же, не можешь быть один? Стыдись!

Бемби хотел сказать, что ему уже не раз приходилось оставаться одному, что он привык быть один, но язык словно прилип к гортани. Жгучий стыд охватил все его маленькое существо. А старый олень повернулся и вмиг исчез, будто провалился сквозь землю. Это было невероятно: как ни прислушивался Бемби, его слух не уловил ни топота копыт, ни хотя бы слабого шороха потревоженного кустарника. Бемби обнюхивал воздух — никого. Он вздохнул облегченно, и все же он бы много дал, чтоб еще раз увидеться со старым оленем и снискать его расположение.

Бемби ни слова не сказал матери об этой встрече. Но теперь он уже не кричал, не звал ее, когда она исчезала. Бродя в одиночестве, он страстно мечтал о встрече со старым оленем. Он бы ска-

зал ему: «Видишь, я больше не боюсь». И тогда старый олень, может, похвалил бы его.

Но с Гобо и Фалиной Бемби поделился своей тайной. Друзья слушали его затаив дыхание. Это действительно необычная встреча, у них в жизни не случалось ничего подобного.

— Ты, наверно, здорово испугался? — сочувственно сказал Гобо.

Еще бы! Конечно, Бемби испугался, но совсем немножечко.

— Я бы на твоём месте умер от страха! — признался Гобо.

Нет, большого страха Бемби не испытывал: старый олень держался так сердечно.

— Это немного ободряет меня, — сказал Гобо. — Мне кажется, я бы не смел поднять на него взгляд. Когда мне страшно, у меня все расплывается в глазах, а сердце колотится так сильно, что я задыхаюсь.

Фалину рассказ Бемби заставил глубоко задуматься, но она сохранила свои мысли про себя.

Когда им снова довелось встретиться, Гобо и Фалина бросились к Бемби со всех ног. Они, как и Бемби, опять были одни.

— Мы тебя все время ищем! — воскликнул Гобо.

— Да, — важно подтвердила Фалина. — Мы знаем теперь, с кем ты встретился.

Бемби подскочил:

— С кем?..

Фалина чуть помолчала, затем сказала значительно:

— Это был Старейший.

— Откуда ты знаешь?..

— От нашей матери, — заявила Фалина.

Бемби изумился:

— Вы рассказали ей мою историю?

Оба кивнули.

— Но это же тайна! — возмущенно воскликнул Бемби.

Гобо тут же принялся извиняться:

— Я ни при чем, это все Фалина...

Но Фалина вскричала весело:

— Ах, что тайна! Мне хотелось знать, кто это был! Теперь мы знаем, и так гораздо интересней!

С этим Бемби не мог не согласиться. Фалина охотно удовлетворила его любопытство.

Это самый благородный из всех оленей. Он — старейший. Ему нет равного. Никто не знает, сколько ему лет, есть ли у него близкие. Лишь немногим посчастливилось видеть его хоть раз. Нередко по лесу проходит молва, что он умер, — так долго отсутствует он порой. Но затем он покажется на миг, и таким образом все узнают, что он жив. Никто не осмеливается спросить, где он пропадал, — ведь он ни с кем не разговаривает, и никто не решится заговорить с ним первым. Его пути никому не ведомы, но знают, что он исходил лес до самых дальних далей. Он презирует опасность. Бывает, олени борются друг с другом, иногда играючи, иногда

всерьез, но с ним никто не вступал в единоборство с незапамятных времен. Из его давних соперников ни один не остался в живых. Он великий боец.

Бемби охотно простил Фалине и Гобо, что они проболтались о его тайне, иначе он никогда не узнал бы столько важных вещей. Но хорошо, что Гобо и Фалине известно не все. Так, они не знают, что Старейший сказал Бемби: «Ты не можешь быть один? Стыдись!» Да, Бемби поступил правильно, умолчав об этом: ведь Гобо и Фалина все равно проболтались бы, и он стал бы посмешищем всего леса.

В эту ночь, когда взошел месяц, вернулась мать. Нежданно появилась она у высокой сосны. Она тихо стояла там и смотрела на Бемби. Он кинулся к ней. Эта ночь принесла Бемби новое переживание.

Мать вернулась усталой и голодной, и они сократили свою обычную прогулку. Они пошли на поляну. Мать стала пощипывать влажную, прохладную ночную траву. Потом они оба принялись за молодые побеги и за этим занятием незаметно углубились в лес. Нежданно и грозно зашумели кусты. Прежде чем Бемби что-нибудь сообразил, мать закричала в смятении и страхе.

— А-о-о! — кричала она. — А-о-о!

Из-за кустов в ровном и сильном шуме, словно гигантские призраки, выступили какие-то невиданные существа. Они походили и на мать, и на тетю Энну, и на других сородичей Бемби, но были такого богатырского роста, что Бемби пришлось сильно задрать голову, чтобы целиком охватить их. И тогда Бемби тоже вдруг закричал во все горло:

— А-о-о!.. Ба-о-о! — Он не понимал, почему кричит, но не кричать не мог.

Процессия медленно прошествовала мимо. Три, четыре богатыря друг за другом. Напоследок появился еще один. Он был еще выше, еще мощнее, с его шеи спускалась густая грива, а голову венчало целое дерево. Что-то клокотало, рвалось в груди у Бемби, так жутко на душе у него еще не было. Это не было страхом, но никогда еще не казался он себе таким маленьким и ничтожным. Даже мать и та как-то жалко умалилась в его представлении. Стыдясь своего странного чувства, он трубил:

— Ба-а-о-о! Ба-о-о!

Крик приносил некоторое облегчение.

Процессия скрылась из виду. Стало тихо. Лишь Бемби время от времени издавал короткий трубный звук.

— Да успокойся же, — сказала мать, — они ушли.

— О мама! — пролепетал Бемби. — Кто они такие?

— Ах, это совсем не так опасно, — сказала мать. — Это лоси, наши родичи... Да, они велики и благородны, еще благороднее нас.

— И они не опасны? — спросил Бемби.

— По-моему, нет, — ответила мать. — Об этом говорят разное, но стоит ли придавать значение слухам? Мне и моим знакомым они не сделали ничего худого.

— А почему они должны делать нам худое? — размышлял вслух Бемби.— Ведь они наши родственники.

— Да ничего они нам не сделают,— сказала мать. И после короткого молчания добавила: — Я сама не знаю, почему их появление так пугает. Я теряю над собой всякую власть. И так всегда...

Разговор заставил Бемби задуматься. Как раз в эту минуту в ветвях ольхи появился сыч и, по свойственной ему привычке, оповестил о себе душераздирающим воплем. Но Бемби был так погружен в свои мысли, что, вопреки обыкновению, забыл испугаться. Сыч слетел на нижнюю ветку и осведомился:

— Я вас, наверно, испугал?

— Конечно,— ответил Бемби.— Вы меня всегда пугаете. Сыч тихонько засмеялся.

— Надеюсь, вы на меня не в обиде? — сказал он.— Такая уж у меня повадка!

Он раздулся, став похожим на шарик, погрузил клюв в пушистые грудные перышки и сделал удивительно милое и серьезное лицо.

— Знаете,— доверительно сказал Бемби,— совсем недавно я испугался куда сильнее.

— Что-о? — произнес сыч недовольно.

Бемби рассказал ему о своей встрече с могучими родичами.

— Ох уж эти родственники! — проворчал сыч.— У меня тоже полно родственников. Стоит мне только показаться днем, как от них отбою нет. А есть ли на свете что-либо столь же ненужное, как родственники? Ведь если они знатнее вас, вам нечего с ними делать, а если нет, то и подавно. Первых мы терпеть не можем за гордость, вторых — за ничтожество. Словом, от родственников лучше держаться подальше.

— Но... я совсем не знаю своих родичей,— робко сказал Бемби.

— Не заботьтесь об этой публике,— прохрипел сыч.— Поверьте мне,— для вящей убедительности сыч закатил глаза,— поверьте доброму совету. Родственники не стоят друзей. Вот мы с вами просто добрые знакомые, и это так приятно для нас обоих.

Бемби хотел было вставить слово, но сыч ему не дал:

— Вы еще так молоды, доверьтесь моему опыту. Я понимаю толк в этих вещах. Впрочем, мне не просто вмешиваться в ваши семейные отношения.

Он глубокомысленно закатил глаза, и лицо его стало таким отрешенным и значительным, что Бемби не отважился возражать...

Однажды случилось страшное...

Утро этого дня выдалось свежее и росистое, на небе ни облачка. Кажется, сильнее обычного благоухал освеженный влагой ночи кустарник, и поляна широкими волнами слала во все концы свои пряные запахи.

— Пи-и! — сказали синицы, проснувшись.

Сказали совсем тихо, ведь по земле еще стелился сероватый сумрак. Снова надолго воцарилась тишина. Затем откуда-то сверху прозвучали резкие, гортанные голоса ворон. Тотчас откликнулась сорока:

— Ча-ча-га-ра! Уж не думает ли кто, что я сплю?

И тут на множество ладов защебетали сотни тоненьких голосов:

— Пиу, пиу, тью, тюить, тюить, тью!

В этом гомоне еще чувствовались и сон и сумерки, но с каждой минутой он звучал все свежее и радостнее.

Но вот прилетел черный дрозд и уселся на верхушке бука. Он выбрал самую высокую веточку, тоненькую и остро прорезавшую голубоватый воздух, и, оглядев простор поверх деревьев, увидел на востоке палево-серое, будто усталое, небо, зацветающее молодой зарей. И дрозд начал свою приветственную песнь. Он был лишь чуть темнее веточки, на которой сидел, его маленькое черное тельце напоминало увядший листок, но его песня ликующим гимном разливалась над проснувшимся лесом. Все ожило. Забили зяблики, зашелкали малиновки и щеглы. Громко хлопая крыльями, голуби перелетали с ветки на ветку. Орала фазаны, словно у них разрывалось горло. С тугим и мягким шорохом слетали они с деревьев, служивших им для ночлега, и, разорвав гортань металлическим воплем, начинали тихо ворковать. Высоко в небе воинственно и ликующе зывали соколы:

— Йя-йя-йя!..

Взошло солнце.

— Дью, дью! — звонко пропела иволга.

Она летала меж ветвей взад и вперед, и ее желтенькое кругленькое тельце сверкало в лучах золотой пулькой.

Бемби вышел из-за старого дуба на поляну. Она сверкала росой, благоухала влажной травой, землей и цветами. В ней ощущался трепет бесчисленных жизней.

Много знакомых собралось сейчас на поляне. Там сидел друг-приятель заяц и, казалось, раздумывал о каких-то важных вещах. Не спеша прогуливался благородный фазан; он поклевывал в траве и порой сторожко озирался, его изумрудное горло сверкало на солнце.

А почти рядом с Бемби стояли незнакомый молодой олень. Впервые в жизни оказался Бемби так близко от взрослого оленя. Чуть заслоненный кустами бузины, стоял он недвижимо против Бемби. Бемби тоже замер.

А что, если олень совсем выйдет из кустов — посмеет ли Бемби заговорить с ним?

Надо посоветоваться с матерью. Бемби оглянулся, но мать была далеко, она разговаривала с тетей Энной. Бемби не двигался, он переживал мучительные сомнения. Чтобы попасть к матери, он должен был пройти мимо молодого оленя. Бемби нахсдил это неприличным.

«Ах,— думал он,— зачем мне спрашивать маму! Ведь говорил же со мной Старейший, а я и словечком не обмолвился маме. Попробую сам заговорить с молодым оленем. Пусть все увидят, как я с ним разговариваю. Я скажу: «С добрым утром, господин!» Не может же он рассердиться на это. А если рассердится, я удеру...»

И все же Бемби продолжал колебаться.

Но вот молодой олень выступил из-за кустов бузины.

«Сейчас я скажу ему...» — подумал Бемби.

И тут ударил гром.

Бемби весь сжался, не понимая, что случилось. Он видел только, что молодой олень высоко подпрыгнул и кинулся в чащу. Он пронесся совсем близко от Бемби...

Бемби растерянно озираясь. Страшный раскат грома еще звучал в его теле. Он видел, как мать, тетя Энна, Гобо и Фалина кинулись к лесу, как после короткого замешательства поскакал туда же друг-приятель заяц и вдогон ему, высоко задирая голенастые ноги, помчался фазан. Ощутил он и мгновенную цепенящую тишину, охватившую поляну и лес, подобрался и прыгнул в чащу.

Бемби не сделал и трех прыжков, как наткнулся на молодого оленя, простертого на земле. Широкая рваная рана зияла на его плече, из раны струилась кровь.

— Не останавливайся! — услышал он рядом с собой. Это была мать.— Беги! — кричала она.— Беги что есть силы!

Отчаянный зов матери сорвал Бемби с места, он устремился вперед.

— Что это было, мама? — спросил он на бегу.— Что это было?

И, задохнувшись, мать ответила:

— Это был... Он!..

Наконец они остановились в изнеможении.

— Что вы сказали? Я прошу повторить, что вы сказали! — донесся сверху голосок.

Бемби поднял голову и увидел спускающуюся по ветвям белочку.

— Я следовала за вами! — кричала она.— Нет, это ужасно!

— Вы были при этом? — спросила мать.

— Само собой разумеется! — ответила белочка.— Я до сих пор вся дрожу!

Она уселась столбиком, опершись на свой пушистый хвост и выставив узенькую белую грудку; передние лапки она прижала к груди, словно клятвенно подтверждающая истинность своих слов:

— Я вне себя, я потрясена до глубины души!

— Это непостижимо! — сказала мать.— Никто из нас не видел Его.

— Ну! — горячо вскричала белочка.— Вы ошибаетесь, я заметила Его давным-давно!

— Я тоже! — прокричал другой голос.

Это была сорока, она подлетела и опустилась на ветку.

— Я тоже! — раздалось где-то еще выше: там на сучке сидела сойка.

А с верхушек деревьев мрачно прокаркали две вороны:
— Мы тоже видели Его!

Так говорили лесные обитатели, напуганные и обозленные.

— Я приложила огромные усилия,— говорила белочка, клятвою прижимая к груди лапки,— да, огромные усилия, чтобы предупредить бедного юношу.

— И я,— присоединилась сойка,— я кричала ему, но он не хотел меня слушать.

— Меня он тоже не послушал,— затараторила сорока.— А я ли не кричала, я ли не старалась! Я уже хотела подлететь к нему, но тут-то как раз все и случилось.

— Мой голос громче, чем у вас всех, вместе взятых, и я кричала во всю мочь,— горько сказала ворона,— но их высочество обращают слишком мало внимания на таких, как мы.

— Действительно, слишком мало,— подтвердила белочка.

— Мы сделали что могли,— забисерила сорока,— и если случилось несчастье, то нас ни в чем нельзя обвинить.

— Такой красивый юноша! — сокрушенно сказала белочка.— В самом расцвете лет!..

— Гха! — проскрипела сойка.— Был бы он не таким заносчивым и побольше слушал бы нас...

— Да он вовсе не заносчивый,— возразила белочка.— Не более, чем другие принцы из его рода.

— И столь же глуп! — засмеялась сойка.

— Ты сама глупа! — закричала ворона сверху.— Всему лесу известна твоя глупость!

— Я? — остолбенело повторила сойка.— Я глупа? Первый раз слышу! Быть может, немного забывчива, но глупа — это невероятно!

— Как вам угодно,— сказала ворона со вздохом.— Забудьте все, что я сказала. Но одно запомните: принц погиб не потому, что был глуп или заносчив, а потому, что никто не может противостоять Ему!

— Гха! — скрипнула сойка.— Не выношу подобных разговоров! — И улетела.

Ворона продолжала:

— И в моем клане Он уничтожил многих. Он убивает, когда захочет. И ничто не может помочь нам...

— Мы все должны быть настороже,— заметила сорока.

— Разумеется,— печально согласилась ворона.— До свиданья. Она полетела прочь, а вслед за ней и вся воронья стая. Бемби огляделся. Матери не было рядом.

«О чем они говорили? — думал Бемби.— Кто такой Он, о котором они твердят? Не тот ли Он, которого я встретил однажды на прогалине? Но ведь меня-то Он не убил?..»

И тут Бемби представился молодой олень, лежащий в луже собственной крови. Мертвый, недвижимый...

А лес снова разливался на тысячи голосов, и солнце пронизывало его прямыми, широкими лучами. Всюду царил свет, благоухала листва, вверху звенел клич сокола, внизу рассыпался хохот дятла, будто ничего и не случилось. Но все это не радовало Бемби: что-то темное наваливалось на душу. Он не понимал, как могут другие быть беззаботны и веселы. Ведь жизнь так трудна и опасна! Укрыться бы в лесной глухомани, в потайном, никому не доступном убежище, и скоротать там жизнь тихо и неприметно. Зачем ему поляна со всеми своими радостями, если за них приходится так жестоко расплачиваться?..

Что-то зашуршало в кустах. Бемби быстро обернулся: перед ним стоял Старейший.

Бемби сжался, готовый обратиться в бегство. Старый олень глядел на него своими огромными, глубокими, пронзительными глазами:

— Ты был при этом?

— Да,— сдавленно проговорил Бемби: его сердце билось почти у самого горла.

— Где твоя мать? — спросил Старейший.

— Я не знаю,— грустно ответил Бемби.

Старейший сверлил его своим взглядом:

— И ты не зовешь ее?

Бемби взглянул на полную достоинства мерцающую серебром голову, на венчающую ее царственную корону, и сердце его вдруг исполнилось мужества.

— Я могу быть один,— сказал он.

Старейший некоторое время держал его на прицеле своих удивительных глаз, затем чуть мягче спросил:

— Ты тот самый малыш, который плакал, оставшись без матери?

Бемби смутился, но сразу овладел собой:

— Да, это я.

Старейший смотрел на него молча, но Бемби почудилась ласка в глубине его взгляда.

— Ты выбрал меня тогда, Старейший! — воскликнул он порывисто.— Ведь я боялся оставаться один. А теперь я не боюсь больше!

Тот смотрел все так же испытующе, но Бемби показалось, что он чуть приметно улыбнулся.

— Что случилось сегодня? — осмелев, сказал Бемби.— Кто такой этот Он, о котором все говорят?..— Бемби осекся под взглядом оленя, сверкнувшим темным огнем.

Старейший смотрел мимо Бемби, вдаль, затем медленно проговорил:

— Умей слушать, умей чутать, умей смотреть. Умей сам познавать жизнь.— Он поднял венчанную голову.— Будь счастлив.— И, не прибавив ни слова, исчез...

Бемби остался один, и ему снова взгрустнулось, но тут в ушах его прозвучали прощальные слова Старейшего:

«Будь счастлив!..»

И незнакомое чувство гордости вошло ему в душу. Да, жизнь трудна и полна опасностей, но что бы ни ждало его впереди, он не боится жизни.

Бемби не спеша углубился в лес...

Со старого дуба, преграждавшего выход на поляну, медленно кружась, слетел лист. И с других деревьев то раздумчиво-плавно, то стремительно ввинчиваясь в воздух, облетали красные, желтые, в мрамористых разводах листья.

День за днем, день за днем...

Высоко над остальными ветвями, достигая чуть ли не середины поляны, простирался могучий сук старого дуба. На самом его конце, чуть покачиваясь на ослабевших черенках, два листка вели тихий разговор.

— Как все изменилось! — сказал один лист другому.

— Да, — подтвердил другой. — Многие ушли сегодня ночью. Кажется, мы последние остались на нашем суку.

— Никто не ведает, когда придет к нему конец, — сказал первый. — Помнишь, еще было тепло и ясно светило солнышко, и вдруг порыв ветра или хлест ливня неожиданно-негаданно приносили гибель многим из нас, молодым и крепким. Разве знаешь, близок ли, далек ли твой конец?

— Сейчас солнце светит так редко, — вздохнул второй. — И свет его не прибавляет сил.

— Правда ли, — сказал первый, — правда ли, что, когда мы опадём, наше место займут другие листья, а за ними еще другие, и так без конца?

— Правда, — прошептал второй лист. — Но не стоит думать об этом, это выше нашего понимания.

— И от этого становится так грустно... — добавил первый. Они помолчали, затем первый, словно про себя, сказал:

— Но почему же мы должны опадеть?

Другой спросил:

— А что будет с нами, когда мы опадём?

— Мы окажемся внизу.

— А что там, внизу?

— Не знаю, — отвечал первый. — Одни говорят одно, другие — другое. Разве узнаешь, где правда?

Они вновь помолчали, затем второй спросил:

— А там, внизу, мы будем что-нибудь чувствовать, сознавать.

— Кто может это сказать? Ни один не вернулся оттуда...

И снова наступило молчание. Затем первый лист с нежностью сказал:

— Не грусти так. Ты весь трепещешь.

— Ах нет! Я только чуть-чуть подрагиваю. Но ведь не чувствуешь себя так прочно, как прежде...

— Оставим этот разговор, — сказал первый лист.

— Что ж, оставим. Но о чем же нам тогда говорить?

Он умолк, затем проговорил тихо:

— И наш час близок... Чей же раньше наступит черед?..

— Не будем об этом,— сказал первый лист.— Давай лучше вспомним, как хорошо, как удивительно хорошо было нам раньше! Помнишь, как грело солнце, как бурлили в нас соки жизни? Помнишь? А живительная роса в утренние часы? А мягкие, чудесные ночи?..

— Сейчас ночи ужасны,— заметил второй.— И длятся бесконечно.

— Мы не должны жаловаться,— сказал первый лист,— ведь мы всех пережили.

— Я правда очень изменился? — жалобно спросил второй лист.

— Нисколько! — убежденно сказал первый.— Ты нисколько не изменился. Это я пожелтел и сморщился, а ты — ты все такой же красавец.

— Ах, оставь! — прервал второй.

— Нет, правда! — пылко воскликнул первый.— Ты красив, как в первый день. А маленькие желтые прожилочки, еле-еле приметные, очень тебе идут. Уж поверь мне!

— Спасибо тебе,— растроганно прошептал второй.— Я тебе не верю... не совсем верю... Но спасибо за твою доброту. Ты всегда был добр ко мне! Я только сейчас понял, какой ты добрый.

— Замолчи! — сказал первый и замолчал сам, потому что боль его была слишком сильна.

Так, в молчании, прошли часы.

Порыв мокрого ветра просквозил лес.

— Ах, вот оно!..— проговорил второй лист.— Я...— Он потерял голос и, мягко оторвавшись от сука, полетел вниз.

Настала зима.

Мир неузнаваемо изменился. И нелегко было Бемби приспособиться к этому изменившемуся миру. На смену прежнему богатству пришла нищета. Бемби считал чем-то само собой разумеющимся, что его окружали избыток и довольство, что он никогда не знал недостатка в еде, что спал он в прекрасной, убранной зеленью хижине и разгуливал в красивой, гладенькой красной шубке. Но теперь все стало по-иному...

Правда, перемена шла постепенно и поначалу даже радовала Бемби. Он с удовольствием наблюдал, как густой белый туман, по утрам окутывающий поляну, медленно таял с первыми лучами солнца и уносился в чуть голубеющее рассветное небо. Ему нравился иней, заботливо украшавший своей колючей бахромкой все веточки и травинки. С острым волнением прислушивался Бемби к реву своих могучих родичей, северных богатырей. Весь лес содрогался от громовых кличей высокородных. Сладкий трепет охватывал сердце Бемби. «Как все огромно, величественно у высокородных! — думал он.— Их короны под стать развесистым деревьям, их голоса могут поспорить с громом». Заслышав очеред-

ной клич, он замирал в неподвижности. Властное желание звучало в том кличе, неистовая тоска, гневное, гордое нетерпение.

И в какой-то момент страх охватывал Бемби. Против воли эти голоса подавляли его. И хотя он гордился своей благородной родней, их недоступность вызывала в нем раздражение. Он чувствовал себя оскорбленным, униженным, сам не отдавая себе отчета почему. Нет, он никогда не станет искать с ними близости.

Когда же миновала пора любви высокородных и замолк громовой раскат их призывов, Бемби стал замечать и другие вещи. Бродя ночью по лесу или лежа в своей хижине, он слышал немолчный шорох опадающих листьев. Шуршало, шелестело, потрескивало во всех уголках леса. Нежный серебристый звон беспрестанно изливался с верхушек деревьев на землю. Было удивительно приятно слышать его, просыпаясь, и так хорошо было засыпать под это таинственное, чудесное перешептывание!

Теперь листва покрывала всю землю и при каждом шаге громко хрустала. Весело было расшвыривать ее ногами в разные стороны. Листва шелестела: «Ш-ш-ш-ш!» — нежно, светло, серебристо. Чуткий шорох листвы был не только приятен — он приносил немалую пользу. В эти дни не к чему стало напрягать чутые и слух. Зачем внюхиваться, вслушиваться, если листва издали предупреждает о всяком подозрительном движении в лесу. «Ш-ш-ш! — сухо и звонко шуршат опавшие листья. — Попробуй кто подкрасться незамеченным!»

Но вот зарядил дождь. С раннего утра и до позднего вечера лил он не переставая; всю ночь напролет шумел и шумел он до самого утра и после короткой передышки вновь принимался лить с освеженной силой. Воздух был пропитан влагой, во всем лесу не осталось ни одного сухого местечка. При каждой попытке ущипнуть травку рот мгновенно наполнялся водой, и стоило лишь слегка потереть кустик, чтоб потоки воды залили глаза и нос.

Теперь Бемби изведаль, как мучительно день и ночь находиться во власти студеной воды. Он, правда, еще не мерз по-настоящему, но он тосковал по теплу и жалко трясся в своей насквозь промокшей шубке.

Листва уже больше не шуршала. Она лежала на земле, мягкая и тяжелая, спрессованная дождем и потерявшая свою чуткость.

А затем задул северный ветер, и Бемби узнал, что такое мороз. Как ни прижимайся к матери, ничто не защитит тебя от стужи. Прежде так приятно было лежать в тесноте хижины, чувствуя живое материнское тепло с одного бока, но сейчас это тепло не сообщалось телу, пронизанному ледяной ознобью.

Ветер дул деном и ночью. Казалось, в бешеной злобе хочет он вырвать с корнем лес и унести его прочь или, растрепав в воздухе, уничтожить. Деревья скрипели в могучем противоборстве, они стойко сопротивлялись яростному натиску. Слышался их стонущий треск, слышались громкие выстрелы лопающихся сучьев, слышался яростный грохот сломанного ствола большого дерева и горестный всхлип, вырвавшийся из всех ран его разбитого,

умирающего тела. Затем не стало слышно ничего, кроме ветра: его угрюмый вой заглушал все остальные звуки.

Тут-то и пришла нужда. Ветер и дождь чисто сделали свое дело. Ни одного листочка не сохранилось на кустах и деревьях. Лесные исполины стояли нагие, обобранные и жалобно простирали к небу свои голые коричневые ветви-руки. Трава на лужайке пожухла и стала такой низенькой, будто вросла назад в землю. Голой и бесприютной выглядела хижина. С тех пор как исчезли ее зеленые стены, там уже нельзя было чувствовать себя так надежно, как прежде, к тому же со всех сторон пронзительно дуло...

Однажды утром молоденькая сорока летела над лужайкой. Что-то белое, прохладное упало ей на глаза светлой и легкой вуалькой, еще и еще, и вот мириады белых, мягких, сверкающих хлопьев зареяли вокруг нее. Сорока захлопала крыльями и взмыла вверх. Тщетно. Мягкие, прохладные хлопья слепили ей глаза и здесь. Она еще набрала высоту.

— Не трудитесь понапрасну, дорогая! — крикнула ей ворона, летевшая в том же направлении. — Вам не уйти от этих хлопьев. Это снег.

— Снег? — удивленно повторила сорока, борясь с метелью.

— Ну да, — сказала ворона. — Сейчас зима, и это снег.

— Простите, — сказала сорока, — я только в мае вышла из гнезда. Я не знаю, что такое зима.

— Бывает, — заметила ворона. — Но ничего, вы еще узнаете!..

«Раз это снег, — подумала сорока, — мне лучше присесть».

И она опустилась на ветку ольхи. Ворона полетела дальше.

Бемби вначале обрадовался снегу. Когда падали белые звездочки, воздух становился тих и мягок, а простор казался обновленным и радостным. Стоило проглянуть солнышку, как белое покрывало земли загоралось яркими блестками; оно так сияло и сверкало, что болели глаза.

Но вскоре Бемби перестал радоваться снегу. Приходилось долго разгребать его, чтобы отыскать хоть несколько травинок. Сухой снег больно кололся, и надо было внимательно следить за тем, чтобы не поранить ноги. С Гобо так и случилось. Но Гобо вообще был такой беспомощный, за ним нужен был глаз да глаз...

Теперь они почти все время проводили вместе. Тетя Энна что ни день приходила в гости со своими ребятами. В их кругу появилась и Марена, юная девушка, почти ребенок. Но кто действительно умел оживлять беседу, так это старая тетя Неттла. Она была личностью крайне своеобразной и обо всем имела особое мнение.

— Нет, — говорила она, — детьми я сыта по горло. С меня довольно этих шуток.

— Но почему? — спрашивала Фалина. — Разве это шутки?

И тетя Неттла, притворяясь рассерженной, отвечала резко:

— Да, и притом злые...

Все были крайне предупредительны друг к другу. Сидя в кругу, взрослые вели нескончаемые разговоры. Это очень расширяло ребячий кругозор.

Иногда к ним присоединялся то один, то другой из принцев. Вначале это вызывало некоторую натянутость, потому что дети робели, но затем они привыкли, и беседы обрели прежнюю непринужденность. Бемби восхищался принцем Ронно, очень видным господином, а молодого, прекрасного собой Каруса он любил самозабвенно. Они сбросили свои короны, и Бемби с любопытством рассматривал обозначившиеся на головах принцев округлые блестящие бугорки, усеянные черными точками. Это выглядело так изысканно!

Было необычайно интересно, когда принцы рассказывали о себе. У Ронно на левой ноге бугрился толстый, заросший мехом нарост. Ронно немного прихрамывал на левую ногу и находил нужным время от времени указывать на этот свой недостаток.

— Вы, конечно, заметили, что я прихрамываю?

Все спешили уверить его, что это совсем не заметно. Ронно только того и хотелось. Но хромота его и в самом деле была еле приметна.

— Да, — начинал Ронно, — я спасся лишь чудом...

И Ронно рассказывал, как Он застал его однажды врасплох и метнул в него огонь. Но Он попал только в ногу. Треснула кость, боль была нестерпимая. Превозмогая боль, Ронно кинулся бежать на трех ногах. Он бежал все дальше и дальше, без передышки, потому что чувствовал, что его преследуют. Он бежал до наступления темноты и только тогда дал себе отдых. А наутро он снова пустился в бегство. Почувствовав себя наконец в безопасности, он схоронился в укромном тайнике и здесь терпеливо ждал, пока не затянулась рана. Лишь тогда покинул он свое убежище, и весь лес признал его героем. Он, правда, прихрамывает, но ведь это почти незаметно. Так ему, во всяком случае, кажется...

О чем бы ни говорили во время этих вечерних сборищ, кончалось все разговором о Нем. О том, как ужасен Его облик — никто не смеет взглянуть Ему в лицо, — о возбуждающем, едком запахе, который Он несет с собой.

Бемби тоже мог бы кое-что порассказать об этом, но он был слишком хорошо воспитан, чтобы вмешиваться в беседу взрослых. Этот загадочный запах имеет тысячи оттенков, и все же его узнаешь мгновенно по тому ужасу, который он несет в себе.

Говорили о том, что для ходьбы Он пользуется только двумя ногами, и поражались удивительной силе и ловкости Его рук. Но тетя Неттла придерживалась особого мнения:

— По-моему, в этом нет ничего особенного. Белочка делает передними лапками все, что ей нужно, и любая маленькая мышка продвигает такие же фокусы. — Она победоносно откинула голову.

— Ого! — дружно вскричали остальные и дали понять тете Неттле, что это совсем не одно и то же.

Но тетя Неттла не сдавалась.

— А сокол? — воскликнула она. — А сарыч? А сова? У них всего-то по две ноги, и, когда им надо чего-нибудь взять — так, кажется, это у них называется, — они преспокойно стоят на одной-единственной ноге, а действуют другой. Это куда труднее, и Ему нипочем так не сделать!

Тетя Неттла отнюдь не была склонна чему-либо удивляться в Нем: она ненавидела его от всего сердца.

— Он отвратителен! — говорила она и твердо стояла на том.

Ей и не думали возражать — едва ли кто из присутствующих находил Его симпатичным.

Дело запуталось, когда речь зашла о том, что у Него есть еще и третья рука.

— Старая басня! — отрезала тетя Неттла. — Никогда я этому не поверю!

— Да? — вмешался Ронно. — А скажите на милость, чем же Он раздробил мне ногу?

— Это твое дело, дорогой мой, — беззаботно ответила тетя Неттла, — мне-то Он ничего не раздробил.

Тетя Энна сказала:

— Я многое повидала на своем веку и думаю, что разговоры о третьей руке не лишены основания.

Юный Карус заметил вежливо:

— Я присоединяюсь к вам. Дело в том, что я знаком с одной вороной... — Карус замаялся и обвел взглядом присутствующих — не смеются ли над ним, — но, увидев внимание на лицах слушателей, успокоился и продолжал: — Ворона чрезвычайно сведуща...

Я позволю себе это заметить... удивительно сведуща. И она говорит, что Он в самом деле пользуется третьей рукой, хотя и не всегда. Третья рука, говорит ворона, очень злая. Она не растет у Него из тела, как две другие, Он носит ее за плечом. Ворона утверждает, что всегда может заранее сказать, опасен Он или нет. Если Он приходит без третьей руки, Его нечего опасаться...

Тетя Неттла засмеялась:

— Твоя ворона чрезвычайно глупа, дорогой Карус, можешь мне поверить. Будь у нее хоть какой-то умишко, она бы знала, что Он всегда опасен.

Но с ней не согласились.

Мать Бемби сказала:

— Все же среди Них попадаются и такие, что не опасны. Это как-то сразу чувствуется.

— Ах, вот что! — усмехнулась тетя Неттла. — И, конечно, ты спокойно ждешь, когда Он приблизится, чтоб сказать ему: добрый вечер!

— Нет, — мягко ответила мать, — я все-таки убегаю...

Неожиданно Фалина воскликнула:

— Нужно всегда удирать!

Все засмеялись. Но постепенно веселье, вызванное выходкой Фалины, стихло. Оленям казалось, будто что-то мрачное, давящее, душное нависло над ними. Ведь как ни называй это — третьей ли рукой, или как-то иначе, — гибель не заговоришь словом. Не многие сталкивались с Ним вплотную, большинство знало о Его повадках лишь понаслышке. Вот Он стоит вдалеке, недвижно, и вдруг что-то такое происходит, раздается громкий треск, подобный удару грома, вылетает огонь. Это чья-то смерть.

Олени тесно прижались друг к другу, всей слабостью сердца ощущая ту темную власть, которая безраздельно господствовала над ними. Жадно внимали они рассказам, полным ужаса и крови. События недавних дней перемежались с преданиями далекой старины, ибо Он был всегда и всегда нес с собой смерть, и каждый невольно думал, чем бы умиловить Его, как избежать Его роковой власти.

— Как же так получается, — сказал вдруг Карус, — что Он убивает на расстоянии?

— А ты бы спросил свою умную ворону, — усмехнулась тетя Неттла.

— Я уж спрашивал, она сама не знает...

— Кстати, Он убивает и ворон на деревьях, когда захочет, — заметил Ронно.

— И фазанов в воздухе, — вставила тетя Энна.

Мать Бемби сказала:

— Он швыряет свою руку. Так мне говорила моя бабушка.

— Да? — усомнилась тетя Неттла. — А что же это такое, что так громко хлопает?

— Когда он бросает свою руку, — пояснила мать Бемби, — вспыхивает огонь и ударяет гром. Он весь состоит из огня.

— Простите, — сказал Ронно, — то, что он весь из огня, конечно, верно, но насчет руки вы заблуждаетесь. Рукой нельзя нанести такую рану, какую вы видите. Это скорее зуб. Он мечет в нас зуб. Понимаете — зуб, это многое объясняет. Мы же знаем, что бывают смертельные укусы.

Юный Карус глубоко вздохнул:

— Он никогда не перестанет нас преследовать!

Тогда заговорила Марена, девушка, почти ребенок:

— Говорят, в один прекрасный день Он придет к нам и будет так же добр, как мы. Он будет с нами играть. Весь лес станет счастливым, наступит всеобщее примирение.

— Нет уж! — со смехом воскликнула тетя Неттла. — Пускай лучше Он будет сам по себе, а нас оставит в покое.

Тетя Энна сказала:

— Но... так тоже нельзя говорить...

— Почему же? — возразила тетя Неттла. — Я Ему ни на грош не верю. Помилуйте! С тех пор как мы себя помним, Он убивает нас: наших сестер, братьев, матерей. С тех пор как существует мир, нет для нас покоя. Он убивает нас всегда, когда увидит, а мы должны с Ним мириться? Какая чепуха!

Марена обвела всех большими глазами, источающими спокойный, ясный свет:

— Всеобщее примирение — не чепуха, оно должно когда-нибудь наступить.

Тетя Неттла отвернулась.

— Пойду-ка поищу чего-нибудь поесть,— сказала она ворчливо и покинула общество.

Зима продолжалась. Порой непогодь стихала ненадолго, опять валил снег, наметывая огромные, непролазные сугробы. Когда же пригревало солнце, снег подтаивал. Ночью его прихватывало морозом, на поверхности застывала тонкая ледяная корочка. Стоило поскользнуться, и корочка трескалась, острые ее края больно ранили нежные суставы ног.

Последние дни стоял трескучий мороз. Ядреный, звенящий воздух был чист и прозрачен. Но в притихшем, будто очарованном лесу вершились страшные, кровавые дела.

Ворона напала на маленького больного сына зайца и заклевала его насмерть. Долго звучал в лесу его тонкий, страдающий голосок. Друг-приятель заяц находился в это время в пути, и, когда до него дошло печальное известие, он едва не лишился рассудка.

В другой раз куница разорвала белочке горло. Белочка вырвалась из ее цепких когтей, взобралась на дерево и, как одержимая, стала кататься по ветвям. Иногда она вдруг садилась, в отчаянии подымала передние лапки, обхватывала бедную свою голову, и красная кровь струилась по белой грудке. Внезапно она сжалась, хрустнули сучья, и белочка упала в снег. Тотчас к тушке слетелись сороки и принялись за свое мрачное пиршество.

А вскоре после этого лиса разорвала красивого, сильного фазана, которого любил и уважал весь лес.

Весть о его гибели разнеслась далеко окрест, вызвав всеобщее сожаление и горячее сочувствие к безутешной вдове. Лиса выкопала фазана из-под снега, где он перемогал зиму в полной уверенности, что он надежно укрыт. Теперь уж никто не мог считать себя в безопасности, коль такое случалось среди бела дня. Нужда, которой не предвиделось конца, породила ожесточение и грубость. Нужда усыпляла совесть, пресекала добрые побуждения, разрушала хорошие обычаи, убивала жалость.

— Даже не верится, что когда-нибудь будет лучше! — вздыхала мать Бемби.

И тетя Энна вздыхала тоже:

— Не верится, что когда-нибудь было лучше.

— О нет! — возражала Марена, задумчиво глядя в какую-то ей одной ведомую даль.— Я постоянно думаю о том, как хорошо было прежде...

— Послушайте,— обратилась тетя Неттла к тете Энне, кивнув на Гобо.— Что это ваш мальчик дрожит? Он всегда так дрожит?

— К сожалению, да,— огорченно сказала тетя Энна.— Уже с давних пор.

— О! — сказала тетя Неттла со своей обычной прямотой.— Будь он моим ребенком, я бы сильно опасалась, что он не дотянет до весны.

С Гобо в самом деле обстояло неважно. Он был такой хрупкий — куда слабее Бемби и Фалины и сильно отстал от них в росте. Теперь ему с каждым днем становилось все хуже. Гобо не мог добывать пищу из-под снега: это причиняло ему боль. И он совсем обессилел от голода, холода и лишений. Он беспрерывно дрожал и стал ко всему безучастен.

Тетя Неттла подошла к Гобо и дружелюбно толкнула его в бок:

— Ну, не вешать нос! Это вредно и совсем не идет маленькому принцу! — Она отвернулась, чтоб скрыть волнение.

Вдруг Ронно, сидевший неподалеку, вскочил:

— Я не знаю... что это?..— пробормотал он, озираясь. Все насторожились.

— Что случилось?..

— Я не знаю, ничего не знаю,— повторил Ронно.— Но мне беспокойно... вдруг мне стало беспокойно... Что-то такое происходит...

Карус втянул воздух:

— Я ничего не чувствую.

Оба стояли, наострив уши и глубоко втягивали ноздрями воздух.

— Ничего... вроде ничего...— проговорили они.

— И все же,— убежденно произнес Ронно,— вам меня не раз убедить... что-то такое происходит...

Марена сказала:

— Кричали вороны...

— Они снова кричат! — быстро добавила Фалина.

Теперь и остальные услышали вороний карк.

— Вон они летят! — воскликнул Карус.

Все дружно подняли головы. Высоко над кронами деревьев летела воронья стая. Они летели с окраины леса, с того последнего рубежа, откуда всегда приходила опасность. Вороны сердито переговаривались.

— Ну что, разве я неправ? — сказал Ронно.— Сразу видно — что-то надвигается.

— Что же делать? — испуганно прошептала мать Бемби.

— Бежать! — воскликнула тетя Энна.

— Ждать,— убежденно сказал Ронно.

— С детьми? — переспросила тетя Энна.— Ждать, когда Гобо еле передвигает ноги?

— Ну хорошо,— подумав, сказал Ронно,— уходите. По-моему, это бессмысленно, но я не хочу, чтобы меня потом упрекали.

— Идем, Гобо! Фалина, идем! — И тетя Энна вместе со своими детьми двинулась вперед.

Остальные остались на месте. Они стояли тихо, прислушиваясь и дрожа общей дрожью.

— Только этого не доставало ко всему, что нам пришлось пережить! — сказала тетя Неттла.

Сорочий таратор послышался в той же стороне леса, откуда прилетели вороны.

— Внимание!.. Внимание!.. Внимание!.. — трещали они.

Их еще не было видно, но отчетливо слышался предостерегающий, вразной, вперевив крик:

— Вни-вни-вни-ма-ние!..

Но вот сороки показались. Перелетая с дерева на дерево, носились они взад и вперед испуганно и неутомимо.

— Гха-х! — вскричала сойка и громко прокричала знакомый всем сигнал тревоги.

Внезапно олени тесно сбились в кучу.

То был Он!

Волна невыносимого запаха плыла сквозь чащу, дурманила голову, ужасом холодила сердце.

Взбудораженный лес наполнился движением, щебетом, писком. В ветвях шныряли синицы — сотни маленьких пушистых комочков — и пищали изо всех силенок.

— Вперед! Вперед!

С паническим криком пронесся черный дятел. Сквозь темную сетку обнаженного кустарника было видно, как на снегу метались узкие, длинные тени. То были фазаны. Посреди них мелькало что-то красное, вероятно лиса. Но никто теперь не боялся ее. Тяжкий, невыносимый запах тек сквозь лес, примиряя всех его обитателей в общем страхе, в общем стремлении спастись во что бы то ни стало.

Этот таинственный, давящий запах пронизывал лес с такой неслыханной, небывалой силой, что все поняли: на этот раз Он не один, Он идет с себе подобными.

Не двигаясь, смотрели олени на встрепанных, растерянных синиц и дроздов, на белок, отчаянно скачущих со ствола на ствол, и думали, что всем этим малюткам, в сущности, нечего бояться. И все же олени понимали их: ведь и эти малютки чувляли Его, а ни одно лесное существо не может вынести Его приближение...

Вот прискакал друг-приятель заяц, на миг остановился и поспешно заскакал дальше.

— Что там происходит? — крикнул ему вдогон Карус.

Друг заяц присел, но лишь повел глазами, говорить он не мог.

— К чему спрашивать? — сумрачно проговорил Ронно.

Друг заяц глотнул воздуха.

— Мы окружены, — прошептал он беззвучно. — Выхода нет. Всюду Он!

И в этот же миг все услышали Его голос. Десять, двадцать, тридцать раз подряд Он прокричал:

— Хо-хо-хо-хо! Ха-ха-ха-ха!..

Это звучало сокрушительно, как буря или ураган. Он колотил по стволам деревьев, заставляя их громко стонать. Это было ужасно. Шорох и свист раздвигаемых кустов, стон деревьев, гром и треск ломаемых сучьев сопровождал каждый Его шаг.

Он шел сюда, в самую чашу.

Там, откуда Он шел, слышались короткие свистящие трели, всхлопы широких крыльев — это поднялся фазан. Секунду или две было слышно, как набирает он высоту, и тут раздался резкий удар грома. Тишина. Затем глухой удар о землю.

— Он убит, — трепеща, сказала мать Бемби.

— Первая жертва, — добавил Ронно.

Марена, юная девушка, почти ребенок, сказала:

— В этот час погибнут многие из нас. И я буду среди них.

Но сейчас было не до нее, над всем господствовал страх.

Бемби пытался понять происходящее, но все нарастающий шум путал его мысли. Гремело, свистело, трещало, громыхало со всех сторон, и в этом сумбуре звуков Бемби слышал, как бьется его сердце.

Время от времени мать говорила ему: «Будь подле меня». Она говорила громко, почти кричала, но в окружающем гуле казалось, что она шепчет.

Это «будь подле меня» давало Бемби какую-то опору. Слова матери приковывали его будто цепью, иначе бы он давно кинулся наутек. Но всякий раз, когда он терял над собой власть, слышал он эти слова.

Бемби осмотрелся. Вот проскочила пара ласок: две узенькие, извивающиеся полоски, едва уловимые глазом. Еж жадно прислушивался к каждой новости, которую, запинаясь, сообщил ему вконец отчаявшийся заяц. Вертелась лиса в суতোлке мелькающих фазанов. Они не обращали на нее никакого внимания, сновали под самым ее носом, но и лисе было не до них. Вытянув шею, насторожив уши, она всю работала носом, пытаясь что-нибудь понять во всей этой суматохе. Рыжим пушистым хвостом она часто колотила себя по ногам.

Торопливо подбежал фазан. Он выскочил из самого пекла и был вне себя.

— Только не подниматься! — кричал он своим. — Только не подниматься! Бежать, бежать и бежать!

Он без конца твердил одно и то же, будто хотел убедить самого себя, но едва ли сознавал, что говорит.

— Хо-хо-хо!.. Ха-ха-ха!.. — прозвучало совсем рядом.

— Только не подниматься! — крикнул фазан и тут же, с громким треском расправив крылья, взлетел.

Бемби следил, как прямо и круто взмыл он меж деревьев, шурша крыльями, мерцая синим и коричневым в золото глянец своего роскошного убора, чудесного, как драгоценность. Шлейф его длинных хвостовых перьев гордо распространился по воздуху. Резко прозвучал короткий удар грома. Фазан сложился, перевернулся через голову, будто желая ухватить клювом собствен-

ные ноги, и тяжело рухнул наземь. Он упал посреди фазаньей сутолоки и больше не двигался.

Пять или шесть фазанов одновременно поднялись в воздух, громко шурша крыльями.

— Не подниматься! — кричали остальные, бросившись врассыпную.

Гром ударил пять или шесть раз, и взлетевшие фазаны бездыханными упали на землю.

— Теперь идем! — сказала мать.

Бемби обернулся. Ронно и Карус уже ушли. Исчезла и тетя Неттла. Лишь одна Марена осталась с ними. Они двинулись вперед: Бемби рядом с матерью, позади скромно выступала Марена.

Бушевало, ревело, трещало, гремело со всех сторон. Мать оставалась спокойной. Она, правда, не могла унять дрожь, но сохраняла ясный разум.

— Бемби, дитя мое, — говорила она, — об одном прошу: держись все время возле меня. Мы отсюда выберемся, только не надо торопиться.

А канонада все нарастала. Десять-двенадцать раз подряд прогремел гром, который Он извлекал из своих рук.

— Спокойно, — повторяла мать. — Только не бежать. Когда мы найдем лаз, тогда беги, изо всех сил. И помни, дитя мое: ты не должен обращать внимания на меня. Что бы ни случилось со мной... даже если я упаду... помни одно: бежать, бежать изо всех сил!

Мать расчетливо, шаг за шагом, продвигалась вперед, не обращая внимания на то, что творилось вокруг.

Взад и вперед носились фазаны, с размаху зарывались в снег, тут же выскакивали и мчались дальше. Вычерчивая зигзаги, прискакала вся зайчиная семья, присела и враз, дружно заскакала дальше.

Никто не произносил ни слова. Измученные страхом, оглушенные непрерывными раскатами грома, лесные обитатели словно утратили разум.

Лес немного проредился, и впереди, в плетении кустарника, засияла светлая щель. А позади, приближаясь с каждой секундой, раздавался барабанный постук по стволам деревьев, треск ломаемых сучьев, раскатистое «Хо-хо-хо! Ха-ха-ха!..».

Дорогу оленям перескочил друг-приятель заяц с двумя сородичами. Бум-та-ра-рах! — прогремел гром. Бемби увидел, как заяц на бегу перекувырнулся, показав светлое брюшко, и остался лежать. Он дернулся раз, другой и затих. Бемби в страхе остановился.

Но тут раздался чей-то крик:

— Они идут!.. Прочь отсюда!.. Скорее прочь!..

Громкий шорох широко распластанных крыльев, свист, рыдание, шелест оперенья — это всей стаей поднялись фазаны. А громовые удары рвали воздух в клочья. Было слышно, как глухо шлепались

на землю сбитые птицы, как отряхивались те из них, кому удалось спастись.

И вдруг Бемби услышал чью-то незнакомую поступь и оглянулся. То был Он. Он возникал из всех кустов, ближних и дальних. Отовсюду, куда ни кинешь взгляд, круша все на своем пути, барабания по стволам деревьев, ломая кустарник, со всех сторон надвигался Он.

— Пора! — сказала мать. — Вперед! Не прижимайся ко мне, держись чуть поодаль.

Одним прыжком достигла она лаза и, взметнув столб снега, выскочила наружу. Бемби ринулся следом. Гром гремел над самой его головой; казалось, раскалывалось небо. Ничего не видя перед собой, Бемби мчался вперед. Лишь одно неистовое желание владело им: выбраться из этого грохота и чадного дурмана, спастись, спастись во что бы то ни стало, иного не было в его сердце. Он бежал. На какой-то миг Бемби привиделось, будто мать упала, но, возможно, это только показалось ему. Пелена застилала глаза. Гонимый страхом, мчался он вперед, мчался без памяти, без чувств, без разума...

Но вот он миновал пустое пространство, и другая чаша приняла его в свои объятия. Позади еще звучали крики, гремели выстрелы и в ветвях что-то пересыпалось, будто начинался град. Затем все стихло.

На снегу лежал умирающий фазан со свернутой шеей, крылья его слегка трепыхались. Услышав шаги Бемби, он чуть дернулся и прошептал:

— Вот и все...

Не обратив на него внимания, Бемби пробежал мимо. Вскоре, запутавшись в густом валежнике, он вынужден был сдержать шаг. Нетерпеливо принялся он нащупывать тропу и вдруг услышал:

— Бемби!

Бемби круто остановился. Голос принадлежал кому-то из его племени.

Снова прозвучало:

— Бемби?.. Это ты?..

В стороне от тропы по самую шею увяз в снегу Гобо. Видно, он совсем выбился из сил и уже не пытался стать на ноги.

Охваченный горячей жалостью, Бемби кинулся к своему другу.

— Где твоя мама, Гобо? — спросил он задохнувшись. — Где Фалина? — Бемби говорил быстро, возбужденно, нетерпеливо, страх все еще стучал в его сердце.

— Мама и Фалина побежали дальше, — покорно ответил Гобо. — Я упал, и они вынуждены были оставить меня здесь. Я не могу идти дальше, но ты должен бежать. — Он говорил тихо, но серьезно и рассудительно, как взрослый.

— Вставай! — крикнул Бемби. — Вставай, Гобо! Ты довольно отдохнул. Вставай! Идем со мной!

— Нет, оставь меня, — тихо сказал Гобо. — Я не могу подняться,

у меня нет сил. Правда, Бемби. Я бы охотно исполнил твоё желание, но я не могу.

— Что же с тобой будет? — с тоской спросил Бемби.

— Не знаю. Наверно, я умру,— просто сказал Гобо.

И тут снова слышались выстрелы и крики. Бемби весь подобрался. Что-то затрещало в заросли, затопало по снегу и вдруг обернулось юным Карусом. Заметив Бемби, Карус крикнул на бегу:

— Вперед! Не останавливаться! Кто может — вперед!

Он исчез, но его стремительный бег повлек Бемби за собой. Бемби даже не сознавал, что бежит, и прошло какое-то время, прежде чем он, не оборачиваясь назад, крикнул:

— Прощай, Гобо!

Но он был слишком далеко, чтобы Гобо мог его услышать.

До самого вечера носился Бемби по гремящему, грохочущему лесу.

Лишь с наступлением темноты все утихло. Легкий ветерок выдул прочь отвратительный запах, успевший проникнуть в самые укромные уголки леса. Первым, кого встретил Бемби, был Ронно. Он хромал сильнее обычного.

— У подножия большой сосны,— принялся рассказывать Ронно,— лежит лисица в предсмертной агонии. Я только что проходил мимо. Ужасно видеть её мучения. Она прогрызла снег и сейчас проглотит землю...

— Вы не видели мою маму? — спросил Бемби.

— Нет,— испуганно ответил Ронно и тут же отошел.

Уже поздней ночью Бемби повстречал тетю Неттлу с Фалиной. То-то была радость!

— Вы не видели мою маму? — спросил Бемби.

— Нет,— ответила Фалина.— Я даже не знаю, где моя собственная мама!

— Вот те раз! — весело сказала тетя Неттла.— Я, кажется, получила неожиданный подарок! Я-го радовалась, что мне никогда больше не придется иметь дело с детьми, и вдруг у меня на шее сразу двое! Премного благодарна!

Бемби и Фалина засмеялись.

Потом разговор зашел о Гобо. Бемби рассказал, в каком положении застал его, и обоим стало грустно, глаза их наполнились слезами. Но тетя Неттла не дала им поплакать.

— Прежде всего мы должны позаботиться о еде. Это же неслыханно — за целый день у нас не было маковой росинки во рту!

Тетя Неттла повела ребят к кустарнику, на котором еще сохранились пожухлые, полусохшие листья. Сама она не прикасалась к еде — она хотела, чтобы Фалина и Бемби хорошенько поели. Затем она потащила их на другое место, где из-под снега торчали кусточки травы. «Вот здесь хорошо... Нет, вот здесь лучше...»

Иногда тетя Неттла принималась ворчать:

— Чужие дети! Какой вздор! Вечно ты, Неттла, попадаешь в глупейшие истории!..

Вдруг все они увидели тетю Энну и кинулись ей навстречу. Фалина вне себя от радости высоко подпрыгивала, напевая:

— Мапочка!.. Мапочка!..

— Тетя Энна! — кричал Бемби.

Но тетя Энна плакала, она казалась до смерти измученной.

— Пропал Гобо! — рыдала она. — Я была на том месте, где мы его оставили, — там пусто. Нет его, нет моего маленького Гобо!

Тетя Неттла пробормотала:

— Ты бы посмотрела, куда ведут следы. Это лучше, чем плакать.

— Там нет следов моего сыночка, — отозвалась тетя Энна. — Но Он оставил множество следов... там, где лежал Гобо.

Наступило молчание, и тогда Бемби с глубоким унынием спросил:

— Тетя Энна... ты не видела мою маму?

— Нет... — тихо ответила Энна.

Бемби никогда больше не видал своей матери...

Луга давно расцвели. Зазеленели кусты и деревья, но ново-рожденные листочки были совсем крошечные. Озаренные нежным светом раннего утра, свежие, будто улыбающиеся, они напоминали детей, только что пробудившихся от сна.

Стоя перед кустом орешника, Бемби терся своей молодой короной о ствол. Это было необычайно приятно! Кроме того, это было необходимо, потому что луб и мех еще обволакивали его рога. Конечно, этот некрасивый чехол и так отпал бы в конце концов, но тому, кто любит порядок, лучше самому позаботиться о себе. И Бемби так старательно чистил свою корону, что лубяная оболочка рвалась в клочья и длинными лохмотьями свешивалась ему на уши.

И в какой-то миг, наддав орешник рогами, Бемби почувствовал, что его корона крепче ствола орешника. Это ощущение наполнило его гордостью и силой. Все яростнее насккивал он на орешник, срывая с него лоскуты коры. Обнажившееся белое тело дерева быстро покрывалось на воздухе красным налетом ржавчины. Но Бемби не жалел дерево, напротив — свежие раны орешника еще сильнее возбуждали его. Вскоре и окружающие орешник кусты бузины покрылись глубокими метинами...

— Ну, еще немного — и все будет в порядке, — произнес рядом с Бемби чей-то юный голосок.

Бемби вскинул голову и увидел белочку, с дружеским вниманием следившую за его работой.

— Тья-ха! — резко и коротко хохотнул кто-то в вышине.

Бемби и белочка не успели испугаться, как из чащобы дубовых ветвей прозвучал голос дятла:

— Извините, пожалуйста... Я не могу удержаться от смеха, когда вижу такое!..

— Что, собственно, вас так рассмешило? — вежливо спросил Бемби.

— Ну,— сказал дятел,— вы совсем не умеете взяться за дело. Прежде всего следует выбирать стволы потолка, на тонких стволах они вообще не водятся.

— Кого вы имеете в виду? — спросил Бемби.

— Жуков, разумеется! — засмеялся дятел.— Жуков и личинок. Смотрите, как это делается.— И он забарабанил по стволу: тук, тук, тук!..

Белочка прошмыгнула по стволу и, найдя дятла, принялась его бранить:

— Ну что вы болтаете? Какое принцу дело до всяких жуков и личинок?

— А почему же нет? — удивился дятел.— Они очень вкусны.— Он с хрустом раскусил жука, проглотил его и вновь застучал клювом по коре дуба.

— Ах, вы ничего не понимаете! — возмущалась белочка.— У этого знатного господина совсем иные, более высокие цели... Вы поставили себя в глупое положение!

— Меня это ничуть не трогает, я плюю на высокие цели! — весело вскричал дятел и улетел прочь.

Белочка скользнула вниз.

— Вы меня не знаете? — кокетливо спросила она Бемби.

— Я полагаю, что знаю вас очень хорошо,— дружелюбно ответил Бемби.— Вы живете там, наверху.— Он кивнул на вершину дуба.

Белочка весело посмотрела на него.

— Вы путаете меня с моей бабушкой,— сказала она.— Я так и знала, что вы путаете меня с бабушкой. Это она жила там, наверху, когда вы еще были ребенком, принц Бемби. Она часто рассказывала мне о вас. Да... но затем ее убила куница. Это было давно, зимой. Вы, наверно, не помните...

— Отчего же,— Бемби склонил голову,— я слышал об этом.

— После нее сюда переселился мой отец.— Белочка сделала большие глаза, выпрямилась и вежливо прижала к груди передние лапки.— Быть может, вы путаете меня с моим отцом? Вы знали моего отца?

— К сожалению, я был лишен этого удовольствия.

— Ну, это не удивительно,— воскликнула белочка.— Он был такой угрюмый и боязливый, он ни с кем не общался.

— А где он теперь? — осведомился Бемби.

— Ах! — воскликнула белочка.— С месяц назад он попал в лапы к сове. С тех пор я и поселилась здесь и так прижилась, что многие думают, будто я жила тут всегда.

Бемби повернулся, чтобы идти своей дорогой.

— Подождите минуточку! — окликнула его белочка.— Я вовсе не о том собиралась с вами говорить. У меня совсем иное было на уме!

— Что вы хотели сказать? — ласково спросил Бемби, останавливаясь.

— Да, что я хотела сказать? — Белочка задумалась, затем

подпрыгнула вдруг и села столбиком, опершись на свой пушистый хвост.— Ах, я вспомнила! Я хотела сказать, что ваша корона необычайно красива!

— Вы находите? — обрадованно спросил Бемби.

— Чудо как хороша! — И белочка клятвенно прижала к груди передние лапки.— Такая высокая и пышная! И с такими длинными светлыми зубцами! Это так редко бывает...

— Правда? — спросил Бемби.

Он так обрадовался, что тут же снова атаковал орешник. Кора спадала длинными тяжами.

— Я должна прямо сказать,— продолжала тем временем белочка,— что ни у кого из ваших нет такой короны, кроме Старейшего, конечно. Это просто необычайно... Для тех, кто знал вас прошлым летом... Я видела вас однажды, но трудно поверить, что вы тот самый малыш. Эти тоненькие росточки, которые...

— Будьте здоровы,— неожиданно прервал ее Бемби.— Мне пора идти.— И он побежал прочь.

Бемби не любил, когда ему напоминали о прошлом лете. Это была самая тяжелая пора в его жизни. Первое время после исчезновения матери он чувствовал себя совсем потерянным. В тот год зима длилась бесконечно; намерзшимся, наголодавшимся лесным жителям казалось, что весна никогда не придет. Если бы не тетя Неттла, Бемби едва ли перенес бы зиму. Она взяла его под свою опеку и помогала всем, чем только могла. И все же Бемби чувствовал себя очень одиноким. Ему не хватало Гобо, бедняги Гобо, разделившего печальную участь многих обитателей леса. Бемби часто вспоминал о нем. Только теперь понял он по-настоящему, как добр и благороден был его погибший друг.

Фалину он видел редко. Необычно робкая и боязливая, она держалась постоянно возле матери.

Поздней весной, когда наконец потеплело, Бемби немного приободрился. Он начистил до белизны свою первую молодую корону и очень гордился ею. Но тут пришла новая напасть: все другие коронованные олени возненавидели его и преследовали всеми возможными способами. Они гнали его прочь от себя, не могли терпеть его соседства. Их жестокое обращение держало Бемби в постоянном страхе. На каждом шагу подстерегала его беда. Он стал избегать публичных сборищ, выбирал заброшенные, потайные тропы и бродил там в мрачном, молчаливом одиночестве.

В ясные, солнечные дни его охватывало непонятное беспокойство, сердце наполнялось страстным, тоскующим стремлением, жутким и сладостным. Встречая изредка Фалину или какую-нибудь из ее подруг, он испытывал к ним неудержимое влечение. То же ощущение владело им, если он узнавал их след или чутьем угадывал их близость. Тогда, не в силах справиться с собою, он кидался на розыски. В лучшем случае он никого не находил и тщетно, измученный душой и телом, слонялся по лесу; в худшем — набредал на кого-либо из своих коронованных родичей.

Тогда ему задавали изрядную трепку. Его били, валили с ног, катали по земле и с позором прогоняли прочь. Хуже всего обращались с ним Ронно и Карус.

Зачем только напомнила ему белочка об этой горькой поре! Зачем всколыхнула тяжкие и унижительные воспоминания! Словно желая уйти от них, Бемби ринулся прочь, не разбирая дороги.

Синицы и корольки испуганно выпархивали из кустов, через которые мчался Бемби, и удивленно спрашивали друг у дружки:

— Кто это?.. Что это?..

Сорока гаркнула тревожно:

— Что случилось? Что случилось?

И в тон ей обозленно вскричала сойка:

— Ну, что там еще у вас?

Бемби не обратил на них никакого внимания.

Черный дрозд, перелетая с дерева на дерево, напевал ему:

— С добрым утром!.. Как я ра-ад!..

Бемби остался глух к его привету.

Лес вокруг посветлел, пронизанный лучами набравшего силу солнца, но Бемби и этого не заметил...

Внезапно что-то с треском вылетело из-под самых его ног и, сверкнув всеми цветами радуги, на миг ослепило Бемби. То был Джанелло, фазан. Еще мгновение — и Бемби наступил бы ему на спину. Набирая высоту, Джанелло громко бранился.

— Это неслыханно!..— кричал он своим надтреснутым, клохчущим голосом.

Бемби озадаченно поглядел ему вслед.

— Хорошо еще, что так обошлось...— проговорил нежный, воркующий голосок рядом с Бемби.— Но с вашей стороны это, право, неосторожно.

То была Джанеллина, жена фазана. Она высиживала в траве яйца.

— Мой муж ужасно испугался,— продолжала она укоризненно.— Так же, впрочем, как и я сама. Но я не могу двинуться, и прикована к месту, как и всегда в подобных обстоятельствах, и вы легко могли раздавить меня...

Бемби смутился.

— Извините, пожалуйста,— произнес он, запинаясь.— Я сделал это не со зла.

— О, пожалуйста! Конечно, же это было не со зла. Но мой муж и я — мы такие нервные сейчас. Вы же сами понимаете...

Бемби ничего не понял и побрел дальше. Лес пел вокруг него. Солнце позолотило и нагрело воздух, а кустарники, травы и тихо дымящаяся росистыми испарениями земля остро заблагоухали. Молодая сила разлилась по телу Бемби, и он двинулся вперед каким-то особенно упругим, пружинистым шагом.

Вот он приблизился к кусту бузины и, высоко вскидывая колени, стал рыть землю, разбрасывая во все стороны черные, жирные комья. Его тонкие, остро раздвоенные копытца скашивали росшую у подножия бузины траву, заячью капустку, подснеж-

ники, фиалки и отгребал их прочь, пока не обнажилась темная, взрыхленная земля.

Два крота, работавших над своими ходами в развилке корня старой бирючины, с любопытством уставились на Бемби.

— Однако... Это же курам на смех то, что он делает! — прошептал один крот другому. — Разве так роют?

Другой иронически поджал уголки тонкого рта:

— Да он понятия не имеет о рытье... сразу видно... Так всегда бывает, когда берутся не за свое дело.

Вдруг Бемби поднял голову, наострил уши и внимательно огляделся. Сквозь плетение листьев кустарника просвечивало что-то красное, смутно белели зубцы короны. Бемби фыркнул. Кто же это опять преследует его: Ронно, Карус или кто-то другой? Хватит! «Покажи, что ты никого не боишься! — в смятении думал Бемби. — Пусть боятся тебя!» И он бросился вперед...

Шелестели кусты, трещали и ломались сучья на пути стремительного скака Бемби. Теперь уже он видел противника во весь рост, но не узнавал его. Все плыло перед глазами, лишь одна отчетливая мысль билась в мозгу: вперед!

Низко опустив рога, собрав в затылке всю силу, готовился Бемби к удару. Он уже слышал запах шерсти противника, видел его незащищенный бок. Но тут противник Бемби сделал едва уловимое движение, и Бемби, скакнув, вместо ожидаемого препятствия встретил пустоту. Проскочив мимо цели, он шатнулся, но все же сохранил равновесие и быстро повернулся, готовый к новому броску. И тут он узнал Старейшего...

Бемби от неожиданности так растерялся, что совсем пал духом, и только стыд помешал ему броситься наутек. Он стоял, беспомощно переминаясь с ноги на ногу.

— Ну? — спокойно произнес Старейший.

Его глубокий голос, звучавший негромко, но повелительно, как и всегда, проник Бемби в самое сердце.

— Ну! — повторил старый олень.

— Я думал... — пробормотал Бемби, — я думал, это Ронно или... — Он замялся и лишь робко глядел на Старейшего.

А тот стоял, недвижный и могучий, его голова уже совсем поседела, но темный, глубокий взгляд сверкал прежней гордой, огневой силой.

— Почему же ты не нападаешь на меня? — спросил Старейший.

Бемби смотрел на него теперь со странным, неизведанным воодушевлением и тайным содроганием. Ему хотелось ответить: «Потому что я люблю тебя», — но вместо того он сказал:

— Не знаю.

А Старейший ощупывал его глазами:

— Давно я не видел тебя. Ты стал большим и сильным.

Бемби ничего не ответил, он дрожал от счастья. А Старейший продолжал испытующе разглядывать его. Неожиданно он подступил вплотную к Бемби.

— Будь храбр, — сказал он, повернулся и в то же мгновение исчез.

Бемби долго оставался на месте...

Настало жаркое лето. И сладкая, влекущая, уже раз испытанная тоска вновь охватила Бемби. Она пела в его крови, горячим беспокойством пронизывала тело. Он без устали блуждал по лесу в страстной и напряженной погоне за неведомым.

Однажды он встретил Фалину. Встретил совсем неожиданно и, отуманенный своей странной тоской, не сразу узнал ее. И вот она стоит перед ним...

Несколько секунд Бемби созерцал ее молча, затем у него вырвалось:

— Фалина, какая ты стала красивая!

— А ты все-таки узнал меня? — спросила Фалина.

— Как мог я тебя не узнать! — вскричал Бемби. — Разве мы не выросли вместе?

Фалина вздохнула:

— Мы так долго не виделись... — И добавила: — Мы стали совсем чужими друг другу. — Это было сказано ее прежним легким, непринужденным тоном.

Теперь они стояли близко друг возле друга.

— Вот этой тропинкой, — после короткого молчания начал Бемби, — мы часто ходили с мамой, когда я был еще маленьким.

— Она ведет на поляну, — сказала Фалина.

— На поляне я впервые встретил тебя! — восторженно сказал Бемби. — Ты помнишь?

— Да, — ответила Фалина, — меня и Гобо. — Она тихонько вздохнула: — Бедный Гобо!

И Бемби повторил:

— Бедный Гобо!

Они стали вспоминать прошлое, то и дело спрашивая друг друга: «А помнишь?», «А это ты помнишь?»

Оказалось, что оба помнят все. Это радовало их и удивляло.

— Там, на поляне, — вспомнил Бемби, — мы играли в «догонялку». Помнишь?

— Кажется, это было вот так... — начала Фалина и вдруг с быстротой молнии скакнула в сторону.

В первое мгновение Бемби опешил, затем закричал счастливым голосом:

— Погоди! Погоди минуточку!

— Я не могу ждать, — поддразнила его Фалина. — Я очень тороплюсь. — И легкими прыжками заскакала через кусты и травы, описывая полукружья.

Бемби кинулся ей наперерез, быстро нагнал и преградил ей дорогу.

Теперь они вновь спокойно стояли рядом, болтали и смеялись. Им было легко и радостно. Внезапно Фалина высоко подпрыгнула, словно ее укололи, метнулась в сторону и вновь принялась кружить по поляне. Бемби припустил за ней. Но сейчас ему не удавалось так быстро ее поймать — Фалина ускользала.

— Подожди! — молил Бемби. — Ну подожди же... Мне надо тебе что-то сказать!..

Фалина остановилась.

— Ну, что?.. — спросила она с любопытством.

Бемби молчал.

— Ах, вечно ты все выдумываешь! — И Фалина повернулась, будто намереваясь уйти.

— Подожди, — быстро сказал Бемби. — Я хотел... Я хотел тебя спросить... Ты любишь меня, Фалина?

Она посмотрела на него заинтересованно и выжидательно: — Я не знаю.

— Но ты должна это знать, — настаивал Бемби. — Я же вот знаю, всем своим существом знаю, что люблю тебя. Ужасно люблю. Ну скажи, что ты любишь меня.

— Может быть, и люблю... — ответила Фалина неуверенно.

— И ты всегда будешь со мной?

— Если ты как следует попросишь! — улыбнулась она.

— Я прошу тебя, Фалина! Любимая, дорогая, чудная моя Фалина! — вскричал Бемби. — Ты слышишь? Я прошу тебя всем сердцем!

— Ну, тогда я, конечно, буду с тобой, — нежно ответила Фалина и, кивнув ему, пошла прочь.

Восхищенный и растроганный, Бемби двинулся за ней на почти-тельном расстоянии. Обогнув по опушке поляну, Фалина углубилась в чащу. Бемби хотел последовать за ней, но тут затрещали кусты, и перед ним предстал разъяренный Карус.

— Стой! — крикнул он.

Но, занятый одной лишь Фалиной, Бемби едва взглянул на него.

— Пусти! — сказал он торопливо. — Мне сейчас не до тебя.

— Прочь! — злобно прохрипел Карус. — Сию минуту прочь! Или я изувечу тебя! Я запрещаю тебе преследовать Фалину!

Эти слова пробудили в Бемби самые горькие, самые ненавистные воспоминания: как долго, как несправедливо, как беспощадно преследовали его, травили, мучили! Он не произнес ни слова, но вмиг, исполненный бешенства, опустил голову и ринулся на Каруса. Это был неотразимый удар. Прежде чем Карус мог сообразить, что же произошло, он уже лежал на земле. Карус тотчас вскочил, но едва он оказался на ногах, как новый мощный удар отбросил его в сторону. Карус зашатался, присел, чувствуя непривычную слабость во всех членах.

— Бемби! — крикнул он и хотел еще раз крикнуть. — Бем...

Но третий удар в лопатку едва не вышиб из него дух.

Карус отклонился в сторону, чтоб избежать очередного наскока Бемби, и вдруг странно похолодевшим сердцем понял: это гибель. Он повернулся и кинулся бежать.

Бемби молча гнался за ним по пятам, и в этом грозном молчании противника Карус прочел свой приговор: не жди милости, Бемби разделается с тобой раз и навсегда. Карус круто свернул с дороги, из последних, скудных сил вломился в кустарник

и повлекся дальше, оставляя на сучьях клочья шерсти. Но Бемби вдруг оставил погоню. Он прислушался, чутко прядая ушами, затем поспешил назад.

Едва выбежав на опушку, Бемби увидел Фалину, преследующую Ронно.

— Ронно! — крикнул он, сам не слыша своего голоса.

Хромой Ронно бегал плохо. Он словно обрадовался неожиданной помехе и тут же бросил преследование.

— Вот те на! — сказал он надменно. — Мой маленький Бемби! Тебе что-нибудь нужно от меня?

— Я хочу, — сказал Бемби с подавленным гневом, — я хочу, чтобы ты оставил в покое Фалину и сейчас же удалился отсюда.

— Только-то? — издевательски спросил Ронно. — А ты, однако, стал дерзким парнем.

— Ронно, — сказал Бемби еще тише, — я прошу об этом ради тебя. Сейчас ты еще можешь уйти, но потом... потом...

— Ого! — воскликнул Ронно, не на шутку обозленный. — Вот как ты заговорил? Уж не считаешь ли ты меня и впрямь хромым? Или победа над беднягой Карусом ударила тебе в голову? Послушай доброго совета...

— Нет, Ронно, — прервал его Бемби, — это я даю тебе добрый совет: уходи. — Голос его дрожал. — Я всегда любил тебя, Ронно, и преклонялся перед твоим умом. Я отдаю тебе должное, Ронно, потому что ты старше и опытнее меня. Но сейчас в последний раз говорю: уходи... Моему терпению приходит конец...

— Плохо, что у тебя так мало терпения, — презрительно сказал Ронно. — Это большой недостаток, малыш. Но успокойся, я тебя не задержу. Я разделаюсь с тобой в одно мгновение. Или ты забьл, сколько раз я задавал тебе трепку?

Лучше бы Ронно не вспоминал об этом. Бемби онемел от ярости и, как безумный, ринулся на Ронно. Тот ждал его, низко опустив голову. С треском сшиблись они лоб в лоб. Ронно стоял твердо, и его удивило, что Бемби не отлетел назад. Он никак не ожидал, что Бемби отважится напасть первым. Дерзость противника смутила его. Почувствовал он и молодую, увесистую силу Бемби и понял, что ему не устоять. Тогда Ронно решился на хитрость: быстрым движением отвел он голову, рассчитывая, что потеряв упор, Бемби повернется наземь. Но Бемби лишь чуть пошатнулся, стал на задние ноги и ринулся на Ронно с удвоенной яростью. Послышался резкий, звонкий хруст — у Ронно обломился зубец короны, но Ронно показалось, что треснул лоб. В ушах у него засвистело, из глаз посыпались искры. В следующий миг мощный удар разорвал ему плечо. У Ронно сперло дыхание, он опустился на землю, а над ним в неукротимом гневe вырос Бемби.

— Пощади!.. — простонал Ронно.

Бемби вслепую, наугад, нанес ему еще удар.

— Я прошу тебя... — жалобно молил Ронно. — Ты же знаешь, что я хромой... Я же просто шутил... Пощади меня...

Грудь Бемби тяжело вздымалась. Он медленно отвел нацеленные для удара рога и ступил в сторону. Ронно с трудом поднялся. Он истекал кровью, его шатало из стороны в сторону. Безмолвно заковылял он прочь... Бемби устремился в чашу, чтобы разыскать Фалину, но она сама вышла ему навстречу. Она пряталась близ опушки и все видела.

— Это было замечательно! — сказала она со смехом, а затем добавила тихо и серьезно: — Я люблю тебя...

Они пошли вместе, счастливые.

Однажды они решили разыскать прогалинку, на которой Бемби последний раз встретил Старейшего. Бемби уже не раз с воодушевлением рассказывал Фалине об этой встрече.

— Может быть, нам посчастливится его увидеть. Я так соскучился по нему!

— Это было бы мило, — небрежно сказала Фалина. — Я не прочь поболтать с ним.

Она говорила неправду: при всей своей легкомысленной дерзости она побаивалась старого вождя.

Сумерки расцедились, близился восход солнца. Они тихо двигались сквозь колышущийся под утренним ветерком кустарник. Неподалеку от них что-то зашуршало. Они замерли, настороженно вглядываясь в окружающую заросль. И вот что они увидели. Раздвигая кусты, к прогалине медленно двигался их громадный сородич. В предрабсветном сумраке, лишающем простор обычных красок, он казался гигантским серым призраком.

Фалина жалобно закричала. Бемби тоже был испуган, и привычный вопль готов был вырваться из его горла, но он страстным усилием сдержал себя. Голос Фалины звучал так беспомощно, что жалость и сострадание пересилили в Бемби страх.

— Что с тобой? — шептал он с заботливой лаской, хотя голос его дрожал. — Что с тобой? Он не сделает нам ничего плохого.

Но Фалина вопила как иступленная.

— Не волнуйся, дорогая, — просил Бемби. — Он же наш родич, в конце концов.

Но Фалина не желала и слышать о подобном родстве. Как замороженная, взирала она на лося, который, нисколько не заботясь о произведенном впечатлении, спокойно шествовал дальше. Она все кричала и кричала.

— Ну пересиль же себя! — молил Бемби. — Что он подумает о нас!

— Пусть думает что угодно! — воскликнула Фалина, не в силах овладеть собой. — А-а-о!.. Ба-а-о!.. А-а-о! Это чересчур, быть таким громадным!.. — Она продолжала вопить во все горло. — А-а-о!.. Ба-а-о!.. — а в промежутках между выкриками бросала Бемби: — Оставь меня в покое! Я не могу иначе! А-а-о!.. Ба-а-о!..

Могучий родич остановился на прогалине и принялся отыскивать в траве сочные былинки.

Переводя растерянный взгляд с обезумевшей Фалины на спокойного, равнодушного богатыря, Бемби испытывал какое-то новое, незнакомое чувство. Успокаивая Фалину, он преодолел собственный страх, и сейчас ему было непонятно, как мог он раньше так теряться при встрече с этими высокородными.

— Глупо!.. Стыдно!..— произнес он в сердцах.— Сейчас я пойду и познакомлюсь с ним.

— Не делай этого! — вскричала Фалина.— Не делай этого! Ба-а-о! Это принесет нам несчастье. Ба-а-о!

— Я сделаю это непременно, — твердо возразил Бемби.

Его оскорбляло и унижало высокомерное спокойствие лося, не обращавшего на них никакого внимания.

— Я иду к нему, — сказал он.— А ты постарайся успокоиться, Фалина. Увидишь, все будет хорошо.— И он действительно пошел.

Но Фалина не стала ждать развязки. Она повернулась и с громким криком побежала прочь. Долго звучал ее голос:

— Ба-а-о!.. Ба-а-о!..

По чести говоря, Бемби охотно последовал бы ее примеру, но это уже было невозможно. Собравшись с духом, он пошел вперед.

Сердце громко забилося в груди Бемби, когда он вышагнул на прогалину. Лось вскинул голову, глянул на пришельца сверху вниз и тотчас же отвел взгляд.

Высокомерие сказывалось в каждом его движении. И в том, как он смерил Бемби взглядом, и в том, как глядел поверх его головы в какую-то далекую пустоту.

Бемби растерялся. У него было твердое намерение заговорить с лосем. «Доброе утро, — хотел он сказать, — меня зовут Бемби. Могу ли спросить о вашем почтенном имени?» Вот и все! Но как же не просто оказалось это на деле! Приличие обязывало Бемби заговорить первым, раз он подошел к лосю, но боязнь показаться навязчивым затыкала ему рот.

Лось стоял величественный и неприступный, вид его сковывал, подавлял Бемби. Тщетно пытался он стряхнуть с себя эту странную оцепенелость, тщетно твердил себе: «Почему я робею? Я почти такой же большой, как он... Я такой же большой, как он...»

Но уговоры не помогали: в глубине своего существа Бемби сознавал, что он вовсе не такой большой, как лось. Далеко не такой большой. Тоскливо и мутно было у него на сердце.

А лось глядел на Бемби и думал:

«Он великолепен!.. Он поистине великолепен!.. Какая стать!.. Какое изящество в каждом движении!.. Но я не должен так разглядывать этого прекрасного юношу. Это может смутить его...»

И он вновь стал глядеть поверх Бемби, вдаль...

Какой высокомерный взгляд! Это просто невыносимо — ты чувствуешь себя рядом с ним не больше самой хилой козявки на паутинных ножках!..

А лось думал: «Я бы с удовольствием заговорил с ним. Как это

нелепо и досадно, что мы никогда не общаемся!» — И взгляд его чуть затуманился грустью.

«Я для него просто не существую,— думал Бемби.— Все мы ничто для господ из этого клана!..»

«Но о чем бы мог я с ним говорить?— думал лось.— Я не речист, скажу что-нибудь несуразное и лишь опозорюсь в глазах этого юноши, который, наверно, очень умен...»

Бемби собрался наконец с духом и твердо взглянул на лося. «Как он горд и прекрасен!» — подумал он с отчаянием.

«Нет, видно придется отложить знакомство до другого раза», — решил лось и пошел своей дорогой, недовольный, разочарованный и, как всегда, величавый.

Бемби долго глядел ему вслед...

...Лес курился под палящими лучами солнца. Едва взойдя, оно согнало с неба все тучи, не оставив даже самого маленького перистого облачка, и сейчас единовластно царило в бескрайней, блеклой от зноя голубизне.

Над полянами и лугами, над кронами деревьев воздух колебался стеклянно-прозрачными волнами — так колеблется, дрожит и мерцает он над жарким пламенем. Не шелохнется ни лист, ни былинка. Умолкли птицы, попрятавшись в тень листвы. Пустынны прогалины, дороги и просеки, ни один зверь не выйдет сейчас на тропу. Пронизанный сверкающим светом, лес недвижим, он словно вымер. Но на деле он полон скрытой жизни. Дышит земля, дышат цветы, кусты, деревья, дышит зверье в тяжком блаженстве зноя.

Бемби спал.

Всю ночь был он счастлив с Фалиной, до самого утра не прекращали они своей веселой игры. Наконец забрезжил рассвет, и пора было подумать о еде. Но Бемби так устал, что совсем не чувствовал голода. Глаза у него слипались, его неудержимо клонило долу. Прямо посреди кустарника опустился он на землю и тотчас заснул. Горьковато-острый дух нагретого солнцем можжевельника и нежный аромат молодой черемухи у него в головах оведали его, сонного, наполняя свежей, хмельной силой.

Он проснулся внезапно, пронизанный острой тревогой. Сквозь сон услышал он чей-то зов. Фалина?..

Бемби огляделся. Ему помнилось, что Фалина стояла рядом с ним и ощипывала листочки белобородника. Он думал, что она так и останется возле него. Но, видно, она ушла и сейчас, прискучив одиночеством, призывала его...

Прислушиваясь, Бемби пытался понять, долго ли он спал и давно ли зовет его Фалина, но сон все еще туманил голову.

Снова прозвучал зов, и Бемби мигом повернулся на голос. Вот еще и еще. Бемби сразу обрел бодрость, он почувствовал себя отдохнувшим, сильным и... очень голодным.

Вновь прозвучало чисто, как птичий щебет, тоскующе и нежно:

— Приди!.. Приди!..

Да, то был ее голос! То была Фалина! Бемби стремительно рванулся с места; враз пригнулись ветки кустарника, затрепетали листочки. Но на самом разлете скачка Бемби пришлось круто забрать в сторону: прямо перед ним, преграждая ему путь, стоял Старейший.

Любовь бурлила в Бемби, и старик был ему сейчас безразличен. Он охотно повидался бы с ним в другое время, но сейчас ему было не до него. Бемби слегка кивнул Старейшему и хотел пройти мимо.

— Куда? — строго спросил тот.

Бемби почувствовал стыд и честно ответил:

— К ней, к Фалине...

— Не ходи,— сказал старый вожак.

Искра гнева пронизала Бемби. Не идти к Фалине? Как может этого требовать злой старик? Бемби решил было удрать, но глубокий взгляд больших темных глаз, как и всегда, приковал его к месту.

— Она зовет меня...— проговорил он, дрожа от нетерпения.

— Нет,— сказал Старейший,— она не зовет тебя.

И тут тоненько, как птичий щебет, прозвенело:

— Приди-и!..

— Вот опять! — возбужденно воскликнул Бемби.— Ты слышишь теперь?

— Слышу,— кивнул Старейший.

— Так я пойду,— торопливо сказал Бемби.— Позволь мне идти...

Но Старейший приказал:

— Стой!

— Чего вы хотите от меня? — вскричал Бемби.— Пустите меня! Ведь Фалина зовет... Должны вы понять...

— Я говорю тебе, это не она.

— Но... я же узнал ее, это ее голос...— в отчаянии сказал Бемби.

— Послушай меня...— начал было Старейший.

Но тут снова прозвучал зов, и Бемби показалось, что земля горит у него под ногами.

— Пустите! — взмолился он.— Я скоро, я сразу же вернусь!..

— Нет,— печально сказал Старейший,— ты не вернешься. Никогда!

Снова прозвучал зов.

— Я должен идти... Должен! — вне себя бормотал Бемби.

— Хорошо же,— печально сказал Старейший,— мы пойдем вместе.

— Быстрее!...— крикнул Бемби и прыгнул вперед.

— Не спеши! — повелительно сказал Старейший.— Ты пойдешь позади меня. След в след.

Он двинулся вперед, и Бемби, нетерпеливо вздыхая, последовал за ним.

— Слушай,— говорил Старейший,— сколько бы раз ты ни слышал зов, оставайся при мне. Если это Фалина, она никуда от тебя не уйдет. Но это не Фалина. Верь мне и подчиняйся.

Бемби молчал, он словно онемел от горя.

Медленно продвигались они вперед. О, старый знал, как надо ходить! Шаг его был беззвучен, ни один лист не шелохнулся на их пути, ни один сучок не хрустнул. А ведь Старейший пробирался сквозь густой кустарник, сквозь частое плетение зарослей. И Бемби, несмотря на все свое нетерпение, восхищался им и пытался подражать ему.

Вновь и вновь звучал тоскующий призыв. Вдруг Старейший резко забрал вправо. Бемби понял, что тот идет в обход, и эта необходимая задержка привела его в отчаяние.

— При-и-ди!.. — слышалось снова, но теперь голос уже звучал в стороне.

Как ни мучительно текло время, но они все ближе и ближе подходили к голосу, неутомимо славшему в простор свой нежный призыв.

— Что бы ты ни увидел,— тихо сказал Старейший,— не двигайся... Слышишь?.. Внимательно следи за мной и делай то же, что и я... и не поддавайся страху...

Еще несколько шагов — и вдруг резкий, возбуждающий, хорошо знакомый запах ударил Бемби в ноздри. Он глотнул его так много, что едва удержался от вскрика. Как пригвожденный, замер он на месте, сердце его билось у самого горла,

Старейший хранил полное спокойствие.

«Там!» — указал он Бемби взглядом.

А там, прислонившись к стволу дуба, полускрытый кустами орешника, совсем близко от них, стоял Он и тихонько звал: — Приди!.. Приди!..

Его широкая спина была обращена к оленям, лицо оставалось скрытым.

Бемби был потрясен, он раз за разом повторял себе:

«Да, это Он... Это действительно Он... Это Он подражал голосу Фалины... Это Он звал: приди, приди!..»

И когда наконец эта мысль проникла в сознание Бемби, леденящий ужас охватил его, и мысль о бегстве вмиг напряжила тело.

— Ни с места! — быстро и властно прошептал Старейший.

И такова была мощь этого голоса, что смятенный, растерянный Бемби повиновался.

Старейший смотрел на него чуть насмешливо, затем взгляд его вновь стал серьезным и благожелательным. И все же Бемби чувствовал, что не может дольше оставаться здесь, в нестерпимой близости к Нему.

— Идем,— сказал Старейший, угадав его чувство, и повернул назад.

Осторожно скользили они прочь. Старейший уходил не прямо, а зигзагами, смысла которых Бемби не понимал. Но, не смея

ослушаться, он старательно подражал шагу вождя, хотя каждая его жилка дрожала от нетерпения. Только теперь его подстегивала уже не любовь, а страх...

А Старейший то и дело останавливался; прислушивался, выписывал новый зигзаг и останавливался; и снова шел неторопливо, очень неторопливо. И все же в какой-то миг Бемби почувствовал, что они уже далеко ушли от опасного места...

«Когда он снова остановится,— подумал Бемби,— я поблагодарю его».

Но тут Старейший на глазах у Бемби свернул в орешник и скрылся в его густом плетении. И опять ни один лист не шелохнулся, ни один сучок не хрустнул там, где он скользил. Бемби последовал за ним, пытаясь двигаться столь же бесшумно, столь же искусно обходить препятствия. Но листья тихонько шелестели на его пути, ветки, сгибаясь о его бока, распрямлялись со свистом, тонкие сучки ломались с коротким треском о его грудь.

«Он спас мне жизнь,— думал Бемби.— Что я скажу ему?»

Но Старейшего и след простыл. Бемби вышел из кустарника и оказался на пустынном, глухом месте, поросшем рутей¹. Вскинув голову, он огляделся, но нигде не мог обнаружить даже легкого шевеления листка, даже слабого вздрoga травинки. Бемби был один, совсем один. И, уже не чувствуя над собой чужой власти, он дал волю давно томившему его позыву к бегству. Под его летящим вперед телом тугой раakitник стлался словно под косой...

После долгих блужданий ему удалось отыскать Фалину. Он задышался, он был измучен, но счастлив.

— Прощу тебя, любимая,— сказал он,— я прошу тебя... не зови меня, когда мы в разлуке... никогда не зови меня!.. Будем лучше искать друг друга, пока не найдем... Но не зови, никогда не зови меня, потому что я не смогу устоять перед твоим зовом.

...Через несколько дней они беззаботно шли рощицей молодых дубков по ту сторону поляны. Они хотели пересечь поляну и выйти к старому дубу, от которого начиналась их обычная дорожка.

У опушки заросль проредилась, тогда они сдержали шаг и внимательно осмотрелись. Близ старого дуба, в зеленой листве, мелькало что-то красное.

— Кто бы это мог быть? — прошептал Бемби.

— Ах, ну кому там быть, кроме Ронно и Каруса! — отозвалась Фалина.

— Едва ли,— покачал головой Бемби.— С некоторых пор они избегают меня... Нет, это не Ронно и не Карус... это чужой...

— Правда, чужой, теперь я тоже вижу,— согласилась Фалина.— Но как странно он себя ведет!

¹ Рута — южное полукустарниковое растение с желтыми цветами и с листьями, содержащими эфирное масло.

— Не странно, а глупо! — сказал Бемби. — Удивительно глупо! Он ведет себя, как малое дитя... Словно на свете не существует опасности!

Фалина сгорала от любопытства.

— Пойдем туда!

— Пойдем, — согласился Бемби. — Не мешает получше рассмотреть молодца...

Они не сделали и трех шагов, как Фалина заколебалась:

— А если он затеет ссору... Он, кажется, сильный...

— Ба! — Бемби пренебрежительно мотнул головой. — Посмотри, какая у него маленькая корона... Мне ли его бояться? Парень, правда, плотный и толстый, но сильный ли... Не думаю. Идем!

И они двинулись дальше.

Между тем незнакомец как ни в чем ни бывало лакомился сочными метелками трав. Он заметил их, когда они уже достигли середины поляны, и тут же бросился им навстречу, игриво и радостно подпрыгивая. Бемби и Фалина остановились. Но вот он подскочил еще ближе и стал в двух шагах от них.

— Вы не узнаете меня? — спросил он.

Бемби стоял в боевой готовности, низко опустив голову.

— А разве ты знаешь нас? — отозвался он.

— Но Бемби, — воскликнул тот доверчиво и укоризненно.

Услышав свое имя, Бемби вздрогнул и невольно отступил назад. При звуке этого голоса его сердце тронулось каким-то далеким воспоминанием, а Фалина уже прыгнула навстречу незнакомцу.

— Гобо! — крикнула она. — Это ты, Гобо!

— Фалина, — тихо сказал Гобо. — Фалина... Сестренка... Ты все-таки узнала меня.

Он подошел к ней и поцеловал ее. По щекам его текли слезы. И Фалина заплакала, не в силах вымолвить слова.

— Да... Гобо... — пробормотал Бемби. Он был потрясен, растроган, сбит с толку. — Да... Гобо... Значит, ты не умер?

Гобо рассмеялся:

— Как видишь... Думаю, что это сразу заметно.

— Но... тогда... на снегу... — настаивал Бемби.

— Тогда... Это Он спас меня тогда.

— И где же ты был все это время? — спросила Фалина, глядя на брата широко открытыми глазами.

— У Него... — ответил Гобо. — Все это время я был у Него. — Посматривая то на Фалину, то на Бемби, Гобо наслаждался их удивлением. — Да, мои дорогие... Я много пережил, больше, чем вы оба здесь, в вашем лесу.

Слова его звучали немного хвастливо, но Фалина и Бемби были слишком поражены, чтобы обратить на это внимание.

— Ну, говори же, не мучай нас! — вскричала Фалина.

— О! — произнес Гобо самодовольно. — Я могу рассказывать целый день и все-таки не дойду до конца.

— Так начни хотя бы, Гобо! — сказал Бемби.

Но Гобо повернулся к Фалине. Он сразу стал очень серьезным.

— Мама жива? — спросил он тихим, робким голосом.

— Да! — весело вскричала Фалина. — Она жива... Но я давно не видела ее.

— Я хочу сейчас же к ней! — сказал Гобо. — Вы пойдете со мной?

И они втроем двинулись в путь и шли в полном молчании. Бемби и Фалина чувствовали, что мысли Гобо заняты матерью, и не хотели ему мешать. Лишь порой, когда Гобо второпях пробежал мимо нужного поворота или сгоряча сворачивал не туда, куда следовало, они тихо поправляли его.

— Прямо! — шептал Бемби.

— Нет, не сюда! — шептала Фалина.

Несколько раз им пришлось пересечь открытые места. Бемби и Фалина заметили, что Гобо ни разу не остановился на краю чаши, чтобы оглядеться, а выбегал на простор сразу, без всякой опаски. Они обменивались удивленными взглядами, но ничего не говорили Гобо и следовали за ним со смущенным сердцем.

Долго блуждали они по лесу, пока Гобо не узнал тропинку своего детства. Растроганный, он обернулся и, не подозревая, что его вели Фалина и Бемби, крикнул:

— Что скажете — ловко я вас привел?

Вскоре они подошли к маленькому лесному тайнику.

— Здесь! — крикнула Фалина и проскользнула внутрь.

Гобо последовал за ней, и сердце его замерло сладкой болью. Это был тот самый тайничок, та зеленая хижина, где оба они появились на свет и возле матери провели все свое детство. Взгляды их встретились, и Фалина тихонько поцеловала брата.

Еще долго блуждали они по лесу. Солнце светило сквозь ветви все ярче и ярче, дневная тишина окутывала лес, приближалось время отдыха. Но Гобо не чувствовал усталости. Он шагал, не разбирая дороги и бесцельно шаря вокруг себя глазами. Он совсем отвык от лесной жизни. Он весь сжался, когда в траве прошмыгнула ласка, и едва не наступил на фазанов, тесно прижавшихся к земле. Когда же фазаны, громко шурша крыльями, взлетели перед самым его носом, Гобо ужасно испугался.

Бемби удивляла слепота и неуклюжесть Гобо — он вел себя на лесной тропе, как чужак. Но вот Гобо сдержал шаг и, повернувшись к Фалине, сказал с отчаянием:

— Мы никогда не найдем маму!

У него опять появилось то унылое выражение, которое Фалина так хорошо знала.

— Скоро, Гобо, — сказала она мягко, — скоро. — И добавила со смехом: — А хочешь — давай звать маму, как мы звали ее в детстве, помнишь?

И тут Бемби, шедший немного впереди, вдруг увидел тетю Энну.

Она отдыхала, лежа в тени орешины. Не успел он окликнуть Гобо и Фалину, как они уже оказались возле него. Все трое молча смотрели на тетю Энну. Та тихо подняла голову и открыла сонные глаза.

Гобо робко шагнул вперед.

— Мама! — произнес он негромким, шатким голосом.

Словно вспугнутая громовым ударом, тетя Энна вмиг вскочила на ноги, и Гобо всем телом подался к ней.

— Мама!.. — Голос его пресекся.

Мать посмотрела сыну в глаза, крупная дрожь пронизывала ее с головы до ног. Она ничего не сказала, ни о чем не спросила, она только медленно поцеловала Гобо в губы, целовала его щеки и шею; она омывала его своими поцелуями, как в ту далекую пору, когда он только появился на свет...

Все обитатели леса собрались в тесный кружок в глубине чащи, чтобы послушать рассказы Гобо.

Был тут и друг-приятель заяц, сын покойного зайца. В крайнем изумлении подымал он свои уши-ложки, боясь пропустить хоть слово, и вдруг ронял их бессильно, чтобы тут же снова поднять.

Сорока пристроилась на низеньком сучке молодого бука и внимала рассказчику с остолбенелым видом. В отличие от нее, сидевшая на ясене сойка вела себя беспокойно: она то и дело пронзительно вскрикивала, не в силах побороть изумление. Тут же находились и знакомые фазаны со своими женами и детьми. Они в безмолвном удивлении ворочали шеями, изгибая их и так и этак, и во все стороны летели от них золотые стрелы.

Без устали скакала по ветвям взволнованная белочка. Она то соскальзывала по стволу чуть не до самой земли, то взлетала до маковки дерева, то вдруг усаживалась столбиком на свой пушистый хвост, показывая белую грудку. Ей нетерпелось прервать Гобо, чтобы высказаться самой, но окружающие всякий раз призывали ее к порядку.

А Гобо рассказывал, как, оставшись без всякой помощи на снегу, он поджидал смерть.

— Собаки нашли меня, — говорил он. — Собаки — это самое страшное в мире. Их пасть полна крови, их голос полон гнева, они не ведают сострадания.

Свысока оглядев слушателей, он продолжал:

— Ну... с тех пор я не раз играл с ними, словно они мои родичи, и теперь я совсем не боюсь их. И все же, когда я слышу их лай, у меня по-прежнему начинает шуметь в голове и цепенсет сердце. Они далеко не всегда делают это с плохими намерениями, но их голос трудно выносить... — Гобо многозначительно замолчал.

— Ну, а что же было в тот раз? — с испуганным любопытством спросила Фалина.

— В тот раз собаки хотели растерзать меня, но тут явился Он!

Гобо сделал паузу, слушатели почти не дышали.

— Да, — сказал Гобо, — тут явился Он, прикрикнул на собак, и они отползли от меня прочь. Он прикрикнул еще раз, и собаки покорно легли у Его ног. Тогда Он поднял меня и, ласково прижимая к себе, понес...

— Что это значит — понес? — спросила Фалина.

Гобо принялся объяснять ей важно и обстоятельно.

— Да это совсем просто! — прервал его Бемби. — Ты погляди, Фалина, как это делает белочка, когда она скачет с орешком в лапах. Это и значит «нести».

Тут белочка сочла наконец возможным вставить слово.

— Один из моих кузенов... — начала она быстро.

Но все вокруг закричали:

— Тише, тише, пусть Гобо продолжает!

Белочке пришлось замолчать.

Она огорченно прижала к груди передние лапки и повернулась к сороке в надежде, что та выслушает ее в частном порядке.

— В самом деле... один из моих братьев...

Но сорока просто-напросто показала ей спину.

А Гобо все рассказывал о разных чудесах.

— Снаружи холодно, бушует непогода, а внутри тихо и тепло, как летом...

— Гхах! — проскрипела сойка.

— Снаружи льет дождь, все мокнет, а внутри хоть бы одна капля упала, и ты совсем сухой.

Сверкнув драгоценным оперением, фазаны в лад склонили головы набок.

— Снаружи все было покрыто толстым, пушистым снегом, а я находился в тепле, мне было просто жарко. Он кормил меня каштанами, картофелем, репой, даже сеном — словом, всем, чего я только мог пожелать.

— Се-ном? — возбужденно и недоверчиво вскричали олени в один голос.

— Да, свежим сладким сеном, — повторил Гобо таким тоном, будто речь шла о самой обычной вещи.

В наступившей почти молитвенной тишине снова прозвучал тонкий голос белочки:

— Один из моих кузенов...

— Да замолчишь ли ты! — закричали на нее хором.

И когда снова настала тишина, Фалина спросила брата:

— Откуда же брал Он зимой сено да и все остальное?

— Он выращивал, — важно ответил Гобо. — Он может вырастить все, что захочет и когда захочет. Чего бы Он ни пожелал — все тут же появляется перед Ним.

— Скажи правду, Гобо: неужели тебе не было страшно в Его присутствии?

Гобо покровительственно усмехнулся:

— Нет, дорогая Фалина, нисколько. Я знал, что Он не сделает мне ничего дурного. Зачем же мне было бояться? Вы все считаете Его злым, но Он вовсе не злой. С теми, кого Он любит, кто верно служит Ему, Он удивительно добр. Никто в целом мире не может быть добрее Его.

Гобо все еще восхвалял доброту своего нового друга, когда из зарослей бесшумно выступил Старейший. Гобо не заметил его, но все остальные увидели Старейшего и замерли в благоговей-

ном испуге. А тот стоял недвижно, как бы ошупывая Гобо своими строгими, глубокими глазами.

— Его дети тоже любили меня,— рассказывал Гобо,— и Его жена любила меня, и все Его домочадцы. Они ласкали меня, давали мне есть разные лакомства, играли со мной...

Тут Гобо осекся, заметив наконец Старейшего.

И в наступившей тишине старый вождь обратился к Гобо своим обычным спокойным и властным голосом:

— Что это за полоса у тебя на шее?

Тут только все заметили на шее Гобо словно каемку из примятых, а частью вытертых волос.

Гобо смущенно ответил:

— Это?.. Это след от красивого банта, который я носил... Это Его бант... Большая честь носить Его бант...

Старый вождь долго глядел на Гобо, пронизательно и печально.

— Несчастный,— сказал он тихо, повернулся и вмиг исчез.

Воспользовавшись мимолетным замешательством, белочка опять принялась за свое:

— В самом деле... Один из моих кузенов тоже побывал у Него... Он поймал моего брата и долго держал взаперти... О, очень долго. Но как-то раз мой кузен...

Никто не стал слушать белочку, все расходились в глубокой задумчивости и смятении.

Нежданно-негаданно появилась Марена.

В ту зиму, когда исчез Гобо, она была почти взрослой девушкой, но с тех пор никто не видел ее — она держалась особняком, предпочитая одинокую дорогу.

Она осталась такой же худенькой и потому выглядела совсем юной. Но она была серьезна, тиха и превосходила всех сверстниц мягкой сдержанностью. Сейчас она узнала от белочки, сойки, дрозда и сороки, что в лес вернулся Гобо, переживший удивительные приключения, и пришла, чтобы повидать его.

Мать Гобо была польщена посещением Марены. Она переживала сейчас лучшую пору своей жизни: весь лес говорил о ее сыне, она наслаждалась славой и требовала, чтобы каждый признавал Гобо самым умным, самым достойным, самым лучшим в целом свете.

— Что скажешь, Марена? — приветствовала она гостью. — Что скажешь ты о Гобо? — Не дожидаясь ответа, она продолжала: — Ты помнишь, тетя Неттла ни во что ставила Гобо, и потому лишь, что он чуть дрожал во время морозов. Помнишь, она предсказывала, что он не принесет мне радости?

— Но вы хлебнули немало горя с Гобо,— заметила Марена.

— Это все позади! — воскликнула мать, от души удивленная, как можно вспоминать теперь подобные пустяки. — Ах, мне до слез жаль бедную тетю Неттлу! Умереть, так и не увидев, каким стал мой Гобо!

— Да, бедная тетя Неттла,— тихо сказала Марена. — Грустно, что ее нет среди нас.

Гобо с удовольствием слушал похвалы, которые расточала ему мать, они ласкали его, словно солнечное тепло.

— Даже Старейший приходил, чтобы взглянуть на Гобо,— продолжала мать таинственным шепотом.— А ведь он никогда не показывался среди нас... Но ради Гобо он пришел.

— Почему он назвал меня несчастным? — сказал Гобо недовольным тоном.— Хотел бы я знать, какой в этом смысл?

— Оставь! — утешила его мать.— Он стар и чудаковат.

Но Гобо никак не мог успокоиться:

— Я все время ломаю над этим голову. Несчастный! Какой же я несчастный! Я очень счастливый. Я видел и пережил больше, чем все вы, вместе взятые! Я лучше знаю мир и лучше знаю жизнь, чем любой из обитателей леса. Как ты полагаешь, Марена?

— Без сомнения,— убежденно сказала Марена.— Этого никто не сможет отрицать!..

С тех пор Гобо и Марена стали ходить вместе.

Бемби искал Старейшего. И в ночную пору, и в предрассветные часы, и на утренних зорях блуждал он нехоженными тропами один, без Фалины.

Порой его еще тянуло к Фалине и он с прежним удовольствием гулял с ней, слушал ее болтовню, обедал с ней на поляне или на лесной опушке, но это уже не захватывало его целиком.

Раньше, поглощенный близостью Фалины, он лишь очень редко, мельком, думал о встрече со Старейшим. Сейчас, разыскивая его по всему лесу, он почти не вспоминал о Фалине.

Слово, которое Старейший сказал Гобо, неотвязно звучало в ушах Бемби. С самого своего возвращения Гобо причинял Бемби острое беспокойство. Было что-то жалкое и мучительное в его облике. Бемби ни на миг не оставляла боязнь за Гобо, перед которым он испытывал странное и необъяснимое чувство стыда.

Когда ему доводилось теперь бывать в обществе Гобо, простодушного, самодовольного, наивно-высокомерного Гобо, в уме его неотступно звенело слово: «Несчастный!» Он не мог выкинуть это слово из головы.

Однажды темной ночью Бемби был остановлен пронзительным вскриком своего старого приятеля сыча. Разыграв, по обыкновению, испуг, Бемби вдруг смекнул, что ночной летун может быть полезен ему в его поисках.

— Не знаете ли вы случайно, где сейчас Старейший? — спросил он сыча.

Сыч проворчал, что не имеет об этом ни малейшего понятия, но Бемби показалось, что голос его звучит неискренне.

— Нет,— сказал он,— я вам не верю. Вы так умны, вам известно все, что творится в лесу. Можете ли вы не знать, где находится Старейший!

Сыч, крайне польщенный, тесно прижал перышки к телу и стал совсем крошечным и гладким.

— Само собой разумеется, мне это известно,— проговорил он тихо и важно,— но я не смею разглашать тайну...

Бемби принялся упрашивать:

— Я не выдам вас, да и могу ли я при моем глубоком к вам уважении...

Сыч, снова превратившийся в пушистый, мягкий серо-коричневый шарик, повращал своими умными большими глазами, как и всегда, когда ему приходилось что-либо по душе, и сказал:

— Так-так. Значит, вы меня уважаете. А за что, позвольте спросить?

— За вашу мудрость,— искренне сказал Бемби.— Кроме того, за вашу всегдашнюю веселость и приветливость и еще за то, что вы так искусно умеете пугать окружающих. Это так умно, необыкновенно умно! Если бы я обладал вашим талантом, это принесло бы мне большую пользу.

Сыч глубоко погрузил клюв в грудное оперение — он был счастлив.

— Ну,— сказал он,— мне известно, что старый олень расположен к вам.

— Почему вы так думаете? — спросил Бемби, и сердце его радостно забилося.

— Я совершенно уверен в этом,— ответил сыч.— Он от души расположен к вам, и я полагаю, это дает мне право открыть вам его местонахождение.

Он снова стянул свои перышки к телу, словно ожидая, что его в благодарность погладят.

— Знаете ли вы ров, заросший ивами?

— Да,— кивнул Бемби.

— А знаком ли вам молодой зеленый дубняк по ту сторону рва?

— Нет,— признался Бемби,— я еще не бывал на той стороне.

— Тогда слушайте внимательно,— прошептал сыч.— По ту сторону рва растет дубняк. За дубняком раскинулся кустарник, много кустарника: орешник, серебристый тополь, боярышник и бирючина. А посреди лежит старый, поверженный ветром бук. Там вы и должны искать. Но смотрите не выдавайте меня!

— Под стволом? — ошеломленно повторил Бемби.

— Ну да! — засмеялся сыч.— Ведь ствол лежит поперек глубокой ямы. Там вы и найдете старика.

— Спасибо вам! — сказал Бемби от всего сердца.— Не знаю, сумею ли я отыскать его по этим приметам, но тысячу раз благодарю вас.

И он быстро побежал прочь.

Сыч бесшумно следовал за ним и вдруг заорал над самым его ухом:

— У-ик! У-ик! У-ик!

Бемби всего передернуло.

— Вы испугались? — осведомился сыч.— Я напугал вас?

— Да...— пролепетал Бемби, и на этот раз он сказал правду.

Сыч заворковал, очень довольный:

— Я только хотел еще раз напомнить вам — не выдавайте меня. Но Бемби уже бежал дальше.

Когда он достиг края рва, из темной, мрачной глубины неожиданно и бесшумно вырос перед ним Старейший.

— Меня уже нет там, куда ты стремишься,— сказал он.— Что тебе нужно от меня?

— Ничего...— пробормотал Бемби, охваченный внезапной робостью.— О... ничего особенного...

После короткого молчания Старейший сказал мягким голосом:

— Но ты ищешь меня не первый день. Вчера ты дважды прошел совсем близко от меня, а сегодня ты едва не задел меня, пробираясь через валежник у лисьей норы.

— Почему...— Бемби собрал все свое мужество,— почему вы так сказали тогда о Гобо?..

— Ты что же, думаешь, я неправ?

— Нет, я чувствую, что это правда!..— страстно воскликнул Бемби.

Старый вождь чуть приметно кивнул. Глаза его еще никогда не глядели на Бемби так благосклонно, и Бемби, осмелев, повторил:

— Но почему? Вот что я не могу понять.

— Довольно и того, что ты чувствуешь это. Придет время — и ты все поймешь. Прощай.

Вскоре уже все обитатели леса стали замечать странное и опасное поведение Гобо.

Ночью, когда все бодрствовали и бродили по лесу, Гобо спал. Зато днем, когда каждое разумное существо ищет укрытия, чтобы выспаться и отдохнуть, Гобо без малейшей опаски выходил из чащи и стоял посреди поляны в ярком свете солнца, сохраняя полное душевное спокойствие.

Бемби не мог больше терпеть подобное безрассудство.

— Ты что же, совсем не думаешь об опасности? — спросил он Гобо.

— Нет,— отвечал Гобо,— для меня ее просто не существует.

— Ты забываешь, дорогой Бемби,— вмешалась тетя Энна,— ты забываешь, что Он лучший друг моего Гобо. Вот почему Гобо может позволить себе гораздо больше, чем ты или кто другой.— И тетя Энна победоносно огляделась.

Однажды Гобо сказал ему доверительно:

— Станные порядки у вас тут в лесу: каждый кормится когда попало и где попало.

— А как же может быть иначе? — не понял Бемби.

— Что касается меня,— самодовольно сказал Гобо,— то я привык, чтобы еду мне приносили в положенное время и приглашали меня откусать.

Бемби с состраданием взглянул на Гобо. Затем он перевел взгляд на тетю Энну, Фалину и Марену, но те лишь посмеивались, восхищенные словами Гобо.

— Мне кажется,— сказала Фалина,— тебе будет особенно трудно привыкнуть к зиме, Гобо. У нас тут зимой не водятся ни свежего сена, ни картофеля, ни репы.

— А ведь верно,— задумчиво произнес Гобо.— Мне это как-то не приходило в голову. Я даже представить себе не могу, каково это будет зимой. Должно быть, ужасно!..

— Не надо преувеличивать,— спокойно сказал Бемби.— Иной раз, правда, приходится трудно, но ничего ужасного в этом нет.

— Ну,— высокомерно сказал Гобо,— если мне будет трудно, я просто-напросто опять отправлюсь к Нему. Почему я должен голодать? Это не в моих привычках.

Бемби молча отвернулся и пошел прочь.

Когда Гобо остался наедине с Мареной, он заговорил о Бемби.

— Он не понимает меня,— жаловался Гобо.— Милый Бемби думает, что я все тот же маленький, глупый Гобо, каким он меня знал когда-то. Он никак не может взять в толк, что из меня вышло нечто не совсем обычное, что я не такой, как все. Далась ему эта опасность! Он, конечно, говорит из добрых побуждений, но пусть он раз и навсегда усвоит, что опасность существует только для него и ему подобных, но не для меня.

Марена во всем соглашалась с Гобо. Она любила его, и Гобо любил ее, они были очень счастливы друг с другом.

— Видишь ли,— продолжал Гобо,— никто не понимает меня так хорошо, как ты. Конечно, мне не на что жаловаться, меня уважают и чтут повсеместно. Но ты, ты понимаешь меня лучше всех. Сколько ни рассказываю я другим о Его доброте, они все равно остаются при своем...

— А я всегда верила в Него! — мечтательно сказала Марена.— Разве ты не помнишь, что мы говорили о Нем незадолго до твоего исчезновения? И я сказала тогда, что настанет время, и Он придет к нам в лес и будет играть с нами...

— Не-ет,— протянул Гобо,— этого я не помню...

Минуло несколько недель. Раннее хмарное утро застало Бемби и Фалину, Гобо и Марену в родном орешнике, неподалеку от поляны. Бемби и Фалина только что вернулись с прогулки; миновав старый дуб, они стали подыскивать себе место для ночлега, как вдруг столкнулись с Гобо и Мареной. Гобо держал путь на поляну.

— Оставайся-ка лучше с нами,— сказал Бемби.— Скоро взойдет солнце, сейчас никто не выходит на волю.

— Вот как! — усмехнулся Гобо.— Но я уж не раз говорил тебе, что другие мне не указка.

Он двинулся своей дорогой, Марена последовала за ним.

— Пусть делает, что ему угодно! — в сердцах сказал Бемби Фалине.— Пойдем!..

Но не успели они и шага шагнуть, как с другой стороны поляны послышался пронзительный, предостерегающий крик сойки.

Бемби вмиг повернулся и кинулся вслед за Гобо. Он настиг его и Марену почти у самого дуба.

— Слышишь? — крикнул Бемби.

— Ты о чем?.. — озадаченно спросил Гобо.

Снова пронзительно закричала сойка.

— Неужели ты не слышишь? — повторил Бемби.

— Ах, ты о сойке!.. — спокойно сказал Гобо. — Но какое мне до нее дело?

— Это опасность! — пытался внушить ему Бемби. — Пойми ты — опасность!

Но вот затрещала сорока, за ней вторая, а вскоре и третья вплела свой стрекот в их тревожный переключ. Еще раз прокричала сойка, а высоко в воздухе подала свой сигнал ворона.

Теперь и Фалина принялась уговаривать брата:

— Не выходи, Гобо! Это опасно! Останься здесь, Гобо! Ну будь таким милым! Останься сегодня с нами... Ведь там опасность!..

Но Гобо только посмеивался:

— «Опасность»!.. «Опасность»!.. Какое мне дело до вашей опасности?

И тут Фалине пришла хорошая мысль:

— Пусть тогда один из нас выйдет первым, чтобы мы хоть знали...

Не успела Фалина договорить, как Марена одним прыжком выскочила из укрытия.

Все трое стояли и смотрели ей вслед. Бемби и Фалина — затаив дыхание, Гобо — с нарочито покорным видом.

Они видели, как Марена медленной, колеблющейся походкой шаг за шагом продвигалась к поляне. Высоко подняв голову, она во все стороны обнюхивала воздух.

Внезапно — молниеносный поворот, высокий прыжок, и словно мощным порывом ветра ее внесло обратно в чашу.

— Он!.. Он там! — лепетала она прерывающимся от ужаса голосом. — Я... я видела Его... Он там, по ту сторону, у ольхи...

— Надо бежать! — вскричал Бемби.

— Бежим, Гобо! — взмолилась Фалина.

А Марена беззвучно шептала:

— Прошу тебя, Гобо, бежим отсюда... я прошу тебя...

Но Гобо оставался невозмутим:

— Бегите, кто вас держит! А я пойду к Нему, чтобы приветствовать Его!

И он тут же без колебаний двинулся вперед.

Охваченные страхом за Гобо, они остались стоять и видели, как уверенно и неторопливо вышел он на поляну.

Спокойно стоя посреди поляны, Гобо взглядом отыскивал ольху. Вот он радостно вскинул голову, видимо приветствуя своего друга, и тут грянул гром. Гобо подкинуло в воздух, он стремительно повернулся и неверными прыжками бросился обратно в чашу.

Бемби, Фалина и Марена все еще стояли, оцепенев от ужаса, когда мимо них промчался Гобо. Они услышали его свистящее дыхание, враз повернулись, нагнали Гобо и, заключив его в середину, понеслись дальше.

У старого дуба Гобо упал.

Они сразу остановились: Марена — рядом с Гобо, Бемби и Фалина немного поодаль.

Гобо лежал с развороченным боком. Слабым, неверным движением приподнял он голову.

— Марена... — проговорил он с трудом. — Марена... Он не узнал меня... — Голос его прервался.

Буйно и грозно зашумели кусты на краю поляны.

Марена наклонилась к Гобо:

— Он идет, Гобо, Он идет... Вставай же, ты должен встать!..

Гобо еще раз попытался приподнять голову, засучил ногами и сник.

С треском, шорохом, свистом раздвинулись кусты — и вышел Он.

Марена увидела Его совсем близко. Медленно и бесшумно ступила она назад и скрылась в кустах орешника, затем легкими, неслышными скачками устремилась к Бемби и Фалине.

На пути она еще раз оглянулась и увидела, как Он склонился над поверженным и схватил его.

Затем раздался звенящий предсмертный крик Гобо.

Бемби был один. Он шел на реку, тихо катившую свои воды между густыми тростниками и старыми ветлами. С тех пор как Бемби избрал одинокую дорогу, он все чаще и чаще приходил сюда. Здесь не было проторенных троп, и ему не грозила встреча с кем-либо из родичей. Он очень изменился за последнее время: посуровел и погрустнел, жизнь представлялась ему безнадежно мрачной. Он и сам не понимал, что с ним происходит, да и не пытался разобраться в этом. В голове его бродили какие-то смутные, сбивчивые мысли, но раздумье приносило лишь усталость.

Бемби имел обыкновение подолгу стоять на речном берегу. Ему нравилось наблюдать течение воды на излучине; прохладное дыхание волн несло с собой незнакомый горьковатый аромат, успокаивающий и освежающий душу. Бемби стоял и смотрел на уток, которых тут было множество — настоящее утиное царство! Они беспрерывно переговаривались друг с дружкой, всегда любезно, умно и серьезно. У берега плавали утки-матери, каждая со своим выводком. Матери все время учили и воспитывали малышей, без усталости сообщая им всё новые и новые полезные сведения. Порой то одна, то другая мать подавала сигнал опасности. Утята, не мешкая, кидались врассыпную, совершенно беззвучно и очень быстро.

Бемби видел, как малыши, еще не умеющие летать, задавали стрекача в густом камыше. Они продвигались так ловко и осмотрительно, что ни одна камышинка не могла выдать их предательским вздрагиванием. И там и здесь маленькие темные тела быстро прошмыгивали в ситник¹. Короткий зов матери — и вся ватага вихрем неслась назад. В один миг выводок был в сборе и вновь

¹ Ситник — здесь: луговая сорная трава.

принимался осторожно крейсировать в заводи. Бемби не переставал удивляться ловкой утиной повадке. Право, это было похоже на фокус!

Как-то раз после очередной тревоги Бемби спросил почтенную утку-мать:

— А чем была вызвана тревога? Я смотрел очень внимательно, но ровным счетом ничего не заметил.

— Ничего и не было,— ответила утка.

В другой раз сигнал тревоги подал маленький утенок. Издав две-три резкие ноты, он быстро повернулся, стрелой пронесся сквозь камыш и вышел на берег как раз в том самом месте, где стоял Бемби.

— Что случилось? — спросил Бемби.— Я ничего не заметил.

— Да ничего и не было,— ответил малыш.

Он не по годам умело отряхнул хвостовые перышки, искусно сложил над ними острые кончики крыльев и снова нырнул в воду.

Но Бемби был слишком высокого мнения об утках, чтобы поверить этим словам. Он понимал, что они более чутки и бдительны, чем он, у них острее слух и зорче взгляд. Когда он находился рядом с ними, его немного отпускало то постоянное трудное напряжение, в котором он жил последнее время.

Бемби любил беседовать с утками. В отличие от других обитателей леса, они не любили судачить о пустяках. Они рассказывали о воздухе, о ветре, о далеких полях, где растут вкусные, сочные травы.

Несколько раз Бемби видел, как вдоль берега, подобно многоцветной молнии, проносился в воздухе неизвестный ему маленький летун. «Ш-р-р!» — тихонько, словно про себя, верещал зимородок, красочная жужжащая точка. Он сиял голубым и зеленым, искрился красным, вдруг вспыхивал и исчезал. Восхищенный редкостным нарядом незнакомца, Бемби не раз окликал его, но тщетно.

— Напрасно вы стараетесь,— слышался из густого камыша голос водяной курочки,— он все равно не ответит.

— Где вы? — спросил Бемби, отыскивая ее взглядом в камыше.

— Я здесь! — слышался из травы смешок водяной курочки.— Этот мрачный тип, которого вы только что звали, ни с кем не общается. Так что не трудитесь понапрасну.

— Он такой красивый! — сказал Бемби.

— Но скверный! — заключила водяная курочка, успевшая опять переменить место.

— Почему вы так думаете? — поинтересовался Бемби.

Совсем с другой стороны, из сухого желтого тростника, прозвучал ответ водяной курочки:

— Его ничто и никто не интересует. Пусть хоть весь мир пойдет прахом. Он ни с кем не здоровается и не отвечает на приветствия. Он никогда не даст знать, что опасность близка. Он еще ни с кем не перемолвился словом.

— Бедняга,— сказал Бемби.

Водяная курочка продолжала; теперь ее веселый голосок звучал среди широких темных листьев кувшинок:

— Он думает, что его две-три красочки вызывают зависть, и не хочет, чтобы кто-нибудь разглядел его получше.

— Но вы тоже не даете на себя взглянуть,— заметил Бемби.

Тотчас водяная курочка предстала перед ним. Ростом невеличка, но изящно сложенная, в темном простеньком, блестящем от воды наряде, появилась она перед Бемби — подвижная, живая, забавная. И вмиг скрылась под водой.

— Не понимаю, неужели можно так долго оставаться на одном месте! — крикнула она и добавила уже из отдаления: — Это скучно и опасно!

И еще раз прозвучал ее голосок, но совсем в другой стороне:

— Больше двигаться!

Снова переменяя место, водяная курочка весело заключила:

— Если хочешь долго жить и быть всегда сытым — нужно двигаться!..

Легкое покачивание былинки заставило Бемби насторожиться. Он пригляделся. На береговом откосе мелькнула чья-то рыжая шубка и скрылась в тростнике. И сразу почуял он горячий, острый запах лисицы. Бемби хотел крикнуть, предупреждая стукнуть оземь копытом, но не успел. Зашуршали камыши, что-то бултыхнулось, и жалобно закричала утка. Бемби услышал ее отчаянное трепыхание, на миг утка возникла над травой, и Бемби увидел, что она изо всех сил хлещет лисицу крыльями по щекам. Затем борющиеся скрылись за береговым откосом. Но вот снова появилась лисица, с добычей в зубах. Голова утки бессильно поникла, ее крылья слегка трепыхались, но это нисколько не заботило лисицу. Искоса насмешливо глянула она на Бемби и скрылась в чаще.

Бемби стоял неподвижно. С громким кряканьем поднялись на воздух две старые утки. Водяная курочка изо всех сил подавала запоздалый сигнал тревоги. Казалось, ее голосок звучит одновременно в нескольких местах. Синицы на кустах взволнованно попискивали. В камыше потерянно шныряли утята. Над берегом, сверкая и переливаясь, летел зимородок.

— Простите! — вскричали утята. — Вы не видели нашу маму?

— Ш-р-р! — просвиристел зимородок. — Мне нет до нее дела! — и, вспыхнув пунцовым пламенем, исчез.

Бемби повернулся и пошел прочь. Он пересек пустырь, заросший рутей, миновал высокий смешанный кустарник, долго шел ореховой порослью, пока не оказался на краю глубокого оврага. Бемби перебрался через овраг и стал искать Старейшего. Давно уже, с самой гибели Гобо, не виделись они.

Наконец Бемби увидел его и со всех ног кинулся ему навстречу.

Некоторое время они молча шли бок о бок. Затем Старейший спросил:

— Ну, часто среди ваших вспоминают о нем?

Бемби догадался, что тот имеет в виду Гобо.

— Не знаю... я почти все время один...— И нерешительно добавил: — Но я... я часто думаю о нем.

— Значит, ты теперь один?

— Да,— сказал Бемби и выжидательно посмотрел на Старейшего.

Но тот молчал. Они пошли дальше. Внезапно Старейший остановился.

— Ты ничего не слышишь?

Бемби прислушался. Нет, он ничего не слышит.

— Идем! — воскликнул Старейший и поспешно зашагал вперед.

Бемби следовал за ним. И снова Старейший остановился:

— Ты все еще ничего не слышишь?

На этот раз Бемби уловил какой-то невнятный шорох. Похоже было, что где-то пригнулись и резко распрямились ветви. При этом что-то глухо и мягко ударилось о землю.

Бемби приготовился к бегству.

— Идем туда! — приказал Старейший и, повернувшись на шум, устремился вперед.

— А там не опасно? — спросил на бегу Бемби.

— Как же!.. — мрачно отозвался Старейший. — Там большая опасность!

Вскоре они увидели рослый куст черемухи. Ее ветки порывисто раскачивались вверх и вниз, словно их кто-то дергал и тряс. Подбежав ближе, они обнаружили, что здесь пролегает небольшая просека. И в самом начале просеки, на земле, простерся друг-приятель заяц. Он то метался в разные стороны, то вдруг замирал, то снова начинал метаться, причем каждое его движение отзывалось на ветвях черемухи.

Бемби заметил тонкую нить, похожую на побег или усик растения. Туго натянутая нить спускалась с ветки, другим концом захлестнув шею зайца.

Верно, друг-приятель заяц услышал, что кто-то идет. Он подскокил, упал, снова вскочил, порываясь бежать, но тут же кувырком полетел в траву и беспомощно забарахтался.

— Спокойно, друг заяц! Спокойно, это я! — сказал Старейший мягким, исполненным сострадания голосом, пронявшим Бемби до самого сердца. — Только не двигайся! Главное — не двигайся!

Заяц послушался. Теперь он лежал совсем тихо, лишь из груди его вырывалось сдавленное, хриплое дыхание.

Старый олень взял губами ветку черемухи, пригнул книзу и наступил на ее конец. Плотно придавив ветку копытом, он одним ударом рогов переломил ее.

Затем повернулся к зайцу:

— Крепись, как бы больно тебе ни было.

Склонив голову набок, он прижал один из рогов короны к затылку зайца, глубоко просунул его за ушами-ложками в мех и стал

нащупывать петлю. Короткая судорога пронизала тело зайца. Олень тотчас его отпустил.

— Спокойно! — сказал он. — Дело идет о жизни!

Сызнава принялся он за свою работу. Заяц лежал тихо и неподвижно. Бемби следил за ними в молчаливом изумлении.

Рог оленя далеко проник в мех зайца и нащупал наконец петлю. Опустившись на колени, Старейший сверлящим движением головы просунул рог глубоко в петлю, чуть ослабив ее хватку.

Заяц судорожно глотнул воздух, и тотчас же его ужас и боль вырвались из него громким воплем.

— Молчи же! — сказал Старейший с кроткой укоризной.

Его рог упирался в плечо зайца, рог торчал между ушами-ложками, и было похоже, словно он насквозь проткнул друга-приятеля зайца.

— Не будь же таким глупым и перестань плакать, — совсем не строго ворчал олень. — Ты что же, хочешь лису сюда приманить? То-то и оно! Лежи спокойно!..

И он продолжал работать медленно, осторожно, сосредоточенно. Внезапно петля со свистом скользнула прочь. В первое мгновение заяц даже не заметил, что оказался на свободе. Затем он вскочил, сделал шаг и ошеломленно припал к земле. Но вот он прыгнул, еще раз и еще. Вначале робко, затем все смелее и вдруг припустил со всех ног.

— Даже не поблагодарил!.. — возмущенно воскликнул Бемби.

— Он еще не пришел в себя, — мягко сказал Старейший.

Петля лежала на земле, на вид такая мирная и неопасная. Бемби тихонечко дотронулся до нее копытом. Она тонко зашипела, и Бемби испуганно отдернул ногу. Этот звук не принадлежал к знакомым ему лесным шумам.

— Он? — тихо спросил Бемби.

Старейший кивнул.

Не спеша двинулись они прочь.

— Запомни этот урок, — говорил Старейший. — Когда идешь по просеке, всегда проверяй ветки. Выставляй вперед рога и води ими вверх и вниз и, если услышишь такой вот шип, поворачивай назад. Будь вдвойне внимателен и осторожен в то время, когда ты не носишь корону. Я в эту пору вообще не хожу по просекам.

Бемби молчал, погруженный в свои думы.

— Так Его самого здесь нет... — прошептал он наконец в глухом удивлении.

— Нет, сейчас Его нет в лесу.

— И все-таки Он есть! — горько сказал Бемби.

Старейший пристально взглянул на Бемби.

— Как это говорил ваш Гобо? Кажется, бедняга называл Его всемогущим и всемилостивейшим?

— А разве он не всемогущий?.. — прошептал Бемби.

— Так же, как и не всемилостивейший! — гневно сказал Старейший.

— А как же с Гобо?.. — робко пробормотал Бемби. — С Гобо он был добр...

Старый олень остановился.

— Ты так думаешь, Бемби? — спросил он печально. Впервые назвал он Бемби по имени.

— Не знаю! — воскликнул Бемби томительно. — Я ничего не знаю!

Старый вождь проговорил медленно:

— Что же, учись жизни и будь настороже.

...В этот день с Бемби случилось несчастье.

Бледный сумрак предрассветья растекся по лесу, с поля и лужаек поднялся молочно-белый туман. Была та удивительная, мягкая, чуть колеблемая ветром тишина, что предшествует рождению утра. Еще не проснулись вороны и сороки, еще спала сойка.

Минувшей ночью Бемби встретил Фалину. Она глядела на него робко и печально.

— Я так одинока! — сказала она тихо.

— Я тоже одинок, — медленно проговорил Бемби.

— Почему ты больше не бываешь со мной? — смиренно спросила Фалина.

Бемби испытал мгновенную боль: веселая, дерзкая Фалина стала такой покорной и тихой.

— Одинокий путник идет дальше других! — Бемби хотел сказать это мягко, жалеючи, но против воли голос его прозвучал сурово.

— Ты больше не любишь меня? — спросила Фалина чуть слышно.

— Не знаю, — ответил Бемби.

Ничего более не сказав, Фалина медленно побрела прочь...

Теперь Бемби стоял один под старым дубом на краю поляны и пил утренний ветерок, который был так чист, что ничем не тревожил обоняние. Влажный, бодрящий ветерок, приятно и свежо пахнувший землей, росой, травой и сырым деревом.

Бемби всей грудью вобрал воздух. Ему вдруг стало так легко на душе, как давно уже не было. Весело вышел он на поляну, окутанную бледным туманом.

И тут ударил гром.

Страшный толчок заставил Бемби покачнуться, осесть на задние ноги. В неистовом ужасе прыгнул он назад в чашу и бросился бежать. Он не понимал, что случилось, он не мог сосредоточиться ни на одной мысли, он только бежал, бежал. Страх с такой силой сдавил ему сердце, что трудно было дышать. Внезапно он почувствовал острую, колющую боль, правое бедро облилось нестерпимым жаром. Он невольно сдержал бег, затем перешел с бега на шаг. Задние ноги налились тяжестью, и Бемби показалось, что у него сломлен крестец. Он опустился на землю.

Какое наслаждение тихо лежать и ни о чем не думать!..

— Вставай, Бемби! Вставай! — Он почувствовал, что кто-то толкает его в плечо.

Он приоткрыл глаза и увидел Старейшего.

— Я не могу... — Бемби и сам не знал, произнес ли он это вслух или только подумал.

— Вставай, Бемби, вставай!

В голосе старого оленя было столько властного напора и вместе нежности, что даже боль, переполнявшая Бемби, на мгновение стихла.

— Вставай! Ну вставай же!.. — Глубокий, мощный голос впервые дрогнул испугом. — Надо бежать, дитя мое!..

«Дитя мое»! Эти слова непроизвольно вырвались из сердца Старейшего, и миг Бемби встал на ноги.

— Вот так! — кивнул Старейший, тяжело дыша. — Сейчас ты пойдешь со мной... Теперь ты всегда будешь со мной!..

Он быстро зашагал вперед. Бемби побрел за ним, но его томило желание опуститься на землю, смежить веки и потерять себя в неведомом боли забытии.

Старый олень догадывался о том, что происходит с Бемби.

— Сейчас ты должен стерпеть любую боль. Ты не смеешь думать о покое... Думай только о спасении, только о спасении и ни о чем больше... Ты слышишь меня, Бемби? Беги... иначе ты погиб... Думай о том, что Он идет по твоим следам и убьет тебя без сожаления. Ну, прибавь шагу... так... хорошо... Вперед, дитя мое, вперед!

Но Бемби уже ни о чем не думал. Каждый шаг причинял ему невыносимую муку, казалось, все его тело стало сплошной кровоточащей раной.

Старейший описывал широкий круг. Это длилось бесконечно долго. Сквозь пелену боли и слабости Бемби с удивлением обнаружил, что они вновь оказались у старого дуба. Тут Старейший остановился, обнюхал землю и прошептал:

— Где-то здесь... поблизости... Он и Его собака... Вперед, быстрее!..

Они побежали.

Внезапно старый олень остановился.

— Ты видишь? — воскликнул он. — Вот тут ты лежал.

Бемби увидел примятую траву и широкую лужу крови. Густая, темная кровь медленно впитывалась в землю.

— Чуешь? — Ноздри старого вождя трепетали. — Чуешь, Бемби? Они уже побывали на этом месте... Он и Его собака. Вперед!..

Они двинулись дальше. Бемби увидел кровавые капли на листьях кустов и стеблях трав. «Мы уже проходили тут...» — хотел он сказать и не мог.

— Ну вот... — с глубоким удовлетворением проговорил наконец Старейший. — Сейчас мы зашли им в спину.

Еще некоторое время вел он Бемби по прежнему следу, затем

сделал петлю и принялся описывать новый круг. Бемби следовал за ним в полузабытьи.

Вторично, но уже с другой стороны вышли они к дубу, вторично прошли место, где Бемби упал, затем вожак вновь круто изменил направление.

— Ешь вот это! — Старейший остановился и указал Бемби на крохотные темно-зеленые жирные и курчавые листочки, росшие у самой земли.

Бемби повиновался. Вкус листочков был горек и невообразимо противен.

Через некоторое время Старейший спросил:

— Ну, как теперь?

— Лучше, — ответил Бемби.

К нему внезапно вернулся дар речи, сознание прояснилось, и усталость прошла.

— Теперь ты пойдешь впереди, — приказал Старейший.

Долго шел он позади Бемби, пока не остановил его вдруг радостным возгласом:

— Наконец-то!..

Бемби недоуменно оглянулся.

— Твои раны больше не кровоточат. Кровь перестала капать на кусты и травы и уже не указывает Ему и Его собаке дорогу к твоей жизни!

Старый олень казался усталым, измученным, но голос его вновь был полон бодрой силы.

— Идем же, — сказал он, — теперь тебе нужен покой.

Они подошли к широкому рву. Старейший спустился вниз, затем в несколько могучих прыжков одолел крутой подъем. Бемби последовал за ним, но ему никак не удавалось взобраться на другую сторону.

Боль снова проснулась в нем, он спотыкался, падал, вставал, карабкался дальше и вновь оскользал назад.

— Я ничем не могу помочь тебе, — говорил сверху Старейший, — но ты должен — слышишь меня, Бемби? — должен взобраться сюда.

И мучительным, неистовым усилием Бемби одолел кручу. Он чувствовал, как стремительно истаивает в нем сила, тяжелый жар боли подкатил к самому сердцу.

— Твоя рана опять кровоточит, хотя и не так сильно, — сказал Старейший. — Я этого ждал. Но сейчас это не причинит нам вреда.

Медленно, шаг за шагом, продвигались они сквозь высокий, чуть не до неба, кустарник. Почва была твердой и гладкой. Ноги разъезжались, идти становилось все труднее. Бемби снова захотелось лечь на землю, закрыть глаза и ни о чем не думать. У него начиналась лихорадка, голова раскалывалась, темная пелена застилала зрение. И ничего не осталось в нем, кроме желания отдыха и покоя, да еще равнодушного удивления перед тем, как внезапно, в один миг, изменилась его жизнь.

Неужели был он когда-то здоровым и бодрым?.. Да, был... еще сегодня утром... совсем недавно... Но казалось, что это счастье было пережито в какие-то неправдоподобно далекие времена...

И все же он шел. Позади остался дубняк, молодой ольшаник, и вот громадный, потрескавшийся ствол бука в густоте боярышника преградил им путь.

— Мы пришли...— как сквозь сон, где-то в стороне от себя, услышал Бемби голос Старейшего.

Слепой от боли и усталости, он двинулся на голос и вдруг провалился в какую-то яму.

— Вот так! — спокойно сказал Старейший. — Теперь продвигайся немного вперед и ложись.

Яма, в которую упал Бемби, уходила под ствол бука, там она углублялась и расширялась наподобие пещеры. Боярышник и дрок¹ сомкнулись над ее входом, укрыв Бемби от всего света.

— Здесь ты будешь в безопасности,— донесся сверху голос старого оленя.

Шли дни.

Бемби лежал в теплом лоне земли, над головой — гнилая кора поверженного дерева. Он прислушивался к своей мучительной боли, которая вначале все росла и ширилась в его теле, затем словно сжалась, стянулась в крохотный очажок, все еще оставаясь острой, и вдруг начала быстро, день ото дня, слабеть, утихать.

Изредка Бемби выбирался наружу. Вначале он мог только стоять на своих ослабевших ногах, но вскоре отважился сделать два-три шатких, неверных шага. Теперь он мог добывать себе пищу.

Бемби выбирал такие травы, на которые никогда бы не польстился прежде, даже в зимнюю бескормицу. Но сейчас они манили, притягивали его своим ароматом редкой, влекущей остроты. То, чем он прежде брезговал, что выплевывал обратно, случайно прихватив вместе с хорошей, сладкой травой, казалось теперь удивительно вкусным, пряным яством. Некоторые стебли и травы и сейчас были противны ему по вкусу, но он заставлял себя есть их, чувствуя их целебную силу. И раны его затягивались быстро.

Бемби был почти здоров, но все еще не покидал яму. Лишь ночью выходил он немного размяться, а день проводил в своей надежной земляной постели.

Только сейчас, когда боль отпустила его, Бемби впервые осознал, как бы наново пережил все, что произошло с ним, и великий ужас потряс его душу.

Он выздоровел телом, но еще долго не мог вернуть себе свою прежнюю, несмятенную душу и потому не решался выйти в большой мир, зажечь прежней вольной жизнью.

¹ Дрок — кустарниковое растение с желтыми цветками.

Дни, недели лежал он в яме под стволом поверженного бука, испытывая то страх, то стыд, то удивление, то глубокую благодарность к своему спасителю, и был порой то безнадежно грустен, то почти счастлив.

Вначале Старейший не покидал Бемби ни днем, ни ночью. Потом он стал ненадолго отлучаться, считая, что Бемби полезно одинокое раздумье. Но и тогда он держался поблизости от пещеры.

Однажды вечером разразился ливень с громом и молниями. А небо, озаренное лучами заходящего солнца, оставалось прозрачным, чистым, голубым. На верхушках деревьев вовсю заливались черные дрозды, били зяблики. В кустах свистели синицы, в траве, у подножий деревьев фазаны рвали глотку металлическими короткими воплями, дятел звеняще подхохатывал, и задумчиво ворковали голуби в своем неизменном любовном согласии.

Бемби покинул пещеру. Жизнь была прекрасна. Неподальску, словно поджидая его, стоял старый олень, и они тихо пошли рядом.

В одну из ночей, напоенную шорохом осенних листьев, на верхушке ясеня пронзительно закричал сыч. Затем он немного выждал и закричал снова.

Но Бемби давно заметил его сквозь поредевший убор ветвей и остался спокоен. Сыч слетел вниз и закричал еще пронзительнее. И снова подождал. Но Бемби и на этот раз не оценил его стараний. Больше сыч не мог выдержать.

— Вы не испугались? — спросил он недовольно.

— Нет, почему же, — мягко ответил Бемби, — немножко испугался.

— Так, так, — огорченно проворчал сыч. — Всего лишь немножко? А раньше вы ужасно пугались. Было поистине наслаждением смотреть, как вы пугались. Отчего же все-таки вы сегодня так мало испугались?.. — И он сердито передразнил: — «Немножко»! «Немножко»!..

Сыч состарился и стал еще тщеславнее, чем прежде.

Бемби хотелось ответить: «Я и прежде никогда не пугался, просто я лгал, чтобы доставить вам удовольствие». Но он сохранил это признание про себя. Ему было жалко доброго старого сыча, который сидел на своей ветке такой сердитый и огорченный.

— Видите ли, — снова солгал Бемби, — это случилось, наверно, потому, что в ту минуту я как раз думал о вас.

— Что? — Сыч немного приободрился. — Что? Вы думали обо мне?

— Да, — ответил Бемби. — Как раз когда вы закричали. Иначе я, без сомнения, испугался бы так же сильно, как и всегда.

— В самом деле? — проворковал сыч.

Бемби готов был подтвердить все что угодно, ведь ему не было от этого никакого вреда: пусть порадуется старина сыч.

— В самом деле! — сказал он убежденно. — У меня всякий раз подгибаются ноги, когда я слышу ваш ни с чем не сравнимый голос.

Сыч раздул перья и превратился в мягкий коричнево-серый пушистый шарик. Он был счастлив.

— Это очень мило, что вы думали обо мне... очень мило...— проворковал он нежно.— Давненько мы с вами не виделись.

— Очень давно,— сказал Бемби.

— Вы больше не ходите старыми дорогами? — поинтересовался сыч.

— Нет,— медленно ответил Бемби,— старыми дорогами я больше не хожу.

— Я тоже теперь шире охватываю мир,— величественно сказал сыч, умолчав о том, что его просто-напросто согнал со старого места бесцеремонный юнец.— Нельзя же все время оставаться на одном месте,— добавил он и стал ждать ответа.

Но Бемби уже ушел. Он научился удивительному искусству старого оленя исчезать внезапно и бесшумно.

— Это бессовестно! — вознегодовал сыч.

Он встряхнулся, погрузив клюв в грудные перышки и принялся философствовать сам с собой:

— Берь после этого дружбе знатных господ!.. Даже когда они так любезны... в один прекрасный день они теряют всякую совесть, и тогда ты чувствуешь себя столь же глупо, как вот я сейчас...

Внезапно он камнем упал вниз. Он высмотрел мышь, и вот она уже попискивает у него в когтях. Вымещая свою злобу, сыч безжалостно разорвал ее и, хоть не был голоден, быстро, жадно поклевал маленькие кусочки. Затем он полетел прочь.

«Какое мне, в конце концов, дело до Бемби? — думал он.— Какое мне дело до всей этой достойной компании? Они нисколько мне не нужны!»

И он принялся кричать, непрерывно и так пронзительно, что спавшая на дереве чета витютней в испуге проснулась и взлетела, громко треща крыльями.

Много дней кряду свирепствовал холодный осенний ветер. Он начисто ободрал деревья, не оставив ни одного листочка на черных влажных ветвях. Лес стоял сквозной и прозрачный.

На утреннем знойком рассвете Бемби направлялся к оврагу, где отдыхал обычно вместе со Старейшим на ворохе опавшей листвы. Кто-то окликнул его тоненьким голоском. Бемби остановился.словно молния, мелькнула в головокружительном прыжке с верхушки дерева белочка и вмиг оказалась на земле.

— Так это действительно вы? — проговорила она с благоговейным изумлением.— Я узнала вас, едва вы показались, но я не могла поверить, что это вы.

— Как вы сюда попали? — спросил Бемби.

Маленькая задорная мордочка, только что глядевшая на него так весело, стала печальной.

— Нет больше нашего дуба!..— запричитала белочка.— Нашего прекрасного старого дуба... О, это было ужасно! Он опрокинул наше дорогое дерево.

Бемби понурил голову. Ему от души было жаль чудесный старый дуб.

— Это произошло так неожиданно,— рассказывала белочка.— Правда, все мы, жившие на дубе, успели удрать и смотрели изда-лека, как Он перекусил наш дуб гигантским сверкающим зубом. Дерево страшно кричало из своей открытой раны, и зуб кричал, просто невыносимо было слушать. А затем бедное прекрасное дерево рухнуло на поляну. Все мы так плакали!..

Бемби молчал.

— Да,— вздохнула белочка,— для Него нет невозможного. Он всемогущ.

Она посмотрела на Бемби большими глазами и наострила ушки, но Бемби молчал.

— Вот мы и остались бесприютными,— продолжала белочка.— Не знаю, куда разбрелись остальные, я же пришла сюда... Но разве найдешь другое такое дерево!..

— Старый дуб...— задумчиво проговорил Бемби.— Старый знакомец далекой, невозвратной поры...

— Значит, это действительно вы! — Белочка была очень довольна.— А все думают, что вас давно нет на свете. Правда, иногда проходит слух, что вы живы... Порой рассказывают, будто вас кто-то видел. Но этим слухам не очень-то верят.— Белочка пытливо посмотрела на Бемби.— Это же так понятно, раз вы не вернулись к своим...

Нетрудно было заметить, с каким нетерпением ждала она ответа Бемби. Но Бемби молчал. В нем самом шевельнулось слабое, боязливое любопытство. Ему хотелось спросить о Фалине, о тете Энне, о Ронно и Карусе, обо всех спутниках своей далекой юности. Но он молчал.

Белочка все еще сидела, поглядывая на Бемби.

— Какая у вас удивительная корона! — изумленно произнесла она.— Чудо-корона! Ни у кого в целом лесу, кроме Старейшего, нет подобной короны!

В прежние времена такая похвала порадовала бы Бемби, но сейчас он только сказал:

— Вот как? Возможно.

Белочка прижала к груди передние лапки.

— Что я вижу! — воскликнула она.— Вы начинаете сидеть!

Бемби ничего не ответил и двинулся своей дорогой. Белочка поняла, что разговор окончен.

— Доброе утро! — крикнула она вдогон Бемби.— Будьте здоровы! Вы меня так порадовали! Если я встречу наших общих знакомых, я расскажу им, что вы живы. Все будут очень рады!..

Бемби слышал ее слова, и что-то вновь шевельнулось в его сердце. Но он и тут ничего не сказал. Умению быть одному учил его Старейший, когда Бемби был еще ребенком. Как-то раз,

когда он горестно призывал свою мать, приблизился к нему старый олень и сказал: «Ты что же, не можешь быть один? Стыдись!»

Бемби шел дальше...

Снега вновь укутали землю, и сонно затих лес под толстым белым покровом. Редко-редко слышался вороний крик, озабоченный таратор сороки, слабый, боязливый чирк синиц. Затем круто завернул мороз, и все умолкло, лишь звенел от стужи воздух.

Однажды утром тишину распорол собачий лай.

Непрерывный, торопливый, взახлеб, лай быстро катился по лесу, звонкий, трескучий, сводящий с ума своим злобным упорством.

В пещерке, перекрытой поверженным буком, Бемби чутко поднял голову и взглянул на лежащего подле Старейшего.

— Это нас не касается,— сказал тот.

Так лежали они в своей пещерке, прикрытой надежным буковым стволом. Высокие навалы снега защищали их от студеного сквозняка, густо сплетенные ветки кустарника, словно частая решетка, скрывали от чужих острых глаз.

Лай все приближался, злой, задышливый, разгоряченный,— наверно, это была маленькая собака.

Вскоре они услышали сквозь лай чью-то тихую, болезненную ворчбу. Бемби забеспокоился, но Старейший снова сказал:

— Это нас не касается.

Они продолжали лежать, только чуть подвинулись к выходу. Теперь им стало видно, что происходит снаружи.

Хрусгел валежник, с ветвей, задетых чьим-то невидимым бегом, опалал снег, и вот уже можно разглядеть бегущих.

Через сугробы и кусты, через пни и толстые корни прыгала, ползла, продиралась старая лиса. А по пятам за ней гналась собака — невзрачный лохматый пес на коротких лапах.

У лисы была перебита передняя нога, на лопатке вырван мех. Она держала перебитую лапу на весу, перед собой, кровь хлестала из раны на груди. Лиса была вне себя от страха и злобы, от усталости и безнадежности. В какой-то миг она резко повернулась, ощерив зубы. Этот неожиданный маневр противника испугал собаку, она отскочила на несколько шагов. Лиса уселась на задние лапы, дальше бежать у нее не было сил. Лязгая зубами, она яростно зашипела на собаку, та ответила новым приступом бешеного лая.

— Вот! Вот! Вот она! — надрывалась собака.— Вот! Вот! Вот она!

Крик ее явно предназначался не лисе, а кому-то другому, кто был еще далеко отсюда.

И Бемби и Старейший понимали, что собака призывает Его. Знала это и лиса. Кровь лилась из нее потоком. Лиса слабела на глазах, ее разбитая лапа бессильно опустилась, прикосновение к холодному снегу причиняло лисе жгучую боль. С трудом приподняла она дрожащую лапу и вытянула ее перед собой.

— Пощади меня...— взмолилась лиса.— Пощади меня!..

— Нет! Нет! Нет! — заладила собака с злобным хрипом.

— Прошу тебя,— смиренно и униженно просила лиса.— Я больше не могу... мне приходит конец... Дай мне уйти, дай мне хоть умереть спокойно.

— Нет! Нет! Нет! Нет! — заходила собака.

— Ведь мы же родня с тобой...— молила лиса.— Почти сестры... отпусти меня... позволь мне умереть среди своих... ведь мы же почти сестры... ты и я...

— Нет! Нет! Нет! Нет! — упорствовала собака.

Последним усилием лиса выпрямилась, ее красивые острые усы горестно отвисли, но глаза открыто и прямо глянули на противника, и совсем иным, спокойным, печальным голосом лиса сказала:

— И тебе не стыдно? Предательница!..

— Нет! Нет! Нет! Нет! — надсаживалась собака.

— Ты перебежчица!.. Ты отступница!..— с горечью говорила лиса; ее израненное тело напряглось силой ненависти и презрения.— Ищейка!.. Подлая ищейка!.. Ты выслеживаешь нас там, где даже Он не смог бы найти нас... Ты преследуешь нас там, куда даже Ему не добраться... Ты губишь нас, твоих родичей, меня, твою сестру... И ты не знаешь никакого стыда!..

И сразу вдруг забурили голоса.

— Предательница! — кричали сороки с верхушек деревьев.

— Отступница! — шипел хорек.

— Перебежчица! — хрипела сойка.

— Ищейка! — просвиристела ласка.

Со всех деревьев, из всех кустов шипели, свистели, пищали, хрипели, а высоко в небе закаркали вороны:

— Кар-караул!.. Среди нас предатель!..

Все спешили сюда, покидая верхушки деревьев, норки, земляные укрытия, чтобы внести свою гневную лепту в этот спор. Возмущение, прорвавшееся в лисе, пробудило и в других старые обиды, годами скопленную горечь и ненависть, а вид крови, пятнающий белизну снега, пьянил, убивая привычный страх.

Собака злобно огляделась.

— Вы! — крикнула она.— Чего вы хотите? Что вы знаете? О чем говорите? Всё, всё принадлежит Ему! Я тоже принадлежу Ему. И я люблю Его, я молюсь на Него, я служу Ему! Вы что же, хотите восстать против Него, всеильного, вы — убогие! Знайте же, Он царит над всем и над всеми! Все, что есть у вас,— от Него! Все, что растет и дышит,— от Него! — Собака тряслась от возбуждения.

— Предательница!..— прошипела лиса.— Гадина!

И тут собака вцепилась ей в глотку. Рыча, сопя, хрипя, катались они по снегу — мохнатый пестрый, дико кружащийся ком. Вокруг летали клочья шерсти, взвихренный снег, брызги крови. Но через несколько мгновений ком распался — лиса так и оста-

лась лежать на взрыхленном снегу. Вот она дернулась, вытянулась и умерла.

Собака для верности трянула ее еще раз, другой и бросила. Широко расставив короткие лапы, она закричала торжествующим голосом:

— Вот! Вот! Вот она здесь!..

Свидетели битвы в ужасе кинулись врассыпную.

— Мне страшно...— тихо сказал Бемби.

— Страшно не убийство,— отозвался Старейший.— Страшна их вера в то, что говорила собака. Они верят в Его всемогущество и проводят свою жизнь в вечном страхе. Они ненавидят Его, презирают себя... и безропотно принимают гибель от Его руки!..

Холода внезапно кончились, в зиме словно наступил перерыв. Земля жадными глотками пила подтаявший снег и вскоре покрылась темными плешинами. Черные дрозды, правда, еще не пели, но, поднимаясь с земли, где отыскивали червяков, или перелетая с дерева на дерево, они издавали долгие, радостные ноты, под стать весеннему пению. Послышался и хохоток дятла, разговорчивее стали вороны и сороки, безумолчно болтали между собой синицы, а фазаны, слетая с деревьев, на которых они зимовали, подолгу, как в добрую летнюю пору, оставались на земле, чтобы почистить перышки и приветствовать восход солнца металлическими надсадными воплями.

Однажды Бемби забрел дальше, чем обычно, и на утреннем рассвете добрался до края оврага. На той стороне, где он некогда жил, мелькала чья-то красная шубка. Схоронившись в кустах, Бемби стал наблюдать. Да, там действительно расхаживал кто-то из его племени и, выискивая свободные от снега местечки, лакомился молодой, едва пробившейся травкой.

Бемби хотел уже повернуть назад, как вдруг узнал Фалину. Первым его движением было броситься к ней, но он остался стоять, словно ноги его приросли к земле. Сердце его горячо билось. Он так давно не видел Фалину! Поступь ее была медленной, затрудненной, то ли от усталости, то ли от печали. Она стала очень похожа на свою мать. Точь-в-точь тетя Энна, с грустным удивлением отметил Бемби. Фалина подняла голову и искала глазами, будто почувствовав его близость...

Снова Бемби неудержимо потянуло к ней, но он и на этот раз остался недвижимым. Бедная Фалина, как поседела и постарела она! «Веселая, дерзкая маленькая Фалина,— думал он,— какой красивой, ловкой и беспечной была ты когда-то!» Вся его юность трепетно всколыхнулась в нем. Он вспомнил поляну, дороги, которыми водила его мать, веселые игры с Гобо и Фалиной, славного кузнечика, изящного мотылька, битвы с Карусом и Ронно, в которых он завоевал Фалину...

А там, вдалеке, медленно, устало и печально, опустив голову, удалялась Фалина. Бемби любил ее в эту минуту так, как никогда

не любил молодой. Он любил ее последней, нежной, грустной и безнадежной любовью. Ему хотелось перескочить ров, так долго отделявший его от Фалины и от других близких, хотелось догнать ее и говорить с ней о вместе проведенной юности, обо всем дорогом и милом, что было у них в жизни. Но он не двигался с места, и вот уже Фалина скрылась в голом, черном кустарнике...

Долго стоял Бемби на краю оврага, неотрывно глядя вдаль. И вдруг ударил гром.

Бемби весь подобрался. Гром прогремел по эту сторону оврага, не очень близко, но и не очень далеко. Затем еще и еще.

В несколько скачков Бемби достиг чащи и прислушался. Тишина. Тогда он осторожно двинулся к дому. Старейший поджидал его возле ствола поверженного бука.

— Ты слышал? — спросил Старейший.

— Да, — ответил Бемби, — трижды гремел гром. Он в лесу.

— Он в лесу, — с каким-то странным выражением повторил Старейший. — И мы должны идти...

— Куда?.. — вырвалось у Бемби. Он не представлял себе лучшего укрытия, чем глубокая пещера под стволом поверженного бука.

— Туда, — сказал Старейший тяжелым голосом. — Туда, где находится Он.

Бемби вздрогнул.

— Не бойся, — продолжал старый вождь, — сейчас ты можешь идти к Нему без опаски. Я рад, что могу повести тебя туда, прежде... — Голос его будто споткнулся, но он овладел собой и твердо закончил: — Прежде чем мы расстанемся навсегда.

И тут Бемби словно впервые увидел, как одряхлел Старейший. Голова его стала блее снега, лицо исхудало, в прекрасных больших глазах погас глубокий блеск, они приобрели усталый, зеленоватый оттенок.

Они отошли совсем недалеко от своего убежища, когда в ноздри им ударил знакомый едкий запах — вечная угроза, вечный ужас.

Бемби остановился, но Старейший шел дальше, навстречу запаху, и Бемби нерешительно последовал за ним.

Все более тяжкими волнами набегал этот возбуждающий, раздражающий запах. Он заглушил уже все остальные запахи леса, он закладывал нос и глотку, так что нельзя было продохнуть. Необоримый позыв к бегству засосал под сердцем у Бемби, голова затуманилась, все жилы напряглись, и, не надеясь на себя, Бемби теснее прижался к старому вожаку. Но тот безостановочно шел вперед.

— Здесь! — сказал Старейший и ступил в сторону.

В поломанном кустарнике, на взрыленном снегу, навзничь простерся Он. Страх, перед которым меркли все иные когда-либо испытанные страхи, охватил Бемби. Давно подавляемое стремление к бегству рванулось наружу стремительным скачком.

— Стой! — услышал он грозный оклик, оглянулся и увидел,

что Старейший спокойно стоит подле Него, по-прежнему простертого на земле.

Вне себя от изумления, Бемби замер, охваченный безграничным любопытством и ожиданием чего-то необыкновенного, медленно приблизился к Старейшему.

Он лежал, обратив к небу бледное, голое лицо. Его шляпа валялась поодаль на снегу, и Бемби, не имевший понятия о том, что такое шляпа, решил, что Его страшная голова раскололась надвое.

На обнаженной шее браконьера зияла рана, напоминавшая маленький красный рот. Кровь еще стекала из раны в темную жижу подтаявшего снега.

— Вот мы стоим здесь,— тихо сказал Старейший,— стоим рядом с Ним... Где же его хваленое всемогущество?

Бемби смотрел на лежавшего, чей стан, чьи члены, чья кожа казались ему загадочными и неуязвимыми, смотрел на Его потухшие глаза и не понимал ничего.

— Бемби,— сказал Старейший,— помнишь ли ты, что говорил о Нем Гобо, что говорила собака и чему слепо верят все обитатели леса?.. Помнишь ли ты?

— Да...— чуть слышно прошептал Бемби.

— Теперь ты видишь, Бемби,— продолжал Старейший,— видишь собственными глазами, что Он вовсе не всемогущ, как утверждают лесные братья. Он такой же, как и все мы. Он знает и страх, и нужду, и страдание, и смерть. Грозный и неустрашимый, идет Он против нас, и Он же, бездыханный, лежит на земле... Так почему же трепещут все перед Ним? У Него нет таких сильных ног, как у нас, у Него нет ни крыльев сокола, ни ловкости ласки, ни зубов лисицы, и все же Он стал самым сильным из всех. Ибо Он — великий борец! Мы, олени, никого не убиваем, но мы должны сравняться с Ним в силе и упорстве жизни. Мы должны жить, сколько бы ни насылал Он на нас смерть. Мы должны множить, охранять, длить наш кроткий и упрямый род, должны защищать свою жизнь и жизнь своих близких, помогать друг другу и лесным братьям нашим против Него. Мы должны быть чуткими, бдительными, осторожными, ловкими, находчивыми, неуловимыми, но никогда — трусливыми. Таков великий закон жизни. Понял ли ты меня, дитя мое?..

— Да,— тихо ответил Бемби.— Закон жизни — это борьба.

Старейший наклонил седую голову, и взгляд его в последний раз сверкнул былым темным огнем.

— Тогда я покину тебя со спокойной душой...

Медленно побрели они вспять. У высокого ясеня старый вождь остановился.

— Не ходи за мной дальше, Бемби,— сказал он спокойно и властно.— Мои дни сочтены, мне осталось лишь подыскать место, где я встречу свой конец.

— Позволь мне...— дрогнувшим голосом начал Бемби.

Но Старейший прервал его.

— Нет,— сказал он твердо,— здесь мы расстанемся. Каждый должен в одиночестве встречать свой последний час. Прощай, мой сын... я очень любил тебя.

Этот летний день родился прямо с рассветом, не было ни утренних сумерек, ни утренней прохлады, ни тихого ветерка. Казалось, солнце поторопилось с восходом; едва погасли ночные светила, оно разожгло свой гигантский костер, жарким пламенем охвативший все небо.

Туман, устилавший поляну, запутавшийся в ветвях кустарников, испарился в единый миг, земля лежала сухая, пыля из трещин золотистым прахом. Но в лесу по раннему часу еще царила тишина. Лишь слышался хохоток дятла да неумолчно ворковали неутомимые в нежности голуби.

Бемби стоял на маленькой укрытой лужайке, выкроившей себе местечко в непроходимой, глухой чаще. Над его головой в луче солнца плясал и кружился комариный рой.

Тихое жужжанье донеслось из листьев орешника, приблизилось, и рядом с Бемби пролетел большой майский жук. Пронизав комариный рой, он поднимался все выше и выше к маковкам деревьев, где он привык отсыпаться до самого вечера. Его роговицы остренько торчали, его крылышки звенели. Раздавшийся комариный рой вновь сомкнулся за ним. Но еще некоторое время в перехвате солнечного луча сверкало его золотисто-коричневое тельце, опутанное стеклянными сверком крылышек.

Проводив взглядом майского жука, Бемби двинулся дальше.

— Вы знаете, кто это? — взволнованно гудели комары, роясь почти над самой его короной.

— Это Старейший,— говорили одни.

А другие добавляли:

— Все его родичи давно умерли, а он все живет и живет.

— Сколько же ему лет? — любопытствовал крошечный комарик.

— Это трудно сказать,— ответил взрослый комар.— Олени живут долго, чуть не целый век. Возможно, они тридцать, сорок раз видят солнце... Наша жизнь тоже длится немало, но мы видим день лишь однажды или дважды.

— А этот старик? — спросил комарик.

— Он пережил всех своих. Вероятно, он стар, как мир... Он столько видел, столько испытал, что это невозможно представить себе.

«Комариные песни,— подумал Бемби,— комариные сказки». Нежный, боязливый клич достиг его уха.

Бемби прислушался и пошел напролом сквозь густую заросль, совсем тихо, совсем беззвучно,— это давно уже стало его привычкой.

Снова прозвучал зов, настойчивый, жалостный, в два голоса, и эти голоса напомнили Бемби его былой, детский голос.

— Мама!.. Мама!..

На прогалинке, тесно прижавшись друг к дружке, стояли два малыша в красных шубках, брат и сестра, покинутые и унылые.

— Мама!.. Мама!..

Еще не замер их горестный крик, когда перед ними предстал Бемби.

Робко уставились малыши на пришельца.

— У матери нет сейчас времени для вас,— строго сказал Бемби. Он заглянул в глаза маленькому: — Ты что же, не можешь быть один? Стыдись!

Малыш и его сестренка испуганно молчали.

Бемби повернулся и исчез в заросли орешника.

«Малыш нравится мне,— думал он с нежностью, бесшумно скользя сквозь рослые травы, кустарник и бурелом.— Мы еще встретимся с ним, когда он подрастет... И маленькая тоже очень мила. Она похожа на Фалину, когда та была девочкой...»

Он шел все дальше и дальше, и сумеречная глубина леса поглотила его.

СОДЕРЖАНИЕ

Редьярд КИПЛИНГ

Маугли (*Перевод с английского Н. Дару-зес*) 5

Рикки-Тикки-Тави (*Перевод К. Чуковского; перевод стихотворений С. Маршака*) 121

Белый котик (*Перевод И. Комаровой*) 137

Кошка, гулявшая сама по себе (*Перевод К. Чуковского*) 157

Феликс ЗАЛЬТЕН

Бемби (*Пересказ с немецкого Ю. Нагибина*) . . . 169

Литературно-художественное издание

Для младшего школьного возраста

КИПЛИНГ Редьярд

Маугли

Рикки-Тикки-Тави

Белый котик

**Кошка, гулявшая
сама по себе**

Сказки

ЗАЛЬТЕН Феликс

Бемби

Лесная сказка

Ответственная за выпуск **К. Е. Кулинская**

Художественный редактор **Р. С. Климов**

Технический редактор **С. И. Соколова**

Корректоры **В. В. Аверина, В. А. Фокина**

ИБ № 1064

Сдано в набор 4.06.92 г. Подписано в печать 17.07.92 г. Формат 60×90/16. Бум. офсетная. Гарнитура литературная. Офсет. Усл. печ. л. 16,0. Усл. кр.-отт. 19,58. Уч.-изд. л. 18,33. Тираж 200 000 экз. (3-й завод: 100001—200000 экз.). Заказ 1602. Цена договорная.

Северо-Западное книжное издательство.

Вологодское отделение.

160000, г. Вологда, ул. Урицкого, 2

ВППО. Областная типография.

160001, г. Вологда, ул. Челюскинцев, 3.

Созданием файла в формате DjVu
занимался ewgeniy-new
(апрель 2015)